

*MASTER
NEGATIVE
NO. 91-80054-5*

MICROFILMED 1993

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES/NEW YORK

as part of the
"Foundations of Western Civilization Preservation Project"

Funded by the
NATIONAL ENDOWMENT FOR THE HUMANITIES

Reproductions may not be made without permission from
Columbia University Library

COPYRIGHT STATEMENT

The copyright law of the United States - Title 17, United States Code - concerns the making of photocopies or other reproductions of copyrighted material.

Under certain conditions specified in the law, libraries and archives are authorized to furnish a photocopy or other reproduction. One of these specified conditions is that the photocopy or other reproduction is not to be "used for any purpose other than private study, scholarship, or research." If a user makes a request for, or later uses, a photocopy or reproduction for purposes in excess of "fair use," that user may be liable for copyright infringement.

This institution reserves the right to refuse to accept a copy order if, in its judgement, fulfillment of the order would involve violation of the copyright law.

AUTHOR:

ANTONII, ...

TITLE:

**IZ ISTORII
KHRISTIANSKOI...**

PLACE:

S.-PETERBURG

DATE:

1895

Master Negative #

91-80054-5

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

935.4
An88

Antoniĭ, metropolitan of St.-Petersburg and
Ladoga, 1846-1912.

Изъ исторіи христіанской проповѣди: очерки и
изслѣдованія Антонія, архіепископа Финляндскаго
и Выборгскаго. Издание второе. С.-Петербургъ,
типографія А. Л. Катанскаго и Ко., 1895.
viii, p., 391 p. 21 $\frac{1}{2}$ cm.

Title transliterated: Iz istorii khristian-
skoĭ propovĭedi.

12961

Restrictions on Use:

TECHNICAL MICROFORM DATA

FILM SIZE: 35mm

REDUCTION RATIO: 1x

IMAGE PLACEMENT: IA IIA IB IIB

DATE FILMED: 5/23/91

INITIALS R/c

FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

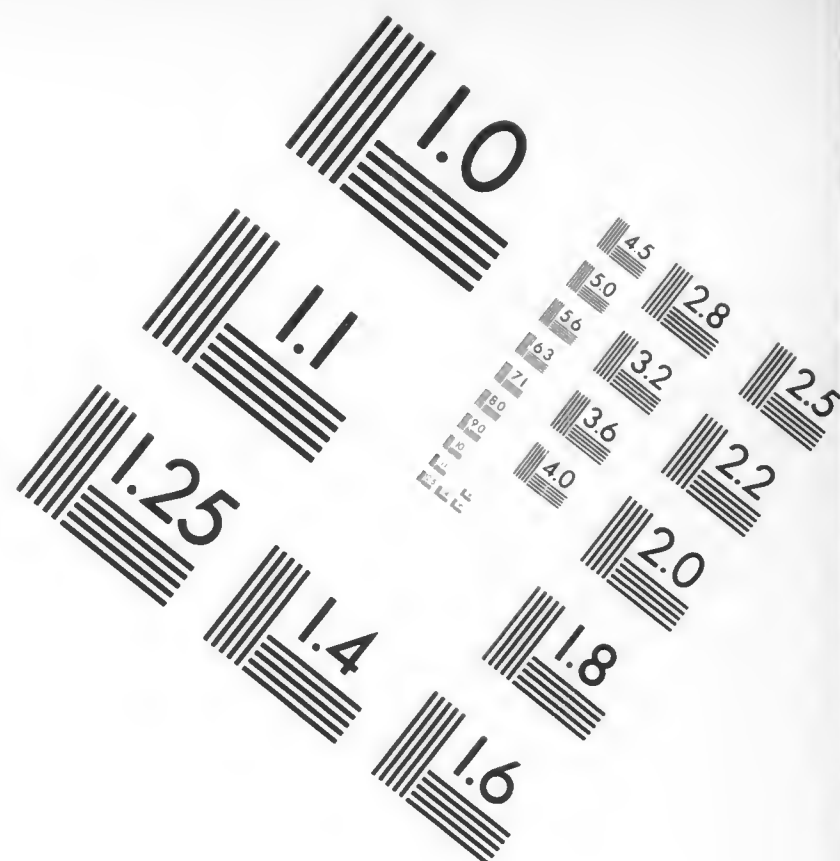
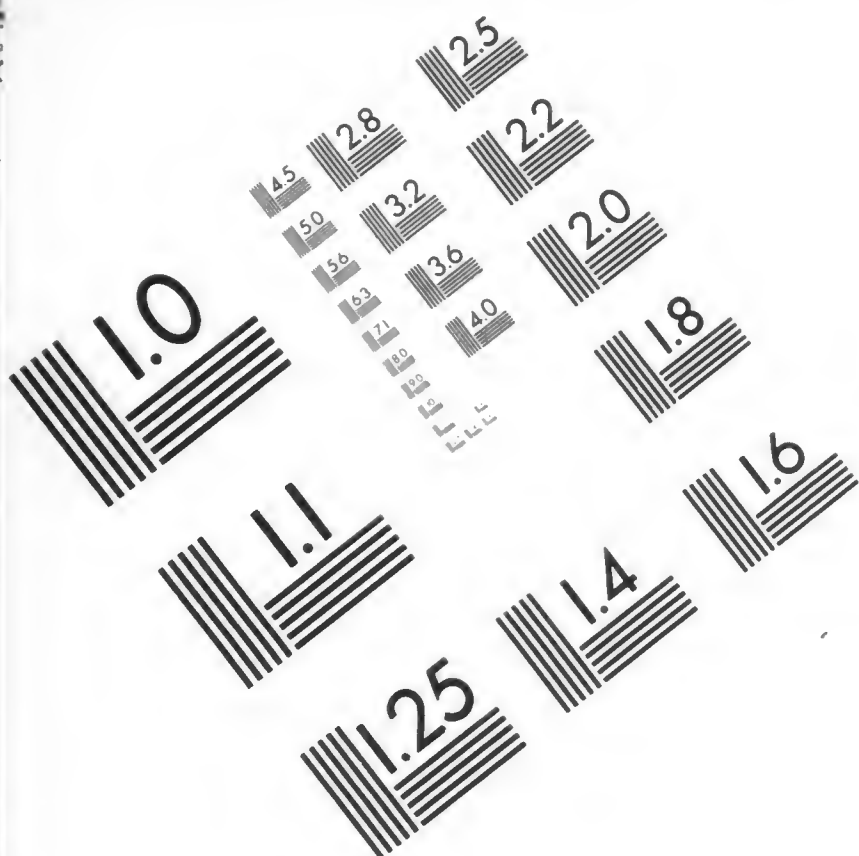

AIIM

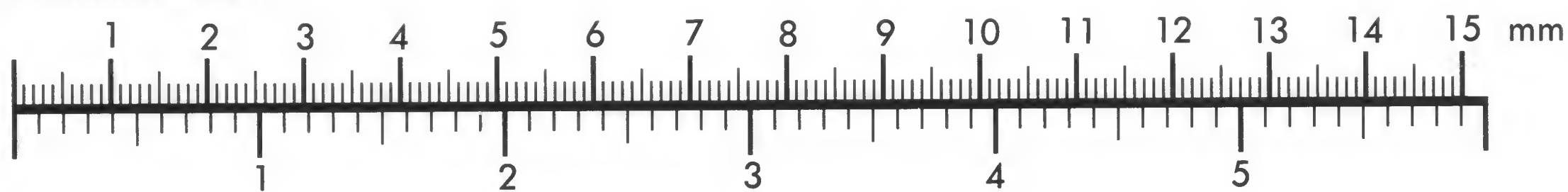
Association for Information and Image Management

1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910

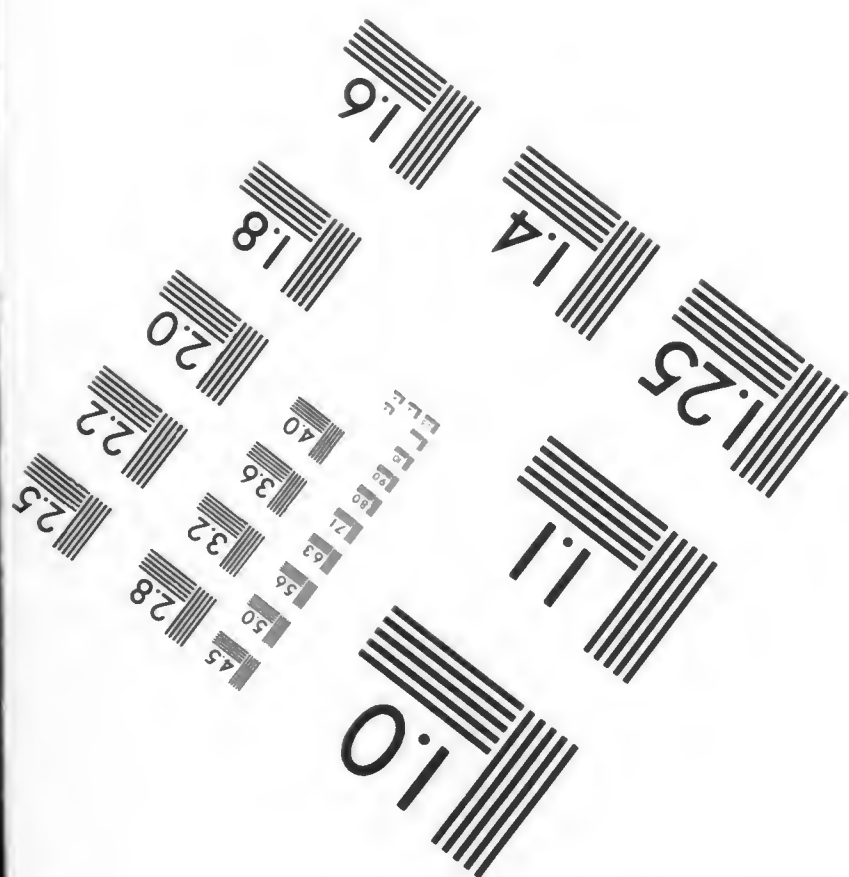
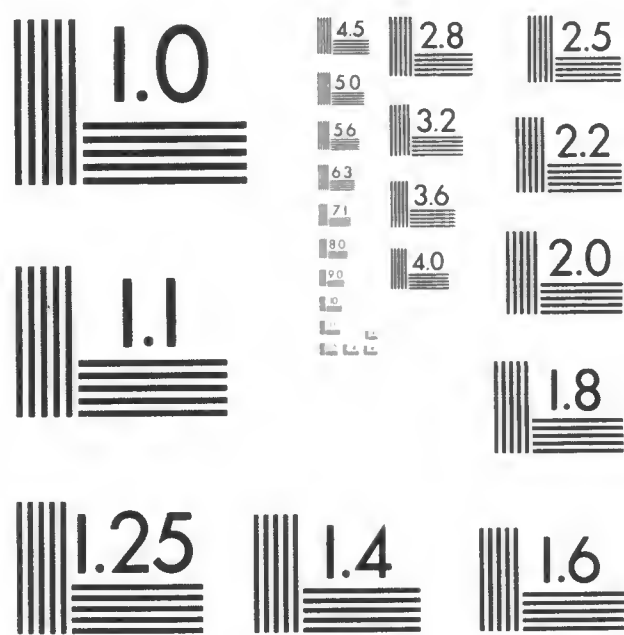
301/587-8202

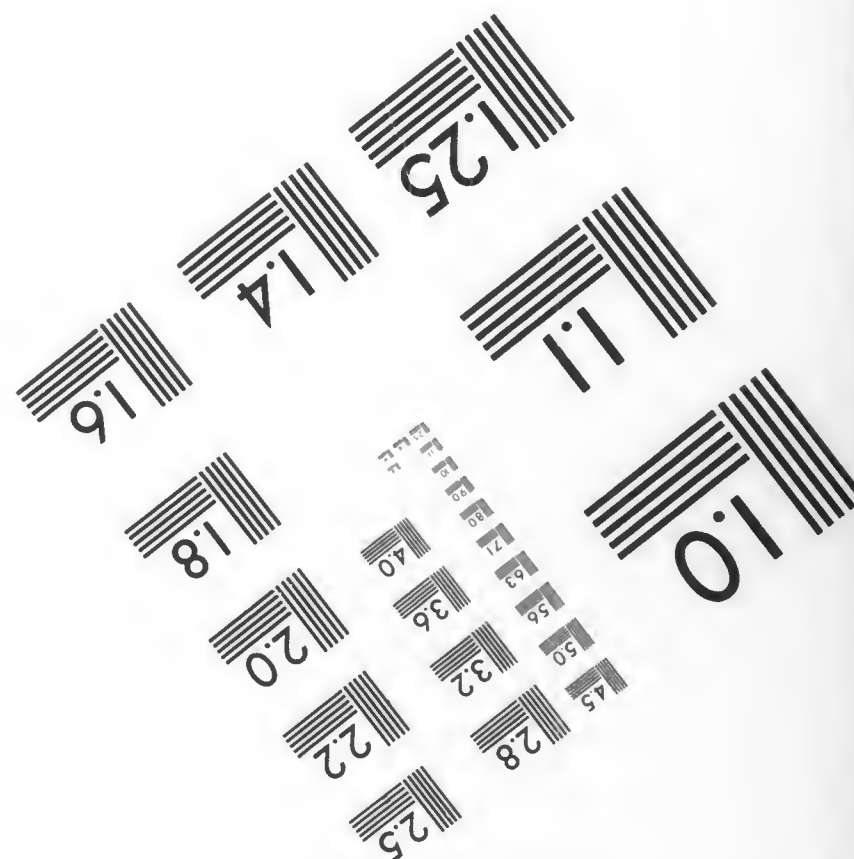
Centimeter

Inches

MANUFACTURED TO AIIM STANDARDS
BY APPLIED IMAGE, INC.

2 -

Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

ИЗЪ ИСТОРИИ
ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВѢДИ.

ОЧЕРКИ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ

Антонія Архіепископа Финляндскаго и Выборгскаго.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. Д. Катанскаго и К^о. Невскій пр., д. № 132.
1895.

935.4
An88

38-36278

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 25 января 1894 года.

Цензоръ Архимандритъ Василій.

38-36278 Oct. 7, 1941 OF.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	V
I. Изъ исторіи древней христіанской проповѣди.	
Проповѣдь апостольская	3
Проповѣдь мужей апостольскихъ	32
Св. Василій Великій, его жизнь и проповѣдни- ческіе труды	42
Бесѣды на Шестодневъ	58
Бесѣды на псалмы	75
Слова на разные случаи	94
II. Изъ исторіи древне-болгарской проповѣди.	
Константинъ, епископъ болгарскій и его Учитель- ное Евангеліе	137
I. Біографическія свѣдѣнія о Константинѣ и исто- рико-библіографическій обзоръ литературныхъ замѣ- токъ и изслѣдованій, относящихся къ его Учитель- ному Евангелію	137
II. Составъ Учительнаго Евангелія Константина. Отношеніе къ греческимъ источникамъ заключаю- щихся въ немъ бесѣдъ и краткая ихъ характеристика.	159
III. Нѣкоторыя изъ бесѣдъ Учительнаго Евангелія Константина въ параллели съ подлиннымъ текстомъ греческихъ сокращеній отеческихъ толкованій. . . .	178
IV. Мѣсто Учительнаго Евангелія епископа Констан- тина въ исторіи славяно-русскаго проповѣдничества.	266
III. Изъ исторіи древне-русской проповѣди.	
Такъ называемыя поученія Θεодосія Печерскаго къ народу русскому	275
Древне-русская проповѣдь и проповѣдники въ періодъ до-монгольскій	297
О поученіяхъ Фотія, митрополита кіевскаго и всея Руси	332
Гомилетика Іоанникія Голятовскаго, въ связи съ характеристикою южно-русской схоластической про- повѣди	367

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемыя вниманію читателей очерки и изслѣдованія изъ исторіи христіанскаго проповѣдничества отдѣльною книгою были напечатаны мною въ первый разъ въ 1892 году. Предполагая, что они могутъ быть интересны только для спеціалистовъ, я напечаталъ ихъ въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ (400). Но всѣ они сверхъ моего ожиданія разошлись въ теченіи одного года, и требованія на нихъ не прекращались доселѣ. Это побудило меня напечатать ихъ вновь настоящимъ вторымъ изданіемъ.

Ранѣе же изданія отдѣльною книгою, почти всѣ эти очерки и изслѣдованія въ свое время были напечатаны въ разныхъ духовныхъ журналахъ, преимущественно же въ «Православномъ Собесѣдникѣ», издаваемомъ при Казанской духовной академіи. Всѣ они были составлены мной и напечатаны за время моей преподавательской дѣятельности при Казанской духовной академіи съ 1870 по 1885-й учебный годъ. Большинство изъ нихъ относится къ исторіи славяно-русскаго проповѣдничества. Избранный въ октябрѣ 1870 г. Совѣтомъ Академіи преподавателемъ такого обширнаго предмета, какъ исторія христіанскаго проповѣдничества, и притомъ предмета въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ тогда новаго, я не сразу нашелъ въ немъ мѣсто, на которомъ могъ бы остановить свое особенное вниманіе. Но обстоятельства

сложились такъ, что я скоро почти всецѣло сосредоточился на изученіи славяно-русскаго проповѣдничества по источникамъ рукописнымъ. Это была для меня область совершенно новая, но тѣмъ болѣе заманчивая и увлекательная и далеко притомъ не легкая. Въ первый разъ я сталъ знакомиться съ рукописною нашею древне-русскою письменностію при обслѣдованіи источниковъ поученій митрополита Фотія. Затѣмъ, когда послѣ ревизіи Академіи въ октябрѣ 1874 года покойнымъ при-снопамятнымъ московскимъ митрополитомъ Макаріемъ, тогда еще литовскимъ архіепископомъ, по его ходатайству отпущены были изъ суммъ Святѣйшаго Синода деньги на расходы по описанію рукописей Соловецкой библіотеки и составлена была въ Академіи для работъ по описанію особая коммиссія, то въ эту коммиссію привлеченъ былъ и я. Это обстоятельство на многіе годы погрузило меня безраздѣльно въ область нашей рукописной литературы и ея первоисточниковъ. Мнѣ пришлось работать по своей специальности исключительно для перваго выпуска Описанія и почти цѣлая треть этого обширнаго тома принадлежитъ мнѣ. Такъ мною описаны: Огласительныя и Тайноводственныя слова св. Кирилла Іерусалимскаго (№ 168 Описанія), Постническія слова св. Василия Великаго (№№ 169, 170 и 171), Андріатисъ, т. е. бесѣды св. Іоанна Златоуста къ антioxійскому народу по случаю низверженія царскихъ статуй (№ 180), св. Григорія Двоеслова собесѣдованія о жизни италійскихъ отцовъ и о безсмертіи души (№№ 244, 245 и 246), его же бесѣды на Евангелія (№ 247), Огласительныя поученія Θεодора Студита (№ 269), древне-русскіе проповѣдническіе сборники: Измарагдъ (№№ 359, 360 и 361), Златоустъ (№№ 362, 363 и 364), Торжественникъ (№№ 365, 366, 367, 368, 369 и 370), Воскресное Толковое Евангеліе (№№ 371,

372 и 373) и нѣсколько другихъ рукописей истолковательнаго, гомилетическаго и смѣшаннаго характера. Не могу не упомянуть здѣсь еще о слѣдующемъ обстоятельстве. Въ августѣ 1876 г. въ самый разгаръ русскаго добровольческаго движенія въ Сербію Казань посѣтилъ членъ С.-Петербургскаго Славянскаго Общества А. В. Васильевъ. Названное движеніе и бесѣда съ г. Васильевымъ не могли не вызвать во мнѣ самаго горячаго сочувствія славянофильству вообще и я тогда же рѣшился заняться изученіемъ древне-болгарской проповѣднической литературы по рукописнымъ же источникамъ. При занятіяхъ описаніемъ рукописей это изученіе, весьма трудное по совершенной своей новизнѣ, не могло идти быстро. Но по мѣрѣ моего большаго и большаго знакомства съ предметомъ, у меня назрѣвалъ и планъ осуществленія своей работы. Я хотѣлъ сдѣлать три выпуска по исторіи древне-болгарской проповѣднической литературы. Въ первомъ предполагалъ я обслѣдовать проповѣди Климента «словѣньскаго» ¹⁾, во второмъ—Константина, епископа болгарскаго, и въ третьемъ—Іоанна, экзарха болгарскаго. Выпускъ съ изслѣдованіемъ проповѣдей Константина епископа, и то не вполне законченный, я сдѣлалъ въ 1885 году предъ отправленіемъ своимъ на должность инспектора С.-Петербургской духовной академіи, гдѣ я долженъ былъ преподавать другой предметъ, изъ Климента же «словѣньскаго» напечаталъ только нѣсколько неизданныхъ его проповѣдей отчасти по рукописямъ Соловецкой библіотеки, отчасти же по хранящимся въ Румянцевскомъ музеѣ бумагамъ покойнаго Ундольскаго, съ краткимъ къ нимъ моимъ предисловіемъ, въ III-мъ томѣ Православнаго Собесѣд-

¹⁾ Такъ называется онъ въ рукописяхъ.

ника за 1881 годъ. Въ этомъ предисловіи мною кратко рассказана исторія открытія поученій Климента.

Таковы обстоятельства, приведшія меня къ спеціальнымъ занятіямъ въ области славяно-русскаго проповѣдничества и опредѣлившія собою характеръ и направленіе моихъ литературныхъ работъ за время моей профессорской службы при Казанской духовной академіи. Потеря всей семьи въ 1882 г. и принятіе монашества въ 1883 г. дали совершенно новое направленіе и моей жизни и моей дѣятельности. Я долженъ былъ прекратить занятія въ привычной для меня области, и не знаю, судить ли когда мнѣ Богъ къ нимъ снова возвратиться, чтобы хотя закончить задуманное и неоконченное. Но будущее намъ неизвѣстно, а въ прошедшемъ отдавать себѣ по временамъ отчетъ не бесполезно. Отчасти по этой, отчасти же и по указанной въ началѣ предисловія причинѣ мои «очерки и изслѣдованія» являются въ свѣтъ вторымъ изданіемъ.

Архіепископъ Антоній.

1894. Декабря 3.

I.

ИЗЪ ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВѢДИ.

Проповѣдь апостольская ¹⁾.

Въ исторіи христіанскаго проповѣдничества проповѣдь св. апостоловъ занимаетъ положеніе исключительное, подобнаго которому не представляетъ послѣдующая исторія христіанской церковно-общественной проповѣди. Особенность эта заключается и въ задачѣ проповѣди св. апостоловъ и въ тѣхъ чрезвычайныхъ проповѣдническихъ средствахъ, какими они обладали. Существенную задачу проповѣди, какъ одного изъ главнѣйшихъ отправленій пастырскаго служенія въ Церкви Христовой, составляетъ раскрытіе и уясненіе въ сознаніи вѣрующихъ истинъ христіанской религіи, какъ ученія Богооткровеннаго, а также направленіе и самой жизни христіанъ сообразно этому ученію. Главною же задачею проповѣди апостольской было распространеніе вѣры христіанской между невѣрующими, іудеями и язычниками, во всемъ мірѣ, по заповѣди Самого Господа: *идите по всему міру и проповѣдуйте Евангеліе всей твари. Вы будете Мнѣ свидѣтелями въ Іерусалимѣ и во всей Іудеѣ и Самаріи и даже до края земли* (Марк. XVI, 15. Дѣян. I, 8). Такимъ образомъ проповѣдь св. апостоловъ имѣла по преимуществу характеръ миссіонерскій. Для сужденій о свойствахъ этой проповѣди, произносившейся предъ обществомъ невѣрующихъ, іудеевъ и язычниковъ, мы имѣемъ нѣсколько рѣчей, принадлежащихъ первовер-

¹⁾ Напечат. въ январск. кн. Странника за 1884 г.

ховнымъ апостоламъ Петру и Павлу и записанныхъ въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ ¹⁾).

Но рядомъ съ миссіонерскою проповѣдію въ проповѣднической дѣятельности св. апостоловъ имѣла мѣсто и проповѣдь ихъ предъ обществомъ новообращенныхъ христіанъ, которую можно назвать апостольскою гомиліею ²⁾. Проповѣдь эта составляетъ существенное дополнение и какъ бы продолженіе проповѣди миссіонерской. Насажденную вѣру необходимо утверждать, возращать и вѣдрять въ сердцахъ вѣрующихъ, что можетъ достигаться только при посредствѣ слова, проповѣди. Памятниковъ апостольской гомиліи, т. е. проповѣди въ богослужебныхъ собраніяхъ предъ обществомъ вѣрующихъ, не сохранилось до насъ, но о содержаніи и свойствахъ ея мы можемъ судить отчасти на основаніи нѣкоторыхъ указаній книги Дѣяній апостольскихъ, главнымъ же образомъ на основаніи посланій апостольскихъ и между ними преимущественно посланій апостола Павла ³⁾. Съ этой стороны проповѣдь апостольская по своимъ задачамъ и цѣлямъ совершенно тождественна съ церковною проповѣдію и всѣхъ послѣдующихъ временъ. Но зато какое неизмѣримое различіе въ самомъ положеніи проповѣдниковъ и въ ихъ проповѣдническихъ средствахъ!.. Апостолы были чрезвычайные проповѣдники, непосредственные ученики и очевидцы Самого Господа. Они обладали также и чрезвычайными проповѣдническими средствами, находясь подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ даровъ Св. Духа, обильно излившихся

¹⁾ Рѣчи эти подробно разобраны проф. Пѣвницкимъ въ статьѣ: Рѣчи св. апостоловъ, какъ образецъ пастырскаго собесѣдованія съ народомъ. См. Руков. для сел. паст. за 1874 г.

²⁾ Такъ называется апостольскую проповѣдь предъ обществомъ вѣрующихъ Probst. Lehre und Gebet in d. drei erst. Jahrhund. Tübingh. 1872.

³⁾ См. ст. Пѣвницкаго: Проповѣдь въ первенствующей церкви христіанской. Труд. К. Д. Ак. 1875 г. т. 2.

на нихъ въ день Пятидесятницы. Ни одинъ изъ послѣдующихъ проповѣдниковъ церкви христіанской не находился въ такихъ исключительныхъ условіяхъ. Духъ Святый, исполнившій апостоловъ силы и дерзновенія, вдохновлялъ ихъ, уяснялъ и напоминалъ имъ ученіе Самого Господа Іисуса (Іоан. XIV, 26), о Которомъ они проповѣдывали и вѣру въ Котораго распространяли. Они, по ихъ собственнымъ словамъ, возвѣщали міру только то, что слышали и приняли отъ Него. *Что мы слышали, что видѣли своими очами, что разсматривали, и что осязали руки наши, о Словѣ жизни, о томъ возвѣщаемъ вамъ*, писалъ апостолъ Іоаннъ (1 Посл. I, 1—3). Такимъ образомъ ученіе апостоловъ было не только продолженіемъ ученія Самого Іисуса Христа, но оно было какъ бы собственное божественное слово Спасителя, только возвѣщаемое чрезъ посредство учениковъ. Поэтому-то проповѣдь ихъ, какъ и проповѣдь Господа, не можетъ подлежать подробному и всестороннему изученію исторіи проповѣдничества, составляя, какъ ученіе богодухновенное, основаніе церковной проповѣди, предметъ, который она должна раскрывать и уяснять въ сознаніи вѣрующихъ. На этомъ основаніи нѣкоторые историки проповѣднической литературы совершенно исключаютъ ее изъ общей системы исторіи проповѣдничества и начинаютъ эту послѣднюю только съ Оригена, гомиліи котораго составляютъ первый несомнѣнный памятникъ церковнаго проповѣдничества, сохранившійся до насъ изъ христіанской древности ¹⁾. Такой пріемъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вполне справедливый, отзывается тѣмъ не менѣе излишнею крайностію. При всей своей исключительности проповѣдь апостольская въ своемъ положеніи и обстановкѣ имѣетъ нѣкоторыя

¹⁾ Haup. Lentz. Geschichte der christl. Homiletik. Sp. August Denkwürdigkeiten... B. VI, S. 267.

стороны, одинаково присущія какъ ей, такъ и церковной проповѣди всѣхъ другихъ вѣковъ христіанства, и дающія потому право вводить и ее, а равно и проповѣдь Спасителя, въ курсы исторіи гомилетики, какъ это и дѣлаютъ нѣкоторые, напр. Паниль и Шмидъ ¹⁾. Такія общія свойства проповѣди суть: публичность и происходящее отсюда извѣстное отношеніе проповѣдника къ слушателямъ, способъ доказательства религіозныхъ истинъ, входящихъ въ составъ проповѣди, отношеніе проповѣди къ св. Писанію, проповѣдника къ проповѣдуемому ученію и т. п. По отношенію къ апостольской проповѣди разсмотрѣніе и изученіе всѣхъ этихъ свойствъ, съ непосредственно вытекающими изъ нихъ теоретическими выводами, приобрѣтаетъ наибольшую важность именно въ силу ея исключительнаго положенія. Апостолы въ своей проповѣднической дѣятельности находились подъ непосредственнымъ водительство́мъ Св. Духа. Слѣдовательно, изученіе путей, по которымъ направлялась ихъ проповѣдь, изученіе ихъ проповѣдническихъ приемовъ вообще потому и важно, что, какъ плодъ Духа, всѣ возможные, могущіе вытекать изъ этого изученія, выводы должны имѣть для насъ силу и значеніе непреложныхъ законовъ.

Для полученія нѣкоторыхъ изъ этихъ выводовъ, имѣющихъ значеніе основныхъ теоретическихъ правилъ проповѣдничества, мы не будемъ входить ни въ подробное изученіе миссіонерскихъ рѣчей св. апостоловъ, записанныхъ въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ, ни въ воспроизведеніе содержанія религіозныхъ собесѣдованій апостоловъ въ богослужебныхъ собраніяхъ первенствующихъ христіанъ ²⁾. Мы обратимъ свое исключительное

¹⁾ Paniel Pragm. Gesch. d. christl. Beredsamk. u. Homil. Leipz. 1839, B. 1. S. W. Schmid. Anleitung z. popul. Kanzelvortrage. Iena 1789. Th. III.

²⁾ Предметъ этотъ достаточно исчерпанъ въ поцитованныхъ уже двухъ ст. проф. Пѣвничаго.

вниманіе только на конечный результатъ проповѣднической дѣятельности св. апостоловъ вообще.

Съ этой точки зрѣнія въ исторіи проповѣди апостольской насъ поражаетъ преимущественно необычайный успѣхъ этой проповѣди, ея могучее дѣйствіе на слушателей и, какъ непосредственное слѣдствіе всего этого, неимоверная быстрота ея распространенія. Уже первыя двѣ простыя и безыскусственныя рѣчи апостола Петра привлекли къ вѣрѣ Христовой до восьми тысячъ послѣдователей. Вообще конечный плодъ проповѣди апостольской былъ однимъ изъ величайшихъ событій въ исторіи христіанства. Небольшое число проповѣдниковъ, *малое стадо* (Лук. XII, 32) учениковъ Господа, люди простые и некнижные покоряютъ міръ своей проповѣди, не употребляя для этого никакихъ другихъ средствъ, кромѣ своего простого и безыскусственного слова. Событіе поистинѣ чрезвычайное... Отъ чего же зависѣла такая безпримѣрная дѣйственность и сила проповѣди св. апостоловъ?.. Вопросъ этотъ, возникающій самъ собою, естественно вызываетъ на размышленіе о причинахъ быстрого распространенія проповѣди апостольской и ея изумительнаго вліянія на слушателей. Изученіе этихъ причинъ можетъ дать руководительныя начала и для нашей проповѣднической практики.

Причины эти двоякаго рода: внѣшнія, заключавшіяся въ нѣкоторыхъ благопріятныхъ историческихъ обстоятельствахъ, и внутреннія, состоявшія, съ одной стороны, въ характерѣ самаго христіанскаго ученія и въ его отношеніи къ міросозерцанію и жизненному строю древняго міра, съ другой—въ личномъ характерѣ самихъ проповѣдниковъ и въ отношеніяхъ ихъ къ слушателямъ и проповѣдуемому ими ученію ¹⁾.

¹⁾ Для нашей цѣли имѣютъ конечно особенно важное значеніе эти послѣднія причины, но для полноты очерка мы кратко касаемся и первыхъ.

Къ историческимъ обстоятельствамъ, благопріятствовавшимъ и содѣйствовавшимъ быстрому распространенію апостольской проповѣди, слѣдуетъ отнести: разсѣяніе іудеевъ съ ихъ синагогами почти по всей тогдашней вселенной и политическое объединеніе древняго міра подъ владычествомъ римлянъ.

Іудеи, какъ извѣстно, предъ пришествіемъ Искупителя потеряли всякую политическую самостоятельность. Рядъ бѣдствій этого народа начинается завоеваніемъ израильскаго царства ассирианами, потомъ царства іудейскаго вавилонянами, разрушеніемъ іерусалимскаго храма и отведеніемъ самихъ іудеевъ плѣнниками въ Вавилонъ. Здѣсь, подъ тяжелымъ игомъ иноплеменниковъ, оторванные отъ своего отечества и храма и лишенные возможности совершать свое богослуженіе, іудеи жили только надеждою на предвозвѣщенное пророкомъ освобожденіе отъ плѣна. Когда же это желанное освобожденіе настало, народъ іудейскій, испытавшій горькія послѣдствія неповиновенія Іеговѣ, обнаружилъ особенную ревность къ возстановленію истиннаго Богопочтенія и къ исполненію закона Божія. Для наученія въ немъ со времени Ездры и Нееміи утвердился обычай читать его народу публично и чтеніе сопровождать объясненіями. Обычай этотъ, вмѣстѣ съ частными благочестивыми собраніями, начало которыхъ положено было во времена плѣна вавилонскаго, послужилъ основаніемъ для такъ называемыхъ синагогъ. Это были религіозныя собранія народа въ день субботній, въ которыхъ приносились молитвы къ Богу и предлагалось чтеніе изъ закона и пророковъ, сопровождавшееся объясненіями. Предъ пришествіемъ Спасителя синагоги были почти въ каждомъ мѣстечкѣ и городѣ, гдѣ только жили іудеи. Благодаря тому обстоятельству, что въ нихъ позволя-

¹⁾ Библ. ист. Филарета, стр. 341. Изд. десятое.

лось съ словомъ наставленія выступать всякому, кто чувствовалъ себя способнымъ и достаточно къ тому подготовленнымъ, синагоги своимъ существованіемъ доставляли весьма благопріятныя условія для распространенія ученія христіанскаго. Когда въ нихъ являлось какое-нибудь новое лицо, или приходили чужестранцы—конечно іудеи же, то начальники синагоги обыкновенно предлагали говорить имъ, если было у нихъ слово наставленія. Этимъ преимуществомъ не разъ приходилось пользоваться апостоламъ. Въ силу этого синагоги сдѣлались исходнымъ пунктомъ, начальнымъ мѣстомъ, гдѣ они свободно сѣяли сѣмена своего ученія. Примѣръ Самого Іисуса Христа предшествовалъ такому ихъ обычаю. По повѣствованію евангелиста Луки, Господь, послѣ искушенія Своего отъ діавола въ пустынь, выступилъ на общественное поприще Своего служенія и, явившись въ силѣ духа въ Галилею, началъ учить народъ въ синагогахъ. Здѣсь же подробно разсказывается о посѣщеніи Имъ синагоги назаретской. *И пришелъ, говоритъ Евангелистъ, въ Назаретъ, гдѣ былъ воспитанъ, и вошелъ, по обыкновенію Своему, въ день субботній въ синагогу и всталъ читать. Ему подали книгу пророка Ісаи; и Онъ, раскрывъ книгу, нашелъ мѣсто, гдѣ было написано: Духъ Господень на Мнѣ и проч... И закрывъ книгу и отдавъ служителю, сплъ; и глаза всехъ въ синагогѣ были устремлены на Него. И Онъ началъ говорить имъ: нынѣ исполнилось писаніе сіе, слышанное вами* (Лук. IV, 14—21). Этотъ разсказъ Евангелиста показываетъ, что проповѣдывать въ синагогахъ было однимъ изъ постоянныхъ обычаевъ Господа. И вошелъ, говорится, *по обыкновенію Своему* въ синагогу и всталъ читать. По примѣру Господа, давшаго въ Своей жизни образецъ для Своихъ послѣдователей, по которому они должны поступать, апостолы также начинали свою проповѣдь

обыкновенно въ синагогахъ. Это съ особенною ясностію можно прослѣдить въ исторіи проповѣднической дѣятельности св. апостола Павла. Вотъ одинъ изъ множества наиболѣе выразительныхъ случаевъ всемірной дѣятельности этого Апостола. Павелъ и Варнава приходятъ въ Антиохію Писидійскую и по обычаю въ день субботній являются въ синагогу. Послѣ чтенія закона и пророковъ начальники синагоги послали сказать имъ: «мужи-братья! если у васъ есть слово наставленія къ братіи, говорите». Воспользовавшись этимъ приглашеніемъ, Павелъ всталъ и въ продолжительной бесѣдѣ доказывалъ собранію, что пророчества о Мессіи исполнились на Іисусѣ Назарянинѣ. Въ слѣдующую субботу уже почти весь городъ собрался слушать проповѣдниковъ, которые такимъ образомъ приобрѣтаютъ себѣ множество послѣдователей, образующихъ общество христіанское (Дѣян. XIII, 15—49). Тоже самое было и въ другихъ мѣстахъ, посѣщенныхъ апостоломъ: въ Иконіи, Филиппахъ, Солунѣ, Веріи, Коринѣ и др. Вездѣ проповѣдь христіанская возвѣщалась сначала въ синагогахъ и потомъ уже распространялась въ различныхъ классахъ общества, когда двери синагоги затворялись для новыхъ проповѣдниковъ ревнивыми къ своей вѣрѣ іудеями. Такимъ образомъ во множествѣ синагогъ, имѣвшихъ повсюду, гдѣ жили іудеи, разсѣянные по всей Римской имперіи, апостолы имѣли весьма важныя и полезныя мѣста для плодотворнаго примѣненія своей проповѣднической дѣятельности и успѣшнаго распространенія вѣры христіанской.

Другое обстоятельство, содѣйствовавшее быстрому распространенію проповѣди апостольской и даже обусловливавшее собою значеніе перваго, было политическое объединеніе древняго міра подъ владычествомъ римлянъ. Въ этомъ отношеніи большую услугу оказала

на первыхъ порахъ для миссіонерскихъ цѣлей св. апостоловъ сравнительно широкая вѣротерпимость римскаго правительства. Покоривши вселенную, Римъ собралъ въ знаменитомъ пантеонѣ всѣ божества завоеванныхъ имъ странъ и сосредоточилъ въ себѣ всѣ религіозныя культы подвластныхъ ему народовъ. Благодаря этой вѣротерпимости, или вѣрнѣе религіозному индиферентизму, апостолы свободно могли переходить изъ города въ городъ съ своею проповѣдію, нигдѣ въ первое время своей дѣятельности не встрѣчая препятствія со стороны правительства. Религіозная нетерпимость была болѣе свойственна еврейству, чѣмъ римскому политеизму. И дѣйствительно, первая гоненія, которымъ подверглись апостолы, какъ проповѣдники новаго ученія, направлены были на нихъ со стороны іудеевъ, которые, вслѣдствіе ревливой привязанности къ буквѣ Моисеева закона, видѣли въ проповѣдникахъ благодатной свободы развратителей народа и нарушителей строго охраняемаго ими закона. Что же касается до представителей римскаго правительства, то исторія апостольской проповѣди ясно свидѣтельствуетъ, что они нерѣдко даже сдерживали іудейскій фанатизмъ, или по крайней мѣрѣ не обращали вниманія на жалобы, приносившіяся іудеями. Въ книгѣ Дѣяній апостольскихъ записано нѣсколько фактовъ изъ жизни апостола Павла, подтверждающихъ это. Особенно слѣдуетъ отмѣтить изъ нихъ одинъ наиболѣе выразительный, имѣвшій мѣсто въ Коринѣ. Во время второго своего миссіонерскаго путешествія апостолъ Павелъ оставался годъ и шесть мѣсяцевъ въ Коринѣ, поучая народъ слову Божію. Здѣсь-то «въ проконсульство Галліона въ Ахаіи, іудеи напали единодушно на Павла и привели его предъ судилище, говоря, что онъ учитъ людей чтить Бога не по закону. Когда же Павелъ хотѣлъ открыть уста, чтобы говорить въ свое оправданіе, Галліонъ

сказалъ іудеямъ: Іудеи! если бы какая нибудь была обида, или злой умыселъ, то я имѣлъ бы причину выслушать васъ. Но когда идетъ споръ объ ученіи, и объ именахъ, и о законѣ вашемъ, то разбирайте сами: я не хочу быть судьей въ этомъ. *И прогналъ ихъ отъ судилища»* (Дѣян. XVIII, 11—16). Такое отношеніе къ дѣлу проповѣди апостольской со стороны римскихъ правительственныхъ чиновниковъ было весьма благопріятно для ея безпрепятственного распространенія. Впослѣдствіи, уже почти къ концу проповѣднической дѣятельности св. апостоловъ, измѣнились отношенія римскаго правительства къ христіанамъ. Ихъ стали преслѣдовать какъ оскорбителей боговъ, какъ опасныхъ членовъ государства, какъ ослушниковъ царской власти. Подкладка гоненій была слѣдовательно и религіозная и политическая. Преслѣдованія обрушивались главнымъ образомъ на учителей и распространителей христіанства. Но пока еще не успѣло образоваться такое враждебное отношеніе правительства къ новому религіозному ученію, апостолы свободно переходили съ своею проповѣдію съ мѣста на мѣсто, изъ города въ городъ, и успѣшно распространяли свое ученіе.

Таковы были внѣшнія обстоятельства, способствовавшія быстрому распространенію проповѣди апостольской, возвѣщавшей о Христѣ. Надобно замѣтить впрочемъ, что эти внѣшнія условія въ дѣлѣ распространенія христіанства имѣли болѣе отрицательное, второстепенное и условное, чѣмъ положительное, главное и безусловное значеніе. Безъ нихъ пространственный кругъ проповѣднической дѣятельности св. апостоловъ могъ конечно сократиться до крайне малыхъ предѣловъ; но съ другой стороны и при свободномъ переходѣ съ проповѣдію съ мѣста на мѣсто, обойдя всю вселенную, можно было не приобрѣсти ни одного послѣдователя.

Слѣдовательно, главные причины успѣха и дѣйственности проповѣди апостольской, безъ которыхъ быстрое распространеніе ея было бы немыслимо, заключаются не въ этихъ внѣшнихъ условіяхъ. Ихъ надобно искать въ самомъ содержаніи христіанскаго ученія и въ его отношеніи къ міросозерцанію и жизненному строю древняго міра, а также въ личномъ характерѣ самихъ проповѣдниковъ и въ отношеніяхъ ихъ къ слушателямъ и проповѣдуемому ими ученію.

Когда Іисусъ Христосъ выступилъ на общественное служеніе и началъ проповѣдывать въ синагогахъ іудейскихъ, то, по повѣствованію евангелиста Марка, слушатели его были поражены и необычайностію Его проповѣдническихъ пріемовъ, и неслыханною прежде новостію его ученія, а также и чудодѣйственною Его силою. *И дивились Его ученію*, рассказываетъ Евангелистъ, *ибо Онъ училъ ихъ, какъ власть имѣющій, а не какъ книжники, и спрашивали другъ друга: что это? что это за новое ученіе, что Онъ и духамъ нечистымъ повелѣваетъ со властію, и они повинуются Ему?* (Марк. I, 22 и 27). Такое же самое впечатлѣніе должна была производить на слушателей и проповѣдь апостольская. И если ученіе Христа показалось новостію для іудеевъ, которымъ Онъ проповѣдывалъ, то еще большею новостію оно должно было показаться язычникамъ, которымъ стали проповѣдывать апостолы. Когда апостоль Павелъ въ Аѳинахъ предъ эпикурейскими и стоическими философами началъ возвѣщать объ Іисусѣ и воскресеніи мертвыхъ, то новость его ученія заинтересовала аѳинянъ, которые, по словамъ писателя книги Дѣяній апостольскихъ, охотнѣе всего любили проводить время въ томъ, чтобы говорить или слушать что нибудь новое. Поэтому, *взявъ апостола, они привели его въ ареопагъ и говорили: можемъ ли мы знать, что это за новое ученіе,*

проповѣдуемое тобою? Ибо что-то странное влагаешь ты въ уши наши. Посему хотимъ знать, что это такое? (Дѣян. XVII, 18—21). Христіанское ученіе, какъ Бого-откровенное ученіе, содержащее въ себѣ безусловную, никогда не старѣющую истину, по недостигаемой высотѣ и неизмѣримой глубинѣ своего содержанія, никогда не могущаго быть исчерпаннымъ до конца человѣческимъ пытливымъ разумомъ, безъ сомнѣнія было и всегда будетъ ученіемъ новымъ, особенно въ сравненіи съ мудростію человѣческою, которая въ существенныхъ своихъ основахъ представляетъ постоянное круговращеніе идей болѣею частію однихъ и тѣхъ же. Но по отношенію къ общему состоянію древняго міра оно въ собственномъ смыслѣ было ученіемъ новымъ, котораго тогдашнему человѣчеству прежде никогда не приходилось слышать, и которое должно было сообщить ему новую жизнь и новое направленіе.

Исторія представляетъ намъ состояніе древняго міра предъ пришествіемъ Спасителя самымъ жалкимъ и безотраднымъ. Во всѣхъ сферахъ жизни чувствовалось какое-то безсиліе и изнеможеніе и сознавалась необходимость всецѣлаго обновленія міра. Человѣчество изжилося и извѣрилось, потеряло вѣру и въ свой разумъ и въ силу нравственныхъ началъ. Истина и добро сдѣлались для него одними звуками. Ему стало мниться, что ихъ или вовсе нѣтъ, или, если они существуютъ, то недостижимы для человѣка. Съ потерей же вѣры въ эти великіе свѣтоочи человѣческой жизни, умъ и сердце человѣка лишались естественной точки опоры и въ лучшихъ своихъ стремленіяхъ осуждались на вѣчную и бесплодную работу. Плодомъ такого настроенія въ нравственной жизни должна была явиться крайняя испорченность и развращенность нравовъ, а въ умственной жизни холодное и убійственное для человѣка безвѣріе и от-

чаяніе когда-либо найти истину. Это послѣднее жалкое состояніе ума человѣческаго, послѣ многолѣтнихъ бесплодныхъ опытовъ отчаявшагося когда-либо отыскать истину и потерявшаго вѣру даже въ самое ея существованіе, прекрасно изображается въ рассказѣ евангелиста Іоанна о судебномъ процессѣ надъ Іисусомъ Христомъ въ преторіи Пилата. Предъ Пилатомъ стоялъ Тотъ, Который сказалъ о Себѣ: *Я есмь истина* (Іоан. XIV, 6), и въ Которомъ умственно и нравственно немощное человѣчество должно было найти себѣ успокоеніе. Пилатъ спрашиваетъ Іисуса: *итакъ, Ты Царь?* Іисусъ отвѣчаетъ гордому римлянину, предложившему этотъ вопросъ скорѣе съ ироніею, чѣмъ съ дѣйствительнымъ желаніемъ открыть истину: *да, Я Царь. Только царство Мое не отъ міра сего: если бы оно было отъ міра сего, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не былъ преданъ иудеямъ; но царство Мое не отсюда. Я родился и пришелъ въ міръ для того, чтобы свидѣтельствовать о истинѣ, и всякій, кто отъ истины, послушаетъ гласа Моего. Тогда Пилатъ сказалъ Ему: что есть истина?..* (XVIII, 33—38). Въ этихъ словахъ Пилата, сквозь видимый равнодушный и иронически презрительный тонъ, весьма ясно просвѣчиваетъ отчаянный откликъ языческаго философскаго ума, дошедшаго въ своихъ изысканіяхъ до отрицанія истины или, по крайней мѣрѣ, до сомнѣнія въ ея существованіи. А Истина такъ близка была отъ этого язычника, но онъ не позналъ Ее и вознесъ на крестъ! Но съ высоты креста свѣтомъ Своимъ Она озарила весь міръ.

Еще печальнѣе и безотраднѣе было нравственное состояніе древняго міра, во всей своей неприглядности изображенное св. апостоломъ Павломъ (Римл. I, 19—32). Здѣсь царили преобладаніе плоти надъ духомъ, полное господство грубаго матеріализма и чувственныхъ насла-

жденій, дошедшихъ даже до извращенія естественныхъ потребностей человѣческой природы, такъ что, по апостолу, женщины ихъ (язычниковъ) замѣнили естественное употребленіе противоестественнымъ; подобно и мужчины, оставивъ естественное употребленіе женскаго пола, разжигались похотію другъ на друга, мужчины на мужчинахъ дѣлая срамъ и проч. (ст. 26 и 27). Такое извращеніе естественныхъ потребностей, какъ плодъ крайняго развитія чувственности, свидѣтельствуешь о полномъ упадкѣ чисто человѣческихъ нравственныхъ стремленій, о потерѣ всего того, что отличаетъ человѣка отъ животнаго. Несчастно то человѣческое общество, которое доживаетъ до такого страшнаго состоянія. Безъ вѣры въ Бога, какъ Источника всего истиннаго, добраго и прекраснаго, лишенные возвышеннѣйшихъ, истекающихъ изъ этой вѣры, идеаловъ, пресыщенные въ своей погонѣ за чувственными наслажденіями, полные нравственной пустоты, безысходной скуки и тоски, преслѣдующихъ человѣка при потерѣ имъ высшихъ цѣлей жизни, люди въ такомъ состояніи напоминаютъ собою живыхъ мертвецовъ, или лучше, безцѣльно движущуюся, безобразную, плотскую живую массу, которую оставилъ Духъ Божій ¹⁾. Такое, лишенное нравственныхъ началъ, настроеніе, дающее полный просторъ грубымъ чувственнымъ инстинктамъ, должно было весьма губительно отзываться и на самомъ общественномъ строѣ жизни, зиждущемся на извѣстныхъ взаимныхъ отношеніяхъ людей другъ къ другу. Объ уваженіи человѣка, какъ человѣка, о любви къ ближнимъ, о состраданіи къ бѣднымъ и несчастнымъ тутъ не могло быть и рѣчи. Это слишкомъ высокія понятія для такихъ матеріальныхъ людей, которые самый грубый эгоизмъ въ своемъ сознаніи счи-

¹⁾ «Не имать Духъ Мой пребывать въ человѣцѣхъ сихъ во вѣкъ, зане суть плоть», сказалъ Богъ о предпотопныхъ людяхъ. Быт. VI, 3.

тали законнымъ принципомъ своей жизни. Вотъ почему древняя исторія не могла не оставить на память всѣмъ грядущимъ вѣкамъ такихъ страшныхъ учрежденій, каковы гладиаторство и рабство. Христіанство, отрицающее рабство въ принципѣ, несомнѣнно когда нибудь уничтожить его и въ историческомъ его бытіи во всѣхъ его формахъ и проявленіяхъ.

Понятно, какъ ужасно должно было быть, при такомъ настроеніи общества, положеніе раба въ древнемъ мірѣ. Люди мыслящіе серьезно увѣряли, что рабы совершенно другой породы, чѣмъ люди свободные. Положеніе рабовъ могло бы смягчаться гуманнымъ обращеніемъ съ ними господъ, но въ умственной и нравственной жизни тогдашнихъ людей не было почвы, на которой могло бы вырасти чувство снисхожденія и состраданія къ положенію этихъ несчастныхъ созданій, и они только страдали, и страдали безъ конца и надежды на лучшее будущее. Такое безвыходное положеніе ихъ покоилось не на произволѣ отдѣльныхъ личностей, а освящено было закономъ, и слѣдовательно не могло считаться злоупотребленіемъ и оскорбленіемъ человѣческихъ правъ, и не тревожило ничьей совѣсти. Съ точки зрѣнія закона рабъ не считался за человѣческую личность. «Въ законодательствѣ, въ административныхъ актахъ, въ частныхъ договорахъ и духовныхъ завѣщаніяхъ онъ всегда приравнивался животному или вещи. Рабъ причислялся къ разряду домашняго скота. Онъ былъ движимостію, товаромъ. Въ таможенныхъ за привознаго раба взималась та же пошлина, что и за привозную лошадь или мула. Для него, какъ и для животнаго, не существовало семейства. Онъ могъ быть мужемъ и отцомъ, рабыня могла быть женою и матерію лишь настолько, насколько это было угодно и выгодно господину. Союзъ раба съ рабынею не считался бракомъ.

Рабовладѣльцы дорожили только приплодомъ отъ рабынь, особенно приплодомъ мужескаго пола. Когда господа позволяли двумъ рабамъ жить вмѣстѣ, союзъ ихъ не ограждался закономъ. Законъ даже не признавалъ возможности прелюбодѣянiя между рабами, какъ между животными. Одна и таже раба-женщина могла быть женою двухъ или трехъ рабовъ общаго имъ господина. Римское право не признавало и кровнаго родства между рабами. Только милость господина давала имъ возможность называться отцами, сыновьями, братьями, матерями, сестрами, дочерями. Рождавшiяся при бракѣ дѣти рабовъ считались такимъ же естественнымъ продуктомъ, какъ плоды на деревьяхъ или приплодъ домашняго скота. Въ числѣ будущихъ вещей, которыя могли подлежать залогу, юристы называли плоды висящіе на вѣткахъ, младенца беременной рабыни, овечій приплодъ. Римскія дамы, съ нѣжной заботливостію кормившія цыпленка, презирали младенцевъ, прижитыхъ рабами. Рабовладѣлецъ былъ полнымъ господиномъ надъ тѣломъ своихъ рабовъ и рабынь во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ могъ не только истязать ихъ побоями и казнями, онъ могъ еще ссужать эти тѣла своимъ гостямъ, какъ радужный хозяинъ, могъ ссужать и за деньги для чувственнаго наслажденiя. Въ такомъ безвыходномъ своемъ положеніи рабу оставалось единственное только средство избавиться отъ господина. Средство это—смерть. Сенека говоритъ, что гнѣвъ господъ заставлялъ однихъ рабовъ бѣжать, другихъ—лишать себя жизни. И онъ хвалитъ самоубійство. «Рабство не такъ еще ужасно въ послѣднемъ результатѣ, говоритъ этотъ стоикъ, потому что, тяготясь своимъ господиномъ, можно сразу получить освобожденіе», т. е. «покончить съ жизнью»¹⁾. А далѣе что? Мракъ и неизвѣстность.

¹⁾ Древнее рабство и судьба его въ началѣ нашей эры, ст. Корша. Вѣст. Евр. 1876 г. июнь, стр. 778—780.

Въ этомъ-то мірѣ холоднаго безвѣрія, нравственной распущенности, грубаго матеріализма и господства сильныхъ надъ слабыми, господства, признаваемаго всѣми законнымъ и справедливымъ, апостолы должны были возвѣщать Божественную христіанскую религію, по основнымъ началамъ своего ученiя представляющую совершенную противоположность характеру міровоззрѣній древняго міра. Это было ученіе совершенно новое, дотолѣ неслыханное. Оно должно было обновить всѣ сферы человѣческой жизни и дать ей новый духъ и новое направленіе. Самая эта новость христіанскаго ученiя должна была обратить на него и на проповѣдниковъ его всеобщее вниманіе. Но мало того, что оно было ученіе новое, оно было вмѣстѣ съ тѣмъ ученіе свѣтоносное и животворное. Когда послѣ мрака ночного появляется солнце, и лучи его озаряютъ небосклонъ, или когда послѣ холодной зимы солнечная теплота согреваетъ землю, тогда вся природа оживаетъ, и вся тварь радостно привѣтствуетъ великое небесное свѣтило. Таково же было и дѣйствіе христіанства. Явилось міру Солнце правды, Христосъ Богъ нашъ, и всѣ люди, искавшіе свѣта и жаждавшіе истины, радостно привѣтствовали Его явленіе и послѣдовали Его призыву къ новой жизни. Великій пророкъ Исаія, провидя духомъ такое животворное значеніе христіанства, восторженно говорилъ: «Возстань, свѣтись Іерусалимъ; ибо пришелъ свѣтъ твой, и слава Господня возшла надъ тобою. Ибо вотъ, тьма покроетъ землю, и мракъ народы; а надъ тобою возсіяетъ Господь, и слава Его явится надъ тобою. И придутъ народы къ свѣту твоему и цари къ восходящему надъ тобою сіянію. Возведи очи твои и посмотри вокругъ; всѣ они собираются, идутъ къ тебѣ» (гл. LX, ст. 1—4).

Что же новаго дало міру христіанство, что должно

было привлечь къ нему вниманіе и расположеніе народовъ? Оно сообщило людямъ истинное ученіе о Богѣ и Его отношеніи къ міру и человѣку, о цѣли и назначеніи человѣческой жизни, о взаимныхъ отношеніяхъ людей другъ къ другу и о ихъ будущей судьбѣ. Оно дало ясные, точные и опредѣленные отвѣты на всѣ тѣ вопросы, безплоднымъ рѣшеніемъ которыхъ издавна занимался пытливый человѣческій разумъ. Оно утвердило на незыблемыхъ основахъ нравственность человѣческую, указавъ эти основы въ любви къ Богу крѣпкому и живому, въ любви къ ближнему, какой бы народности и какого бы происхожденія онъ ни былъ, въ самоотверженіи и въ стремленіи къ вѣчной и блаженной духовной жизни въ царствѣ Христовомъ.

Ученіе о Богѣ единомъ, какъ Первопричинѣ всего существующаго, какъ о Творцѣ міра и человѣка, ученіе о грѣхопадении, слѣдствіемъ котораго былъ полный разладъ и разстройство нравственнаго міропорядка и которымъ весьма ясно и точно рѣшался вопросъ о происхожденіи зла въ мірѣ, должны были дать твердую точку опоры для философски настроеннаго ума человѣческаго, изначала стремившагося дать отвѣты на эти важные для него вопросы. Но христіанское ученіе есть ученіе общечеловѣческое. Оно предназначено давать успокоеніе всѣмъ людямъ, а не однимъ только философамъ. Оно представляетъ Бога не въ формѣ философской отвлеченной идеи. Христіанскій Богъ есть Богъ личный, живой, Источникъ жизни и благодати, проникнутый любовію ко всему Своему творенію, въ особенности же къ человѣку, и не оставляющій міра Своимъ промысломъ и попеченіемъ. Онъ есть лювеобильный Отецъ всѣхъ людей, а всѣ люди суть Его дѣти. Для спасенія ихъ и будущаго блаженства Онъ послалъ на землю Своего Единороднаго Сына, Который Своимъ ученіемъ, Своими стра-

даніями и смертію отворилъ для нихъ райскія двери, чтобы каждый вѣрующій въ Него не погибъ, но получилъ жизнь вѣчную. Эти основоположенія христіанскаго ученія, провозвѣстниками котораго были апостолы, своею возвышенною простотою были и всегда будутъ доступны для пониманія всякаго даже и необразованнаго человѣка, въ комъ не умерло и не заглохло естественное стремленіе ума и сердца человѣческаго къ Божеству. Такая проповѣдь должна была вливать въ сердца человѣческія утѣшеніе и давала земной, многострадальной жизни человѣка на землѣ истинный смыслъ и значеніе, какъ времени для приготовленія къ жизни будущей. Въ особенности она должна была быть утѣшительна для бѣднаго класса людей и для рабовъ, несчастныхъ въ настоящемъ и не могшихъ ожидать ничего и въ будущемъ. Они теперь узнали о своемъ человѣческомъ достоинствѣ. Смерть теперь должна была сдѣлаться для нихъ желаннымъ концомъ не потому, что, какъ говорилъ Сенека, она прекращаетъ страданія, а потому, что открываетъ путь къ вѣчной блаженной жизни во Христѣ. Страждущіе и обремененные, которымъ Господь Іисусъ Христосъ обѣщалъ въ Своемъ игѣ душевный покой, въ особенности должны были представлять апостоламъ самую удобную почву для насажденія христіанскихъ истинъ. Апостолы—проповѣдники любви отвѣчали самымъ живымъ и насущнымъ потребностямъ таковыхъ слушателей и затрогивали самыя чувствительныя струны ихъ душевнаго настроенія. Слушатели были угнетены и обременены горемъ и страданіями, апостолы указывали имъ на непродолжительность ихъ бѣдственнаго земного существованія и воспитывали въ нихъ твердое упованіе на ни съ чѣмъ несравнимую по блаженству и счастію жизнь будущую, которая уготована вѣрующимъ во Христа. Они обѣщали имъ такіа блага, ихъ же око не

видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не въздоша; блага эти уготованы любящимъ Господа распятаго (1 Кор. II, 9). Понятно, что, при полнѣйшей неудовлетворенности своихъ человѣческихъ желаній и стремлений въ настоящемъ, такіе слушатели со всею силою и энергіею своего настрадавшагося сердца воспринимали эти утѣшительныя обѣтованія и отдавались всѣмъ существомъ своимъ новымъ проповѣдникамъ, отдавались ихъ ученію съ такимъ самоотверженіемъ, что готовы были претерпѣть самыя сильныя страданія и мученія, отдать даже жизнь свою, лишь бы скорѣе узрѣть Христа и получить тѣ небесныя блага, о которыхъ имъ возвѣщено было учениками любвеобильнаго Господа. При господствѣ эгоистическаго начала въ древнемъ мірѣ, при вѣрѣ въ судьбу, непреодолимый рокъ, безвозвратно распредѣляющій между людьми счастье или несчастье, свободное состояніе или зависимое, богатство или бѣдность, и притомъ такъ, что всякое стремленіе со стороны одного человѣка измѣнить къ лучшему несчастное и бѣдственное положеніе другого считалось святотатственнымъ посягательствомъ на неприкосновенность и неизмѣняемость опредѣленій этого неумолимаго божества ¹⁾, въ жизни царили безсердечіе и полное развитіе людской несправедливости. Рабовъ даже, какъ мы видѣли, не хотѣли считать людьми, а приравнивали ихъ къ безсловеснымъ животнымъ. Новые проповѣдники-апостолы возвѣщали ученіе о всеобщемъ братствѣ и равен-

¹⁾ Изъ слова о любви къ бѣднымъ Григорія Богослова видно, что даже и въ христіанскомъ обществѣ его времени находились люди, не освободившіеся еще въ этомъ отношеніи отъ языческихъ воззрѣній. Они говорили: «Богъ послалъ имъ (бѣднымъ) несчастье, а намъ счастье. И кто я, чтобы смѣлъ нарушить опредѣленіе Божіе и показывать себя милостивѣе Бога. Пусть ихъ томятся, бѣдствуютъ, страдаютъ! Богу такъ угодно» (Творен. Григорія Богослова, русск. пер. изд. I, ч. 2, стр. 34).

ствѣ предъ Богомъ всѣхъ людей безъ различія ихъ званій и состояній, говорили о всеобщемъ судѣ и мздовоздаяніи, гдѣ съ избыткомъ вознаграждены будутъ всѣ здѣшнія незаслуженныя страданія несчастныхъ и угнетенныхъ людей и гдѣ получаютъ должное возмездіе всякое притѣсненіе и всякая людская несправедливость. Тамъ первые могутъ оказаться послѣдними, и послѣдніе первыми, плачущіе утѣшатся, а смѣющіеся восплачутъ. Апостолы далѣе учили о Богѣ, какъ Отцѣ всѣхъ людей. Онъ есть одинъ общій всѣхъ Творецъ и Промыслитель, обо всѣхъ людяхъ одинаково заботится и всѣхъ одинаково любитъ, требуя отъ людей, которые суть Его дѣти, только вѣры и исполненія Своихъ заповѣдей. При такомъ понятіи о Богѣ, какъ Отцѣ всѣхъ людей, съ этой высшей религіозно-нравственной точки зрѣнія, люди должны мыслиться, какъ члены одной великой семьи, какъ равные между собою, какъ братья. Для всѣхъ вѣрующихъ одинаково открыты врата царства небеснаго. Христосъ одинаково умеръ и за богатыхъ и за бѣдныхъ, за мужчинъ и женщинъ, за взрослыхъ и дѣтей. Мѣриломъ достоинства личности съ этой точки зрѣнія должны быть не внѣшнее различіе людей по полу и возрасту, по общественному и имущественному положенію и т. п., а мотивы чисто нравственные вѣра и добродѣтель. Въ царствѣ Христовомъ *нѣтъ различія ни между іудеями и эллинами, ни между рабами и свободными, ни между мужескимъ поломъ и женскимъ; потому что всѣ суть одно во Христѣ Иисусѣ* (Галат. III, 28; Колосс. III, 11); всѣ должны относиться другъ къ другу какъ братья и любить другъ друга, потому что всѣ суть дѣти одного небеснаго Отца. Какъ утѣшительно и привлекательно должно было быть и всегда будетъ такое ученіе, когда жизнь дѣйствительная представляла тогда и всегда представляетъ совершенную противо-

положность этому возвышенному идеалу. «Глубокій переворотъ производило это ученіе въ понятіяхъ и нравахъ греко-римскаго міра; но этотъ переворотъ былъ чисто нравственнаго свойства. Христіанство обращалось къ внутреннему человѣку, а не къ политическимъ или юридическимъ условіямъ его жизни. Признавая духовное равенство людей, оно вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдывало угнетеннымъ покорность и совмѣщеніе внѣшняго рабства съ внутреннимъ просвѣтлѣніемъ, съ внутреннею нравственною свободой, окончательно достигаемою не здѣсь на землѣ, а по ту сторону земной жизни человека. Оно не позволяло рабу насильственно выходить изъ своего положенія, но въ то же время вмѣняло господамъ въ обязанность любить рабовъ, какъ братьевъ, предоставить имъ право на бракъ и семейную жизнь и отпускать ихъ на волю, чтобы заслужить награду въ будущей жизни. Всѣ упованія, всѣ лучшія надежды возникающаго христіанства были обращены именно въ эту сторону. Что значили предъ просвѣтляющей религіозной истиной и вѣчнымъ блаженствомъ нѣсколько десятковъ лѣтъ рабства для невольника или добровольныхъ лишеній для господина? Что значила для преображаемаго новымъ ученіемъ внутренняго человѣка внѣшняя обстановка жизни? Пламенный энтузіазмъ овладѣвалъ умами рабовъ и господъ въ виду великаго новаго ученія, дѣлавшаго ихъ нравственно-равноправными гражданами небеснаго царства» ¹⁾).

Такимъ образомъ въ самомъ характерѣ христіанскаго ученія, провозвѣстниками котораго были апостолы, и въ его отношеніи къ основнымъ воззрѣніямъ древняго міра находились весьма благопріятныя условія для успѣха проповѣди апостольской. Но кромѣ всего этого такому

¹⁾ Цитов. ст. Корша. Вѣст. Евр. 1876 г. іюль, стр. 781.

успѣху ея содѣйствовали главнымъ образомъ самыя личности проповѣдниковъ и ихъ отношеніе къ слушателямъ и проповѣдуемому ими ученію. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи обращаютъ на себя вниманіе необычайная любовь апостоловъ къ своимъ слушателямъ, полное убѣжденіе ихъ въ истинности проповѣдуемаго ими ученія и удивительная гармонія и полное соотвѣтствіе между ихъ проповѣдію и жизнію. Эти послѣднія свойства и качества апостоловъ, какъ проповѣдниковъ, составляютъ наиважнѣйшую причину и коренное условіе необычайной дѣйственности ихъ проповѣди.

На первомъ мѣстѣ между этими свойствами по степени важности слѣдуетъ поставить безъ сомнѣнія полное и глубокое убѣжденіе апостоловъ въ истинѣ того, что они проповѣдывали. Это убѣжденіе, двигавшее ихъ мыслию и чувствомъ, должно было сообщать ихъ рѣчи вдохновенный характеръ и придавать ей неотразимую силу, увлекавшую ихъ слушателей. Безъ этого внутренняго убѣжденія ни благопріятныя историческія обстоятельства, ни новостъ христіанскаго ученія не обезпечили бы его успѣха. Сама по себѣ новостъ предмета не есть еще безусловное ручательство того, что провозвѣстники его будутъ слушателями приняты благосклонно. Мы знаемъ напротивъ, что люди упорно любятъ держаться за свои старыя вѣрованія и въ большинствѣ всегда оказываютъ сопротивленіе всякому новому ученію, всякому новому вѣрованію. Это положеніе имѣетъ полную силу какъ въ области религіозныхъ идей, такъ равнымъ образомъ и въ области научныхъ новыхъ открытій. Поэтому, напрасно сталъ бы кто говорить, что проповѣдникамъ христіанскаго ученія, дѣйствующимъ въ средѣ просвѣщеннаго христіанствомъ общества, трудно возбудить интересъ къ своему слову, потому что приходится говорить о предметахъ для всѣхъ извѣстныхъ. Въ

этомъ напротивъ заключается своего рода выгода. При томъ же, если и природа, эта вторая живая книга Божественнаго Откровенія, издавна со вниманіемъ изучаемая людьми, всегда давала, даетъ и бесконечно будетъ давать пищу для ихъ любознательности чрезъ постоянное открытіе и приобрѣтеніе все новыхъ и новыхъ истинъ и знаній, то точно таковое же начало непрестающей новости имѣетъ полное приложеніе и въ отношеніи къ усвоенію человѣческимъ сознаніемъ писаннаго Божественнаго Откровенія. Никто изъ людей никогда не можетъ сказать, чтобы онъ исчерпалъ содержаніе его до конца, и доколѣ существуетъ міръ и люди съ своею любознательностію, дотолѣ и содержаніе Откровенія будетъ болѣе и болѣе расширяться въ сознаніи людей и бесконечно будетъ давать такимъ образомъ вѣрующему уму человѣческому все новую и новую пищу. Итакъ, между всѣми условіями, въ той или иной мѣрѣ содѣйствовавшими успѣху проповѣди апостольской, первое мѣсто принадлежитъ ихъ глубокому и искреннѣйшему убѣжденію въ истинности проповѣдуемаго ими ученія. Вообще собственное убѣжденіе проповѣдника, проникнутое живымъ религіознымъ чувствомъ, должно быть поставлено существеннымъ и главнѣйшимъ условіемъ успѣха и дѣйственности проповѣди для всѣхъ временъ и мѣстъ. Въ этомъ условіи—средоточіе всей Гомилетики. *Pectus est quod disertos facit.* На волю дѣйствуетъ только воля. Убѣждаетъ только тотъ, кто самъ убѣжденъ, и убѣждаетъ именно настолько, насколько самъ убѣжденъ. Степень убѣжденія въ разныхъ людяхъ безъ сомнѣнія бываетъ различна. Но въ высшей степени своего развитія это убѣжденіе и любовь къ истинѣ могутъ достигать въ человѣкѣ такихъ размѣровъ, что совершенно овладѣваютъ всѣмъ его существомъ, воспаляютъ его духъ и непреодолимо требуютъ своего обнаруженія въ

пропагандѣ и проповѣди. Наглядный примѣръ такого состоянія даетъ намъ Библія въ лицѣ пророка Іереміи. Когда этотъ пророкъ выступилъ съ своею обличительною проповѣдію и изрекалъ іудеямъ много угрозъ и предсказывалъ имъ объ ожидающихъ ихъ бѣдствіяхъ, то слушателями своими былъ за то жестоко поносимъ и осмѣиваемъ. Такое отношеніе слушателей къ проповѣднику настолько его огорчило, что онъ рѣшился прекратить свою проповѣдь. «Быхъ въ посмѣхъ весь день, говоритъ онъ. Рекохъ не возглаголю, ниже воспомяну имене Господня». Но тогда сила внутренняго убѣжденія, потребность учительства, оставшись безъ удовлетворенія, начали терзать его душу и совѣсть. «И бысть въ сердца моемъ яко огонь горящъ, палящъ въ костехъ моихъ, и разслабѣхъ отъсюду, и не могу носить» (Іерем. XX, 7. 9). Это внутреннее убѣжденіе, эта непреодолимая любовь къ истинѣ и эта неудержимая потребность въ проповѣданіи ея не даются наукою: наука въ этомъ безсильна, но приобрѣтаются внутреннимъ психическимъ опытомъ, а въ человѣкѣ христіанинѣ, какъ это было въ апостолахъ, возбуждаются и возгрѣваются благодатію Божественною, суть плодъ «облеченія силою свыше» (Лук. XXIV, 49. Дѣян. I, 8). «Наука много указываетъ средствъ для убѣжденія воли, говоритъ Амфиатовъ. Но свойство и сила истинно-христіанскаго убѣжденія не слишкомъ много зависятъ отъ искусства и науки» ¹⁾).

¹⁾ Гомил. т. 2, стр. 44. Эта общая мысль прекрасно развита въ одномъ изъ діалоговъ «Фауста» Гете, именно въ слѣдующемъ:

ВАГНЕРЪ.

Прости мнѣ, если помѣшалъ.
Конечно, греческихъ ты авторовъ читалъ?
Ты декламировалъ. Признаться,
Искусствомъ этимъ мнѣ хотѣлось бы заняться.
Въ нашъ вѣкъ такъ много пользы въ немъ
Тому, кто хорошо его изучитъ.

Рядомъ съ этою всепобѣждающею силою внутренняго убѣжденія, какъ необходимое его проявленіе, въ

Слыхалъ я, что иной актеръ въ искусствѣ томъ
И проповѣдника поучить.

Фаустъ.

Да, если проповѣдникъ тотъ актеръ,
Какъ это часто мы видаемъ.

Вагнеръ.

Ну да, когда всю жизнь себя мы запираемъ
Въ ученый кабинетъ, когда на міръ нашъ взоръ
Мы только въ праздникъ обращаемъ,
И то черезъ стекло, издалика,—
Наука убѣждать, конечно, не легка.

Фаустъ.

Ее ты изучить не въ силахъ будешь вѣчно,
Когда не носишь ты ея въ груди своей,
Когда не черпашь изъ глубины сердечной
Всего, что дѣйствовать способно на людей.
Тогда запишись ты, собирая
Кусочки разные отъ ширшества другихъ,
Ихъ смѣшивай, одинъ съ другимъ слѣпляя,
И пищу для себя приготовляй изъ нихъ.
Быть можетъ, силою работы и терпѣнья
Раздуешь искру ты на днѣ души своей;
И если горло есть—заслужишь удивленье
Отъ обезьянъ и отъ дѣтей.
Но властвовать душой не будешь надъ душами,
Коль краснорѣчіе твое
Живыми, жгучими волнами
Не льется прямо изъ нея.

Вагнеръ.

Однако, сила убѣжденья
Зависитъ вѣдь отъ силы выраженья
Оратора. Вѣдь въ томъ весь даръ его...
Я чувствую—далекъ я отъ него.

Фаустъ.

Ищи-жъ успѣха честными трудами;
Но погремущками своими не смѣши!
Гдѣ умъ и чувство есть, тамъ, другъ мой, изъ души
Они свободно льются сами.
Зачѣмъ, чтобы о дѣльномъ разсуждать,
Пустыя фразы набирать?
Безплодно это все, какъ рѣзкій свистъ вѣтровъ,
Какъ бури вой однообразный,
Шумящій листьями въ дни осени несчастной
Средь облетающихъ лѣсовъ.

проповѣднической дѣятельности св. апостоловъ въ числѣ наиважнѣйшихъ условій успѣха и дѣйственности ихъ проповѣди должно быть поставлено полное согласіе ихъ жизни съ проповѣдуемымъ ими ученіемъ. Эта гармонія между словомъ и дѣломъ есть естественный плодъ истиннаго убѣжденія: отсутствіе же ея всегда служитъ знакомъ нетвердости убѣжденія. Пока въ апостолахъ вѣра въ Господа была нетвердая, и поведеніе ихъ было колеблющееся. Но когда по воскресеніи Христовомъ и по сошествіи на нихъ Св. Духа въ день Пятидесятницы ихъ вѣра и убѣжденія достигли полной силы, полного утвержденія, тогда и образъ ихъ поведенія сталъ отличаться полною устойчивостію и отсутствіемъ какихъ бы то ни было колебаній. Между ихъ словомъ и дѣломъ установилась связь неразрывная. Они проповѣдывали о самоотверженіи ради Господа, и сами первые оставили дома отцевъ своихъ, покинули свои занятія и отказались отъ всѣхъ житейскихъ привязанностей, чтобы идти вслѣдъ Господа. Проповѣдывали о любви къ Богу и ближнимъ, и въ себѣ самихъ показывали высочайшій образецъ этой добродѣтели. Проповѣдывали о терпѣннѣ, и безропотно переносили всякія бѣдствія, гоненія и преслѣдованія ради Господа: «гоними терпимъ, хулими благословляемъ», говорилъ о себѣ апостоль Павелъ. Проповѣдывали о смиреніи, и всѣ свои собственные труды и заслуги вмѣняли въ ничто, сладцѣ похваляясь только своими немощами, и всю свою жизнь посвятили на служеніе братіи, которое доставляло имъ множество униженій и оскорбленій всякаго рода. Словомъ, не было ни одного пункта проповѣдуемаго ими ученія, котораго бы они не осуществили въ своей жизни. Оттого ихъ слово не могло казаться утопіею, неосуществимою мечтою воображенія, суетнымъ празднословіемъ, пустою игрою словъ и безплоднымъ измышленіемъ празднаго разума,

но должно было приниматься всѣми безъ колебаній, какъ выраженіе дѣйствительнаго факта, неоспоримой истины, осуществленіе которой слушатели видѣли предъ своими глазами въ лицѣ самихъ проповѣдниковъ. Вотъ гдѣ кроется источникъ силы и необычайной дѣйственности проповѣди апостольской. Христіанство не есть отвлеченная философская доктрина, не есть мертвая теорія, дающая пищу одному только уму и сообщающая ему извѣстныя знанія, извѣстныя истины; оно есть живой духъ, животворная сила, которая проникаетъ все существо человѣка, просвѣщая его умъ, очищая сердце и направляя его волю къ дѣятельности, согласной со всѣми его нравственными основоположеніями. И проповѣдникъ христіанскій не есть простой учитель, стремящійся только къ обогащенію ума знаніями, не имѣющими отношенія къ нравственной жизни человѣка. Онъ есть чаще всего одушевленный ораторъ, долженствующій трогать сердце и двигать волю къ соотвѣтствующимъ его призванію цѣлямъ. Поэтому и проповѣдь о христіанствѣ и его идеалахъ можетъ быть сильна только въ устахъ человѣка, всецѣло проникнутаго его духомъ, осуществляющаго его въ своей жизни, стремящагося всѣмъ сердцемъ къ водворенію царствія Божія на землѣ и при этомъ стремленіи твердо, разумно и сознательно считающаго идеалы христіанства единственнымъ драгоценнымъ сокровищемъ, единственнымъ источникомъ истиннаго счастья человѣка. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ Своимъ апостоламъ и ихъ преемникамъ и всѣмъ вообще Своимъ послѣдователямъ сказалъ: *такъ да просвѣтитъ васъ свѣтъ предъ людьми, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ* (Матѣ. V, 16). Въ отношеніи къ пастырямъ и проповѣдникамъ слова Божія, по мысли св. Григорія Богослова (въ сл. о бѣгствѣ), это изрече-

ніе означаетъ то, что они такъ должны быть *небесны* по своему поведенію, «чтобы благовѣствованіе не менѣе распространялось бы посредствомъ ихъ жизни, какъ и посредствомъ слова». Нельзя не обратить вниманія и на то, что Спаситель, посылая еще при Своей жизни апостоловъ на дѣло проповѣди, въ данныхъ Имъ при этомъ руководительныхъ наставленіяхъ особенное вниманіе обратилъ на образъ ихъ жизни и поведенія. Указавши кратко на предметъ проповѣди, который состоялъ въ томъ, чтобы говорить людямъ о приближеніи царствія Божія, Спаситель на первомъ мѣстѣ поставляетъ дѣла любви: *больныхъ исцѣляйте, прокаженныхъ очищайте, мертвыхъ воскрешайте, бесовъ изгоняйте*. Далѣе слѣдуютъ наставленія, основную мысль которыхъ можно формулировать словами Апостола: *никтоже воинъ бывая обязуется куплями житейскими* (2 Тимое. II, 4), именно: *Не берите съ собою ни золота, ни серебра, ни мѣди въ поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха. Ибо трудящійся достоинъ пропитанія* (Матѣ. X, 8—10). Ясно, что Спаситель поведенію, жизни проповѣдниковъ въ дѣлѣ успѣха евангельской проповѣди отводилъ самое видное мѣсто. Первое же мѣсто въ ихъ дѣятельности, по Его наставленіямъ, должны занимать дѣла любви.

Любовь есть совокупность совершенства, говоритъ Апостолъ (Колосс. III, 14). Эту любовь апостолы проявили въ своей проповѣднической дѣятельности въ наивысшей степени. Они любятъ своихъ слушателей, какъ отцы дѣтей, какъ матери, какъ братья. Они со всѣмъ усердіемъ заботятся о спасеніи каждаго человѣка и съ полною охотою стараются объ удовлетвореніи даже и матеріальныхъ ихъ нуждъ. Они помогаютъ бѣднымъ и угнетеннымъ и собираютъ милостыню для вдовицъ и сиротъ. Эта взаимопомощь всѣхъ членовъ христіанской

общины и соединенная съ нею самая широкая благотворительность и при дальнѣйшемъ распространѣніи и усиленіи христіанства послѣ уже и временъ апостольскихъ служили важнѣйшею причиною его успѣха среди тогдашняго общества. И въ настоящее время Церковь освободилась бы отъ многихъ нареканій со стороны невѣрующихъ, если бы и доселѣ продолжала быть центромъ благотворительныхъ учрежденій.

Итакъ, истинно - христіанская любовь къ слушателямъ, глубокое убѣжденіе въ истинѣ проповѣдуемаго ученія и наконецъ полное согласіе слова съ дѣломъ, жизни съ ученіемъ суть коренныя условія успѣха проповѣди апостольской. Эти же условія безъ сомнѣнія должны быть основными руководительными началами для успѣшной проповѣднической дѣятельности христіанскихъ пастырей всѣхъ временъ и мѣстъ.

Проповѣдь мужей апостольскихъ.

Ближайшими и непосредственными преемниками св. апостоловъ въ дѣлѣ распространенія и утвержденія вѣры Христовой между людьми были мужи апостольскіе. Ихъ проповѣдь съ проповѣдію апостольскою связана неразрывно и составляетъ съ нею какъ бы одно по своему характеру. Проповѣдь апостольская была продолженіемъ проповѣди Христа, а проповѣдь мужей апостольскихъ была продолженіемъ проповѣди св. апостоловъ. Какъ апостолы возвѣщали людямъ только то, что видѣли сами и что слышали отъ Божественнаго Учителя (1 Иоанн. I, 1—3), такъ и мужи апостольскіе въ своей проповѣднической дѣятельности старались воспроизводить предъ своими слушателями то, что слышали отъ св. апостоловъ, передавали имъ, что говорилъ Петръ, что Иоаннъ, что Андрей, что Маркъ, Лука и Матѣей.

Самое названіе мужей апостольскихъ они получили отъ того, что научены были вѣрѣ Христовой самими апостолами, раздѣляли съ ними труды проповѣди евангельской и были ихъ преемниками и продолжателями ихъ дѣла. Они были очевидцами дѣяній апостольскихъ, отпечатлѣвшихъ на себѣ духъ Христовъ, они были постоянными слушателями живыхъ наставленій апостольскихъ, и эти наставленія были чистымъ источникомъ, изъ котораго они заимствовали для себя и другихъ духовное просвѣщеніе: *Яже слышалъ еси отъ мене, писалъ апостолъ Павелъ ученику своему епископу Тимоѣю, сія предаждь вѣрнымъ человекомъ, иже доволни будутъ и иныхъ научити* (2 Тимоѣ. II, 2). И Тимоѣей выполнялъ конечно заповѣдь Апостола. То же, что извѣстно объ учителѣ языковъ и его ученикахъ, св. Иринеѣ говоритъ и о прочихъ апостолахъ, и особенно объ апостолѣ Иоаннѣ: къ нему, такъ какъ онъ долѣе прочихъ апостоловъ оставался на землѣ, стекались пресвитеры слушать наставленія. Это говоритъ Иринеѣ при своихъ опроверженіяхъ ереси Валентиніанъ. Показывая Валентиніанамъ, что ихъ ученіе ложно, а ученіе св. Церкви истинно, св. Иринеѣ пишетъ: «всѣ пресвитеры, стекавшіеся изъ Азіи къ Иоанну, ученику Господа, свидѣтельствуютъ, что то же самое предалъ Иоаннъ, а онъ пробылъ съ ними до временъ Траяна. Нѣкоторые же изъ нихъ видѣли не только Иоанна, но и прочихъ апостоловъ и то же самое слышали отъ нихъ» (Adv. haeres. lib. 2, с. 32). Евсевій и Иеронимъ, упоминая объ избраніи Пантена въ наставника александрійскаго огласительнаго училища, говорятъ, что такіе учителя были въ Александріи со временъ св. евангелиста Марка; а что говорятъ эти писатели о св. Маркѣ, т. е., что, пребывая въ Александріи, онъ основалъ какъ бы разсад-

никъ великихъ учителей, то же самое по справедливости можетъ быть приложено ко всѣмъ апостоламъ: мѣста, гдѣ они пребывали и учили, были разсадниками мужей апостольскихъ. Впрочемъ, если говорится, что мужи апостольскіе изучали истины Христовы съ голоса апостоловъ, то показывается этимъ только то преимущество, которымъ они исключительно пользовались, а не то, чтобы не изучали они священнаго Писанія, самаго перваго и главнаго источника христіанскаго вѣроученія. Тотъ же Апостолъ, который напоминалъ своему возлюбленному ученику о своихъ устныхъ наставленіяхъ, предписываетъ ему: *внемли чтенію* (1 Тим. IV, 13. 2 Тим. III, 14—17).

Вмѣстѣ съ великимъ преимуществомъ именоваться непосредственными учениками св. апостоловъ, мужи апостольскіе внутренно, подобно своимъ учителямъ, просвѣщались духомъ благодати въ особенномъ обиліи. Св. Игнатій писалъ къ Филадельфійцамъ: «свидѣтель мнѣ Тотъ, для Коего связанъ я, что я узналъ не отъ плоти человѣческой, но Св. Духъ возвѣстилъ мнѣ: безъ епископа ничего не дѣлайте» (гл. VII). Мужи апостольскіе жили еще въ то время, когда духъ благодати могущественно покорялъ упорство людей особеннымъ обиліемъ знаменій и чудесъ, и сами они иногда облакались силою знаменій, что придавало особенный успѣхъ ихъ наставленіямъ. Впрочемъ, какъ ни обильно просвѣщались духомъ благодати мужи апостольскіе, они были только учениками апостоловъ, и тогда какъ эти послѣдніе непосредственно были руководимы Духомъ Утѣшителемъ, мужи апостольскіе слушали апостоловъ и просвѣщались благодатию только по мѣрѣ свободнаго приближенія къ духу благодати. «Ни мнѣ, ни другому подобному мнѣ, говоритъ св. Поликарпъ, не достигнуть вѣдѣнія блажен-

наго и славнаго Павла, который вѣрно и обильно поучалъ слову истины» (Филадельф. гл. III) ¹⁾.

Будучи непосредственнымъ продолженіемъ проповѣди апостольской, проповѣдь мужей апостольскихъ и по свойствамъ своимъ похожа на нее. Та же ревность, та же любовь ко Христу и братіи и та же сила внутренняго убѣжденія, которыми отличались апостолы, какъ проповѣдники, запечатлѣваютъ и проповѣдническую дѣятельность мужей апостольскихъ. На ихъ долю кромѣ того выпала священная обязанность утверждать и укрѣплять въ вѣрѣ немощныхъ братій во время страшныхъ гоненій, воздвигнутыхъ на христіанъ языческими императорами. Они съ словомъ утѣшенія и проповѣди обходили бѣдствующія церкви и были поистинѣ столпами вѣры, поддерживавшими духъ христіанской ревности и благочестія въ малодушныхъ и нетвердыхъ членахъ Церкви Христовой. Въ этомъ случаѣ мужи апостольскіе, подобно апостоламъ, не учили только словомъ, но и дѣломъ, на себѣ самихъ показывая образецъ твердой и непоколебимой вѣры, которую нѣкоторые изъ нихъ запечатлѣли мученическими вѣнцами. Ихъ любовь къ дѣлу проповѣди была такъ сильна, что ее не могли остановить никакія гоненія, никакія бѣдствія и страданія. Климентъ Римскій, сосланный при Траянѣ въ Херсонесъ Таврическій, утѣшалъ пастырскимъ словомъ своимъ вѣрующихъ христіанъ, потерпѣвшихъ одинаковую съ нимъ участь, и на мѣстѣ ссылки обратилъ ко Христу даже многихъ язычниковъ. Длинное путешествіе Игнатія Богоносца къ мѣсту своей казни было путешествіемъ, чисто проповѣдническимъ, христіански-просвѣтительнымъ. На своемъ обширномъ пути къ мученическому вѣнцу отъ Антиохіи сирійской до Рима онъ утѣшалъ вѣрующихъ

¹⁾ Общая характеристика мужей апостольскихъ взята изъ Исторіи. уч. объ отц. Ц. Филарета.

христіанъ и убѣждалъ ихъ быть непоколебимыми въ вѣрѣ и крѣпко держаться единенія церковнаго, убѣждалъ какъ устными бесѣдами, такъ и посланіями къ церквамъ, лежавшимъ на его пути, или недалеко отстоявшимъ отъ него. «Проходя Азію подъ строгимъ надзоромъ стражи, рассказываетъ Евсевій, Игнатій своими устными бесѣдами и наставленіями укрѣплялъ христіанъ тѣхъ городовъ, чрезъ которые путешествовалъ, и увѣщавалъ болѣе всего беречься возникавшихъ и распространявшихся именно тогда ересей. Въ особенности же убѣждалъ твердо держаться апостольскихъ преданій, которыя для безопасности счелъ нужнымъ подтвердить собственнымъ свидѣтельствомъ и заключить въ письмени» ¹⁾. Любовь ко спасенію ближнихъ, желаніе мира и единства вѣры привлекаютъ при Антонинѣ Піѣ св. Поликарпа изъ Смирны въ Римъ. Здѣсь онъ многихъ изъ послѣдователей Валентина и Маркіона обратилъ къ истинной вѣрѣ. Разъ случайно встрѣтился онъ съ самимъ Маркіономъ. Весьма любопытна сцена этой встрѣчи и объясненія св. Поликарпа съ еретикомъ. «Знаешь ли ты меня», съ дерзостію сказалъ Маркіонъ. «Знаю тебя, первенца сатаны», отвѣчалъ св. Поликарпъ. Въ вопросѣ еретика видны сатанинская гордость, ожесточеніе и презорство, въ отвѣтѣ св. отца замѣчается тяжкая скорбь и грусть объ ожесточеніи сердца упорнаго невѣра, соединенныя съ нѣкоторою долею естественнаго отвращенія и чувства безгливости къ такому нравственному безобразію. Онъ не можетъ вынести близкаго сосѣдства съ человѣкомъ, носящимъ въ своей душѣ такую страшную болѣзнь, которая можетъ производить дѣйствія, подобныя отвратительной и разъѣдающей гангренѣ (2 Тим. II, 17), и потому бѣжитъ этого сосѣдства и затыкаетъ уши свои, чтобы не слышать хульныхъ словъ.

¹⁾ Церк. Ист. III, 36.

Духъ любви и тѣснаго единенія въ вѣкѣ мужей апостольскихъ особенно усиливался въ христіанахъ враждебнымъ къ нимъ отношеніемъ римскаго правительства, которое жестоко въ то время начало преслѣдовать послѣдователей вѣры Христовой, усматривая въ этой новой, съ необычнымъ успѣхомъ распространявшейся сектѣ, какъ называло римское правительство христіанскую вѣру, общество, опасное для блага и цѣлости государства. Одинаковое положеніе, въ особенности бѣдственное и несчастное, всегда тѣснѣйшимъ образомъ сближаетъ и соединяетъ гонимыхъ людей въ одинъ кружокъ даже и въ томъ случаѣ, когда ихъ убѣжденія и сердечныя вѣрованія не вполне одинаковы. Но если къ этому присоединяется еще тождество убѣжденій и религіозныхъ вѣрованій, одинаковыя чаянія и надежды, тогда союзъ этотъ превращается въ одну нераздѣльную, неразрывнымъ образомъ соединенную семью. Члены такой семьи большею частію пріобрѣтаютъ полное равнодушіе къ внѣшней своей судьбѣ, къ видимымъ благамъ, но, чувствуя въ себѣ особый подъемъ духа, живутъ только въ области своихъ идеаловъ, радуются радостями чисто духовными; человѣкъ въ такихъ случаяхъ уходитъ обыкновенно внутрь самого себя, сосредоточивается всецѣло на завѣтныхъ своихъ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ и почерпаетъ для себя отраду и утѣшеніе въ бѣдственномъ своемъ положеніи исключительно изъ нѣдръ своей внутренней сокровищницы. Весьма естественно и понятно поэтому, что въ тогдашнемъ христіанскомъ обществѣ мысль о Христѣ и апостолахъ, насадившихъ въ сердцахъ людей святыхъ и благодатныхъ сѣмена божественной религіи, должна была стоять на первомъ планѣ, всецѣло объемля жизнь ихъ духа. Близость проповѣднической дѣятельности св. апостоловъ по времени, воспоминаніе самое живое объ ихъ задушевныхъ и увле-

кательныхъ бесѣдахъ, бесѣдахъ, исполненныхъ духа любви и утѣшенія, успокоивающихъ измученное сердце высокими обѣтованіями небесныхъ радостей, должны были привлекать къ себѣ всю симпатію и всѣ силы души бѣдствующихъ христіанъ. И дѣйствительно, проповѣдническая дѣятельность мужей апостольскихъ ограничивалась главнымъ образомъ воспоминаніемъ словъ и живыхъ бесѣдъ св. апостоловъ. За подтвержденіемъ сего обратимся къ историческимъ указаніямъ.

У Евсевія сохранилось извѣстіе о Папіѣ, жившемъ во времена мужей апостольскихъ, современникъ и другъ св. Поликарпа. Папіѣ былъ епископъ іерапольской церкви, былъ мужъ, по Евсевию, обладавшій обширною ученостію и глубокимъ знаніемъ священнаго Писанія¹⁾. Ему приписывается сочиненіе въ пяти книгахъ подъ заглавіемъ: «Изъясненіе Господнихъ изреченій». Сочиненіе это до насъ не дошло, но объ немъ упоминаютъ Иринеи и Евсевій. У Евсевія сохранился даже небольшой отрывокъ изъ предисловія Папія къ упомянутому его сочиненію, который имѣетъ важное значеніе для характеристики проповѣди тогдашняго времени. Отрывокъ этотъ слѣдующій: «Я не премину, говоритъ Папіѣ, изложить тебѣ, что хорошо узналъ отъ старцевъ и хорошо запомнилъ, и присоединить объясненіе для подтвержденія истины; потому что я держался не тѣхъ, которые подобно многимъ говорятъ много, а тѣхъ, которые учатъ истинѣ; я соображался не съ тѣми, которые припоминаютъ чужія заповѣди, а съ тѣми, которые держатся заповѣдей, преданныхъ отъ Господа для вѣры и происходящихъ отъ самой истины. Если случилось мнѣ встрѣчать кого либо, обращавшагося со старцами, то я заботливо спрашивалъ объ ученіи старцевъ, на примѣръ — что говорилъ Андрей, что Петръ, что

¹⁾ Церк.-вн. Истор. III, 36.

Филиппъ, что Ѳома или Іаковъ, что Іоаннъ или Матѳеѣй, либо кто другой изъ учениковъ Господа, что Аристѣонъ и пресвитеръ Іоаннъ, ученики Господни. Ибо я полагалъ, что книжныя свѣдѣнія не столько принесутъ мнѣ пользы, сколько живой и вѣдряющійся голосъ»¹⁾. Изъ этихъ словъ ясно видно, на чемъ сосредоточивались любознательность и интересъ религіозной мысли въ вѣкъ мужей апостольскихъ, и какимъ образомъ учителя вѣры старались удовлетворять запросамъ своего времени. Въ виду этихъ запросовъ содержаніе проповѣди, на ученія въ вѣкъ мужей апостольскихъ должны были составлять рассказы и воспоминанія объ апостолахъ и ихъ ученіи, которое кромѣ письмени было тогда самымъ свѣжимъ преданіемъ. Рассказы эти передавались устно, въ простой, дружеской, душевной и непринужденной бесѣдѣ, чрезъ «живой, вѣдряющійся голосъ». Устная бесѣда предпочиталась даже письменному ея изложенію, которое допускалось только по нуждѣ, когда внѣшнія обстоятельства не давали возможности глаголати усты ко устамъ, а принуждали ограничиваться хартіею и чернилами. Самыя писанія мужей апостольскихъ служили только какъ бы дополненіемъ ихъ устныхъ бесѣдъ. Такъ св. Игнатій въ посланіи къ Филадельфійцамъ говоритъ между прочимъ: «я спокоенъ совѣстію въ отношеніи къ вамъ, и никто не можетъ похвалиться ни тайно, ни явно, чтобы я кого либо отяготилъ въ маломъ или въ великомъ. И всѣмъ, съ которыми *бесѣдовалъ* (т. е. лично), желаю, чтобы сказанное мною не послужило свидѣтельствомъ противъ нихъ» (гл. VI). И въ другомъ мѣстѣ говоритъ: «Меня хотѣли обольстить нѣкоторые по плоти, но духъ будучи отъ Бога не обольщается. Ибо онъ знаетъ, откуда приходитъ и куда идетъ и обличаетъ сокровенное. *Находясь между вами, я громко*

¹⁾ Церк. Ист. III, 39.

возвѣщалъ, сильнымъ голосомъ говорилъ: внимайте епископу, пресвитерству и діаконамъ» (ibid. гл. 7). И эти устные бесѣды, полныя силы убѣжденія и духа любви, глубоко внѣдрялись въ сердцахъ слушателей. Самое содержаніе этихъ вполне живыхъ бесѣдъ въ воспоминаніи слушателей неразрывно связывалось съ живымъ представленіемъ даже лица говорившаго и съ обстановкою, при которой говорилось и т. под. Весьма замѣчательно въ этомъ отношеніи для показанія степени живости и дѣйственности бесѣдъ мужей апостольскихъ, сохраненное Евсевіемъ, письмо св. Иринея Ліонскаго къ Флорину, бывшему соученикомъ его у ногъ св. Поликарпа, а впоследствии уклонившемуся въ ересь Валентиніанскую. «Это ученіе, Флоринъ, т. е. еретическое, которымъ увлекся этотъ послѣдній, не есть ученіе здравое, пишетъ св. Ириней; оно не согласно съ Церковію и вѣрующихъ въ него повергаетъ въ величайшее нечестіе. Этого ученія никогда не смѣли проповѣдывать даже еретики, находившіеся внѣ Церкви. Тебѣ не преподавали его предшествовавшіе намъ пресвитеры, которые слушали самихъ апостоловъ. Бывъ еще отрокомъ, я видѣлъ тебя въ нижней Азіи у Поликарпа; тогда ты былъ великъ при дворѣ императора и домогался его благоволенія. Тогдашнее я помню тверже, чѣмъ недавнее; потому что познанія дѣтскаго возраста, укрѣпляясь вмѣстѣ съ душою, укореняются въ ней. Такъ я могу наименовать даже мѣсто, гдѣ сидѣлъ и разговаривалъ блаженный Поликарпъ; могу указать всѣ входы и исходы его, начертать образъ его жизни и внѣшній видъ, изложить его бесѣды съ народомъ, описать его обращеніе съ Іоанномъ, какъ онъ самъ рассказывалъ, и съ прочими самовидцами Господа, изобразить, какъ онъ припоминалъ слова ихъ, какъ и что онъ слышалъ отъ нихъ о Господѣ; какъ онъ пересказывалъ о чудесахъ

Его и ученіи, о чемъ получилъ преданіе отъ людей, которые сами видѣли Слово жизни, и всѣ его сказанія согласовались съ Писаніемъ. По Божіей милости ко мнѣ я и тогда еще внимательно слушалъ Поликарпа; я записывалъ слова его *не на бумагу, а въ сердце*, и благодарить Божія помогаетъ мнѣ всегда сохранять ихъ въ свѣжей памяти. Могу засвидѣтельствовать предъ лицомъ Бога, что если бы этотъ блаженный и апостольскій старецъ услышалъ что подобное, то воскликнулъ бы и, заградивъ свои уши, по обыкновенію сказалъ: благій Боже, до какого времени сохранилъ Ты меня, что я долженъ перенести и это! Потомъ онъ ушелъ бы изъ того мѣста, гдѣ, сидя или стоя, слушалъ такія рѣчи. Это можно видѣть и изъ его посланій, которыя онъ писалъ иногда къ сосѣдственнымъ церквамъ для укрѣпленія ихъ, а иногда къ нѣкоторымъ братіямъ, съ намѣреніемъ преподавать имъ увѣщаніе и наставленіе» ¹⁾. Это письмо Иринея вполне ясно и наглядно изображаетъ способъ тогдашняго учительства и общій характеръ тогдашней проповѣди. По формѣ своей проповѣдь была тогда чистымъ собесѣдованіемъ, истинною бесѣдою, полною задушевности и сердечности, чуждою всякой искусственности и вполне свободною отъ всякихъ условностей литературной моды. Она напоминала собою или бесѣды любящаго отца съ дѣтьми, или дружескую задушевную бесѣду любящихъ другъ друга братьевъ, членовъ одного семейства. О такомъ свойствѣ проповѣди въ вѣкъ мужей апостольскихъ, помимо указанныхъ историческихъ свидѣтельствъ, ясно говорятъ и самыя ихъ писанія, простыя, безыскусственныя, но богатая силою внутренняго убѣжденія и присущаю имъ духовною мощію. Эта мощь духовная присуща была и ихъ устнымъ собесѣдованіямъ, производившимъ такое сильное впечатлѣніе

¹⁾ Церк. Ист. V, 20.

на слушателей, что слѣды его сохранялись въ ихъ душахъ во всю ихъ жизнь, какъ это засвидѣтельствовалъ св. Ириней.

Что касается до условій, дѣлавшихъ ихъ собесѣдованія убѣдительными и дѣйственными, то объ нихъ нужно сказать то же, что и о проповѣди апостольской. Та же любовь къ братіи, та же сила внутренняго убѣжденія, то же согласіе и гармонія проповѣдническаго слова съ жизнью, какія указаны нами въ проповѣди апостольской, составляютъ коренную силу и проповѣди мужей апостольскихъ. Она, какъ и проповѣдь апостоловъ, была проста въ словѣ, но сильна въ разумѣ, ея мощь заключалась также не въ препрѣтельныхъ чловѣческихъ мудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы.

Св. Василій Великій, его жизнь и проповѣдническіе труды ¹⁾.

I.

Между знаменитыми учениками Оригена, воспитавшимися на его многочисленныхъ и славныхъ твореніяхъ и усвоившими себѣ великую силу его духа и ума, Василій, за свою замѣчательную дѣятельность названный Великимъ, безспорно занимаетъ первое мѣсто. Насколько замѣчателенъ былъ этотъ великій учитель Церкви и какъ велика была его слава и сильно вліяніе на современниковъ, это ясно показываетъ намъ его ближайшій другъ, св. Григорій Назіанзинъ. Въ своемъ похвальномъ словѣ Василію Великому онъ описываетъ его громадное вліяніе на современниковъ въ слѣдующихъ чертахъ: «что иное составляетъ нынѣ пріятность собранія? Что услаждаетъ на пиршествахъ, на торжищахъ, въ церквахъ, увеселяетъ начальниковъ и под-

¹⁾ Напечат. въ Православн. Собесѣдн. См. 1872 г. т. 2 и 3 и 1873 г. т. I.

чиненныхъ, монаховъ и уединенно-общежительныхъ, людей бездолжностныхъ и должностныхъ, занимающихся любомудріемъ внѣшнимъ или нашимъ? Вездѣ одно и величайшее услажденіе — это писанія и творенія Василіевы. Послѣ него не нужно писателямъ иного богатства, кромѣ его писаній. Умолкаютъ старыя толкованія Божія слова, надъ которыми потрудились нѣкоторые, возглашаются же новыя; и тотъ у насъ совершеннѣйшій въ словѣ, кто преимущественно предъ другими знаетъ Василіевы писанія, имѣетъ ихъ въ устахъ и дѣлаетъ внятными для слуха. Вмѣсто всѣхъ одинъ онъ сталъ достаточенъ учащимся для образованія» (Тв. св. Гр. Б. русск. пер. изд. 1, т. IV, стр. 124—125). Можно было бы считать эти слова преувеличенными и пристрастными, если бы, съ одной стороны, они не были произнесены въ то время, когда память о Василіи у всѣхъ была еще свѣжа, и когда всякое излишество въ похвалѣ могло бы найти живыхъ обличителей ¹⁾, и если бы, съ другой, мы не имѣли равносильныхъ свидѣтельствъ и отъ внѣшнихъ, какъ въ то время христіанскіе учителя обыкновенно называли не принадлежащихъ къ Церкви. Ливаній, глава современныхъ риторовъ, учитель Василія, относился къ своему знаменитому ученику съ величайшимъ уваженіемъ и преклонялся предъ его ораторскими дарованіями. Посылая ему свою рѣчь «о чловѣкѣ своенравномъ», онъ писалъ ему: «вотъ послалъ я тебѣ рѣчь, обливаясь потомъ. Да и какъ было не обливаться, посылая рѣчь къ такому чловѣку, который искусствомъ составленія рѣчей въ состояніи доказать, что напрасно превозносятся и Платонова мудрость и Демосѣенова стремительность? Посему я прихожу

¹⁾ Слово это св. Григорій произнесъ въ третій годъ по смерти св. Василія, послѣ уже своего возвращенія изъ Константинополя въ Кесарію, что падаетъ на 382 годъ по Р. Х.

въ ужасъ и трепещу, представляя себѣ тотъ день, въ который ты взглянешь на рѣчь, и даже едва не теряю ума» (Ж. М. Н. П. ч. 77, стр. 275). При своемъ краснорѣчии и силѣ слова, Василиій обладалъ еще пламеннымъ благочестіемъ и необыкновенною твердостію характера. Всѣ эти качества, благодаря особеннымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, среди которыхъ родился, росъ и воспитался этотъ великій человѣкъ, сложились и развились въ немъ въ одно прекрасное и гармоническое цѣлое.

Василиій ¹⁾ происходилъ изъ такого семейства, въ которомъ благочестіе, по выраженію Григорія Богослова, было наслѣдственно. Мѣстомъ его рожденія была малоазійская провинція—Понтъ, лежавшая на побережьяхъ Чернаго моря. Съ самаго ранняго дѣтства онъ долженъ былъ усвоить себѣ благочестіе и получить стремленіе къ развитію въ себѣ дара краснорѣчія. Отецъ его, по имени также Василиій, былъ риторъ, и отъ ученаго отца даровитый сынъ слушалъ первыя правила краснорѣчія. Его бабушка Макрина и мать Еммелія были женщины испытаннаго благочестія, и мягкая впечатлительная натура дитяти не могла не поддаться вліянію окружающихъ его родственниковъ и нѣжно любящихъ сердецъ. Разказы о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ его предками во время жестокаго Максиминова гоненія, весьма рано также должны были посѣять въ его душѣ начатки той твердости, энергіи и непоколебимаго мужества, которыя составляли отличительную черту его характера. Такъ еще съ самаго дѣтства подъ вліяніемъ столькихъ разнообразныхъ и сильныхъ впечатлѣній, дѣйствовавшихъ на св. Василия одновременно, должно было начаться развитіе его въ одномъ извѣстномъ направленіи, чтобы обра-

¹⁾ Род. въ 329 г., умеръ въ 379 г.

зовать изъ него сильную и цѣльную личность. Достигши юношескаго возраста, онъ оставилъ родительскій кровъ и отправился путешествовать по знаменитымъ своими школами городамъ, чтобы довершить свое образованіе. Онъ посѣтилъ Кесарію каппадокійскую, потомъ Константинополь, гдѣ было множество философовъ и замѣчательныхъ ораторовъ, и гдѣ Василиій слушалъ Ливанія, и наконецъ центръ тогдашней образованности—знаменитыя Аѳины. Здѣсь еще въ то время была резиденція язычества; здѣсь также текли обильныя рѣки научной жизни, напаяемая источниками нѣкогда славнаго для язычества времени, но въ разсматриваемый моментъ уже ушедшаго въ область пріятныхъ воспоминаній, и здѣсь же наконецъ краснорѣчивые учителя пытались посредствомъ философскаго аллегоризма поддерживать колеблющуюся религію древности. Это былъ городъ, который Григорій Богословъ въ своемъ похвальномъ словѣ Василию называетъ «обителію наукъ».

Въ это время Василиій былъ уже извѣстенъ, какъ молодой ученый, подававшій большія надежды, такъ что имя его еще до прибытія въ Аѳины повторялось въ устахъ многихъ. Онъ обнаруживалъ въ себѣ, по словамъ Григорія, еще въ молодости «ученость выше возраста и твердость нрава выше учености. Онъ былъ риторомъ между риторами еще до кафедры софиста, философомъ между философами еще до выслушанія философскихъ положеній, а что всего важнѣе, іереемъ для христіанъ еще до священства» (IV, стр. 66 — 67). Въ Аѳинахъ началась дружба Василия съ Григоріемъ Богословомъ, дружба, которой они были вѣрны до конца своей жизни. Дружба эта была самая искренняя и неразрывная, такъ что, по словамъ Григорія, могло казаться, «что въ обоихъ одна душа поддерживаетъ два тѣла,... что они были одинъ въ другомъ и одинъ у другого»

(стр. 75). Началомъ этой дружбы, какъ рассказываетъ св. Григорій, послужило слѣдующее обстоятельство.

У аѳинской учащейся молодежи былъ странный обычай встрѣчи и приѣма въ свое общество новичковъ, обычай, имѣющій въ своемъ основаніи нѣкоторую долю сходства и съ нашею школьною жизнію. Въ этомъ обычай «съ дѣломъ смѣшивалось шуточное». Вотъ въ какихъ чертахъ рисуетъ намъ св. Григорій этотъ обычай: «новоприбывшій вводится для жительства къ одному изъ пріѣхавшихъ прежде него, другу, или сроднику, или односельцу... потомъ новоприбывшій терпитъ насмѣшки отъ всякаго желающаго. И сіе, полагаю, заведено у нихъ съ тѣмъ, чтобы сократить высокоуміе поступающаго вновь, и съ самаго начала взять его въ свои руки. Шутки однихъ бываютъ дерзки, а другихъ болѣе остроумны; сіе соображается съ грубостію или образованностію новоприбывшаго. Такое обхожденіе тому, кто не знаетъ, кажется очень страннымъ и немилосерднымъ, а тому, кто знаетъ напередъ, весьма пріятно и снисходительно; потому что представляющееся грознымъ дѣлается большею частію для вида, а не дѣйствительно таково. Потомъ новоприбывшаго въ торжественномъ сопровожденіи чрезъ площадь отводятъ въ баню. И это бываетъ такъ: ставъ порядкомъ попарно и въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, идутъ впереди молодого человѣка до самой бани. А подходя къ ней, поднимаютъ громкій крикъ и начинаютъ плясать, какъ изступленные; крикомъ же означаетъ, что нельзя имъ идти впередъ, но должны остановиться; потому что баня не принимаетъ. И въ то же время выломивъ двери, и громомъ приведя въ страхъ вводимаго, дозволяютъ ему наконецъ входъ, и потомъ даютъ ему свободу, встрѣчая изъ бани, какъ человѣка съ ними равнаго и включеннаго въ ихъ собратство; и это мгновенное

освобожденіе отъ огорченій и прекращеніе оныхъ во всемъ обрядѣ посвященія есть самое пріятное» (т. IV, стр. 70). Григорій, прибывшій въ Аѳины ранѣе Василія, уговорилъ своихъ товарищей не дѣлать съ нимъ этой странной церемоніи, такъ что Василій почти одинъ изъ всѣхъ прибывшихъ избѣжалъ общаго закона и удостоенъ высшей чести «не какъ новопоступающій». «И сіе, говоритъ св. Григорій, было начаткомъ нашей дружбы. Отсюда первая искра нашего союза. Такъ уязвились мы любовію другъ къ другу» (стр. 71). Указанный нами обычай и многое другое, что увидѣлъ Василій въ Аѳинахъ, разочаровали его, такъ что онъ называлъ Аѳины «обманчивымъ блаженствомъ». Григорій постарался успокоить его отъ его скорби своими дружескими бесѣдами, чѣмъ еще болѣе привязалъ къ себѣ Василія. Наконецъ, когда открылось единство цѣли, единство ихъ желаній и стремленій, именно христіанское любомудріе, тогда дружба ихъ стала неразрывною. «Мы стали тогда другъ для друга все, говоритъ Григорій, и товарищи, и сотрапезники, и родные» (стр. 73).

Въ такомъ шумномъ и блестящемъ городѣ, какъ Аѳины, въ этой резиденціи язычества, гдѣ, по словамъ св. Григорія, «идоловъ было гораздо больше, чѣмъ въ цѣлой Елладѣ», юные наши друзья не увлеклись ни прелестями разгульной и веселой жизни аѳинской молодежи, ни языческими суевѣріями. Они жили изолированно отъ другихъ, жили въ мірѣ, какъ совершенные иноки, хотя въ это время не были еще крещены. «Намъ извѣстны были, говоритъ Григорій, двѣ дороги: одна, это первая и превосходнѣйшая, вела къ нашимъ священнымъ храмамъ и къ тамошнимъ учителямъ; другая, это вторая и неравнаго достоинства съ первою, вела къ наставникамъ наукъ внѣшнихъ. Другія же дороги—на праздники, на зрѣлища, народныя стеченія, на

пиршествъ, предоставляли мы желающимъ. Ибо и вниманія достойнымъ не почитаю того, что не ведетъ къ добродѣтели, и не дѣлаетъ лучшимъ своего любителя» (стр. 75—76). Такъ проводили юные друзья жизнь въ Аѳинахъ. Уже по такой ихъ юношеской жизни, по которой они приобрѣли извѣстность не только въ Аѳинахъ, но и въ цѣлой Элладѣ, и особенно у знаменитыхъ мужей (стр. 77), можно было предвидѣть, что изъ этихъ юношей воспитаются мужи строгаго благочестія и крѣпкой силы воли, мужи, способные пожертвовать всѣми выгодами жизни за неприкосновенность своихъ дорогихъ убѣжденій.

Закончивши курсъ наукъ въ Аѳинахъ, гдѣ Василій превосходно изучилъ риторство, стихотворную науку, философію, діалектику, астрономію и медицину, наши друзья должны были разстаться. Ихъ обоихъ сильно удерживали въ Аѳинахъ; но Василій, какъ человѣкъ болѣе твердаго характера, не остался, несмотря ни на какія просьбы друзей, а Григорій склонился на эти просьбы и остался въ Аѳинахъ. Итакъ, друзья разстались. «И совершилось, говоритъ св. Григорій, дѣло до совершенія своего невѣроятное. Ибо сіе было то же, что разсѣчь на двое одно тѣло, и умертвить насъ обоихъ, или то же, что разлучить тельцовъ, которые, будучи вмѣстѣ вскормлены и приучены къ одному ярму, жалобно мычатъ другъ о другѣ и не терпятъ разлуки» (стр. 80). Григорій дѣйствительно не могъ вынести разлуки. Онъ побылъ нѣсколько времени въ Аѳинахъ, и потомъ, несмотря ни на что, оставилъ ихъ. «Любовь сдѣлала меня, говоритъ онъ, Омировымъ конемъ; расторгнувъ узы удерживающихъ, оставляю за собою равнины и несусь къ товарищу» (стр. 81).

Возвратясь чрезъ Константинополь и Ефесъ на родину, Василій нѣсколько времени исправлялъ должность

адвоката. Въ 359 году, почувствовавъ суетность мірской славы, онъ рѣшился совсѣмъ прервать связь съ міромъ; принялъ крещеніе и степень чтеца и отправился изучать жизнь иноческую у пустынниковъ въ Сиріи, Месопотаміи, Палестинѣ и Египтѣ; потомъ поселился близъ Неокесаріи въ пустынь, орошаемую потокомъ Ирисомъ, не вдали отъ мѣста, гдѣ жили съ другими дѣвственницами мать и сестра его. Сюда въ пустыню Василій вызвалъ друга своего Григорія; здѣсь друзья снова отдались научнымъ занятіямъ. но теперь они уже изучали не внѣшнюю, языческую мудрость, но христіанское любомудріе, занимались изученіемъ Писанія, церковныхъ писателей и между ними преимущественно Оригена, изъ лучшихъ сочиненій котораго они сдѣлали извлеченія, извѣстныя подъ именемъ Филокаліи. Въ 363 г. пустынникъ писалъ Юліану, требовавшему у него денегъ съ угрозою опустошить Кесарію: «я содрогаюсь, что ты облеченъ въ порфиру, что глава твоя украшена вѣнцомъ, который безъ благочестія вмѣняется царю не въ честь, а въ безчестіе. Тебѣ извѣстнѣе вчерашняго дня, что я не люблю собирать богатства, и однако ты требуешь отъ меня тысячу литръ золота. Помилуй, государь! я столько стяжалъ его, что если бы сегодня мнѣ захотѣлось въ другой разъ вкусить пищи, то у меня и на это не стало бы денегъ. У меня, какъ и должно быть, нечего дѣлать повару: лучшія изъ яствъ, которыми мы изобилуемъ, травяные листья съ черствымъ хлѣбомъ и кислымъ виномъ» (Ист. уч. объ отц. Ц. Филар. т. 2, стр. 129). Этотъ и подобные факты его столкновенія съ сильными міра сего показываютъ въ Василіи непоколебимую твердость характера, чуждую всякаго ласкательства и угодничества, качества, необходимыя въ пастырѣ церкви, который, по своему высокому положенію, долженъ служить Богу, а не людямъ.

Въ 364 году Василій посвященъ въ санъ пресвитера. Изъ похвального слова Григорія Богослова Василию Великому видно, что въ это время уже успѣлъ вкратѣ въ Церковь безпорядочный обычай, по которому возводили иногда на епископскія каѳедры людей, мало извѣданныхъ въ благочестіи, людей, не занимавшихъ до того времени никакой церковной должности. Не одобряя этого обычая, онъ говоритъ, что «многообъемлющій и великій Василій служитъ образцомъ для многихъ, какъ всѣмъ прочимъ, такъ соблюденіемъ порядка и въ этомъ», т. е. онъ восходитъ на церковныя степени постепенно. «Сей истолкователь свящ. книгъ, говоритъ Григорій, сперва читаетъ ихъ народу (чтець), и сію степень служенія алтарю не считаетъ для себя низкою; потомъ на сѣдалищѣ старецъ (пресвитеръ), потомъ въ санѣ епископовъ хвалитъ Бога» (стр. 83). Въ санѣ пресвитера св. Василій проповѣдывалъ слово Божіе въ Кесаріи; къ этому времени относятъ его знаменитыя 9 словъ на Шестодневъ. Любитель мира и согласія, Василій по поводу непріятностей, воздвигнутыхъ на него Евсевіемъ, епископомъ кесарійскимъ, послушавъ совѣта друга своего Григорія (стр. 85), удаляется на время въ пустыню понтійскую; но потомъ вскорѣ (365 г.) вызванъ оттуда снова, чтобы помогать епископу въ борьбѣ противъ аріанъ; кесарійская церковь спасена была теперь отъ аріанъ, потому что Василій былъ ея пастыремъ, хотя и не былъ еще епископомъ. Онъ былъ для своего предстоятеля, по словамъ Григорія, добрымъ совѣтникомъ, правдивымъ представителемъ, истолкователемъ слова Божія, наставникомъ въ дѣлахъ, жезломъ старости, опорою вѣры, самымъ вѣрнымъ въ дѣлахъ внутреннихъ, самымъ дѣятельнымъ въ дѣлахъ внѣшнихъ... Съ этого времени и церковное правленіе перешло къ Василию, хотя по каѳедрѣ занималъ онъ второе мѣсто,

ибо за оказываемую имъ благорасположенность получилъ въ замѣнъ власть. И было какое-то чудное согласіе и сочетаніе власти: одинъ управлялъ народомъ, другой управляющимъ (стр. 89—90).

«Въ 368 году былъ въ Кесаріи голодъ (будемъ говорить словами Григорія Богослова), и самый жестокий изъ памятныхъ доселѣ. Городъ изнемогалъ; ни откуда не было ни помощи, ни средствъ къ облегченію зла... Всего несноснѣе въ подобныхъ обстоятельствахъ безчувственность и ненасытность имѣющихъ у себя избытки. Они пользуются временемъ, извлекаютъ прибыль изъ скудости, собираютъ жатву съ бѣдствій, не внимаютъ тому, что милуяй нища взаимъ даетъ Господу (Притч. XIX, 7)... Василию надлежало не дожидать хлѣбъ съ неба посредствомъ молитвы, и питать народъ бѣгствующій въ пустынѣ, не насыщать тысячи пятью хлѣбами... Все сіе было прилично Моисею, Ілии и моему Богу... Можетъ быть сіе нужно было только въ тѣ времена и при тогдашнихъ обстоятельствахъ; ибо знаменія не для вѣрующихъ, но для невѣрныхъ. Но что подобно симъ чудесамъ, и ведетъ къ тому же, то замыслилъ и привелъ Василій въ исполненіе съ тою же вѣрою. Ибо отверзши хранилища имущихъ словомъ и увѣщаніемъ, совершаетъ сказанное въ Писаніи, раздробляетъ алчущимъ пищу» (Пс. 57, 8) (стр. 91—92), т. е. Василій силою своего слова отворилъ житницы богатыхъ. Къ этому конечно времени относится его знаменитое слово подъ названіемъ: «во время голода и засухи», слово, полное силы и убѣжденія и притомъ въ высшей степени краснорѣчивое. Въ этомъ случаѣ св. Василій заявилъ себя величайшимъ ораторомъ, слово котораго, исполненное духа и силы, проникаетъ до членовъ и мозговъ и побуждаетъ къ доброй дѣятельности неудобопреклонную къ добру волю человѣческую. Но этимъ однимъ энергичная на-

тура св. Василия не удовольствовалась. «Онъ, по словамъ Григорія, собираетъ въ одно мѣсто уязвленныхъ голодомъ, а иныхъ даже едва дышащихъ, мужей и женъ, младенцевъ, старцевъ, весь жалкій возрастъ, испрашиваетъ всякаго рода снѣди, какими только можетъ быть утоленъ голодъ, выставляетъ котлы, полные овощей и соленыхъ припасовъ, какими питаются у насъ бѣдные; потомъ, подражая служенію Самого Христа, Который, препоясавшись лентіемъ, не погнушался умыть ноги ученикамъ, при содѣйствіи своихъ рабовъ или служителей удовлетворяетъ тѣлеснымъ потребностямъ нуждающихся, удовлетворяетъ и потребностямъ духовнымъ, къ напиту присоединивъ честь и облегчивъ ихъ участь тѣмъ и другимъ» (стр. 92). Въ этомъ уже видѣнъ человекъ дѣла, человекъ практическаго направленія, который не довольствуется только тѣмъ, чтобы растворить житницы богатыхъ посредствомъ слова, но и принимаетъ на себя роль распорядителя и вмѣстѣ слуги. «Таковъ былъ новый нашъ хлѣбодатель и второй Іосифъ», заключаетъ свой рассказъ св. Григорій.

Когда епископъ кесарійскій Евсевій скончался, то Василий, правившій церковію еще при жизни его, сталъ его преемникомъ. Это было въ 370 году. Занявши такой высокій постъ, Василий показалъ себя самымъ твердымъ и неутомимымъ защитникомъ православія противъ насилія аріанъ, имѣвшихъ тогда во главѣ державнаго вѣнценосца, императора Валента. Валентъ, предъ которымъ склонились почти всѣ православные епископы, рѣшился наконецъ ввести аріанство и въ каппадокійской области. Зная твердость и непоколебимость Василия, архіепископа каппадокійской области, Валентъ предварительно послалъ для объясненій съ Василиемъ префекта Модеста. Въ высшей степени характерно это объясненіе Василия съ Модестомъ; оно весьма рельефно

представляетъ намъ личность архіепископа кесарійскаго. Вотъ какимъ образомъ рассказываетъ объ этомъ эпизодѣ изъ жизни Василия св. Григорій Богословъ: «когда Василий явился къ Модесту, тогда этотъ послѣдній прямо встрѣтилъ его слѣдующимъ вопросомъ: для чего тебѣ съ дерзостію хочется противиться такому могуществу, и одному изъ всѣхъ оставаться упорнымъ? — Доблестный мужъ возразилъ: въ чемъ и какая моя дерзость? — Въ томъ, говоритъ первый, что не держишься одной вѣры съ царемъ, когда всѣ другіе склонились и уступили. — Не сего требуетъ Царь мой, отвѣчаетъ Василий: не могу поклониться твари, будучи самъ Божія тварь и имѣя повелѣніе быть богомъ. — Но что же мы, по твоему мнѣнію? спросилъ правитель. Или ничего не значимъ мы, повелѣвающие это? Почему не важно для тебя присоединиться къ намъ, и быть съ нами въ общеніи? — Вы правители, отвѣчаетъ Василий, и не отрицаю, что правители знаменитые, однакоже не выше Бога. И для меня важно быть въ общеніи съ вами, впрочемъ не важнѣе, чѣмъ быть въ общеніи со всякимъ другимъ изъ подчиненныхъ вамъ; потому что христіанство опредѣляется не достоинствомъ лицъ, а вѣрою. — Тогда правитель пришелъ въ волненіе, сильнѣе вскипѣлъ гнѣвомъ, всталъ съ своего мѣста и началъ говорить съ Василиемъ суровѣе прежняго. Что же, сказалъ онъ, развѣ не боишься ты власти? — Нѣтъ, что ни будетъ, и чего ни потерплю. — Даже хотя бы потерпѣлъ ты одно изъ многаго, что состоитъ въ моей волѣ? — Что же такое? объясни мнѣ это. — Отнятіе имущества, изгнаніе, истязаніе, смерть. — Ежели можешь, угрожай другимъ; а это нимало насъ не трогаетъ. — Какъ же это и почему? спросилъ правитель. — Потому, отвѣчаетъ Василий, что не подлежитъ описанію имуществовъ, кто ничего у себя не имѣетъ, развѣ потребуешь отъ меня и этого волоса-

наго рубища и немногихъ книгъ, въ которыхъ состоятъ всѣ мои пожитки. Изгнанія не знаю; потому что не связанъ никакимъ мѣстомъ; и то, на которомъ живу теперь, не мое, и всякое, куда меня ни кинутъ, будетъ мое. Лучше же сказать, вездѣ Божіе мѣсто, гдѣ ни буду я пресельникомъ и пришельцемъ (Пс. 38, 13). А истязанія что возмуть, когда нѣтъ у меня и тѣла, развѣ разумѣешь первый ударъ, въ которомъ одномъ ты и властенъ? Смерть же для меня благодѣтельна: она скорѣе преподшлетъ меня Богу, для Котораго живу и тружусь, для Котораго большею частію себя самого я уже умеръ и къ Которому давно поспѣшаю» (стр. 104—105). Такъ кончилось это объясненіе, въ которомъ мужество Василия выразилось какъ нельзя болѣе.

Когда донесли Валенту о результатахъ этого объясненія, онъ невольно возымѣлъ къ великому епископу чувства глубокаго уваженія и удивленія. Желая самъ посмотрѣть на эту неустрашимую личность, онъ въ день Богоявленія явился въ храмъ со всею свитою, гдѣ Василий совершалъ торжественное богослуженіе. «Когда вошелъ онъ внутрь храма (слова Григорія), и слухъ его какъ громомъ пораженъ былъ начавшимся псалмопѣніемъ; когда увидѣлъ онъ море народа, а въ алтарѣ и близъ онаго не столько человѣческое, сколько ангельское благолѣпіе, и впереди всѣхъ въ прямомъ положеніи стоялъ Василий, какимъ въ словѣ Божіемъ описывается Самуилъ (1 Цар. VII, 10), не восклоняющійся ни тѣломъ, ни взоромъ, ни мыслию, но пригвожденный къ Богу и престолу, а окружающіе его стояли въ какомъ-то страхѣ и благоговѣніи; когда, говорю, царь увидѣлъ все сіе, и не находилъ примѣра, къ которому бы могъ примѣнить видимое: тогда пришелъ онъ въ изнеможеніе, какъ челоуѣкъ, и взоръ и душа его отъ изумленія покрываются мракомъ и приходятъ въ круженіе. Но сіе не было еще

примѣтнымъ для многихъ. Когда же царю надобно было принести къ божественной трапезѣ дары, тогда никто къ нимъ не прикасался, не зная, приметъ ли ихъ Василий» (стр. 107).

Не будемъ говорить о другихъ обстоятельствахъ жизни св. Василия и о многихъ его писанныхъ и неписанныхъ трудахъ, вызванныхъ борьбою съ еретиками; мы старались прослѣдить только тѣ факты, которые, наглядно рисуя личность Василия, объясняютъ намъ его пастырскую и проповѣдническую дѣятельность. Для характеристики частной его жизни достаточно привести слѣдующія слова св. Григорія: «у другихъ приготовители снѣдей, роскошныя трапезы, поварскія, искусно приправленныя снѣди, красивыя колесницы, мягкія и волнующіяся одежды; а у Василия — больные, цѣленіе ранъ, подражаніе Христу, не только словомъ, но и дѣломъ очищающему проказу» (стр. 121).

За годъ до своей смерти Василий имѣлъ утѣшеніе видѣть аріанство поколебавшимся въ своей силѣ. Въ 378 году умеръ Валентъ, покровитель аріанъ. Въ 379 году скончался самъ Василий, мужъ истинно великій, свѣтило вселенной, опора истины, скончался на 51 году своей жизни. Не можемъ не выписать здѣсь трогательнаго рассказа св. Григорія о смерти св. Василия и погребеніи... Онъ показываетъ намъ, какимъ уваженіемъ и какою любовію своей паствы пользовался этотъ великій святитель. «Василій лежалъ при послѣднемъ издыханіи, призываемый къ горнему ликостоянію, къ которому съ давняго времени простиралъ свои взоры. Вокругъ него волновался весь городъ; нестерпима была потеря; жаловались на его отшествіе, какъ на притѣсненіе, думали удержать его душу, какъ будто можно было захватить и насильно остановить ее руками и молитвами: горестъ дѣлала ихъ безразсудными; и всякій, если бы

только возможно, готовъ былъ приложить ему что нибудь отъ своей жизни. Когда же всѣ усилія оказались напрасны, и когда, изрекши послѣднее слово: въ руцѣ Твои предаю духъ мой (Пс. 30, 6), поемлемый ангелами, радостно испустилъ онъ духъ... тогда открывается чудо, замѣчательнѣйшее изъ бывшихъ когда-либо. Святый былъ выносимъ, подъемлемый руками святыхъ. Но каждый заботился о томъ, чтобы взяться или за воскриліе ризъ, или за сѣнь, или за священный одръ, или даже идти подлѣ несущихъ, или насладиться однимъ зрѣніемъ. Наполнены были торжища, переходы, вторыя и третьи жилья; тысячи всякаго рода и возраста людей, дотолѣ незнаемыхъ, то предшествовали, то сопровождали, то окружали одръ и тѣснили другъ друга. Псалмопѣнія заглушаемы были рыданіями; и любомудріе разрѣшилось горестію. Наши препирались съ посторонними, съ язычниками, съ іудеями, съ пришлецами, а они съ нами о томъ, кто больше насладится зрѣлищемъ и извлечетъ для себя большую пользу. Скажу въ заключеніе, что горестъ закончилась дѣйствительнымъ бѣдствіемъ: отъ тѣсноты, стремленія и волненія народнаго немалое число людей лишилось жизни, и кончина ихъ была ублажаема, потому что переселились отсюда вмѣстѣ съ Василиемъ, и стали, какъ бы сказалъ иной усерднѣйшій, надгробными жертвами. Когда же тѣло съ трудомъ укрылось отъ хищныхъ рукъ и оставило позади себя сопровождающихъ, предается оно гробу отцевъ, и къ іереямъ прилагается архіерей, къ проповѣдникамъ—великій гласъ, оглашающій еще мой слухъ, къ мученикамъ—мученикъ. И теперь онъ на небесахъ, тамъ, какъ думаю, приносить за насъ жертвы и молится за народъ; а я, Григорій, полумертвый, полуусѣченный, отторгнутый отъ великаго союза, ведущій жизнь болѣзненную и неблагоуспѣшную, не знаю, чѣмъ кончу,

оставшись безъ его руководства. Впрочемъ и донинѣ подаетъ онъ мнѣ совѣты, и если когда преступаю предѣлы должнаго, уцѣломудриваетъ меня въ ночныхъ видѣніяхъ» (стр. 136—138).

II.

Св. Василиій Великій, великій по своей строго благочестивой жизни, великій по своему характеру, является таковымъ же и въ своихъ проповѣдническихъ трудахъ. Дѣйствительно, величіе и важность, необыкновенная сила и убѣдительность, и высокая художественность составляютъ отличительную черту его бесѣдъ и словъ. «Когда читаю нравственные и дѣятельныя слова его, говоритъ св. Григорій Богословъ, тогда очищаюсь въ душѣ и тѣлѣ, дѣлаюсь угоднымъ для Бога храмомъ, органомъ, въ который ударяетъ Духъ, пѣснословцемъ Божіей славы и Божія могущества, и чрезъ то преобразуюсь, прихожу въ благоустройство, изъ одного челоуѣка дѣлаюсь другимъ, измѣняюсь божественнымъ измѣненіемъ... А когда имѣю предъ собою его обличительныя слова на еретиковъ: тогда вижу содомскій огонь, которымъ испепеляются лукавые и беззаконные языки, и самый халанскій столпъ, ко вреду созидаемый и прекрасно разрушаемый» (Тв. Григ. Бог. т. IV, стр. 125—126). Когда онъ поражаетъ порокъ, никакая жестокая душа, никакое очерствѣвшее сердце не можетъ не почувствовать своей раны, которой касается проповѣдникъ. И со стороны внѣшнихъ ораторскихъ свойствъ, со стороны стиля, ясности выраженій, легкости и изящества изложенія проповѣди Василия Великаго такъ прекрасны, что и въ этомъ отношеніи онъ имѣетъ мало себѣ равныхъ. Ливаній сказалъ: «искусствомъ составленія рѣчей онъ (Василій) въ состояніи доказать, что напрасно превозносятся и Платонова мудрость и Демо-

соенова стремительность». Фотій, отличный знатокъ ораторскаго слова, такъ отзывался о словахъ св. Василия: «во всѣхъ словахъ своихъ великій Василій превосходень. Если кто другой, онъ особенно владѣеть языкомъ чистымъ, изящнымъ, величественнымъ; въ порядкѣ и силѣ мыслей за нимъ первое мѣсто; убѣдительность соединяетъ онъ съ пріятностію и ясностію. Рѣчь его такъ плавна, какъ потокъ, вышедшій изъ своего источника. Кто хочетъ быть отличнымъ гражданскимъ ораторомъ, не нуженъ ему ни Демосѣенъ, ни Платонъ, если онъ принялъ себѣ за образецъ и изучаетъ слова Василия» (Ист. уч. объ отц. Ц. Филар., т. 2, стр. 133—134).

Отъ Василия Великаго дошли до насъ: девять бесѣдъ его на Шестодневъ, тринадцать бесѣдъ на разные псалмы, 25 словъ на разные случаи.

БЕСѢДЫ НА ШЕСТОДНЕВЪ.

Содержаніе бесѣдъ св. Василия на Шестодневъ составляетъ объясненіе Моисеева сказанія о шестидневномъ твореніи міра. Св. Василій начинаетъ съ первыхъ словъ Бибіи: «Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю» и кончаетъ шестымъ днемъ творенія, сотвореніемъ животныхъ земныхъ и кратко упоминаетъ въ послѣдней бесѣдѣ о сотвореніи человѣка. Въ первой бесѣдѣ объясняются слова: «Въ началѣ сотвори Богъ небо и землю»; во второй бесѣдѣ слова: «земля бѣ невидима и неустроена»; въ третьей бесѣдѣ говоритъ о «тверди», въ четвертой—о собраніи водъ, въ пятой—о прозябаніяхъ земли, въ шестой—о сотвореніи небесныхъ свѣтилъ, въ седьмой—о пресмыкающихся и рыбахъ, въ осьмой—о птицахъ, въ девятой—о животныхъ земныхъ.

Бесѣды на Шестодневъ св. Василия Великаго суть чистыя импровизаціи. Объ этомъ говоритъ Руфинъ, объ этомъ же свидѣлствуютъ и самыя бесѣды. Изъ нихъ

мы видимъ, что Василій произносилъ ихъ по двѣ въ день, утромъ и вечеромъ. Такъ бесѣда вторая начинается слѣдующими словами: «на немногихъ словахъ остановившись утромъ, нашли мы въ нихъ такую сокровенную глубину мыслей» и т. д., и потомъ заканчиваетъ такъ: «но разсужденія объ ономъ вечерѣ, застигнутыя настоящимъ вечеромъ, здѣсь полагаютъ конецъ нашему слову». Бесѣда 3-я начинается слѣдующими словами: «дѣла перваго дня... изобразило слово вчера... и составило для души какъ утреннее препитаніе, такъ и вечернее веселіе» и т. д. Подобныя указанія находимъ и въ другихъ бесѣдахъ. Само собою понятно, что, при другихъ многотрудныхъ занятіяхъ; проповѣднику не могло доставать времени, чтобы предварительно готовить по два слова въ день въ ихъ полной редакціи. Кромѣ того, самый характеръ бесѣдъ доказываетъ то же самое: здѣсь встрѣчаются иногда неожиданные переходы, возвращеніе назадъ, чтобы пополнить пропущенное, а иногда по неожиданно-выраженному желанію слушателей обращеніе къ предмету, о которомъ проповѣдникъ, повидимому, не имѣлъ намѣренія говорить, что все возможно только при чистой импровизаціи. Такъ, въ бесѣдѣ 7-й, говореной вечеромъ, сказавши о плавающихъ, Василій на другой день утромъ, въ бесѣдѣ осьмой, прямо сдѣлалъ переходъ къ животнымъ земнымъ; но начавши говорить объ нихъ, онъ вдругъ вспомнилъ, что ничего не сказалъ о птицахъ. Слѣдствіемъ этого была довольно длинная пауза: ясно, что проповѣдникъ сейчасъ же началъ обдумывать, какъ ему сдѣлать переходъ къ опущенному. «Для чего, при обильномъ теченіи слова, молчалъ я немалое время, удивляются можетъ быть многіе, говоритъ проповѣдникъ. Но внимательнѣйшимъ изъ слушателей, конечно, не безызвѣстна причина, по которой прервана рѣчь. Изъ

чего же сіе видно? Изъ того, что они, взглядывая другъ на друга и подавая другъ другу знаки, обратили на себя мое вниманіе и привели мнѣ на мысль опущенное мною. Ибо цѣлый родъ тварей, и притомъ немаловажный, укрылся отъ насъ, и слово наше едва не простерлось далѣе, оставивъ его вовсе неизслѣдованнымъ... Говорили мы о плавающихъ, сколько позволило вечернее время, а сегодня перешли къ изслѣдованію живущихъ на сушѣ: но забыты нами птицы, занимающія средину между тѣми и другими. Посему... намъ необходимо возвратиться назадъ» (Бес. 5. т. I, стр. 139—140). Чистою импровизаціею были не однѣ только бесѣды на Шестодневъ, но и всѣ другія слова св. Василия Великаго. На это есть указанія также въ самыхъ словахъ. Такъ въ 21 своемъ словѣ, св. Василій, остановившись довольно долго на томъ, что не должно слишкомъ много прилѣпляться къ житейскому, вдругъ, по желанію слушателей, дѣлаетъ переходъ къ пожару, бывшему наканунѣ около церкви. «Слово мое, введенное уже въ пристань, нѣкоторые изъ братій опять вызываютъ на поприще совѣщанія, повелѣвая не проходить мимо того, что вчера чудодѣйствовалъ Владыка» и т. д. (т. 4, стр. 336). Подобный переходъ, вызванный желаніемъ слушателей, конечно ранѣе проповѣдникомъ предусмотрѣнъ быть не могъ. Но несмотря на то, что св. Василій произносилъ свои слова безъ предварительнаго приготовленія, большая часть его бесѣдъ отличается необыкновенною послѣдовательностію мысли, точностію выраженія, стройнымъ расположеніемъ частей, ясностію изложенія, художественностію и изяществомъ. Это — весьма рѣдкій даръ ума и слова, общій у св. Василия Великаго только съ немногими даже изъ самыхъ знаменитыхъ отцевъ Церкви. И импровизація св. Василия была настолько совершенна, что онъ могъ говорить съ

обычною ему ораторскою величавостію и въ такихъ случаяхъ, когда онъ не имѣлъ возможности ни обдумать впередъ, ни даже предугадать того, о чемъ придется ему говорить. Замѣчательный примѣръ этого мы видимъ въ бесѣдѣ его на 114-й псаломъ. Явившись въ одинъ изъ храмовъ, гдѣ совершалось торжественное богослуженіе, св. Василій засталъ вѣрующихъ за пѣніемъ 114-го псалма: «возлюбихъ, яко услышитъ Господь гласъ моленія моего». По обязанностямъ своего пастырскаго званія онъ выходитъ на кафедру съ своимъ учительнымъ словомъ и начинаетъ изъяснять вѣрующимъ только что пѣтый ими псаломъ. «Чтобы не огорчить васъ, удерживая долго, кратко побесѣдую изъ псалма, который я засталъ васъ поющими и, по мѣрѣ силъ своихъ, напитаю души ваши словомъ утѣшенія, отпускаю, чтобы каждый изъ васъ занялся попеченіемъ о тѣлѣ своемъ. Что же было пѣто вами? Слѣдующее: возлюбихъ, яко услышитъ Господь гласъ моленія моего» и т. д. (т. I, стр. 397—398).

По внѣшней своей формѣ бесѣды св. Василия Великаго на Шестодневъ имѣютъ истинный характеръ гомиліи. Проповѣдникъ наблюдаетъ въ своихъ изъясненіяхъ строгую постепенность. Онъ объясняетъ повѣствованія Бытописателя не только стихъ за стихомъ, но даже слово за словомъ, какъ это дѣлалъ Оригенъ. Чтобы составить себѣ ясное понятіе о приемахъ св. Василия въ этомъ дѣлѣ, рассмотримъ кратко самую малую по объему изъ бесѣдъ его на Шестодневъ, бесѣду четвертую, о собраніи водъ. Послѣ краткаго приступа, въ которомъ онъ призываетъ вѣрующихъ къ внимательному и нелѣнностному слушанію словесъ Духа, св. Василій Великій сначала выписываетъ всѣ слова Писанія, которыя онъ имѣлъ въ виду объяснить въ предстоящей бесѣдѣ: «И рече Богъ: да соберется вода, яже подъ

небесемъ въ собраніе едино, и да явится суша: и бысть тако: и собрася вода, яже подъ небесемъ въ собранія своя, и явися суша. И нарече Богъ сушу землю: и собранія водъ нарече моря» (Быт. I, 9. 10). Затѣмъ проповѣдникъ начинаетъ изъяснять приведенное мѣсто слово за словомъ. «Да соберутся воды». Изъясняя это повелѣніе Создателя, св. Василий рѣшаетъ вопросъ: зачѣмъ нужно было такое повелѣніе, когда вода сама собою, по естественному свойству своему, стремится въ мѣста наиболѣе низменныя, или, выражаясь словами св. отца, стекаетъ, гдѣ наибольшая впадина? На этотъ вопросъ св. отецъ отвѣчаетъ такъ: по настоящему свойству воды мы не можемъ еще заключать, что она всегда и прежде еще повелѣнія Творца была таковою же. Очень возможно, что настоящее свойство свое—текучесть получила она уже послѣ указаннаго повелѣнія Божія. «Да соберутся воды въ собраніе едино». Сдѣлавши своимъ слушателямъ назиданіе, чтобы они, стоя при какомъ-нибудь ручьѣ или рѣкѣ и видя, что вода постоянно куда-то течетъ, постоянно движется, возносились своею мыслию горѣ и воспоминали повелѣніе Создавшаго, онъ далѣе рѣшаетъ возраженіе: не противорѣчитъ ли опытъ упомянутому повелѣнію Господа; ибо мы видимъ многія моря, и притомъ отдѣленные одно отъ другого большимъ пространствомъ? Отвѣтъ тотъ, что собственно великое море—океанъ одно, съ которымъ соединяются всѣ, даже повидимому замкнутыя отовсюду моря и озера, соединяются или посредствомъ рѣкъ, или посредствомъ подземныхъ источниковъ. «Да соберется вода въ собраніе едино, и да явится суша». Сказано: «да явится суша», чтобы показать, что земля вышла уже изъ хаотическаго состоянія; повелѣніе это дано прежде сотворенія солнца, чтобы мы не приписали причину осушенія земли солнцу, но волѣ Создателя. «И бысть тако».

Слова эти прибавлены для доказательства того, что воля Создавшаго совершилась. «И нарече Богъ сушу землю, и собранія водъ нарече моря». Прежде было Божиимъ повелѣніемъ опредѣлено свойство предмета—сухость: «да явится суша», а теперь этотъ предметъ получаетъ наименование: «и нарече Богъ сушу землю». Какъ разумность есть свойство человѣка, а слово: человѣкъ означаетъ самое существо, въ которомъ есть сіе свойство: такъ сухость есть свойство земли и свойство преимущественное. «И видѣ Богъ, яко добро». Разсмотрѣвши красоту моря, важность и пользу его, какъ по отношенію къ человѣку, такъ и къ цѣлой системѣ мірозданія, св. Василий заключаетъ свою бесѣду слѣдующимъ образомъ: «если море прекрасно и достойно похвалы предъ Богомъ; то не гораздо ли прекраснѣе собраніе такой церкви, въ которой, подобно волнѣ, ударяющейся въ берегъ, совокупный гласъ мужей, женъ и младенцевъ возсылается къ Богу въ нашихъ къ Нему молитвахъ. Глубокая тишина хранитъ ее неизменною, потому что лукавые духи не возмogli возмутить ее еретическими ученіями. Будьте же достойны благословенія Господня, соблюдая всегда, сколько возможно, благолѣпное сіе благочиніе, о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь». Это краткое содержаніе бесѣды даетъ намъ ясное представленіе о внѣшней формѣ бесѣдъ св. Василия Великаго. Какъ видимъ, построеніе бесѣдъ у него самое безыскусственное. Задавшись цѣлію изъяснить извѣстное мѣсто Писанія, онъ слѣдитъ его слово за словомъ: изъ него онъ почерпаетъ и свои мысли и самый планъ своего собесѣдованія. Затѣмъ, когда находитъ, что все предположенное имъ для изъясненія уже исчерпано, или замѣчаетъ утомленіе слушателей, или наконецъ когда уже слишкомъ позднее время задерживаетъ его отъ даль-

нѣйшаго собесѣдованія, онъ немедленно заканчиваетъ бесѣду. Заключение его бесѣдъ состоитъ обыкновенно изъ краткаго назиданія слушателей и славословія Богу.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію внутреннихъ свойствъ бесѣдъ св. Василия на Шестодневъ, характерною особенностью ихъ мы должны признать ихъ по преимуществу нравственно-практическое направленіе. Практикъ въ жизни, онъ таковымъ же является и въ своихъ проповѣдяхъ. Оттого у него очень мало бесѣдъ чисто созерцательнаго, догматическаго содержанія. Напротивъ же, нравственно-назидательный элементъ господствуетъ почти во всѣхъ его проповѣдяхъ. Подобное практическое отношеніе къ дѣлу проповѣди св. Василий весьма ясно обозначаетъ самъ въ нѣкоторыхъ своихъ бесѣдахъ. «У меня одна цѣль, говоритъ онъ въ одной бесѣдѣ на Шестодневъ, все обращать въ назиданіе Церкви» (Бес. 7. т. I, стр. 132). И дѣйствительно, изъясняетъ ли онъ исторію міротворенія, или книгу псалмовъ, или избранныя изреченія изъ Писанія, онъ во всемъ находитъ и указываетъ самые назидательные уроки для жизни. Его опытность и искусство въ этомъ дѣлѣ достойны внимательнаго изученія для cadaго проповѣдника слова Божія.

О Шестодневѣ св. Василия св. Григорій Богословъ отзывается такъ: «когда имѣю въ рукахъ его Шестодневъ и произношу устно; тогда бесѣдную съ Творцомъ, постигаю законы творенія и дивлюсь Творцу болѣе, нежели прежде, имѣвъ своимъ наставникомъ одно зрѣніе» (Тв. Гр. Б. т. IV, стр. 125). Сопоставляя съ этимъ отзывомъ св. Григорія то, что сказалъ самъ Василий, именно: «у меня цѣль одна: все обращать въ назиданіе Церкви», мы находимъ, что Василий въ своихъ бесѣдахъ на Шестодневъ преслѣдуетъ двѣ главныя цѣли. Изъясняя исторію мірозданія и разсматривая свойства того

или другого творенія, онъ показываетъ съ одной стороны всемогущество, премудрость и благодать Бога Творца и Создателя, съ другой, изъ тѣхъ или иныхъ свойствъ твари выводитъ нравственно-назидательные уроки для своихъ слушателей. Эта двоякая цѣль проходитъ чрезъ всѣ бесѣды его на Шестодневъ, въ которыхъ дѣйствительно міръ является удобопонятнымъ для cadaго проповѣдникомъ величія, премудрости и благодати Божіей. Разсматривая происхожденіе, образованіе и устройство вселенной, св. Василий мудро руководитъ слушателей своихъ къ тому, чтобы они «изъ видимаго познавали невидимое, изъ величія и красоты твореній собирали подобающее понятіе о Сотворшемъ насъ,... чтобы и въ землѣ, и въ воздухѣ, и въ небѣ, и въ водѣ, и въ ночи, и во дни, и во всемъ видимомъ собирали ясныя напоминанія о Благодѣтелѣ», да «не оставятъ никакого времени грѣхамъ, не уступятъ мѣста врагу въ сердцѣ своемъ, если чрезъ непрестанное памятованіе станутъ вселять въ себѣ Бога» (Бес. 3. т. I, стр. 60). Задачу эту св. Василий выполнялъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Разсматриваетъ ли онъ былинку, или говоритъ о какомъ нибудь животномъ, онъ всюду показываетъ своимъ слушателямъ премудрость Творца, равно премудраго какъ въ ничтожной, повидимому, былинкѣ, такъ и въ болѣе сложныхъ организмахъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ бесѣдъ его. «Одна травка, или одна былинка, говоритъ св. Василий въ пятой бесѣдѣ, достаточно занять всю мысль твою разсмотрѣніемъ искусства, съ какимъ она произведена, какъ напр. стебель пшеницы опоясывается колѣнцами, чтобы они, подобно связкамъ, удобно поддерживали тяжесть колосьевъ, когда, исполненные плодами, они клонятся къ землѣ. Посему... стебель пшеницы природа защитила такими связками, зерно же заключила во влагалищѣ, чтобы не могло быть

похищено птицами, и длинными остями, подобными игламъ, предотвратила вредъ отъ мелкихъ животныхъ» (стр. 80). «Ни одно существо не оставлено безъ Промысла, говоритъ онъ въ девятой бесѣдѣ, и ни одно не лишено надлежащаго попеченія... Песъ не одаренъ разумомъ, но имѣетъ чувство почти равносильное разуму. Что едва изобрѣли мірскіе мудрецы, просидѣвъ надъ симъ большую часть жизни, разумѣю хитросплетеніе умозаключеній, тому песъ оказывается наученнымъ отъ природы. Ибо, отыскивая звѣриный слѣдъ, когда найдетъ, что онъ раздѣлился на многія вѣтви, обѣгаетъ уклоненія, ведущія туда и сюда, и тѣмъ, что дѣлаетъ, почти выговариваетъ слѣдующее умозаключеніе: или сюда поворотилъ звѣрь, или сюда, или въ эту сторону. И такимъ образомъ чрезъ отрицаніе ложнаго находитъ истинное. Болѣе ли сего дѣлаютъ тѣ, которые, чинно сидя надъ доскою и пища на пыли, изъ трехъ предложеній отрицаютъ два и въ остальномъ находятъ истину?... Если станемъ разсматривать и самые члены животныхъ, найдемъ, что Творецъ не прибавилъ ни одного лишняго и не отнялъ необходимаго. Плотояднымъ животнымъ придалъ острые зубы; ибо въ такихъ они имѣли нужду по роду пищи. А которыхъ въ половину вооружилъ зубами, тѣхъ снабдилъ многими и различными влажлищами для пищи. Поелику они съ перваго раза не могутъ достаточно разжевать пищу, далъ имъ возможность отрыгать поглощенное, чтобы измельченное посредствомъ жвачки усвоилось питаемому. Желудокъ, предутробіе, сѣточка и утроба не напрасно даны животнымъ, у которыхъ они есть, но каждое изъ этихъ орудій служитъ для необходимой потребности. У верблюда шея долга, чтобы она равнялась ногамъ, и доставала до травы, которою питается верблюдъ. Но не въ однихъ только великихъ животныхъ можно усматривать неиз-

слѣдимую премудрость; напротивъ того и въ самыхъ малыхъ соберемъ не меньшее число чудесъ»... (стр. 166—169). Несомнѣнно, что св. Василій имѣлъ обширныя и, по своему времени, основательныя свѣдѣнія въ естественныхъ наукахъ; но онъ заставляетъ цѣнить и въ себѣ и въ другихъ разнообразныя свѣдѣнія эти по мѣрѣ того добраго плода, какой происходитъ отъ нихъ для возбужденія и питанія въ душѣ нашей истиннаго благочестія. Въ противномъ же случаѣ онъ самъ обличаетъ ученыхъ какъ невѣждъ, и многознающихъ какъ безумныхъ (Бес. 1, стр. 6—7). «Убѣгай бредней угрюмыхъ философовъ, говоритъ онъ въ осьмой бесѣдѣ, которые не стыдятся почитать свою душу и душу пса однородными между собою, и говоритъ о себѣ, что они нѣкогда были и женами, и деревьями, и морскими рыбами. А я, хотя не скажу, бывали ли они когда рыбами, однакоже со всѣмъ усиліемъ готовъ утверждать, что, когда писали сіе, были безсмысленнѣе рыбъ» (т. I, стр. 139).

Кромѣ напоминанія о премудрости и благодати Божіей, видимая природа, по ученію мудраго ея истолкователя, является самою краснорѣчивою проповѣдницею различныхъ добродѣтелей. Изображая свойства разнообразныхъ тварей, одаренныхъ жизнію, показывая ихъ естественныя наклонности, родъ жизни, нѣкоторыя привычки, извѣстную степень соображенія и предусмотрительности, св. Василій то призываетъ человѣка къ подражанію гораздо низшимъ его тварямъ, то пристыжаетъ его разительнымъ сходствомъ нѣкоторыхъ дурныхъ привычекъ, наклонностей и стремленій его съ подобными же неразумными стремленіями безсловесныхъ животныхъ. Такъ, напр., описывая свойства и привычки птицъ, св. Василій дѣлаетъ между прочимъ слѣдующія наставленія человѣку: «заботливость буселей (аистовъ) о составившихся достаточно къ тому, чтобы и нашихъ дѣтей,

если только захотятъ внимать сему, сдѣлать отцелюбивыми. Ибо конечно нѣтъ человѣка, столь скуднаго благоразуміемъ, чтобы не почелъ онъ себѣ за стыдъ быть въ добродѣтели ниже безсловесныхъ птицъ. Бусели, обступивъ вокругъ отца, у котораго отъ старости вылиняли перья, согрѣваютъ его своими крыльями и, обильно доставляя ему пищу, даже въ летаніи оказываютъ сильную помощь, слегка поддерживая его съ обѣихъ сторонъ своими крыльями, что извѣстно всякому» (стр. 146. б. 8). И потомъ далѣе: «никто да не сѣтуетъ на свою нищету, и хотя бы ничего не оставалось у него въ домѣ, да не отчаявается въ своей жизни, смотря на замысловатость ласточки. Когда вьетъ она гнѣздо, сучья носить во рту, но грязи не можетъ захватить ногами; почему, обмочивъ края перьевъ въ водѣ и обмазавъ ихъ тонкою пылью, чрезъ этотъ способъ отвращаетъ недостатокъ въ грязи, и мало-по-малу какъ клеемъ слѣпивъ грязью сучья, въ гнѣздѣ своемъ выкармливаетъ птенцовъ. Научись изъ сего, по причинѣ нищеты не приниматься за худыя дѣла, и въ самыхъ тяжкихъ злостраданіяхъ не терять надежды, и не сидѣть въ праздности и бездѣйствіи, но прибѣгать къ Богу, Который, даруя столько ласточкѣ, тѣмъ больше подастъ тому, кто возопіетъ къ Нему отъ всего сердца» (тамъ же). Такимъ образомъ природа, по изъясненію св. Василия, дѣйствительно является училищемъ Боговѣдѣнія и собраніемъ самыхъ назидательныхъ уроковъ нравственной жизни для человѣка. Достоинъ вниманія искусство св. Василия въ выводѣ этихъ уроковъ. Онъ удивительно способенъ находить въ томъ или другомъ твореніи такія именно черты, которыя наиболѣе даютъ возможности извлекать изъ нихъ нравственные уроки для человѣка. Говоритъ ли о «перехожихъ рыбахъ», онъ изъ ихъ повиновенія вложенному въ нихъ Творцемъ инстинкту научаетъ чело-

вѣка, чтобы онъ также заботился о своемъ спасеніи, какъ эти безгласныя рыбы заботятся объ удобствахъ своей жизни (стр. 130—131). Ехидна даетъ ему поводъ сдѣлать наставленіе мужьямъ и женамъ. «Ехидна, говоритъ онъ, самая лютая изъ пресмыкающихся, для брака сходится съ морскою муреною, и свистомъ извѣщающая о своемъ приближеніи, вызываетъ ее изъ глубинъ для супружескаго объятія. И она слушается и вступаетъ въ соединеніе съ ядовитою ехидной. Къ чему клонится сія рѣчь? Къ тому, что если и суровъ, если и дикъ нравомъ сожитель, супруга должна переносить это и ни подъ какимъ предлогомъ не соглашаться на расторженіе союза. Онъ буенъ? но мужъ. Онъ пьяница? но соединенъ по естеству. Онъ грубъ и своенравенъ? но твой уже членъ и даже драгоценнѣйшій изъ членовъ. Да выслушаетъ и мужъ приличное ему наставленіе. Ехидна, уважая бракъ, предварительно извергаетъ свой ядъ; ужели же ты изъ уваженія къ союзу не отложишь жестокосердія и безчеловѣчія» (Бес. 7. стр. 132)? «Не могу умолчать, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, о лукавствѣ и вороватости полипа, который всякій разъ принимаетъ цвѣтъ камня, къ которому легко пристааетъ; почему многія рыбы, безъ опасенія плавая, приближаются къ полипу, точно какъ къ камню, и дѣлаются готовою добычею хитреца. Таковы нравомъ тѣ, которые угождаютъ всякой преобладающей власти, каждый разъ сообразуются съ обстоятельствами, не держатся постоянно одного и того же намѣренія, удобно дѣлаются то тѣмъ, то другимъ, съ цѣломудренными уважаютъ цѣломудріе, съ невоздержными невоздержаніе, въ угодность всякому переменяютъ расположенія. Отъ такихъ людей нелегко уклониться, и спастись отъ наносимаго ими вреда; потому что задуманное ими лукавство глубоко закрыто личиною дружбы. Людей такого нрава Господь

называетъ волками хищными, которые являются въ одеждахъ овчихъ (Мѡ. VII, 15). Бѣгай на все изворотливаго и многоличнаго нрава, домогайся истины, искренности и простоты» (Б. 7, стр. 127). Виноградная лоза даетъ ему поводъ къ слѣдующимъ прекраснымъ разсужденіямъ: «корень виноградной лозы, зеленѣющія и большія вѣтви, кругами раскидывающіяся по землѣ, зародышъ, завиваніе лозы, зеленые ягоды, спѣлые грозды, достаточно на все это одного твоего взора, чтобы разумный взглядъ на виноградную лозу внушилъ тебѣ, о чемъ напоминаетъ природа. Ибо помнишь конечно объ уподобленіи Господа, Который называетъ Себя «лозою», а Отца «дѣлательемъ», каждого же изъ насъ именуетъ розгою, чрезъ вѣру насажденною въ Церкви, и побуждаетъ насъ къ многоплодію, чтобы не преданы мы были огню по осужденіи за бесполезность (Іоан. XV, 6). И Онъ не престаеетъ вездѣ уподоблять человѣческія души винограднымъ лозамъ. Ибо сказано: «виноградъ бысть возлюбленному въ розѣ, на мѣстѣ тучнѣ». И: «лозу насадихъ, и оградихъ огражденіемъ» (Ис. V, 1. 2). Очевидно, что подъ виноградомъ разумѣетъ человѣческія души, для которыхъ соградилъ огражденіе, оплотъ заповѣдей и охраненіе отъ ангеловъ. Ибо «ополчится ангелъ Господень окрестъ боящихся Его» (Пс. 33, 8). Потомъ какъ бы и окопъ сдѣлалъ около насъ, «положивъ въ Церкви первѣе апостоловъ, второе пророковъ, третіе учителей» (1 Кор. XII, 28). Примѣрами же древнихъ и блаженныхъ мужей возводя мысли наши на высоту, не оставилъ ихъ поверженными долу, и достойными поправанія. Онъ хочетъ также, чтобы мы, какъ бы нѣкоторыми завивками соплетались съ ближними объятіями любви, и упокоевались въ нихъ, и, всегда стремясь къ горнему, какъ вьющіяся виноградныя вѣтви, старались уравниваться съ вершинами самыхъ высокихъ. Онъ тре-

буетъ еще, чтобы мы терпѣли, когда окапываютъ насъ. А душа окапывается чрезъ отложеніе мірскихъ заботъ, которыя составляютъ бремя для нашихъ сердецъ. Посему, отложившій плотскую любовь и привязанность къ богатству, и признавшій презрѣннымъ и смѣшнымъ пристрастіе къ здѣшней бѣдственной славѣ, какъ бы окопался и обновился въ силахъ, свергнувъ съ себя напрасное бремя земного мудрованія. Не должно же... разрастаться въ вѣтви, т. е. жить на показъ, и домогаться похвалы за внѣшность; но надобно быть благоплоднымъ, предоставляя истинному Земледѣлю показаніе дѣлъ. А ты будь и «яко маслина плодovита въ дому Божіи» (Псал. 51, 10), никогда не совлекаясь упованія, но имѣя въ себѣ всегда цвѣтущее спасеніе, пріобрѣтаемое чрезъ вѣру. Ибо такимъ образомъ будешь подражать всегдашней зелени этого растенія и соревновать его многоплодію, во всякое время подавая обильную милостыню» (Бес. 5, стр. 86—87). Приведенныхъ примѣровъ вполне достаточно для того, чтобы ясно представить себѣ главную задачу, какую преслѣдовалъ св. Василій въ своихъ бесѣдахъ на Шестодневъ. Выраженная имъ точка зрѣнія на природу, вполне согласная со взглядомъ на нее св. Писанія, должна служить руководительницею для всякаго проповѣдника, если случай заставитъ его обратиться къ изъясненію явленій природы. Для него видимая природа должна быть великою книгою Божіею, повѣдающею славу Божію, провозвѣстницею Его чудесъ и путеводительницею въ стремленіи человека къ нравственному совершенству. Таковою она и является въ бесѣдахъ св. Василія, которыя поэтому проповѣдникъ всегда долженъ имѣть въ виду, если хочетъ учить народъ нагляднымъ образомъ, заимствуя нравственные для него уроки изъ явленій природы. Конечно въ бесѣдахъ св. Василія встрѣчается много

взглядовъ на природу, несогласныхъ съ современнымъ ученіемъ наукъ естественныхъ, есть много сказаній о звѣряхъ, гадахъ и рыбахъ, которыя близки къ фабуламъ; но все это не важно, дѣло не въ нихъ: проповѣдникъ долженъ твердо усвоить основную точку зрѣнія св. отца на предметъ: долженъ, пользуясь данными естествознанія, рисовать природу, какъ провозвѣстницу славы Божіей и нравственную руководительницу человѣка. Эта точка зрѣнія тѣмъ болѣе должна быть обязательна для проповѣдника, что такой двоякій взглядъ на природу проходитъ чрезъ все св. Писаніе какъ ветхаго, такъ и новаго завѣта. Апостолъ называетъ язычниковъ за обоготвореніе разныхъ тварей «безотвѣтными» предъ Богомъ на томъ именно основаніи, что сама природа, если бы они разумнѣе и внимательнѣе ее изучали, могла приводить ихъ къ познанію о Богѣ ¹⁾. Съ другой стороны Самъ Спаситель нерѣдко преподавалъ Своимъ слушателямъ нравственныя наставленія, опираясь на всѣмъ извѣстныя явленія природы: Онъ указываетъ на лиліи, на птицъ ²⁾ и т. п.

Впрочемъ, нравственно-назидательный элементъ не составляетъ единственного и исключительнаго содержанія бесѣдъ на Шестодневъ. Его значеніе въ нихъ только преобладающее. По мѣстамъ же въ этихъ бесѣдахъ можно встрѣтить и полемику при изъясненіи тѣхъ мѣстъ Бытописателя, на которыхъ основывались какія-нибудь мысли, несогласныя съ истиннымъ и здравымъ ученіемъ. Такъ въ первой бесѣдѣ св. Василиій разбираетъ мнѣнія языческихъ философовъ, учившихъ о совѣчности міра и матеріи Богу. Во второй бесѣдѣ касается ученія дуалистовъ, принимавшихъ два начала, доброе и злое. Въ 8-й бесѣдѣ, какъ мы видѣли, назы-

¹⁾ Римл. I, 20.

²⁾ Мѡ. VI, 26 и 28.

ваетъ безсмысленнѣйшими рыбъ философовъ, вѣровавшихъ въ переселеніе душъ. Въ шестой бесѣдѣ, говоря о сотвореніи небесныхъ свѣтилъ, подвергаетъ критикѣ ученіе астрологовъ, утверждавшихъ, что эти послѣднія имѣютъ большое вліяніе на судьбу человѣка. «Отъ чего, спрашиваетъ онъ, у царей, при наслѣдственномъ образѣ правленія, всегда рождаются цари? Неужели рожденіе дѣтей всегда приурочивается у нихъ къ царскимъ созвѣздіямъ? Неужели не могло случиться, чтобы у царя родился сынъ въ часъ рабскій? Затѣмъ, если принять бредни астрологовъ, напрасно мы издаемъ законы, имѣемъ судей и проч., потому что воръ, убійца въ такомъ случаѣ невиновны въ своихъ преступленіяхъ», и т. д. (т. I, стр. 109).

При своихъ изъясненіяхъ исторіи міротворенія въ бесѣдахъ на Шестодневъ, св. Василиій держался главнымъ образомъ буквального смысла словъ, и неодобрительно отзывался объ иносказаніяхъ и аллегоріяхъ. «Извѣстны мнѣ правила иносказаній, говорилъ онъ, хотя не самъ я изобрѣлъ ихъ, но нашелъ въ сочиненіяхъ другихъ. По симъ правиламъ иные, принимая написанное не въ общеупотребительномъ смыслѣ, воду называютъ не водою, но какимъ-нибудь другимъ веществомъ, и растенію и рыбѣ даютъ значеніе по своему усмотрѣнію, даже бытіе гадовъ и звѣрей объясняютъ сообразно со своими понятіями, подобно какъ и снотолкователи видѣнному въ сонныхъ мечтаніяхъ даютъ толкованія, согласныя съ собственнымъ ихъ намѣреніемъ. А я, слыша о травѣ, траву и разумѣю; также растеніе, рыбу, звѣря и скотъ, все чѣмъ оно названо, за то и принимаю. «Не стыжуся бо благовѣствованіемъ» (Римл. I, 16). Прибѣгать безъ всякой нужды къ иносказаніямъ и выискивать другой смыслъ въ словахъ Писанія, кромѣ того, какой ясно представляется въ

немъ всякому здравомыслящему, по мнѣнію св. Василия Великаго, значить хотѣтъ придать отъ себя нѣкоторую важность Писанію, ставить себя премудрѣе словесъ Духа и подъ видомъ толкованія вводить собственные свои мысли. «Посему, прибавляетъ, такъ и будемъ разумѣть, какъ написано» (Бес. 9, стр. 127—129). Прибавимъ къ этому еще слѣдующія слова его изъ третьей бесѣды: «намъ о раздѣленныхъ водахъ нужно сказать одно слово тѣмъ церковнымъ толковникамъ, которые, подъ видомъ примѣненія и возвышенныхъ размышленій, прибѣгли къ иносказаніямъ, утверждая, что подъ водами, въ переносномъ смыслѣ, разумѣются духовныя и безплотныя силы, и что вверху, надъ твердію силы совершенныя, а внизу, въ мѣстахъ надземныхъ, наполненныхъ грубѣйшимъ веществомъ, удержались силы лукавыя» (стр. 57). И потомъ нѣсколько ниже продолжаетъ: «отринувъ подобныя симъ ученія, какъ толкованіе сновъ и басни старыхъ женщинъ, мы подъ водою будемъ разумѣть воду» и т. д. (стр. 58). Такъ неблагоклонно относился св. Василій къ аллегористамъ вообще, называя ихъ толкованія «баснями старыхъ женщинъ». Ближайшимъ образомъ въ своихъ нападкахъ онъ могъ имѣть въ виду Оригена, доводившаго часто свои аллегорическія толкованія до непозволительныхъ крайностей, до уничтоженія всякаго значенія буквальнаго смысла и исторической дѣйствительности многихъ библейскихъ событій.

Но избѣгая крайностей аллегоризма, особенно въ примѣненіи къ исторіи мірозданія, св. Василій далекъ былъ и отъ крайности мертвящаго буквализма. Тамъ, гдѣ дѣйствительно есть въ Писаніи смыслъ сокровенный, не каждому доступный, тамъ св. Василій, съ опытностію богословѣннаго истолкователя словесъ Духа, входитъ въ духъ Писанія, углубляется въ его

тайны и износить ихъ для своихъ слушателей. «Слова Божіи, говоритъ онъ, писаны не для всѣхъ, а только для тѣхъ, которые имѣютъ уши по внутреннему челоуѣку» (Бес. на пс. 44). Поэтому-то при изъясненіи псалмовъ, въ которыхъ, по ученію всей Церкви, много таинственнаго, прообразовательнаго и пророчественнаго, св. Василій Великій очень часто отъ буквальнаго смысла обращается къ таинственному.

БЕСѢДЫ НА ПСАЛМЫ.

Ближайшее отношеніе къ бесѣдамъ св. Василия Великаго на Шестодневъ имѣютъ бесѣды на псалмы, въ которыхъ также въ строгомъ порядкѣ изъясняются слушателямъ слова св. Писанія. Всѣхъ бесѣдъ его на псалмы дошло до насъ тринадцать (на псалмы: 1, 7, 14, 28, 29, 32, 33, 44, 45, 48, 59, 61 и 114). Несомнѣнно, что св. Василиемъ Великимъ произнесено ихъ было гораздо больше. Доказательства этого мы находимъ въ самыхъ бесѣдахъ. Такъ бесѣда на первый псаломъ представляется недоконченною. Здѣсь проповѣдникъ послѣ прекрасной общей характеристики псалмовъ успѣлъ объяснить только два первыхъ стиха и закончилъ бесѣду изъясненіемъ словъ: «и на сѣдалищи губителей не сѣде». Бесѣда вышла все-таки такъ обширна и продолжительна, что св. Василій счелъ неудобнымъ продолжать ее до конца; потому что, какъ самъ онъ замѣчаетъ, будь она продолжена дальше, и слушателямъ было бы нелегко соблюсти все въ памяти, и ему самому было бы «трудно продолжать служеніе слову, потому что у него, по врожденной немощи, не достало бы голоса». Поэтому онъ рѣшился отложить окончаніе бесѣды до другого раза, обѣщался «при помощи Божіей восполнить недостающее» (Бес. 1. т. I, стр. 192). Но окончаніе этой бесѣды не дошло до насъ. Затѣмъ, до насъ

дошла только бесѣда на окончаніе четырнадцатаго псалма, а бесѣды на начало этого псалма мы не имѣемъ, хотя и несомнѣнно, что она была произнесена. Въ этомъ убѣждаемся самымъ началомъ дошедшей до насъ бесѣды на этотъ псаломъ: «вчера бесѣдовалъ я съ вами, такъ начинается эта бесѣда, о четырнадцатомъ псалмѣ, но время не дозволило дойти до конца рѣчи. Нынѣ являюсь, какъ признательный должникъ, чтобы отдать вамъ оставшійся долгъ» (т. I, стр. 212).

Бесѣдамъ своимъ на псалмы св. Василій предпосылаетъ прекрасную характеристику псалмовъ. Здѣсь онъ разсматриваетъ достоинство псалмовъ какъ въ самихъ себѣ, такъ и по отношенію ихъ къ нравственно-религіозному воспитанію человѣка, и по животворному вліянію ихъ на его чувство. Это общее ученіе о достоинствѣ псалмовъ составляетъ нѣчто въ родѣ введенія къ бесѣдамъ на псалмы и изложено въ бесѣдѣ на первый псаломъ. Бесѣду эту самъ Василій Великій называетъ «предисловіемъ». Въ этомъ мы находимъ, кромѣ изложенныхъ выше, новое доказательство того, что бесѣды на псалмы произнесено было больше дошедшаго до насъ количества. Предисловіе предпосылается обыкновенно чему-нибудь цѣльному и законченному. Можно думать даже, что Василій Великій имѣлъ въ виду предложить своимъ слушателямъ полный курсъ бесѣдъ на всѣ псалмы. Во всякомъ случаѣ подобное предисловіе было бы неумѣстно для нѣсколькихъ бесѣдъ только на нѣкоторые псалмы.

По мысли св. Василія Великаго, псалмы составляютъ какъ бы центральный пунктъ, или фокусъ, въ которомъ отражаются всѣ разнообразныя характерныя черты разныхъ отдѣловъ св. Писанія. Хотя «все Писаніе богодухновенно и полезно есть» (1 Тим. III, 16), тѣмъ не менѣе однако каждый отдѣлъ Писанія, не нарушая

единства цѣлаго, имѣетъ свое особое специфическое содержаніе, и слѣдовательно свое особое нравственно-назидательное ученіе. Говоря словами св. Василія «иному учать пророки, иному бытописатели; въ одномъ наставляетъ законъ, въ другомъ предложенное въ видѣ приточнаго увѣщанія. Но книга псалмовъ заключаетъ въ себѣ полезное изъ всѣхъ книгъ: она пророчествуетъ о будущемъ, приводитъ на память событія, даетъ законы для жизни, предлагаетъ правила для дѣятельности. Короче сказать, она есть общая сокровищница добрыхъ ученій и тщательно отыскиваетъ, что каждому на пользу... Здѣсь есть совершенное богословіе, предреченіе о пришествіи Христовомъ во плоти, угроза судьямъ, надежда воскресенія, страхъ наказанія, обѣтованія славы, откровенія таинствъ. Все какъ бы въ великой сокровищницѣ собрано въ книгѣ псалмовъ» (т. I, стр. 177. 180). Возвышенный религіозно-поэтический складъ псалмовъ способенъ возводить духъ человѣческій къ высокимъ созерцаніямъ и отрѣшати его отъ всего земного и вещественнаго. Оттого св. Василій, начавши восхвалять достоинство псалмовъ совершенно спокойнымъ тономъ, постепенно воодушевляется и доходитъ наконецъ до нѣкотораго рода вдохновеннаго состоянія. По мѣрѣ его воодушевленія самый слогъ его становится постепенно живѣе и энергичнѣе, наконецъ похвала псалмовъ принимаетъ у него восторженно-поэтический тонъ. «Псаломъ—тишина душъ, раздаятель мира; онъ утишаетъ мятежныя и волнующіеся помыслы; онъ смягчаетъ раздражительность души и уцѣломудриваетъ невоздержность. Псаломъ—посредникъ дружбы, единеніе между далекими, примиреніе враждующихъ. Ибо кто можетъ еще почитать врагомъ того, съ кѣмъ возносилъ единый гласъ къ Богу? Посему псалмопѣніе доставляетъ намъ одно изъ величайшихъ благъ—любовь, избрѣтя сово-

купное пѣніе вмѣсто узла къ единенію, и сводя людей въ одинъ согласный ликъ. Псаломъ—убѣжище отъ демоновъ, вступленіе подъ защиту ангеловъ, оружіе въ ночныхъ страхованіяхъ, упокоеніе отъ дневныхъ трудовъ, безопасность для младенцевъ, украшеніе въ цвѣтущемъ возрастѣ, утѣшеніе старцамъ, самое приличное убранство для женъ. Псаломъ населяетъ пустыни, уцѣломудриваетъ торжища. Для нововступающихъ—это начатки ученія, для преспѣвающихъ—приращеніе вѣдѣнія, для совершенныхъ—утвержденіе; это гласъ Церкви. Онъ дѣлаетъ празднества свѣтлыми, онъ производитъ «печаль яже по Бозѣ» (2 Кор. VII, 10). Ибо псаломъ и изъ каменнаго сердца вынуждаетъ слезы. Псаломъ—занятіе ангеловъ, небесное сожителство, духовный оиміамъ. Это—мудрое изобрѣтеніе учителя, устроившаго, чтобы мы пѣли, и вмѣстѣ учились полезному. Отъ сего и уроки легче напечатлѣваются въ душахъ. Ибо выучиваемое съ принужденіемъ не остается въ насъ надолго, а что принято съ удовольствіемъ и пріятностію, то въ душахъ укрѣпляется тверже» (стр. 178—179). Последними словами св. Василій Великій указываетъ на образъ употребленія псалмовъ въ древней Церкви при богослуженіи. Въ настоящее время они обыкновенно при богослуженіи читаются; поются же въ весьма рѣдкихъ случаяхъ. Въ древней же Церкви они пѣлись, и пѣлись совокупнымъ голосомъ всѣхъ присутствующихъ при богослуженіи. Такое совокупное пѣніе съ одной стороны располагало сердца вѣрующихъ къ высокой религіозной настроенности и молитвенному воодушевленію, съ другой, сильно способствовало къ легчайшему напечатлѣнію самыхъ словъ псалма въ сердцахъ вѣрующихъ. Св. отецъ видитъ въ этомъ премудрое устройство Духа, сочетавшаго въ одномъ дѣйствіи полезное и спасительное съ пріятнымъ. «Духъ

Святый зналъ, говоритъ онъ, что трудно вести родъ человѣческій къ добродѣтели, и что, по склонности къ удовольствію, мы нерадимъ о правомъ пути. Итакъ, что же дѣлаетъ? Къ ученіямъ примѣшиваетъ пріятность сладкопѣнія, чтобы вмѣстѣ съ усладительнымъ и благозвучнымъ для слуха принимали мы непримѣтнымъ образомъ и то, что есть полезнаго въ словѣ. Такъ и мудрые врачи, давая пить горькое врачевство имѣющимъ отъ него отвращеніе, нерѣдко обмазываютъ чашу медомъ. На сей-то конецъ изобрѣтены для насъ сіи стройныя пѣснопѣнія псалмовъ, чтобы и дѣти возрастомъ, или вообще не возмужавшіе нравами, повидимому только пѣли ихъ, а въ дѣйствительности обучали свои души. Едва ли кто изъ простолюдиновъ, особливо нерадивыхъ, пойдетъ отсюда удобно удержавъ въ памяти апостольскую и пророческую заповѣдь, а стихи изъ псалмовъ и въ домахъ поютъ, и на торжищахъ возглашаютъ. И если бы кто, какъ звѣрь, разсвирѣпѣлъ отъ гнѣва, какъ скоро усладится слухъ его псалмомъ, пойдетъ прочь, немедленно укротивъ въ себѣ свирѣпость души сладкопѣніемъ» (стр. 178).

Бесѣды на псалмы отличаются такою же простотою внѣшняго построенія, какъ и бесѣды на Шестодневъ. Св. Василій внимательно разсматриваетъ въ нихъ не только каждое предложеніе, но и всякое отдѣльное слово объясняемаго псалма. Въ этомъ случаѣ имъ руководило весьма понятное въ ревностномъ пастырѣ проповѣдникѣ стремленіе ясно, понятно и отчетливо изложить своимъ слушателямъ смыслъ объясняемаго мѣста Писанія, чтобы не могли уже послѣ этого зародиться въ душахъ ихъ какія-либо недоразумѣнія. Это же заботливое попеченіе о благѣ своихъ слушателей, предносившемся всегда предъ его глазами, заставляетъ нашего проповѣдника вездѣ, гдѣ есть къ тому возможность, выводить изъ объяснен-

наго мѣста псалма нравственно-руководительные принципы для жизни. Направляя свою жизнь и дѣятельность по этимъ принципамъ, его пасомые могли достигнуть главной цѣли земной жизни человѣка: вѣчнаго спасенія и единенія съ Богомъ. Къ этому-то и стремился св. Василій Великій всею своею проповѣдническою дѣятельностію, и это есть конечная цѣль пастырскаго учительства, завѣщанная Самимъ Спасителемъ, Который молился Отцу небесному предъ Своимъ страданіемъ такъ: «Отче святыи, не о сихъ (апостолахъ) молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя: да вси едино будутъ: якоже ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тии въ Насъ едино будутъ» (Іоан. XVII, 20).

Указанные приемы св. Василія Великаго сами по себѣ даютъ намъ ясное и точное представленіе о внѣшнихъ и внутреннихъ свойствахъ бесѣдъ его на псалмы. По внѣшней своей формѣ, онѣ, какъ и бесѣды на Шестодневъ, имѣютъ истинный характеръ гомиліи. Исключение составляетъ только бесѣда на окончаніе четырнадцатаго псалма, имѣющая всѣ свойства настоящаго, ораторскаго слова, въ которомъ проповѣдникъ направляетъ свои грозныя и сильныя обличенія противъ ростовщиковъ. Слово это относятъ обыкновенно къ числу самыхъ лучшихъ и образцовыхъ, сильныхъ и энергичныхъ словъ св. Василія Великаго.

По внутреннему своему свойству бесѣды на псалмы хотя напоминаютъ собою бесѣды на Шестодневъ, но замѣтно и отличаются отъ нихъ. Это отличіе прежде всего мы видимъ въ томъ, что нравственно-назидательнаго элемента въ нихъ меньше, чѣмъ въ бесѣдахъ на Шестодневъ. Это зависитъ конечно отъ самаго свойства псалмовъ, своимъ пророчественно-догматическимъ содержаніемъ дающихъ гораздо меньше поводовъ къ нравственнымъ назиданіямъ, чѣмъ исторія мірозданія, разсмотрѣн-

ная въ бесѣдахъ на Шестодневъ. Этимъ же свойствомъ псалмовъ объясняются конечно и двѣ другія особенности бесѣдъ на псалмы. Особенности эти касаются самыхъ приемовъ въ способѣ толкованія. Бесѣды на Шестодневъ имѣютъ популярное изложеніе. Здѣсь св. Василій излагаетъ исторію мірозданія по тексту седмидесяти, толкуетъ самый текстъ, не прибѣгая ни къ какимъ учено-экзегетическимъ приемамъ. Въ бесѣдахъ же на псалмы онъ нерѣдко при изъясненіи какого-нибудь труднаго мѣста для лучшаго уясненія его смысла сравниваетъ между собою текстъ седмидесяти, Акилы, Симмаха и Θεодотіона (см. Бес. на псс. 44, 48, 59), что придаетъ этимъ его бесѣдамъ ученый характеръ. Другая особенность касается самаго способа толкованія. Въ бесѣдахъ на Шестодневъ, св. Василій держался почти исключительно буквальнаго способа толкованія и высказался даже враждебно по отношенію къ аллегорическимъ толкованіямъ. Такое отношеніе къ дѣлу въ бесѣдахъ на Шестодневъ требовалось самымъ характеромъ исторіи міротворенія, гдѣ всякія аллегорическія толкованія могутъ привести къ отрицанію факта, исторію превратить въ простой нравственный урокъ, только выраженный образно, какъ это и есть по мѣстамъ у Оригена. Между тѣмъ при изъясненіи псалмовъ подобный буквализмъ былъ бы излишенъ. Псалмы заключаютъ въ себѣ много таинственнаго, пророчественнаго и прообразовательнаго; усиливаться прилагать къ нимъ буквальный способъ толкованія значило бы стремиться лишить ихъ одного изъ существенныхъ и неотъемлемыхъ свойствъ, даже болѣе, лишить ихъ самаго характера богодухновенности. Поэтому-то въ бесѣдахъ на псалмы св. Василій Великій очень часто отъ смысла буквальнаго обращается къ смыслу таинственному и сокровенному. Замѣчательна осторожность его въ этомъ дѣлѣ: свои таинственные толкованія онъ весьма

рѣдко предлагаетъ въ смыслѣ положительнаго ученія и въ тонѣ догматической рѣчи, но по большей части въ видѣ собственнаго частнаго мнѣнія и въ формѣ предположеній. Предлагая какое-нибудь таинственное толкованіе, онъ всегда почти дѣлаетъ такіа оговорки: «вотъ это мѣсто имѣетъ такой-то смыслъ, а быть можетъ въ смыслѣ таинственномъ оно означаетъ и вотъ что» и т. п. (см. Бес. на пс. 7, 28, 29, 32). Для примѣра приведемъ объясненіе слѣдующихъ словъ двадцать восьмого псалма: «гласъ Господень на водахъ»: «если искать смысла чувственнаго, то поелику облака, когда они наполнены водою, сталкиваясь между собою, издають звукъ и трескъ, то и здѣсь сказано: гласъ Господень на водахъ. Но также если бываетъ шумъ отъ водъ, разсѣваемыхъ какими ни есть преградами, и если море, возмущаемое вѣтромъ, волнуется и издаетъ сильный звукъ; то сіи неодушевленные вещества имѣють гласъ отъ Господа, по указанію Писанія, что всякая тварь едва не вопіетъ, возвѣщая о своемъ Создателѣ... *А можетъ быть*, что въ смыслѣ болѣе таинственномъ сказано: гласъ Господень на водахъ, когда при крещеніи Иисуса былъ гласъ свыше: сей есть Сынъ Мой возлюбленный (Матѣ. III, 17). Ибо тогда былъ Господь на водахъ многихъ, освящая воды крещеніемъ, и Богъ славы велегласнымъ свидѣтельствомъ возгремѣ свыше» (стр. 233—234). Подобное «быть можетъ» онъ употребляетъ почти всегда, когда предлагаетъ какое-нибудь таинственное толкованіе. Такая осмотрительность, умѣренность и скромность, плодъ глубокаго пониманія дѣла и вмѣстѣ духовнаго смиренія, составляютъ одно изъ отличительныхъ свойствъ св. Василія Великаго, одинаково выражавшихся и въ жизни, и въ словѣ его, и сообщавшихъ поведенію и бесѣдѣ его особенную пріятность и привлекательность. Сколько онъ любитъ всякую истину, столько же благо-

говѣетъ предъ нею и, можно сказать, опасается сдѣлать ей какое-нибудь насиліе, чрезъ принужденное или по крайней мѣрѣ не безусловно истинное толкованіе. Вслѣдствіе такого глубокаго уваженія къ истинѣ Писанія онъ сдѣлался толковникомъ, вѣрнымъ требованіямъ священной герменевтики: не искать таинственнаго смысла тамъ, гдѣ его нѣтъ, и не игнорировать его тамъ, гдѣ онъ есть. Вотъ почему въ бесѣдахъ на Шестодневъ св. Василій нападалъ на Оригеновы аллегорическія изъясненія исторіи мірозданія: тамъ они излишни и неприложимы; въ бесѣдахъ же на псалмы, по замѣчанію преосв. Филарета, самъ пользовался толкованіями Оригена (Истор. уч. объ отц. Ц. т. II, стр. 148).

Таковы отличительныя черты бесѣдъ Василія Великаго на псалмы. Самая лучшая изъ нихъ—бесѣда на окончаніе четырнадцатаго псалма, или вѣрнѣе слово на ростовщиковъ. По силѣ и энергіи мысли, стройности изложенія, живописности и изобразительности слово это принадлежитъ къ разряду самыхъ лучшихъ словъ св. Василія Великаго.

Въ четырнадцатомъ псалмѣ псалмопѣвецъ описываетъ свойства человѣка праведнаго, достойнаго по своей жизни обитать «въ жилищи Господнемъ». Между другими свойствами такого человѣка онъ выставляетъ въ немъ между прочимъ слѣдующую черту: «сребра своего не даде въ лихву» (Псал. 14, 5). Этотъ-то стихъ и составляетъ главную основную тему слова на ростовщиковъ. Ростовщичество есть одно изъ самыхъ безобразныхъ и безчеловѣчныхъ явленій общественной жизни. Этотъ бичъ недостаточныхъ и перебивающихся со дня на день людей, въ настоящее время смягченный и ограниченный гуманнымъ законодательствомъ, во времена Василія Великаго былъ страшнѣйшимъ бѣдствіемъ для должника. Займодавецъ имѣлъ надъ нимъ право жизни

и смерти. Онъ могъ уморить его голодною смертію въ тюрьмѣ, продать все его имущество, продать его самого, его жену и дѣтей въ рабство, словомъ, имѣлъ возможность лишить его всего, что считается самымъ лучшимъ, самымъ дорогимъ для человѣка въ жизни. Промышлять подобнымъ занятіемъ значило посягать на личность человѣка, посягать на его свободу, и слѣдовательно становиться въ прямое противорѣчіе съ закономъ любви христіанской и даже съ простымъ естественнымъ чувствомъ человѣколюбія. Поэтому въ св. Писаніи порокъ этотъ весьма строго порицается. Пророкъ Іезекииль полагаетъ въ числѣ самыхъ тяжкихъ грѣховъ брать «лихву и избытокъ» (Іез. XII, 12). Законъ ясно говоритъ: «да не даси въ лихву брату твоему и ближнему твоему» (Втор. XXIII, 19). Псалмопѣвецъ, изображая городъ, исполненный «беззаконія и пререканія», говоритъ о немъ: «не оскудѣ отъ стогнѣ его лихва и лѣсть» (Пс. 54, 12). И въ четырнадцатомъ псалмѣ также отличительною чертою человѣческаго совершенства пророкъ ставитъ доброе свойство не брать лихвы: «сребра своего не даде въ лихву».

Св. Василій Великій, всѣ свои богатые дарованія и всю силу своего краснорѣчія употреблявшій на то, чтобы направить жизнь своихъ пасомыхъ по духу истинной христіанской любви, не могъ конечно равнодушно видѣть существованіе этого страшнаго порока среди своей паствы. Понятно поэтому его сильное негодованіе противъ этого зла, негодованіе, которое съ полною ясностію отражается во всемъ его словѣ на ростовщиковъ. Здѣсь онъ громитъ своимъ сильнымъ обличеніемъ какъ тѣхъ, которые по слабости ли своей или по пристрастію къ роскошной жизни, входя въ долги, лишаютъ себя спокойствія душевнаго, лишаютъ даже самаго дорогого свойства человѣческаго—свободы, такъ равно и

тѣхъ, которые пользуются слабостію или бѣдностію своего ближняго, и извлекаютъ для себя изъ несчастій убогаго доходъ и обогащеніе.

Въ этомъ словѣ мы встрѣчаемся съ новою проповѣдническою чертою, которой нѣтъ ни въ бесѣдахъ на Шестодневъ, ни въ другихъ бесѣдахъ на псалмы. До селѣ мы видѣли въ св. Василии учителя, который, изъясняя своимъ слушателямъ слова Писанія, выводилъ изъ нихъ нравственныя правила, по которымъ они должны устроить и располагать свою жизнь. Но этимъ однимъ дѣятельность пастыря-проповѣдника не можетъ ограничиться. Онъ долженъ еще наблюдать, чтобы преподанные имъ правила сдѣлались дѣйствительно правилами жизни его пасомыхъ, т. е. чтобы пасомые не только ихъ знали, но исполняли бы и на дѣлѣ. Въ этомъ случаѣ пастырь-проповѣдникъ, если встрѣчаетъ въ своей паствѣ уклоненія отъ идеала нравственно-христіанской жизни, является судіею и обличителемъ пороковъ. Этою-то нравообличительною стороною пастырски-проповѣднической дѣятельности св. Василій Великій и заявляетъ себя въ словѣ на ростовщиковъ. Въ словахъ его на разные случаи мы встрѣтимъ не мало словъ нравственно-обличительнаго характера, которыя дадутъ намъ ясное, полное и отчетливое представленіе объ этой сторонѣ проповѣднической дѣятельности св. Василия. Среди же изъяснительныхъ его бесѣдъ бесѣда на окончаніе четырнадцатаго псалма есть единственная бесѣда съ подобнымъ характеромъ. Поэтому мы представляемъ здѣсь подробное содержаніе этой бесѣды. Она введетъ насъ въ новую, еще не разсмотрѣнную нами, область проповѣдническихъ трудовъ св. Василия Великаго, область весьма интересную и живую, имѣющую непосредственное отношеніе къ жизни его пасомыхъ.

Бесѣдѣ предпосылается краткое вступленіе, въ ко-

торомъ проповѣдникъ, на основаніи словъ св. Писанія, доказываетъ, что лихва и ростъ суть пороки самые тяжкіе и нетерпимые въ человѣкѣ-христіанинѣ. Вслѣдъ за вступленіемъ представляется художественная картина, въ которой мы видимъ ростовщика и просителя денегъ. Ростовщикъ смотритъ на просящаго денежной ссуды, какъ на жертву, съ которой онъ хочетъ взять побольше прибыли, долго отказывается неимѣніемъ денегъ и потомъ съ радостію ссужаетъ ими, лишь только услышитъ о ростѣ и выгодныхъ процентахъ. Изображеніе и описаніе этой сцены въ высшей степени живописно, наглядно и вполне правдиво, будучи взято прямо изъ дѣйствительной жизни. «Сребролюбецъ, говоритъ св. Василій, видя, что человѣкъ, борющійся съ нуждою, проситъ у колѣнъ его, не хочетъ сжалиться надъ поступающимъ вопреки своему достоинству, не думаетъ объ единствѣ природы, не склоняется на просьбы, но стоитъ непреклоненъ и неумолимъ, не уступаетъ мольбамъ, не трогается слезами, продолжаетъ отказывать, божится и заклиняетъ самъ себя, что у него вовсе нѣтъ денегъ, что онъ самъ ищетъ человѣка, у кого бы занять; и эту ложь утверждаетъ клятвою, своимъ безчеловѣчіемъ приобрѣтая себѣ недобрую покупку—клятвенное преступленіе. А какъ скоро просящій въ займы помянетъ о ростѣ и поименуетъ залоги, тотчасъ, понизивъ брови, улыбнется, иногда припомянетъ о дружбѣ своей съ отцомъ его, назоветъ его своимъ знакомымъ и пріателемъ и скажетъ: «посмотримъ, нѣтъ ли гдѣ сбереженнаго серебра. Есть у меня, правда, залогъ одного пріателя, положенный ко мнѣ для приращенія, но пріатель назначилъ за него обременительный ростъ; впрочемъ я сбавлю чтонибудь, и отдамъ съ меньшимъ ростомъ». Прибѣгая къ такимъ выдумкамъ, и такими рѣчами обольщая и заманивая бѣднаго, беретъ съ него письменное

обязательство, и, при обременительномъ убожествѣ, отнявъ у него даже свободу, оставляетъ его» (т. I, стр. 213—214). Такое безчеловѣчное отношеніе къ нуждамъ ближняго, возмутительная холодность и жестокость и даже какъ будто самодовольное услажденіе униженіемъ и несчастіемъ бѣднаго оскорбляетъ нравственное чувство человѣка. Бѣднякъ проситъ хлѣба, а ему даютъ камень; онъ ищетъ врачевства, ему подносятъ яду; онъ хочетъ поправить свое состояніе, а изъ его бѣдности дѣлаютъ доходную статью. «Скажи мнѣ, спрашиваетъ св. Василій ростовщика, денегъ ли и прибыли ищешь ты у бѣднаго? Если бы онъ могъ обогатить тебя; то чего бы сталъ просить у дверей твоихъ? Онъ пришелъ за помощію, а нашелъ врага; онъ искалъ врачевства, а въ руки данъ ему ядъ. Надлежало облегчить убожество человѣка; а ты увеличиваешь нужду, стараясь отнять и послѣднее у неимущаго». Бѣдность и нищета составляютъ, такимъ образомъ, для ростовщика богатую и роскошную ниву, съ которой онъ, ничего не посѣявъ, хочетъ собирать и дѣйствительно собираетъ обильную жатву. «И какъ земледѣльцы, продолжаетъ проповѣдникъ, молятъ дождя для приумноженія сѣмянъ; такъ и ты желаешь людямъ скудости и убожества, чтобы деньги твои приносили тебѣ прибыль. Или не знаешь, что ты болѣе приращаешь грѣхи свои, нежели умножаешь богатство придуманнымъ ростомъ» (стр. 214). Такова ослѣпляющая человѣка сила страсти. Богачъ ростовщикъ дѣйствительно и не хочетъ видѣть и не видитъ тяжкой грѣховности въ своемъ безсердечномъ поведеніи. Не видитъ онъ также страданій бѣдности; не видитъ тѣхъ бессонныхъ ночей, которыя проводитъ бѣднякъ, размышляя о средствахъ къ прокормленію своей семьи, не хочетъ знать тѣхъ нравственныхъ мученій, которыя испытываетъ онъ, рѣшаясь на заемъ, т. е. рѣшаясь

разстаться съ своею самостоятельностью и свободою, съ своимъ семействомъ, и отдать все это въ кабалу заимодавцу; онъ не хочетъ понять наконецъ всей гнусности своего самодовольнаго услажденія униженіемъ своего ближняго, онъ не замѣчаетъ всего этого, а видитъ только на яву и во снѣ одно: деньги и приращеніе своего богатства.

Нельзя лучше изобразить и легкомысліе человѣка, не умѣющаго жить на свои средства, и переживаемыя имъ душевныя состоянія, какъ изображаетъ ихъ великій психологъ-проповѣдникъ. «Взявшій деньги, говоритъ онъ, сначала свѣтелъ и веселъ, восхищается чужими цвѣтами, допускаетъ перемѣну жизни: столъ у него открытый, одежда многоцѣнная, слуги одѣты пышнѣе прежняго; есть льстецы, застольные друзья и тысячи трутней въ домѣ. Но какъ деньги утекаютъ, а время своимъ продолженіемъ увеличиваетъ ростъ; то и ночи не приносятъ ему покоя, и день не свѣтелъ, и солнце неприятно; а напротивъ того, жизнь для него тягостна, ненавистны дни, поспѣшающіе къ сроку; боится онъ мѣсяцевъ, потому что отъ нихъ плодится ростъ. Спитъ ли онъ? и во снѣ видится заимодавецъ—это злое привидѣніе, стоящее въ головахъ. Бодрствуетъ ли? и помышленіе и забота у него о ростѣ. Сказано: «заимодавцу и должнику срътшимся другъ съ другомъ, посѣщеніе творитъ обѣма Господь» (Притч. XXIX, 13). Одинъ, какъ песъ, бѣжитъ на добычу, другой, какъ готовая ловитва, страшится встрѣчи, потому что нищета отнимаетъ у него смѣлость. У обоихъ счетъ на пальцахъ; одинъ радуется увеличенію роста, другой стонаетъ о приращеніи бѣдствій» (стр. 215).

Безчеловѣчно и жестоко поведеніе ростовщика, и потому заслуживаетъ полнаго осужденія. Но неодобрительна также и нерасчетливость человѣка, неумѣющаго

прожить на свои собственные средства и самопроизвольно отдающаго себя, какъ «готовую ловитву», въ рабство богачу-заимодавцу. «Пій воды отъ своихъ сосудовъ», говоритъ премудрый (Притч. V, 15), т. е. считывай вѣрнѣе свои собственные средства, не ходи къ чужимъ источникамъ, но изъ собственныхъ своихъ капель собирай для себя утѣшенія въ жизни, и тогда ты будешь богатъ. Ибо богатъ не тотъ, кто много имѣетъ, но тотъ, кто умѣетъ довольствоваться своимъ собственнымъ состояніемъ, хотя бы оно было и невелико; равнымъ образомъ и бѣденъ не тотъ, кто мало имѣетъ, но тотъ, кто живетъ шире своихъ средствъ. Лучше даже терпѣть недостатокъ, но сохранить свободу. Поэтому не ходи къ чужимъ дверямъ; ибо «студенецъ чуждѣй тѣсенъ» (Притч. XXIII, 27). «Братъ въ заемъ—начало лжи, случай къ неблагодарности, вѣроломству, клятвенно-преступленію... Теперь ты бѣденъ, но свободенъ. А взявъ въ заемъ, и богатымъ не сдѣлаешься, и свободы лишишься. Взявшій въ заемъ сталъ рабомъ заимодавца, рабомъ, наемникомъ, который несетъ на себѣ самую тяжелую службу. Псы, получивъ кусокъ, дѣлаются кроткими, а заимодавецъ раздражается по мѣрѣ того, какъ беретъ; онъ не перестаетъ лаять, но требуетъ еще большаго. Если клянешься, не вѣритъ; высматриваетъ, что есть у тебя въ домѣ, вывѣдываетъ, что у тебя въ долгахъ. Если выходишь изъ дома, влечетъ тебя къ себѣ и грабитъ. Если скроешься у себя, стоитъ предъ домомъ и стучитъ въ двери, позоритъ тебя при женѣ, оскорбляетъ при друзьяхъ, душитъ на площади. И праздникъ невесело тебѣ встрѣтитъ; самую жизнь дѣлаетъ онъ для тебя несносною» (стр. 216—217).

Эти мѣста, въ которыхъ проповѣдникъ бранитъ бѣднаго, не умѣющаго жить расчетливо, суть лучшія мѣста въ разсматриваемомъ нами словѣ. Въ нихъ прогляды-

ваетъ теплое чувство, чувство искреннѣйшаго сожалѣнія и глубокаго участія къ несчастію ближняго. Всѣ симпатіи его, очевидно, на сторонѣ бѣднаго. Святой проповѣдникъ, повидимому, хочетъ одинаково строго отнестись и къ жестокости богача-заимодавца и къ нерасчетливости бѣднаго. Но тонъ его рѣчи въ томъ и въ другомъ случаѣ совершенно неодинаковъ, потому что неодинаково онъ относится къ поведенію того и другого. Поведеніе богача его возмущаетъ, поведеніе же бѣднаго возбуждаетъ въ немъ только сожалѣніе. Богачъ-ростовщикъ для него свирѣпое плотоядное животное, высасывающее кровь своего ближняго, «песъ, ищущій ловитвы». Бѣднякъ же — несчастная жертва, требующая спасенія. Оттого его обличенія, направленные на нерасчетливаго бѣдняка, не имѣютъ того грознаго, карательнаго характера, какой видится въ обличеніяхъ на ростовщика. Напротивъ, они срастворены любовію, согрѣты теплымъ сердечнымъ участіемъ; ему жаль бѣднаго; онъ усердно проситъ, убѣждаетъ и умоляетъ его не доводить себя до закрѣпощенія жестокому ростовщику. Обличенія эти похожи на сердечную мольбу нѣжно любящей матери, съ какою она обращается къ своимъ дѣтямъ, предостерегая ихъ отъ какого-нибудь гадкаго, вреднаго и ядовитаго животнаго. Изъ этого побужденія вытекаютъ разнообразныя доказательства и доводы, имѣющіе цѣлю убѣдить бѣдняка не отдавать себя добровольно въ кабалу. «Если ты богатъ, то не имѣешь нужды въ займѣ; а если бѣденъ, то не имѣешь на это права, потому что тебѣ нечѣмъ расплатиться. Зачѣмъ же продаешь свою свободу?» «Мы бѣдные отличаемся отъ богатыхъ однимъ — свободою отъ заботъ; наслаждаюсь сномъ, смѣемся надъ ихъ безсонными ночами; не зная безпокойствъ и будучи свободны, смѣемся надъ тѣмъ, что они всегда связаны и озабочены. А должникъ

и бѣденъ, и обремененъ безпокойствами. Не спитъ онъ ночью, не спитъ и днемъ, во всякое время задумчивъ, оцѣнивая то свое собственное имущество, то великолѣпныя дома и поля богачей, одежды мимоходящихъ, домашнюю утварь угощающихъ. «Если бы это было мое, говоритъ онъ, я продалъ бы за такую и такую-то цѣну, и освободился бы тѣмъ отъ платежа роста». Это и ночью лежитъ у него на сердцѣ, и днемъ занимаетъ его мысли. Если стукнешь въ дверь, должникъ прячется подъ кровать. Вбѣжалъ кто-нибудь скоро, у него забилося сердце. Залаялъ песъ; а онъ обливается потомъ, томится предсмертною мукою, и высматриваетъ, куда бѣжать. Когда наступаетъ срокъ, заботливо придумываетъ, что солгать, какой изобрѣсти предлогъ, и чѣмъ отдѣлаться отъ заимодавца» (стр. 219). «Не доводи же себя до подобнаго состоянія. Ты свободно смотришь на солнце. Для чего же завидуешь самъ себѣ въ свободѣ жизни? Но какъ же мнѣ прокормиться, говоришь ты? У тебя есть руки, есть ремесло. Наймись, служи; много промысловъ жизни, много способовъ. Но у тебя нѣтъ силъ? Проси у имѣющихъ. Но просить стыдно? А еще стыднѣе не отдать взятаго въ заемъ. Я говорю тебѣ это вовсе не какъ законодатель, но хочу показать, что все для тебя сноснѣе займа. Муравей и пчела пропитываются, ни у кого не одолжаясь; послѣдняя даже остатки своей пищи приносить въ даръ царямъ; но имъ природа не дала ни рукъ, ни искусствъ. А ты, человекъ, животное изобрѣтательное на промыслы, неужели не можешь найти промысла, могущаго прокормить тебя?» (стр. 221).

Итакъ, причина бѣдствій должника заключается въ нерасчетливости, въ неумѣніи довольствоваться своими источниками. Опытъ показываетъ намъ постоянно, что «до займа доходятъ обыкновенно не тѣ, которые нужда-

ются въ необходимомъ (имъ никто и не повѣритъ въ долгъ), но занимаютъ люди, которые предаются безразсчетнымъ издержкамъ и бесполезной пышности, раболѣпствуютъ женскимъ прихотямъ. Жена говоритъ: «мнѣ нужно дорогое платье и золотыя вещи, и сыновьямъ необходимы приличные имъ и нарядныя одежды, и слугамъ надобны цвѣтныя и пестрыя одѣянія, и для стола потребно изобиліе». И мужъ, выполняя такія распоряженія жены, идетъ къ ростовщику». Итакъ, корень зла—въ жизни не по средствамъ, въ непомерной роскоши и страсти къ пышнымъ нарядамъ, что всегда составляло и составляетъ преимущественную слабость женскаго пола, и вмѣстѣ истинное несчастье жизни и чистое рабство. Нужно думать, что страсть къ безразсчетнымъ денежнымъ тратамъ, любовь къ роскоши и жизнь не по средствамъ, эти вѣчныя недуги человечества, составляли одно изъ больныхъ мѣстъ и кесарійской паствы. Но тогда страшно было и бѣдствіе, постигавшее нерасчетливаго любителя пожить, входившаго вслѣдствіе этого въ долги. Поэтому св. Василій Великій употребляетъ всю силу своего краснорѣчія, указываетъ всѣ гибельныя послѣдствія подобнаго образа жизни, чтобы искоренить это зло въ своей паствѣ. Всѣ его наставленія, полныя сострадательнаго участія къ должнику, обращены преимущественно къ этому послѣднему. Представивъ самыя разнообразныя доказательства всей неразумности нерасчетливаго образа жизни, изобразивъ всѣ бѣдствія, необходимо слѣдующія за нимъ, онъ наконецъ обращается къ самому завѣтному уголку сердца человѣческаго—любви къ дѣтямъ, и изъ этой любви выводитъ побужденія къ тому, чтобы не продавать себя заимодавцу. «Видалъ я, говоритъ онъ, жалкое зрѣлище, какъ свободно рожденныхъ за отцовскіе долги влекли на торгъ для продажи. Ты не можешь

оставить дѣтямъ денегъ? По крайней мѣрѣ не отнимай у нихъ и благородства. Сбереги для нихъ это одно достояніе—свободу, этотъ залогъ, полученный тобою отъ родителей. Никого никогда не винили за убожество отца, но отцовскій долгъ доводитъ до тюрьмы. Не оставляй по себѣ рукописанія, которое бы уподоблялось отеческой клятвѣ, переходящей на дѣтей и внуковъ» (стр. 222—223).

Таково послѣднее наставленіе неумѣющимъ жить на свои средства, *пьющимъ воду не отъ сосудовъ своихъ, но почерпающимъ ее изъ чуждыхъ студенцевъ*. Не оставлены безъ конечнаго наставленія и ростовщики. «Послушайте, богатые, какіе совѣты даемъ мы бѣднымъ по причинѣ вашего безчеловѣчія: лучше съ терпѣніемъ переносить другія бѣдствія, нежели тѣ, какія бываютъ слѣдствіемъ роста. Не было бы ничего подобнаго, если бы вы помнили и исполняли заповѣдь Господа: *взаимъ дадите, отъ нихже не чаете воспріяти* (Лук. VI, 34. 35), и: *милуй нища взаимъ даетъ Богови* (Притч. XIX, 17)... Но ты берешь ростъ съ бѣднаго и это есть верхъ чловѣконенавистничества. Ты изъ чужихъ несчастій извлекаешь прибыль; со слезъ собираешь деньги; душишь нагого; бьешь голоднаго. У тебя нѣтъ жалости; нѣтъ и мысли о родствѣ съ страдальцемъ; и ты называешь чловѣколюбивыми получаемые такимъ образомъ прибыли? *Горе глаголющимъ горькое сладкое, и сладкое горькое* (Исаи V, 20), и называющимъ безчеловѣчіе чловѣколюбіемъ... Земледѣлецъ, получивъ колосья, не ищетъ опять подъ корнемъ сѣмени; а ты и плоды берешь и не прощаешь того, съ чего получаешь ростъ. Ты безъ земли сѣешь; не сѣявъ, жнешь. Неизвѣстно, кому собираешь. Есть проливающий слезы отъ роста, это извѣстно; но кто воспользуется пріобрѣтеннымъ чрезъ это богатствомъ, это сомнительно. Ибо неизвѣстно, не другимъ

ли предоставишь употребленіе богатства, собравъ для себя одно зло неправды. Итакъ, *хотящаго зяяти не отврати* (Матѳ. V, 42), *и сребра твоего въ лихву не дай*» (стр. 224—225). Таково послѣднее увѣщаніе ростовщикамъ. Слово заканчивается краткимъ славословіемъ Богу.

Слово на ростовщиковъ даетъ намъ возможность намѣтить здѣсь характерныя особенности и черты св. Василия Великаго, какъ проповѣдника-обличителя. Въ этомъ словѣ мы видимъ мастерски нарисованные портреты людей живыхъ, непосредственно взятые изъ жизни. Сцена, изображающая обращеніе ростовщика съ ищущимъ займа, въ высшей степени наглядна и живописна. Изображенія душевныхъ состояній бѣдняка, мучимаго страшнымъ привидѣніемъ заимодавца, вполне художественны. Картины, представленныя въ словѣ, носятъ на себѣ отпечатокъ временныхъ и мѣстныхъ отношеній. Такимъ образомъ наглядность, живописность и художественность, современность и народность суть отличительныя проповѣдническія качества св. Василия Великаго, какъ проповѣдника-обличителя, которыя во всей своей полнотѣ выразились въ словахъ его на разные случаи.

Слова на разные случаи.

Слова св. Василия Великаго на разные случаи представляютъ особенный интересъ для изученія по своему непосредственному отношенію къ жизни современнаго проповѣднику общества кесарійскаго. Они даютъ намъ ясное представленіе о той паствѣ, которую призванъ былъ руководить къ жизни вѣчной и воспитывать по духу Христову св. Василій, обрисовываютъ намъ ея нравственный обликъ и знакомятъ съ ея особенно выдающимися страстями и пороками. Самая личность великаго пастыря-проповѣдника представляется намъ въ нихъ съ новыхъ сторонъ, съ какихъ мы не могли его

видѣть въ его истолковательныхъ бесѣдахъ. Предъ нами является уже не просто безстрастный учитель, спокойно предлагающій съ церковной кафедры правила вѣры и дѣятельности, и раскрывающій глубины Писанія, не пророкъ только, вѣщающій народу глаголы Божіи, какимъ казался намъ св. Василій въ своихъ бесѣдахъ на Шестодневъ и псалмы. Въ словахъ на разные случаи предъ нами выступаетъ проповѣдникъ-человѣкъ, обладающій всѣми человѣческими чувствами: онъ возмущается, негодуетъ, скорбитъ и радуется. Онъ имѣетъ самое живое отношеніе къ своей паствѣ и находится съ нею въ самой тѣсной связи. Всѣ малѣйшія колебанія, неровности и перемѣны, происходящія въ нравственной области его пасомыхъ, находятъ живой откликъ въ сердцѣ проповѣдника и вызываютъ его могучее слово, въ которомъ пасомые покорно выслушиваютъ его приговоръ надъ собою. Въ этихъ словахъ мы читаемъ одну изъ безчисленныхъ страницъ исторіи борьбы правды и истины, представителемъ которыхъ является христіанскій пастырь-проповѣдникъ, съ ложью и заблужденіемъ, этими несчастными принадлежностями падшаго человечества.

Будучи представителемъ этой вѣчной правды, проповѣдникъ долженъ откликаться на всѣ уклоненія отъ нея, происходятъ ли они въ области ума или сердца. Живя одною жизнію съ своею паствою, радуясь ея радостями и раздѣляя съ нею ея слезы, онъ долженъ быть чрезвычайно чуткимъ ко всѣмъ явленіямъ въ жизни и настроеніи своихъ пасомыхъ и сообразно съ этимъ давать своему слову тотъ или другой характеръ, такое или иное направленіе. Проповѣдь такого пастыря естественно должна будетъ имѣть столь же разнообразное содержаніе, какъ разнообразны бываютъ движенія человѣческой воли. Доказательствомъ этого служатъ слова

св. Василия на разные случаи. Въ нихъ не легко отыскать одну общую идею, одну связующую нить, около которой можно было бы сгруппировать весьма разнообразное ихъ содержаніе, а потому и трудно представить цѣльный ихъ образъ, не прибѣгая къ помощи дробленія и классификаціи.

По содержанію своему слова эти (ихъ 25) могутъ быть раздѣлены на три группы: къ первой мы отнесемъ слова догматическія или догматико-полемиическія, ко второй слова похвальные, и къ третьей, самой обширной, слова собственно нравственные, или, какъ прежде мы ихъ называли, нравообличительныя.

Всѣхъ словъ св. Василия Великаго съ догматическимъ содержаніемъ мы имѣемъ четыре: слово о томъ, что Богъ не виновникъ зла, слово о вѣрѣ, слово на текстъ: *въ началѣ бѣ Слово* и слово противъ савелліанъ, Арія и аномеевъ. Содержаніе перваго изъ этихъ словъ ясно обозначается самымъ его заглавіемъ. Содержаніе послѣднихъ трехъ словъ составляетъ разсужденіе о лицахъ Святой Троицы, преимущественно же о божествѣ Сына Божія и Духа Святаго.

Слова эти были отвѣтомъ на живые вопросы, волновавшіе въ то время не только паству кесарійскую, но и весь тогдашній христіанскій міръ. Ученіе о лицахъ пресвятыя Троицы, и преимущественно ученіе о божествѣ Сына Божія и Духа Святаго составляли камень преткновенія для многихъ тогдашнихъ христіанъ. Аріанство не переставало волновать Церковь. Императоръ Валентъ покушался ввести ересь во всей подвластной ему имперіи. Мы видѣли, какого ревностнаго и непоколебимаго защитника и охранителя чистоты его нашло себѣ православіе въ св. Василии Великомъ. Всѣ угрозы префекта Модеста, направленные къ тому, чтобы страхомъ заставить мужественнаго проповѣдника истины

раздѣлить заблужденіе императора, кончились ничѣмъ. Оградивши свою паству отъ насильственнаго вторженія аріанскаго заблужденія, св. Василий не оставался безучастнымъ и къ интересамъ цѣлой вселенской Церкви. Его три книги противъ Евномія и книга о Святомъ Духѣ будутъ служить всегдашнимъ памятникомъ, съ одной стороны, его глубокаго пониманія высочайшихъ истинъ христіанской догматики, и съ другой, свидѣтельствомъ его пастырской заботливости и ревности о чистотѣ ученія вселенской Церкви. Но кесарійская паства была конечно ближайшимъ и постояннымъ предметомъ его пастырскихъ заботъ и попеченій. И она также требовала разрѣшенія своихъ догматическихъ недоумѣній. Извѣстно, что въ то время страсть къ богословскимъ спорамъ и разсужденіямъ дошла до крайнихъ предѣловъ. По словамъ св. Григорія Богослова, богословскими вопросами занимались на площадяхъ, на перекресткахъ, они проникли даже и въ женскіе терема¹⁾. Григорій Богословъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду болѣе всего константинопольскую паству; но въ нарисованной имъ картинѣ мы позволяемъ себѣ видѣть ясное отраженіе тогдашняго религіознаго состоянія всего христіанскаго востока.

Слова св. Василия Великаго даютъ намъ по крайней мѣрѣ полное право утверждать это относительно кесарійской паствы. Она также сильно интересовалась богословскими вопросами и тѣмъ требовала отклика на нихъ со стороны своего пастыря. Въ словѣ о вѣрѣ св. Василий говоритъ, что онъ рѣшается разсуждать о Богѣ, именно уступая общественному настроенію. По его словамъ, памятовать о Богѣ—благочестиво, но рѣшаться словомъ описывать божественное—дерзко; потому что

¹⁾ См. его первое слово о богословіи, слов. предуготовит.

«и мысль далеко не досягаетъ достоинства предмета, а слово не ясно изображаетъ и то, что представляетъ мысль». Но онъ рѣшается вести рѣчь о Богѣ по мѣрѣ силъ своихъ; потому что, какъ онъ самъ говоритъ, «нынѣ всякій слухъ отверстъ къ слушанію богословія» (Тв. св. В. В. т. IV, стр. 259). Уступая этому общественному настроенію, онъ даетъ однако замѣтить своимъ слушателямъ, что богословствовать могутъ только весьма немногіе. Для этого нужно имѣть мысль настолько очищенную, настолько чуждую всякаго матеріальнаго прилога, чтобы она могла отрѣшиться отъ всего чувственнаго, отъ всего временнаго и пространственнаго и вознестись до чистѣйшей созерцательности, погрузиться въ это безпредѣльное и безконечное море сущности. «Если ты, говоритъ краснорѣчивый проповѣдникъ, хочешь говорить или слышать о Богѣ, отрѣшись отъ своего тѣла, отрѣшись отъ тѣлесныхъ чувствъ, оставь землю, оставь море, сдѣлай, чтобы воздухъ былъ ниже тебя, минуй времена года, ихъ чинный порядокъ, украшенія земли, стань выше зѣира, пройди звѣзды, ихъ чудеса, ихъ благолѣпіе, величину, пользу, какую составляютъ цѣлому, благоустройство, свѣтлость, положеніе, движеніе и то, сколько онѣ имѣютъ связи, или разстоянія. Протекши все это умомъ, обойди небо и, ставъ выше его, одною мыслию обозри тамошнія красоты: пренебесныя воинства, ликостоянія ангеловъ, начальства архангеловъ, славу господствій, предсѣданія престоловъ, силы, начала, власти. Миновавъ все это, оставивъ ниже помышленій своихъ всю тварь, возведя умъ за предѣлы его, представъ въ мысли Божіе естество, неподвижное, непревратное, нетлѣнное, безстрастное, простое, несложное, нераздѣльное, свѣтъ неприступный, силу неизреченную, величину безпредѣльную, славу лучезарную, которая сильно поражаетъ уязвленную душу, но не мо-

жетъ по достоинству быть изображена словомъ. Тамъ Отецъ и Сынъ и Святой Духъ, не сотворенное естество, владычественное достоинство, естественная благодать» (т. IV, стр. 259—260).

Его изложеніе православнаго ученія о лицахъ Святой Троицы отличается ясностію и отчетливостію. Отношенія божескихъ вѣпостасей къ сущности Божества, такъ занимавшія тогдашнее христіанское общество, и въ частности и кесарійскую паству, обозначены у него точно и опредѣленно. Тонъ его рѣчи даже и тамъ, гдѣ проглядываетъ полемика съ еретиками, спокойный. Онъ большею частію совсѣмъ не упоминаетъ объ нихъ, и только разъ называетъ Савеллія, Маркіона и другихъ въ словѣ противъ савелліанъ, Арія и аномеевъ (т. IV, стр. 378—381). Излагая преимущественно положительное церковное ученіе, онъ дѣлаетъ только по мѣстамъ намеки и указанія на ученія еретическія; но указанія эти такъ тѣсно связаны съ общимъ ходомъ мыслей, что въ нихъ видишь какъ будто только необходимый выводъ изъ предыдущаго, а никакъ не полемическую приставку. Для примѣра приводимъ его разсужденіе объ отношеніяхъ лицъ Пресвятыя Троицы изъ слова о вѣрѣ: «Отецъ начало всего, причина бытія существъ, корень живущихъ. Отсюда произошелъ источникъ жизни, мудрость, сила, неразлучный образъ невидимаго Бога, отъ Отца рожденный Сынъ, живое Слово, сущій Богъ и сущій у Бога; сущій, а не привзошедшій, существующій прежде вѣковъ, а не въ послѣдствіи стяжанный; Сынъ, а не стяжаніе; Производитель, а не произведеніе; Творецъ, а не тварь, сущій всѣмъ тѣмъ, чѣмъ есть Отецъ... Гдѣ Отецъ и гдѣ Сынъ, тамъ узримъ и Духа Святаго, сосущественно и по естеству имѣющаго все: благодать, правоту, святость, жизнь... Все это не приобрѣтено Имъ, и не въ послѣдствіи привзошло: но какъ

отъ огня неотдѣлимо, что онъ грѣетъ, и отъ свѣта, что онъ свѣтитъ, такъ неотдѣлимо и отъ Духа, что Онъ святитъ, животворитъ, что Онъ благодать, правота. Поэтому Духъ состоитъ тамъ, въ блаженномъ естествѣ; не ко множеству причисляется, но умозерцается въ Троицѣ; единично возвышается, а не включается въ сочетаніе многихъ. Ибо какъ Отецъ единъ, и Сынъ единъ, такъ единъ и Духъ Святой... Посему не ищи въ тваряхъ Того, кто выше твари: освящающаго не низводи въ рядъ съ освящаемыми» (т. IV, стр. 260—262). Здѣсь нѣкоторыя слова несомнѣнно направлены противъ аріанъ и духоборцевъ, но въ нихъ, въ связи съ общимъ ходомъ мыслей проповѣдника, такъ мало замѣтенъ полемическій характеръ, что св. Василій Великій какъ будто только предостерегаетъ своихъ слушателей отъ возможности заблужденія, а не указываетъ на дѣйствительную ересь. Такое спокойное отношеніе къ заблужденію, плодъ глубокой и непоколебимой вѣры въ правоту своихъ убѣжденій, всегда было присуще св. Василію Великому. Онъ одинаковъ въ этомъ отношеніи какъ въ области теоретическаго мышленія, въ своихъ полемическихъ трактатахъ противъ еретиковъ, такъ и въ практической жизни, въ своихъ столкновеніяхъ съ живыми людьми. Преосвященный Филаретъ въ своемъ историческомъ ученіи объ отцахъ церкви, разобравъ полемическій трактатъ св. Василія противъ Евномія, о его полемическихъ приемахъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Съ утѣшеніемъ для чувства христіанскаго, съ покоемъ для испытательнаго ума, каждый можетъ читать такое сочиненіе, каково сочиненіе св. Василія противъ Евномія. При разсмотрѣніи сочиненія прежде всего и почти на каждой страницѣ представляется возвышенный, благородный тонъ, въ какомъ великій учитель обличаетъ своего противника и излагаетъ свои мысли. Прекрасны

слѣдующія слова его объ Аѳѣ въ началѣ перваго его слова: «не буду я говорить о немъ, какими науками онъ сначала занимался, какъ ворвался на пагубу въ Церковь Божию, чтобы не показаться мнѣ укорителемъ, забывшимъ долгъ обличителя». Это правило выдержано св. Василиемъ въ продолженіи всего сочиненія. Онъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы унижать въ своемъ лицѣ лице защитника истины жесткими, запальчивыми укоризнами своему противнику. Какъ ни дерзки были по мѣстамъ возраженія и выраженія Евномія, отвѣтъ на нихъ у св. Василія или молчаніе, или спокойное, но дышащее благочестіемъ, указаніе на ихъ дерзость. Преслѣдуя шагъ за шагомъ перваго діалектика изъ аріанскихъ діалектиковъ, онъ останавливается на каждой важной мысли, но не входитъ въ пустыя тонкости діалектики, безплодныя для ума и для сердца! «Не хочется мнѣ обличать суетность словъ сихъ», говоритъ св. Василій, приведши одинъ изъ пустыхъ софизмовъ Евномія и прибавляетъ: «тотъ, кто только спорить, нѣкоторымъ образомъ походитъ на пусто-слова» ¹⁾).

Въ силу своего спокойствія св. Василій всегда сохраняетъ ясное и отчетливое представленіе о разсматриваемомъ имъ предметѣ. Но ясность мышленія необходимо отражается и въ ясности изложенія. Оттого ясное, отчетливое и точное изложеніе мы находимъ у св. Василія и въ тѣхъ его словахъ, которыя трактуютъ о возвышеннѣйшихъ догматахъ христіанской вѣры. Читатель можетъ въ справедливости этого убѣдиться и по тѣмъ краткимъ выдержкамъ, которыя мы уже приводили, и которыя будемъ приводить и послѣ.

Послѣ вопроса объ отношеніяхъ лицъ Пресвятыхъ

¹⁾ Ист. учен. объ отцахъ Церкви, т. II, стр. 140.

Троицы кесарійскую паству вѣроятно сильно занималъ еще вопросъ о происхожденіи зла, разсмотрѣнію котораго посвящено упомянутое нами выше слово св. Василія о томъ, что Богъ не виновникъ зла. Вопросъ о происхожденіи зла беспокоитъ человѣчество съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ оно начало мыслить. Въ древнѣйшихъ сказаніяхъ и преданіяхъ почти всѣхъ народовъ встрѣчается мысль о насильственномъ вторженіи какого-то злого существа въ счастливую дотолѣ жизнь человѣческую и обольщеніи имъ прародителей рода человѣческаго. Это темное представленіе о дѣйствительномъ явленіи привело человѣчество, позабывшее божественное Откровеніе и не стоящее на его почвѣ, ко многимъ чудовищнымъ догадкамъ. Добро и зло, особенно въ конкретныхъ своихъ проявленіяхъ, какъ довольство и лишеніе, благосостояніе и потеря всего, являются совершенными противоположностями. Представляя ихъ дѣйствіями совершенно самостоятельными, не считали возможнымъ вслѣдствіе этого производить ихъ отъ одного начала. Отсюда дуализмъ въ разнообразныхъ своихъ видахъ, составлявшій принадлежность почти всѣхъ міровоззрѣній древняго востока. Съ явленіемъ христіанства онъ нашелъ себѣ пріютъ и въ немъ, легши въ основу сектъ гностическихъ. Церкви Христовой поэтому съ ранняго еще времени пришлось заняться разъясненіемъ этого вопроса, и св. Василій вызванъ былъ къ бесѣдѣ съ своими пасомыми о происхожденіи зла. Только кесарійская паства, воспитанная на ученіи о единомъ Богѣ, не хотѣла допускать двухъ началъ, хотя это было бы логичнѣе, а приписывала происхожденіе *зла* тому же Богу, Который есть высочайшая истина, высочайшая святость и высочайшее *благо*. Не замѣчали непримиримаго противорѣчія между этими двумя понятіями; не видѣли, что признаніе одного

изъ нихъ равнялось отрицанію другого и наоборотъ. Поэтому св. Василій Великій совершенно справедливо называетъ признающихъ Бога виновникомъ зла безбожниками. «Безуменъ тотъ, кто говоритъ: *нѣтъ Бога*. Но близокъ къ нему и нисколько не уступаетъ ему въ безсмыслии и тотъ, кто говоритъ, что Богъ есть виновникъ зла. Я полагаю, что грѣхъ ихъ равно тяжекъ; потому что оба равнымъ образомъ отрицаютъ Бога благого, одинъ говоря, что Бога нѣтъ, а другой утверждая, что Онъ не благъ. А поэтому въ томъ и другомъ случаѣ отрицается Богъ» (т. IV, стр. 144). Изъ слова видно, что паству св. Василія поражало зло, какъ конкретное явленіе. Ее занимали вопросы: «отъ чего болѣзни? Отъ чего безвременная смерть? Отъ чего истребленіе городовъ, кораблекрушенія, войны, голодные времена? Это есть, говорятъ, зло, а между тѣмъ все это Божіе произведеніе. Поэтому кого же иного, кромѣ Бога, признаемъ виновникомъ происходящаго?» (тамъ же). Эти вопросы были, по словамъ св. Василія, часто повторяемые вопросы, поэтому-то онъ и рѣшается сдѣлать на нихъ «внятное и не сбивчивое объясненіе» (тамъ же).

Для яснѣйшаго рѣшенія вопроса св. Василій сначала старается установить истинное понятіе о злѣ. Зло можетъ быть разсматриваемо, какъ фактъ, имѣющій объективное бытіе, зло само въ себѣ, и какъ фактъ, имѣющій только субъективное значеніе, существующій только въ нашемъ сознаніи. Последняго рода зло не есть зло въ собственномъ смыслѣ, и наше сознаніе въ этомъ случаѣ не можетъ служить критеріемъ для его опредѣленія. «Иное зло только въ нашемъ ощущеніи, а иное зло въ собственной своей природѣ. Зло само въ себѣ зависитъ отъ насъ, таковы: неправда, распутство, неразуміе, зависть, убійства, отравы, лживыя дѣла и всѣ однородные съ ними недостатки, которые, оскверняя

душу, созданную по образу Сотворшаго, обыкновенно помрачаютъ ея красоту. Но мы называемъ обыкновенно зломъ еще то, что трудно для насъ и болѣзненно для нашего ощущенія: тѣлесную болѣзнь, тѣлесныя раны, недостатокъ необходимаго, безславіе, ущербъ имѣнія, потерю родныхъ. Между тѣмъ каждое изъ сихъ бѣдствій мудрый и благій Владыка посылаетъ намъ къ нашей же пользѣ. Богатство отнимаетъ у тѣхъ, которые употребляютъ его худо, и тѣмъ сокрушаетъ орудіе ихъ неправды. Болѣзнь насылаетъ тѣмъ, кому полезнѣе имѣть связанные члены, нежели безпрепятственно устремляться на грѣхъ. Смерть насылается на тѣхъ, которые достигли предѣла жизни, какой отъ начала положенъ въ праведномъ судѣ Бога, издавна предусмотрѣвшаго, что полезно для каждаго изъ насъ» (стр. 145—146).

Такимъ образомъ зло дѣйствительное, зло само въ себѣ есть грѣхъ, умерщвляющій душу, а всякія бѣдствія, частныя и общественныя, каковы: засуха, голодъ, войны и т. п., вовсе не зло, а только кажутся таковымъ для нашихъ чувствъ. Напротивъ, они добро, потому что приводятъ насъ къ сознанію нашей грѣховности и покаянію, а потому посылаются премудрымъ Промысломъ для нашей же пользы. Въ рукахъ Божіихъ эти внѣшнія бѣдствія становятся по отношенію къ намъ врачебными средствами, излѣчивающими насъ отъ нашихъ душевныхъ недуговъ; а потому они не зло, а благо. «Ты не ставишь въ вину врачу, говоритъ проповѣдникъ, что онъ иное въ тѣлѣ рѣжетъ, другое прижигаетъ, а другое совершенно отнимаетъ; напротивъ того, даешь ему деньги, называешь его спасителемъ; потому что остановилъ болѣзнь въ небольшой части тѣла, пока страданіе не разлилось во всемъ тѣлѣ. А когда видишь, что отъ землетрясенія обрушился городъ на жителей, или что на морѣ съ людьми разбился корабль, не боишься

подвигнуть хульный языкъ на истиннаго Врача и Спасителя... Какъ въ рѣзаніи и прижиганіи не виновенъ врачъ, а виновна болѣзнь, такъ и истребленія городовъ, имѣя началомъ чрезмѣрность грѣховъ, освобождаютъ Бога отъ всякой укоризны» (стр. 146—147)... «И всякое зло такого рода посылается отъ Бога, чтобы предотвратить порожденіе истинныхъ золъ. Ибо и тѣлесныя страданія и внѣшнія бѣдствія измышлены къ обузданію грѣха. Итакъ, Богъ истребляетъ зло, а не отъ Бога зло. И врачъ истребляетъ болѣзнь, а не влагаетъ ее въ тѣло. Разрушенія же городовъ, землетрясенія, наводненія, гибель воинствъ, кораблекрушенія, всякое истребленіе многихъ людей, случающееся отъ земли или моря, или воздуха, или огня, или какой бы то ни было причины, бываютъ для того, чтобы уцѣломудрить оставшихся, потому что Богъ всенародные пороки уцѣломудриваетъ всенародными казнями. Посему въ собственномъ смыслѣ зло, т. е. грѣхъ, это зло, наиболѣе достойное сего наименованія, зависитъ отъ нашего произволенія; потому что въ нашей волѣ—или удержаться отъ порока, или быть порочнымъ. А изъ прочихъ золъ иныя, какъ подвиги, бываютъ нужны къ показанію мужества, на примѣръ, Іову лишеніе дѣтей, истребленіе всего богатства въ одно мгновеніе времени и пораженіе гнойными струпами; а иныя посылаются, какъ врачевство отъ грѣховъ, на примѣръ, Давиду домашній позоръ служить наказаніемъ за незаконное вожделѣніе» (стр. 150—151).

Этими разсужденіями устанавливается точка зрѣнія на предметъ, но еще нѣтъ въ нихъ рѣшенія вопроса. Зло представляется явленіемъ не самостоятельнымъ, не существующимъ вѣчно, какъ особое начало, но зависящимъ отъ нашего произволенія, оно есть «слѣдствіе поврежденій души». Слѣдовательно, оно не отъ Бога:

«безобразное не отъ прекраснаго, порокъ не отъ добродѣтели» (стр. 153). Доказавши, такимъ образомъ, что Богъ не можетъ быть виновникомъ зла, потому что Онъ высочайшее благо, св. Василій долженъ былъ далѣе, признавая существованіе зла, какъ фактъ, объяснить его происхожденіе. Послѣ его разсужденій самъ собою слѣдовалъ вопросъ: если зло и не безначально и не сотворено, то откуда же оно? Рѣшеніемъ этого вопроса занимается св. проповѣдникъ въ остальной части слова, до самаго его конца. Зло или грѣхъ представляется здѣсь какъ слѣдствіе нарушенія заповѣди Божіей, данной нашимъ прародителямъ въ раю; при этомъ разсказывается и объ отверженіи Богомъ сатаны, который сдѣлался, по своему противленію Богу, сѣятелемъ и распространителемъ зла въ мірѣ.

Считаемъ нужнымъ обратить здѣсь вниманіе на проповѣдническіе приемы св. Василія въ рѣшеніи этого вопроса, на его искусство и умѣнье приспособляться къ степени пониманія своихъ слушателей. Между послѣдними большинство, конечно, не было вполне подготовлено къ отвлеченному мышленію и къ ясному пониманію разсужденій объ отвлеченныхъ предметахъ. Зло же, какъ явленіе, имѣющее начало въ свободѣ духа человѣческаго, или, вѣрнѣе, въ ложномъ направленіи этой свободы, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу вопросовъ, трудно объяснимыхъ и не вполне понятныхъ и для сильно развитого мышленія. Посему св. Василию Великому нужно было какъ нибудь упростить вопросъ и представить рѣшеніе его въ болѣе или менѣе наглядной формѣ. Въ этомъ случаѣ онъ весьма удачно воспользовался аналогіею между болѣзнію тѣлесною и грѣхомъ, который есть зло въ собственномъ смыслѣ, какъ болѣзнію душевною. Доискивающимся рѣшенія вопроса: «откуда же зло, если оно и не безначально и не сотво-

рено» онъ отвѣчаетъ тоже вопросомъ: «откуда болѣзни? откуда тѣлесныя поврежденія?» На эти вопросы онъ представляетъ отвѣтъ, который можетъ уяснить нѣсколько происхожденіе грѣха и для человѣка, непривыкшаго къ отвлеченному мышленію. «Болѣзнь, такъ ведетъ свои разсужденія св. Василій, не есть что-либо нерожденное, она и не созданіе Божіе. Напротивъ того, животныя сотворены съ такимъ устройствомъ, какое имъ прилично по естеству, и введены въ жизнь съ совершенными членами, бываютъ же больны, уклонившись отъ того, что имъ естественно; ибо лишаются здоровья или отъ худого корма, или отъ другой какой болѣзнетворной причины. Слѣдственно Богъ сотворилъ тѣло, а не болѣзнь. Поэтому же Богъ сотворилъ душу, а не грѣхъ. Повредила же душа, уклонившись отъ того, что ей естественно. А что было для нея преимущественнымъ благомъ? Пребываніе съ Богомъ и единеніе съ Нимъ посредствомъ любви. Отпавъ отъ Него, она стала страдать различными и многовидными недугами. Почему же въ ней есть общая пріемлемость зла? По причинѣ свободнаго стремленія, всего болѣе приличнаго разумной природѣ. Не будучи связана никакою необходимостію, получивъ отъ Творца жизнь свободную, какъ сотворенная по образу Божію, она разумѣетъ доброе, умѣетъ имъ наслаждаться, одарена свободой и силой, пребывая въ созерцаніи прекраснаго и въ наслажденіи умопредставляемымъ, соблюдать жизнь, какая ей естественна; но имѣетъ также свободу и уклониться иногда отъ прекраснаго. А это бываетъ съ нею, когда пресытившись блаженнымъ наслажденіемъ, и какъ бы въ отягченіи какою-то дремотою ниспавъ съ высоты горняго, входитъ въ общеніе съ плотію для гнусныхъ наслажденій сластолюбіемъ» (т. IV, стр. 154—155). Эта параллель между грѣхомъ и болѣзнію тѣлесною, какъ уклоненіями отъ

естественной нормы, упрощаетъ ученіе о грѣхѣхъ и тѣмъ приближаетъ его къ пониманію самыхъ простыхъ слушателей. Св. Василій Великій въ этомъ случаѣ обладалъ рѣдкою способностію и умѣньемъ представлять въ наглядной формѣ самые отвлеченные предметы.

Похвальныхъ словъ отъ св. Василія Великаго мы имѣемъ столько же, сколько и догматическихъ, т. е. четыре: на день св. мученика Варлаама, на день св. мученика Гордія, на св. четыредесять мучениковъ и на св. мученика Маманта ¹⁾. Съ формальной стороны, по своимъ внѣшнимъ свойствамъ, похвальные слова христіанскихъ проповѣдниковъ сходны съ рѣчами языческихъ ораторовъ, въ принципиальномъ же отношеніи представляютъ имъ собою совершенную противоположность. Здѣсь совершенно другое міросозерцаніе, другая точка зрѣнія на предметъ. Тамъ господствуетъ начало матеріальное, здѣсь духовное. Св. Василій ясно показываетъ это существенное между ними различіе. Для похвальныхъ рѣчей правилами краснорѣчія предписывалось отыскивать отечество похваляемаго, хвалить его знаменитыхъ предковъ, говорить о его воспитаніи и т. п. На практикѣ эти «правила» приводили къ тому, что славное отечество, знаменитость рода и т. п. составляли въ числѣ похвальныхъ качествъ хвалимаго, какъ личныя его заслуги. Св. Василій смѣется надъ этою манерою современныхъ ему ораторовъ: подобные приемы онъ находитъ даже нелѣпыми. «Достоцестнѣ ли я отъ того, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ похвальныхъ словъ, что городъ совершилъ нѣкогда трудные и похвальные подвиги, воздвигъ славные памятники побѣдъ надъ врагами? Что мнѣ изъ того, если положеніе его благопріятно, удобно и зимою и лѣтомъ? А если онъ

¹⁾ Есть еще слово о мученицѣ Іулитѣ; но оно, по содержанію своему, ближе подходитъ къ словамъ нравственнымъ.

и людьми изобилень, и можетъ прокормить много скота, какая мнѣ изъ того польза? Пусть и множествомъ коней превосходитъ всѣ города подъ солнцемъ; можетъ ли это содѣлать насъ совершеннѣйшими въ человѣческой добродѣтели? А также, описывая вершины сосѣдней горы, что онѣ заоблачны и высоко подъемлются въ воздухъ, не обманываемъ ли сами себя тѣмъ, что будто бы чрезъ это восписываемъ похвалу людямъ? Всего будетъ смѣшнѣе, когда праведники презираютъ цѣлый міръ, а мы станемъ наполнять похвальные имъ рѣчи ничего нестоящими малостями» (стр. 282—283). Последними словами особенно ясно изображена неприложимость приемовъ краснорѣчія свѣтскаго къ краснорѣчію церковному. Интересы, задача и цѣль того и другого совершенно неодинаковы. Первое все привязано къ землѣ, послѣднее конечною цѣлію своею поставляетъ небо. Въ требованіяхъ даже относительно внѣшнихъ качествъ того и другого большая разница. Первое требуетъ нѣкоторыхъ украшеній въ слогѣ, послѣднее совсѣмъ не нуждается въ нихъ. Истина говоритъ сама за себя. *И слово мое и проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ человѣческихъ премудрости словесехъ, но въ явленіи Духа и силы* (1 Кор. II, 4), сказалъ Апостоль.

Похвальные слова св. Василія Великаго, какъ и другихъ проповѣдниковъ, имѣютъ характеръ повѣствовательный. Въ нихъ рассказывается жизнь мученика, претерпѣнныя имъ страданія и т. п. Цѣлію этихъ словъ поставлялась впрочемъ не исторія сама въ себѣ, а отчасти прославленіе памяти святого, главнымъ же образомъ то нравственное назиданіе, которое истекаетъ для вѣрующихъ изъ знакомства съ полною многотрудныхъ подвиговъ жизнію того или другого святого. «Достаточно, говоритъ онъ въ одномъ изъ похвальныхъ словъ, для насъ памятованія для всегдашней пользы.

Ибо самимъ праведникамъ не нужно приращеніе славы, но намъ, которые еще въ этой жизни, необходимо памятованіе для подражанія. Какъ за огнемъ само собою слѣдуетъ то, что онъ свѣтитъ, и за муромъ то, что оно благоухаетъ: такъ и за добрыми дѣлами необходимо слѣдуетъ полезное» (стр. 283).

Слова догматическія и похвальные составляютъ небольшую часть словъ св. Василия Великаго на разные случаи. Большинство же ихъ имѣетъ характеръ правообличительный. Такихъ словъ семнадцать. Въ нихъ св. Василий является строгимъ обличителемъ особенно выдающихся пороковъ ввѣренной ему паствы. Потворство человѣческимъ слабостямъ для него незнакомо. Св. Василий остается въ этомъ случаѣ вполне вѣренъ правилу, которое самъ онъ рекомендуетъ пастырямъ-учителямъ: «не должно пастырямъ величаться, или торговать словомъ ученія, изъ ласкательства слушателямъ, въ удовлетвореніе собственному сластолюбію или нуждамъ своимъ, но надобно быть такими, какими слѣдуетъ быть говорящимъ предъ Богомъ и во славу Божию» (т. III, стр. 468).

Кесарія, главный городъ каппадокійской области, былъ городъ богатый, для большинства жителей котораго жизнь была постояннымъ праздникомъ, весельемъ и пиромъ. Отсюда происходили страсть къ сильнымъ ощущеніямъ, чувственнымъ наслажденіямъ, привязанность къ богатству, которое давало возможность сластолюбцамъ привлекать къ своимъ услугамъ все блага міра сего. Василию Великому, какъ строгому аскету, была не по сердцу и казалась странною эта погоня за мнимымъ счастьемъ, состоявшимъ въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Онъ употреблялъ много усилій, чтобы отрѣзвить своихъ слушателей отъ такого фальшиваго взгляда на вещи, и установить въ нихъ вмѣсто этого правильный взглядъ

на жизнь земную и на все дары земного счастья. Самъ же св. Василий смотрѣлъ на все это глазами философа, все подводящаго подъ строгій анализъ холоднаго разсудка. Для него все эти измѣнчивыя вещи, удовольствія и радости земныя, небытіе, паутинная ткань, сонное мечтаніе. Самая измѣнчивость и непостоянство отнимаютъ отъ земныхъ удовольствій и радостей характеръ истинной дѣйствительности. «Жизнь человѣческая коротка, говоритъ онъ, маловременныя радости многотруднаго житія — паутинная ткань, наружный блескъ жизни — сонъ» (стр. 398). Поэтому, съ его точки зрѣнія, привязанность къ земнымъ удовольствіямъ, полнымъ суетности и превратности, для человѣка разсудительнаго по меньшей мѣрѣ явленіе если не нормальное, то странное.

Мысль о суетности и превратности всего земного — любимая мысль св. Василия Великаго. Она была для него не теоретическою только истиною, но составляла коренную основу всей его жизни. Онъ совсѣмъ не имѣлъ привязанности къ земному благополучію. Все его имущество состояло только изъ власяницы и нѣсколькихъ книгъ. Поэтому онъ весьма часто возвращается къ указанной мысли въ своихъ нравственныхъ словахъ. Къ сему, конечно, онъ еще побуждаемъ былъ тѣмъ, что въ жизни своихъ пасомыхъ встрѣчалъ частыя противорѣчія своему дорогому убѣжденію. Глубоко продуманная и прочувствованная и наконецъ проводимая во всехъ мелочахъ жизни его, мысль эта о суетности всехъ земныхъ радостей, превратившаяся для насъ въ общее мѣсто, но въ основѣ своей не могущая подлежать никакимъ оспариваніямъ, въ устахъ св. Василия Великаго пріобрѣтаетъ какъ будто характеръ новизны и, обставленная всегда въ словесномъ изложеніи самыми неопровержимыми доказательствами, читается каждый разъ

съ наслажденіемъ. Приводимъ здѣсь прекрасный отрывокъ изъ одного его слова, гдѣ любимая мысль св. проповѣдника выражена съ наибольшею ясностію и отчетливостію.

«Въ жизни, какъ въ училищѣ ратоборства, трудимся мы, говоритъ св. Василій, борясь со скорбями; и природѣ нашей много противниковъ. Удовольствія отнимаютъ твердость, роскошь измѣняетъ мужество, уныніе разслабляетъ силы, клеветы наносятъ оскорбленія, лесть прикрываетъ собою злоумышленія, страхъ дѣлаетъ, что падаемъ въ отчаяніе; и въ такомъ-то тревоженіи непрестанно обуреваются наша природа. Не только горести жизни несносны, но и то самое, что, повидимому, пріятно, печаливаетъ своею превратностію; и мы проходимъ жизнь, почти полную скорбей и слезъ. И если угодно тебѣ знать, выслушай описаніе горестей жизни.

Человѣкъ посѣянъ въ утробѣ матерней; но этому сѣянію предшествовала скорбь. Сѣмя брошено въ бразды естества; если только размыслимъ объ этомъ, то устыдимся началъ рожденія. Брошенное сѣмя измѣнилось въ кровь, кровь одѣбелѣла въ плоть, плоть со временемъ приняла на себя образъ; образовавшееся непонятнымъ для ума образомъ одушевилось, одушевленное воспиталось естественными средствами; стѣсняемый зародышъ скачетъ, негодуетъ на это узиліе естества; но едва наступило время рожденія, распались затворы чревоношенія, отверзлись двери естества, матерняя утроба разрѣшила удерживаемый ею дотолѣ плодъ; выскользнулъ въ жизнь этотъ борецъ скорби, вдохнули въ себя воздухъ эти уста твари; и чтожъ послѣ этого? первый отъ него звукъ — плачетъ. Достаточно этого, чтобы по началу узнать жизнь. Младенецъ коснулся земли, и не смѣется, но, едва коснувшись, объемлется болѣзнями и плачетъ. Онъ знаетъ уже, что заброшенъ бурею въ море

скорбей. Питается со слезами, сосетъ молоко съ принужденіемъ; достигаетъ возраста, и начинаетъ бояться родителей, или домашнихъ слугъ. Сталъ взрослымъ отрокомъ, и отданъ въ науку учителямъ. Вотъ страхъ, незнающій отдыха! Лѣнится, принимаетъ побои, проводитъ ночи безъ сна, но выучивается, вполне успѣваетъ, заходитъ далеко въ наукахъ, пріобрѣтаетъ добрую о себѣ славу, просвѣщенъ всѣми родами познаній, исполненъ опытности въ законовѣдѣніи, со временемъ достигаетъ мужескаго возраста, посвящаетъ себя военной службѣ. Опять начало еще болѣшихъ скорбей! Бойтся начальниковъ, подозрѣваетъ злонамѣренныхъ, прилѣпляется къ корысти, вездѣ ея ищетъ, сходитъ съ ума, домогаясь прибыли; неусыпенъ, проводитъ жизнь въ тяжбахъ. Разсчитывая выгоду, оставляетъ родину, никѣмъ невлекомый, служитъ неволью, трудится сверхъ силы, проводитъ въ заботахъ ночи, работаетъ неутомимо днемъ, какъ рабъ. Нужда запродала его свободу. Потомъ, послѣ всего этого, послѣ многихъ трудовъ и угожденій, удостоенъ онъ почестей, возведенъ на высоту чиновъ, управляетъ народами, повелѣваетъ войсками, величается, какъ первый сановникъ въ государствѣ, собралъ груды богатства; но съ трудами текло вмѣстѣ и время, съ чинами пришла и старость, и прежде, нежели насладился богатствомъ, отходитъ похищенный изъ жизни, и въ самой пристани терпитъ кораблекрушеніе. Ибо вслѣдъ за суетными надеждами идетъ смерть, посягающая смертнымъ. Такова жизнь человѣческая: непостоянное море, зыбкій воздухъ, неуловимое сновидѣніе, утекающій потокъ, исчезающій дымъ, бѣгущая тѣнь, собраніе водъ, колеблемое волнами. И хотя буря страшна, плаваніе опасно, однакоже мы пловцы спимъ безпечно. Страшно и свирѣпо море жизни, суетны надежды, надмевающія подобно бурямъ. Скорби ревуть,

какъ волны; злоумышленія скрываются, какъ подводные камни; враги лаютъ, какъ псы; похитители окружаютъ, какъ морскіе разбойники; приходитъ старость, какъ зима; настѣетъ смерть, какъ кораблекрушеніе. Видишь бурю—правъ искуснѣе; смотри, какъ плывешь, не затопи ладьи своей, нагрузивъ ее или богатствомъ, приобрѣтаемымъ неправдою, или бременемъ страстей» (т. IV, стр. 398—400).

Богатство, почести, привиллегіи и всѣ земныя преимущества св. Василій называлъ тѣнями, паутинною тканію, низводилъ ихъ въ рядъ чисто обманчивыхъ явленій. Очень понятно поэтому, что ему казалась смѣшною и недостойною благоразумнаго человека погоня за этими тѣнями и поставленіе въ этомъ задачи всей жизни. Что же взамѣнъ всего этого считалъ важнымъ св. Василій? Для него важна была только одна добродѣтель, которая имѣетъ постоянное бытіе, и которая пойдетъ вмѣстѣ съ душою и въ жизнь загробную. Для человека вѣрующаго она и должна быть дороже всего: «весьма благовременно, говоритъ онъ, взываетъ Павелъ: *есть снисканіе велие благочестіе*» (1 Тим. VI, 6). Что же касается до такъ называемыхъ благъ земныхъ, то погоня за ними доставляетъ только одни муки и разочарованія. Поэтому ими пользоваться нужно настолько, насколько это нужно для удовлетворенія необходимыхъ потребностей, довольствоваться только именно этимъ удовлетвореніемъ: *«есть снисканіе велие благочестіе съ довольствомъ»*: потому что всего богатѣе довольство, жизнь безъ излишествъ, упокоеніе беззаботное, богатство не вовлекающее въ сѣти, нужда дающая и послабу, тяжесть безъ скорби, содержаніе нескучное, наслажденіе неопосрамляющее. Приучающіе себя къ довольству избѣгаютъ волненій богатства: ибо богатый всего боится, боится дней, какъ времени судопроиз-

водствъ, боится вечеровъ, какъ удобныхъ ворами, боится ночей, какъ мученій отъ заботъ, боится утренняго времени, какъ доступа къ нему льстецовъ, боится не только времени, но и мѣста... *Есть снисканіе велие благочестіе съ довольствомъ*. Оно не заканчивается вмѣстѣ съ настоящею жизнію... Это стяжаніе безсмертное; съ растратою богатства оно не утрачивается... Богатство останется здѣсь, золото расхищается, серебро идетъ въ раздѣлъ, помѣстья продаются, слава забывается, владычество прекращается, страхъ угасаетъ. Съ позорищемъ жизни, разрушается и убранство. Итакъ, что же? *Имѣюще нищю и одежду, сими довольни будемъ* (1 Тим. VI, 8). Бѣгаю излишняго, какъ безполезнаго, и ищу необходимаго, какъ подлежащаго осужденію. Богачъ предстаесть тамъ нагимъ. Если имѣетъ добродѣтели и тамъ онъ богатъ. А если обнаженъ отъ нихъ, то вѣчный нищій» (стр. 401—403).

Таковы были убѣжденія св. Василія Великаго и взглядъ его на всѣ внѣшнія блага. Между тѣмъ въ жизни своихъ пасомыхъ онъ постоянно встрѣчалъ полное противорѣчіе этимъ своимъ убѣжденіямъ. Вмѣсто довольства малымъ и необходимымъ, здѣсь онъ видѣлъ пресыщеніе, страсть къ пьянству, непомѣрную роскошь, а рядомъ съ этимъ недостатокъ необходимаго, бѣдность, нищету самую поразительную, при полнѣйшемъ равнодушіи къ этой нищетѣ со стороны богатыхъ. Воспитанникъ пустыни, строгій аскетъ, привыкшій направлять свою дѣятельность по своимъ убѣжденіямъ, св. Василій не могъ не отзываться словомъ своимъ на такія явленія, столь несходныя съ его возвышеннымъ взглядомъ на земную жизнь человека.

«Бѣгаю излишняго, какъ безполезнаго, и ищу необходимаго, какъ подлежащаго осужденію», таковъ принципъ нашего проповѣдника. А въ паствѣ его слышится

другой отголосокъ. Тамъ заботятся не объ умѣренности, а именно объ излишествѣ, отыскивая всевозможные случаи къ пирамъ и весельямъ: «*поелику предвозвѣщенъ намъ пятидневный постъ, то сегодня погрузимся въ пьянство*» (стр. 22, т. IV), говорили пасомые.

Пьянство было однимъ изъ самыхъ распространенныхъ пороковъ кесарійскаго общества, и св. Василій очень часто обличаетъ этотъ порокъ и всегда поражаетъ его весьма рѣзкими обличеніями, принимающими часто видъ ѣдкой насмѣшки. Вотъ нѣсколько примѣровъ: «никто не пьянѣлъ съ воды, ни у кого не болѣла голова, обременившись водою; никто, привыкши пить воду, не имѣлъ нужды въ чужихъ ногахъ; ни у кого не отнимались ноги, не переставали дѣйствовать руки отъ того, что налиты водою» (стр. 11—12). «Если вино преступаетъ предѣлы, будешь завтра ходить съ больною головою, страдая зѣвотою и головокруженіемъ, издавая изъ себя запахъ перегниваемаго вина; тебѣ будетъ казаться, что все ходитъ кругомъ, что все колеблется. Упоеніе наводитъ сонъ, который есть братъ смерти, и самое бодрствованіе въ упоеніи дѣлается похожимъ на сновидѣніе» (стр. 16). «Если завтра придешь, издавая изъ себя запахъ вина и притомъ перегниваемаго, то ужели пьянство твое вмѣню тебѣ въ постъ? Разсуждай не о томъ, что недавно не вливалъ ты въ себя вина, но о томъ, что не очистился еще отъ него. Куда причислю тебя? Къ упивающимся или постникамъ? Предшествовавшее пьянствованіе присвоаетъ тебя себѣ, а настоящее неядѣніе свидѣтельствуешь о постѣ. Пьянство оспариваетъ тебя, какъ своего невольника, и по праву не отступаетъ отъ тебя, представляя ясныя доказательства твоего рабства, именно запахъ вина, оставшійся въ тебѣ, какъ въ бочкѣ» (стр. 22—23). По своему искусству къ нагляднымъ изображеніямъ и по своему

практическому направленію, св. Василій никогда не преслѣдуетъ порокъ, какъ отвлеченное понятіе, а всегда поражаетъ его въ его безобразныхъ конкретныхъ проявленіяхъ. Нападая на пьянство, онъ изображаетъ дѣйствія вина въ человѣкѣ пьяномъ. Въ одномъ изъ словъ его мы находимъ живой портретъ упившагося человѣка, взятый имъ конечно съ натуры. «Глаза у нихъ (пьяницъ) синіе, поверхность тѣла блѣдная, дыханіе трудное, языкъ нетвердый, произношеніе неясное, ноги слабыя, какъ у дѣтей, отдѣленіе излишествъ производится само собою, вытекая какъ изъ мертваго. Они жалки среди своихъ наслажденій... и какъ корабли, застигнутые бурей, сбрасываютъ лишній грузъ; такъ и для упившихся необходимо облегченіе отъ обременяющаго ихъ... Жалокъ одержимый бѣсомъ, а упившійся, хотя терпитъ тоже, недостойнъ сожалѣнія, потому что борется съ произвольно накликаемымъ бѣсомъ» (т. IV, стр. 248, 249). А вотъ описаніе дѣйствій упившагося: «самыхъ близкихъ не узнаютъ упившіеся, а къ чужимъ нерѣдко бѣгутъ, какъ къ знакомымъ. Часто прыгаютъ черезъ тѣнь, какъ черезъ ручей или ровъ. А слухъ у нихъ наполненъ звуками и шумомъ, какъ среди волнующагося моря. Имъ представляется, что земля подымается вверхъ, и горы идутъ кругомъ. Они иногда смѣются неумолчно, а иногда безпокоятся и плачутъ безутѣшно; то дерзки и неустрашимы, то боязливы и робки. У нихъ сонъ тяжелый, почти непробудный, удушающій, близкій къ дѣйствительной смерти, а бодрствованіе безчувственное самаго сна; потому что жизнь ихъ есть сновидѣніе; у кого нѣтъ одежды, кому нечего ѣсть завтрашній день, тѣ въ упоеніи царствуютъ, предводительствуютъ войсками, строятъ города, дѣлятъ деньги. Такими мечтаніями, такими обольщеніями наполняетъ сердца ихъ кипящее въ нихъ вино» (стр. 246—247).

Подобныя изображенія, представляющія пьяницу въ жалкомъ, а отчасти и комичномъ видѣ, дѣлались св. отцемъ съ цѣлю возбудить отвращеніе къ пьянству. Изъ этого же побужденія проистекаютъ и самыя насмѣшки надъ пьяными. Прилагая къ пьяницамъ слова Соломона: *кому горе? кому молва? кому судове? кому горести и свары? кому сокрушенія вотще? кому сини очи? не пребывающимъ ли въ винѣ, и не назирающимъ ли, гдѣ пирове бываютъ* (Притч. XXIII, 29. 30), онъ такъ объясняетъ слова: *сокрушенія вотще: «и сокрушенія вотще»* бываютъ у пьяницъ, которые отъ опьянѣнія не могутъ стоять на ногахъ; ибо шатаясь падаютъ во всѣхъ возможныхъ видахъ, отъ чего необходимо имъ имѣть на тѣлѣ *сокрушенія вотще*» (стр. 250, т. IV).

Не довольствуясь отдѣльными и частными нападеніями на пьянство, св. Василиій вынужденъ былъ одинъ разъ сказать противъ него особое слово, извѣстное подъ названіемъ «на упивающихся». Послѣ великаго поста, въ продолженіи котораго св. Василиій «не прекращалъ своихъ увѣщаній», народъ въ первый же день Пасхи за городомъ на гробахъ мучениковъ предался страшному пьянству. По словамъ проповѣдника, даже «женщины, забывъ страхъ Божій..., презрѣвъ Бога, презрѣвъ ангеловъ Его, безстыдно выставя себя на показъ всякому мужескому взору, распустивъ волосы, влача за собою одежды и вмѣстѣ играя ногами, съ наглымъ взоромъ, съ разливающимся смѣхомъ, неистово предаваясь пляскѣ, привлекая къ себѣ всю похотливость молодыхъ людей, осквернили воздухъ любодѣйными пѣснями, ставъ подлинно безстыдными, не оставивъ уже и возможности превзойти ихъ въ неистовствѣ». И «причиною гибели столькихъ душъ было вино, или лучше невоздержное его употребленіе» (стр. 244—245). Св. Василию больно было видѣть это постыдное увлеченіе его пасомыхъ на-

родными играми въ такой великій день, и особенно послѣ его семинедѣльнаго старанія и усердія «возвѣщать имъ евангеліе благодати Божіей». Плодомъ его огорченія недостойнымъ христіанина поведеніемъ своихъ пасомыхъ и было слово на упивающихся, полное самыхъ сильныхъ, рѣзкихъ и по мѣстамъ язвительныхъ нападокъ на «упивающихся». Но сквозь эти язвительныя насмѣшки проглядываетъ неподдѣльная грусть св. проповѣдника о томъ паденіи, до котораго доводитъ человѣка пьянство; онъ болитъ сердцемъ объ униженіи человѣческаго достоинства, производимомъ виномъ; ибо оно отнимаетъ разумъ у человѣка, и слѣдовательно лишаетъ его главнаго отличія отъ скотовъ (стр. 246).

Изъ слова между прочимъ видно, что пьянство достигло въ Кесаріи громаднхъ размѣровъ и ему предавались не просто, а съ чисто артистическимъ искусствомъ. Залъ, назначенный для пирушки, убирала роскошно, назначали виночерпѣвъ, распорядителей пира... Но изобразимъ лучше картину пиршества словами св. Василия Великаго.

Картинѣ этой, вмѣсто эпиграфа, онъ предпосылаетъ слѣдующія слова пророка Исаи: *горе востающимъ заутра, и сикеръ гонящимъ, ждущимъ вечера: вино бо сожжетъ я: съ гусльми бо и свирѣльми вино пѣютъ; на дѣла же Господня не взираютъ, и дѣла руку Его не помышляютъ*. Но «едва начинается день, украшаютъ мѣста своихъ пиршествъ испещренными коврами и цвѣтными завѣсами, выказываютъ рачительность и тщательность въ приготовленіи сосудовъ для питія, разставлявая сосуды прохлаждающіе, чаши и фіалы, какъ бы на показъ и для зрѣлища; какъ будто разнообразіе сосудовъ можетъ утаить отъ нихъ пресыщеніе, а обмѣнъ чашъ доставить достаточное промедленіе во время питья. Бываютъ же при этомъ какіе-то князья вечеринокъ, глав-

ные виночерпіи и учредители пира: въ безпорядкѣ придуманъ порядокъ, и въ неблагочинномъ дѣлѣ—устройство... Сверхъ того вѣнки и цвѣты, благовонныя масти, и куренія, и тысячи придуманныхъ постороннихъ увеселеній доставляютъ большое развлеченіе гибнущимъ. Потомъ, съ продолженіемъ пиршества, начинаются вызовы, кто больше выпьетъ, состязанія и подвиги между помогающимися чести превзойти другъ друга въ пьянствѣ. И законодателемъ этихъ подвиговъ у нихъ діаволь, а наградою за побѣду—грѣхъ!» Но вотъ чаши уже по нѣскольку разъ обошли пирующихъ; всѣ уже достаточно чувствуютъ себя опьянѣвшими; повидимому, имъ тяжело и неудобно продолжать питіе изъ чашъ, и они спѣшатъ устранить это неудобство, прибѣгая къ новой, довольно странной и смѣшной, манерѣ винопитія; декорація пира перемѣняется. «Когда пирующие, по мнѣнію другихъ, уже достаточно пресыщены виномъ, тогда начинаютъ пить подобно скотамъ, какъ бы изъ явившагося вдругъ источника, въ которомъ открылось столько же ключей, сколько возлежащихъ. Ибо въ продолженіи пиршества входитъ къ нимъ юноша, мужественный по сложенію плечъ, еще не пьяный, неся огромный фіаль прохладеннаго вина. Оттолкнувъ виночерпія, онъ становится на средину, и чрезъ изогнутыя трубки поровну дѣлитъ пирующимъ опьянѣніе. Вотъ новая мѣра неумѣренности, чтобы, равномерно другъ съ другомъ предаваясь неводержности, никому не превзойти другого въ питіи. Ибо раздѣливъ между собою трубки, и каждый взявъ обращенную къ нему, подобно быкамъ, какъ бы изъ какого водоема, не переводя дыханія, пьютъ, поспѣвая столько втянуть въ гортань, сколько прохлаждающій сосудъ даетъ имъ сверху чрезъ серебряные винопроводы. Склонивъ взоръ на бѣдное свое чрево, вымѣрай величину выпиваемаго сосуда; его

вмѣстимость равняется одному котилу ¹⁾). Смотри не на сосудъ, скоро ли его опорожнишь, но на собственное свое чрево, потому что оно уже наполнено» (стр. 252—255).

Изобразивши съ такою картинностію этотъ пьянственный турниръ, св. Василій представляетъ новую, достойную полного сожалѣнія, сторону упившагося человѣка: «пьянство—утрата разсудка, истощаніе силы, безвременная старость, кратковременная смерть. Упившіеся—что иное, какъ не языческіе идолы? *Очи имутъ, и не видятъ, уши имутъ, и не слышатъ* (Псал. 113, 13. 14), руки разслабѣли, ноги обмерли. Кто злоумыслилъ это? Кто виновникъ сихъ золъ? Кто растворилъ намъ этотъ ядъ неистовства? Человѣкъ! изъ пиршества сдѣлалъ ты битву. Выкидываешь юношей, выводимыхъ подъ руки, какъ бы раненыхъ съ поля сраженія, цвѣтъ юности умертвивъ виномъ. Зовешь къ себѣ, какъ друга на ужинъ, а выкидываешь отъ себя замертво, угасивъ въ немъ жизнь виномъ» (стр. 253—254).

Наконецъ святитель переходитъ въ область морали и указываетъ гибельныя дѣйствія пьянства на нравственность человѣка. «Голова у пьяныхъ тяжела отъ опьянѣнія, они дремлютъ, зѣваютъ, видятъ, какъ въ туманѣ, чувствуютъ тошноту. Потому не слушаютъ учителей, которые взываютъ имъ: *не упивайтесь виномъ, въ немъ же есть блудъ*» (Ефес. V, 18) (стр. 250). Эту мысль апостола онъ развиваетъ въ весьма пластичныхъ образахъ. Указавъ потомъ на послѣднія слѣдствія пьянства—на трясеніе во всемъ составѣ тѣла, какъ на печать Каинова проклятія, онъ въ заключеніе своего слова даетъ своимъ пасомымъ слѣдующій грозный и страшный для предающихся пьянству совѣтъ: «если увидите раскаявающихся въ неприличіи сдѣланнаго, состраждите съ ними, какъ съ собственными вашими членами. Если

¹⁾ Мѣра жидкостей, заключающая въ себѣ около 12 кубич. дюйм.

же увидите непокоряющихся и презирающихъ вашу о нихъ скорбь: изыдите изъ среды ихъ и отлучитесь, и нечистотѣ не прикасайтесь» (2 Кор. VI, 17) (стр. 257).

Многія изъ отдѣльныхъ картинъ пьянаго человѣка, представленныхъ выше, взяты нами изъ словъ св. Василия Великаго о постѣ. Онъ какъ бы съ намѣреніемъ набрасывалъ этотъ темный фонъ картины, чтобы въ наилучшемъ свѣтѣ представились воздержаніе и постъ. Эти послѣднія добродѣтели, наиболѣе уважаемыя св. Василиемъ, какъ врагомъ всякаго угожденія чувственности, онъ предлагалъ, какъ противоядіе пресыщенію, обжорству и пьянству. Всѣ его доказательства въ пользу поста опять чужды всякаго отвлеченнаго характера. Своею очевидностію и жизненною правдою они говорятъ непосредственно здравому смыслу человѣческому, и потому убѣдительно для каждаго слушателя. «Что легче для чрева, спрашиваетъ проповѣдникъ, провести ли ночь послѣ умѣреннаго вкушенія пищи, или лежать обремененному обиліемъ яствъ, лучше же сказать, не лежать, а часто ворочаться, потому что яства тѣснятъ и распираютъ» (стр. 4). «У постящагося и цвѣтъ лица почтенный, онъ не переходитъ въ безстыдную багровость, но украшенъ цѣломудренною блѣдностію; взоръ у него кроткій, походка степенная, лицо задумчивое, не обезображиваемое неумѣреннымъ смѣхомъ; у него мѣрность въ рѣчи, чистота въ сердцѣ» (стр. 12). Его описанія спасительности поста принимаютъ даже по мѣстамъ хвалебно-панегирической тонъ; нѣкоторыя отдѣльныя мѣста изъ этихъ описаній вошли цѣликомъ въ церковныя пѣснопѣнія. «Постъ охраняетъ младенца, уцѣломудриваетъ юнаго, дѣлаетъ почтеннымъ старца; ибо сѣдина, украшенная постомъ, достойнѣе уваженія. Постъ—самое приличное убранство женщинъ, узда въ цвѣтѣ лѣтъ, охраненіе супружества, воспитатель дѣвства» (стр. 23).

Что касается до понятія о постѣ, то св. Василий Великій опредѣлялъ его, какъ воздержаніе вообще, умѣренность въ пищѣ и воздержаніе отъ страстныхъ движеній. «Для похвальнаго поста не достаточно одного воздержанія отъ яствъ; но будемъ поститься постомъ пріятнымъ, благоугоднымъ Богу. Истинный постъ — удаленіе отъ зла, воздержаніе языка, подавленіе въ себѣ гнѣва, отлученіе похотей, злословія, лжи, клятвопреступленія; воздержаніе отъ сего есть истинный постъ» (стр. 28, т. IV)¹⁾. «Пользу поста не ограничивай однимъ воздержаніемъ отъ снѣдей; потому что истинный постъ есть устраненіе отъ злыхъ дѣлъ. *Разрѣшай всякъ союзъ неправды.* Прости ближнему оскорбленія, прости ему долги. *Не въ судбахъ и сваргахъ поститесь.* Не ѣшь ты мясъ; но поядашь брата. Воздерживаешься отъ вина, но не удерживаешь себя отъ обидъ. Вкусить пищу дожидаясь вечера; но тратишь день въ судебныхъ мѣстахъ» (ст. 15).

Изъ этихъ послѣднихъ словъ видно, въ чемъ состоялъ постъ христіанъ IV вѣка. Онъ состоялъ въ воздержаніи или вѣрнѣе въ совершенномъ неядѣніи мясной пищи. «Ни одно животное (во время поста) не жалуется на смерть, говоритъ проповѣдникъ, нигдѣ нѣтъ крови; нигдѣ неумолимое чрево не изрекаетъ приговора на животныхъ; ножъ поваровъ бездѣйственъ; столъ довольствуется тѣмъ, что не требуетъ приготовленій» (стр. 9). Постъ затѣмъ состоялъ въ воздержаніи отъ вина. Пищу дозволенную вкушали уже при наступленіи вечера. Это-то и называлось воздержаніемъ отъ пищи. Но въ этомъ заключалась только половина, внѣшняя сторона поста. Внутренняя же его сторона полагалась въ укрощеніи страстныхъ порывовъ и движеній.

¹⁾ Сравни стих. на стих. въ понед. 1-й нед. вел. поста на вечерни.

Съ этой именно стороны св. Василій смотрѣлъ на постъ, какъ на средство водворенія между людьми духа мира и согласія. «Когда владычествовалъ бы постъ, тогда не ковали бы оружія, не собирали бы судилищъ, не содержались бы иные въ узахъ; однимъ словомъ, въ пустыняхъ не было бы грабителей, въ городахъ клеветниковъ, на морѣ разбойниковъ... Жизнь наша не была бы такъ многоплачевна и исполнена унынія, если бы постъ былъ главнымъ правителемъ нашей жизни. Ибо, какъ очевидно, онъ научилъ бы всѣхъ не только воздержанію отъ яствъ, но и совершенному удаленію и отчужденію отъ сребролюбія, любостыжательности и всякаго порока, по истребленіи которыхъ ничто не препятствовало бы намъ проводить жизнь въ глубокомъ мирѣ и душевномъ безмятежіи» (стр. 24).

Кромѣ грубыхъ чувственныхъ пороковъ, каково пресыщеніе, обжорство и пьянство, св. Василию Великому нужно было искоренять въ своей паствѣ еще и другіе пороки, которые, хотя не были такъ грубы, но могли возмущать еще сильнѣе нравственное чувство человѣка, каковы наприм. крайній эгоизмъ богачей и совершенное равнодушіе ихъ къ страшной бѣдности своихъ ближнихъ. Изъ описанія порядка пьянственныхъ пировъ, какое мы видѣли въ словѣ св. Василія на упивающихся, можно заключить, что подобныя пиршества могли быть только въ кругу богатаго класса общества. Предаваясь подобнымъ безумнымъ оргіямъ и погрязая въ грубыхъ чувственныхъ порокахъ, богатые не хотѣли видѣть нищету своего ближняго. Между тѣмъ распредѣленіе имущества въ Кесаріи было самое неравномѣрное: одни были необыкновенно богаты, другіе страшно бѣдны. Св. Василій оставилъ намъ прекрасныя описанія роскошнаго богатства съ одной и поразительной нищеты съ другой стороны.

«У нихъ (богатыхъ) тысячи колесницъ; на однѣхъ возятъ всякую рухлядь, другія покрыты мѣдью и серебромъ; и на нихъ ѣздятъ сами. У нихъ множество коней, и имъ, какъ людямъ, ведутъ родословныя, уважая за благородство отцовъ... Узды, подпруги, хомуты всѣ серебряные, всѣ осыпаны золотомъ; попоны изъ багряницы украшаютъ коней, какъ жениховъ... У нихъ неисчислимое множество слугъ... У нихъ стада верблюдовъ, табуны лошадей, гурты быковъ, овецъ и свиней. У нихъ бани въ городѣ, бани по деревнямъ. Дома у нихъ сіяютъ мраморами всякаго рода: одинъ изъ фригійскаго камня, другой изъ лакедемонской или ѳессалійской плиты; и одни дома согрѣваютъ зимою, другіе прохлаждаютъ лѣтомъ; полы испещрены разноцвѣтными камнями, потолки вызолочены; гдѣ нѣтъ по стѣнамъ мрамора, тамъ украшено живописными цвѣтами» (стр. 104, т. IV).

Послѣ такой роскоши поразительна картина страшной бѣдности. «Какъ представлю взорамъ твоимъ, восклицаетъ святитель, страданія бѣднаго? Осмотрѣвъ внутренность дома, видитъ онъ, что золота у него нѣтъ, и никогда не будетъ; домашніе приборы и одежда точно таковы, какъ и у всякаго нищаго; всѣ они стоятъ немногихъ оводовъ. Чтожъ еще? обращаетъ, наконецъ, взоръ на дѣтей, чтобъ, отведя ихъ на торгъ, въ этомъ найти пособіе противъ голодной смерти. Представъ при этомъ борьбу неминуемаго голода и отеческой любви. Голодъ угрожаетъ самою бѣдственною смертію, а природа влечетъ къ противоположному, убѣждая умереть вмѣстѣ съ дѣтьми. Много разъ собирается онъ идти, много разъ останавливается; наконецъ препобѣжденъ, вынужденный необходимостію и неумолимою нуждою. И надъ чѣмъ еще задумывается этотъ отецъ? «Котораго прежде продать мнѣ? на котораго пріятнѣе взглянетъ хлѣбо-

продавецъ? пойти ли къ самому старшему? но уважаю его старшинство. Или къ младшему? но жаль его возраста, который не чувствуетъ еще несчастій. Этотъ сохраняетъ въ себѣ ясныя черты родителей; а этотъ способенъ къ ученію. Увы, какое затрудненіе! что со мною будетъ? на котораго изъ нихъ напасть мнѣ? у какого звѣря занять мнѣ душу? какъ забыть природу? если всѣхъ удержу при себѣ, то увижу, какъ всѣ будутъ истаявать отъ голода. Если продамъ одного, то какими глазами буду смотрѣть на остальныхъ, сдѣлавшись уже для нихъ подозрительнымъ, такъ что перестанутъ мнѣ вѣрить? какъ буду жить въ домѣ, самъ доведя себя до безчадія? какъ пойду за столъ, на которомъ обиліе произведено такими средствами? «И онъ послѣ слезъ идетъ продавать любезнѣйшаго сына» (стр. 90—91).

Этотъ страшный контрастъ богатства и бѣдности съ одной стороны, а съ другой полнѣйшее равнодушіе богатыхъ къ бѣдности ближняго вызывали со стороны св. Василія сильныя обличенія. По всему видно, что его пасомые — богачи не охотники были помогать бѣднымъ. Отъ св. Василія Великаго мы имѣемъ два слова къ богатымъ, и въ обоихъ онъ строго порицаетъ это холодное равнодушіе богатыхъ къ бѣднымъ; это равнодушіе простиралось до того, что когда въ Кесаріи случился голодъ и бѣднымъ его жителямъ грозила голодная смерть, то богатые затворили житницы и стали продавать хлѣбъ по недоступной для бѣдныхъ цѣнѣ. Св. Василій силою слова заставилъ богатыхъ отворить житницы для бѣдныхъ даромъ. Слово во время голода и засухи, сказанное святителемъ по этому именно случаю, будетъ служить всегдашнимъ памятникомъ жестокосердія богачей съ одной и необычайной силы человеческого слова съ другой стороны. Св. Григорій Богословъ справедливо замѣтилъ, что сила слова нашего проповѣдника въ этомъ случаѣ сотворила чудо.

Наставленія, предлагаемыя св. Василиемъ богачамъ, двоякаго рода: онъ указываетъ первѣе всего на то, что богатство такая пустая вещь, что къ нему неблагоразумно привязываться до скупости и жалѣть удѣлять частичку его бѣднякамъ, затѣмъ доказываетъ, что богатые даже обязаны помогать бѣднымъ и за неисполненіе этой обязанности должны будутъ подвергнуться осужденію и наказанію.

Въ первомъ случаѣ онъ старается разобрать самое свойство богатства и изъ этого свойства показать все его ничтожество. «Всмотрись, человѣкъ, въ природу богатства. Что тебя удивляетъ такъ въ золотѣ? Золото — камень, серебро — камень, жемчугъ — камень... Скажи мнѣ, какая тебѣ польза вертѣтъ руку, блещущую камнями? Не стыдно ли тебѣ, подобно женщинамъ во время беременности, прихотливо желать камней?» (стр. 114). Но самымъ любимымъ его аргументомъ въ этомъ случаѣ было указаніе на конецъ человеческой жизни. «Умрешь, все останется», и богатство отъ смерти не избавитъ. «Щадила ли смерть кого ради богатства? миновала ли кого болѣзнь ради денегъ?» (стр. 114). «Гордишься ты богатствомъ, величаешься предками, восхищаешься отечествомъ, красотою тѣлесною, воздаваемыми отъ всѣхъ почестями? *Внемли себѣ*, что ты смертенъ, *что земля еси, и въ землю отыдеши*. Посмотри на тѣхъ, которые прежде тебя жили въ подобной знатности. Гдѣ облеченные гражданскимъ могуществомъ? гдѣ непреоборимые витіи? гдѣ распоряжавшіеся народными собраніями, знаменитые содержатели коней, военачальники, сатрапы, властители? не все ли прахъ? не все ли басы? не малое ли число костей остались памятникомъ ихъ жизни? Загляни въ гробы, можешь ли различить, кто слуга и кто господинъ, кто бѣдный и кто богатый. Отличи, ежели есть у тебя возможность,

узника отъ царя, крѣпкаго отъ немощнаго, благообразнаго отъ безобразнаго» (стр. 40—41). «Итакъ, богатство не должно быть цѣлю жизни. У тебя есть множество десятинъ земли, и ты не хочешь изъ нихъ удѣлить бѣдному, какъ будто не знаешь, что тебѣ самому нужно будетъ только три локтя. Стоитъ ли изъ-за этого такъ много и всю жизнь хлопотать?» (стр. 112). Наконецъ ни съ чѣмъ несообразна привязанность къ богатству до скупости и потому, что оно много зла приноситъ въ жизни. «Ради его родные не знаютъ естественныхъ узъ, братья смотрятъ другъ на друга убійствомъ. Ради богатства пустыни питаютъ въ себѣ убійць, море разбойниковъ, города ябедниковъ. Кто отецъ лжи? кто виновникъ ложныхъ подписей? кто породилъ клятвопреступленіе? не богатство ли? не стараніе ли о богатствѣ? что съ вами дѣлается люди? кто вашу собственность обратилъ въ средство уловлять васъ? Имѣніе дано вамъ въ пособіе жизни, а не въ поводъ къ гибели» (стр. 114—115). Итакъ, нѣтъ никакого побужденія не расточать своего богатства неимущимъ.

Такимъ образомъ простой здравый смыслъ, по взгляду проповѣдника, приводитъ къ убѣжденію въ необходимости раздачи избытковъ неимущимъ. Но помимо этого богатые обязаны помогать бѣднымъ. Они не владѣльцы, а только приставники своего имѣнья, которымъ должны распоряжаться согласно волѣ Домовладыки Господа. Поэтому, кто не распоряжается даннымъ ему богатствомъ, какъ повелѣваетъ Богъ, не удѣляя отъ избытка своего бѣднякамъ, тотъ любостяжатель, хищникъ. «Кто любостяжатель? не удерживающійся въ предѣлахъ умѣренности. А кто хищникъ? отнимающій у всякаго, что ему принадлежитъ. Какъ же ты не любостяжатель (обращеніе къ скупому богачу), какъ же ты не хищникъ, когда обращаешь въ собственность, что по-

лучилъ только въ распоряженіе? Кто обнажаетъ одѣтаго, того назовутъ грабителемъ; а кто не одѣваетъ нагого, хотя можетъ это сдѣлать, тотъ достоинъ ли другого какого названія? Алчущему принадлежитъ хлѣбъ, который ты у себя удерживаешь; обнаженному—одежда, которую хранишь въ своихъ кладовыхъ, необутому—обувь, которая гніетъ у тебя, нуждающемуся—серебро, которое зарыто у тебя. Поэтому всѣмъ тѣмъ дѣлаешь ты обиду, кого могъ бы снабдить» (стр. 97).

Подобныя обвиненія основываются на слѣдующихъ разсужденіяхъ: всѣ блага видимыя составляютъ владѣніе Божіе; люди, какъ дѣти Божіи, всѣ имѣютъ на нихъ одинаковое и равное право. Но Богъ Самъ раздаетъ имъ эти блага, одному даетъ больше, другому меньше, а иному ничего. Это зависитъ вовсе не отъ несправедливости Божіей, потому что Онъ не можетъ быть несправедливымъ, но проистекаетъ изъ Его премудрости, изъ стремленія испытать расположенія своихъ дѣтей; имущества для человѣка—пробный камень. Одному Богъ даетъ мало, или ничего не даетъ, чтобы испытать его терпѣніе, а другому даетъ много, чтобы испытать его доброту и человѣколюбіе. Тотъ и другой могутъ получить награду отъ Господа: одинъ за терпѣніе, а другой за человѣколюбіе. За отсутствіе же этихъ добродѣтелей тотъ и другой должны подвергнуться наказанію. Итакъ, богачъ, не благотворящій бѣдняку, есть преступникъ предъ Богомъ, какъ не выполнившій возложенной на него обязанности человѣколюбія (стр. 96—97).

Разобравши далѣе разныя извиненія богачей, каковы воспитаніе дѣтей, собственныя потребности (стр. 115—116), св. Василій съ особенною силою нападаетъ на слѣдующую отговорку богачей: «по смерти сдѣлаю бѣдныхъ наслѣдниками своего имѣнія, письменно и въ завѣщаніяхъ объявивъ ихъ владѣтелями всего моего». Св. Ва-

силій отвѣчаетъ на эту отговорку: «когда не будешь уже въ кругу людей, тогда сдѣлаешься человѣколюбивымъ. Когда увижу тебя мертвецомъ, тогда назову братолюбцемъ. Великая тебѣ благодарность за щедролубіе, что, лежа въ гробницѣ и разрѣшившись въ землю, сталъ ты небрежливъ на расходы и великодушенъ! Скажи мнѣ, за какое время потребуешь награды? За время ли жизни, или за время смерти? Но пока былъ ты живъ, тратилъ жизнь на удовольствія, погружался въ роскошь, тебѣ не сносно было и взглянуть на бѣдныхъ, а у умершаго какая дѣятельность? На какую награду имѣютъ право поступки его? Покажи дѣла и требуй воздаянія. Никто не торгуетъ, когда срокъ торга кончился; никто не увѣнчивается, если пришелъ по окончаніи борьбы; никто не показываетъ своего мужества послѣ брани. Поэтому, какъ очевидно, и послѣ жизни невозможно стать благочестивымъ. Обѣщаешься дѣлать благотворенія чернилами и на письмѣ. А кто скажетъ тебѣ время отшествія?» и пр. (стр. 116—117).

Мы разсмотрѣли нѣсколько нравообличительныхъ словъ св. Василия Великаго, которыхъ вполне достаточно, чтобы судить о характерѣ проповѣдника и объ отношеніяхъ его къ разнымъ порокамъ его паствы. Онъ бичуетъ пороки во всѣхъ его безобразныхъ проявленіяхъ; представляетъ его въ живыхъ образахъ, чтобы тѣмъ возбудить въ своихъ слушателяхъ естественное отвращеніе къ нему, какъ къ безобразному. Онъ прежде всего старается говорить здравому смыслу, рисуя невыгоды, истекающія отъ порока и вредныя его вліянія или на внѣшнее благосостояніе, или на физическое здоровье, и потомъ уже переходитъ на моральную почву, показывая растлѣвающее дѣйствіе порока на нравственность человѣка. Глубокій психологъ, онъ всегда весьма вѣрно представляетъ всѣ душевныя движенія и мотивы, кото-

рыми человѣкъ любитъ оправдывать свои порочныя дѣйствія. Благодаря его прекраснымъ и живымъ картинамъ, мы въ его нравственныхъ проповѣдяхъ видимъ живыхъ людей съ ихъ пороками и слабостями, и ясно представляемъ себѣ нравственное состояніе жителей Кесаріи временъ Василия Великаго. Но вмѣстѣ съ этимъ предъ нами выступастъ въ ясныхъ чертахъ и величавый образъ святаго проповѣдника. Онъ царитъ своимъ величіемъ надъ всѣми житейскими мелочами и дразгами. Строгій аскетъ, и въ мысли, и въ словѣ, и въ дѣлѣ стоящій на высотѣ христіанской истины, онъ съ горечью смотритъ на людской муравейникъ, гдѣ каждый что-то дѣлаетъ, къ чему-то стремится, не давая себѣ яснаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и не думая о высшихъ задачахъ своей жизни. Эти-то задачи и старался разъяснять своимъ духовнымъ дѣтямъ св. отецъ. Ихъ горячую и безотчетную привязанность къ житейскому муравейнику онъ охлаждалъ строгимъ напоминаніемъ о кратковременности земной жизни. Въ своей бѣготѣ и погонѣ за временными благами, тѣнями и паутиной, по Василию Великому, люди даютъ и тѣснятъ другъ друга, онъ указываетъ имъ на добродѣтель, какъ на вѣчное сокровище духа, не уничтожающееся со смертію и на обязанность ихъ охранять жизнь другъ друга. Они смотрѣли только на землю, онъ возводилъ взоръ ихъ къ небу. Съ его возвышенной точки зрѣнія ему представлялись всѣ эти мелкіе людскіе интересы совсѣмъ дѣтскими стремленіями, и онъ, какъ взрослый, старался разъяснить этимъ дѣтямъ, растолковать имъ, что они заняты совершенно ничтожными вещами. И такъ высоко стоитъ онъ надъ этими дѣтьми, что его спокойныя разсужденія о явленіяхъ жизни при сопоставленіи ихъ съ естественными человѣческими чувствами кажутся иногда очень ригористичными. Таковы напр. его раз-

сужденія въ словахъ: на текстъ *внемли себѣ* и въ двухъ словахъ о благодареніи. Въ этихъ его разсужденіяхъ проглядываетъ мысль, что печали и заблужденія происходятъ отъ незнанія, и что стоитъ только узнать истину и добродѣтель, чтобы жить справедливо и добродѣтельно. Человѣкъ наприм. плачетъ о потерѣ любимой супруги или дитяти, проповѣдникъ говоритъ ему: не плачь. Вѣдь ты зналъ, что супруга твоя и дитя твое—смертны; это было тебѣ вполнѣ извѣстно; и ты всегда былъ убѣжденъ, что супруга твоя и дитя твое непременно умрутъ. Зачѣмъ же ты плачешь, когда совершилось и исполнилось давно ожидаемое тобою? Итакъ, благодари Бога, а не сѣтуй (см. стр. 70—72, т. IV). *Внемли себѣ*, будь трезвенъ, разсудителенъ, храни настоящее, помышляй о будущемъ, и тогда, подобно дѣтямъ, не будешь увлекаться воздушными замками (стр. 38—39). *Внемли себѣ* и убѣгутъ отъ тебя порочныя пожеланія. «Если внемлешь себѣ и помнишь, что это, въ настоящемъ для тебя сладостное, будетъ имѣть горькій конецъ, это, нынѣ отъ удовольствія происходящее въ нашемъ тѣлѣ, щекотаніе породитъ ядовитаго червя, который будетъ безконечно мучить насъ въ гееннѣ, и что это разжженіе плоти будетъ матерью вѣчнаго огня: то удовольствія, обращенныя въ бѣгство, тотчасъ исчезнутъ и въ душѣ произойдетъ какая-то чудная внутренняя тишина и безмолвіе, подобно тому, какъ въ присутствіи цѣломудренной госпожи умолкаетъ шумъ рѣзвыхъ слуганокъ» (стр. 43). Изъ этихъ словъ видно, что св. Василию дѣйствительно казалось, что его пасомые если живутъ дурно, то именно въ силу дѣтскаго своего непониманія. Изъ побужденія разъяснить, растолковать имъ истину проистекаетъ, кажется, и указанная нами уже черта въ проповѣдническихъ пріемахъ св. Василия Великаго представлять все ясно и наглядно. Всякое

отвлеченное понятіе онъ или представляетъ въ образахъ, или упрощаетъ чрезъ сопоставленіе и аналогію съ какимъ либо общеизвѣстнымъ предметомъ. Мы представили уже не мало образцовъ, доказывающихъ справедливость этого положенія, и подобныхъ образцовъ въ его бесѣдахъ можно найти еще много, каковы напр. изображенія гнѣва и зависти въ портретахъ человѣка раздраженнаго и завистливаго (см. стр. 166 и 180, т. IV). Такая постановка его проповѣдей, берущая картины изъ жизни обыденной, картины въ высшей степени вѣрныя и живыя, каждому слушателю знакомыя, придаетъ имъ характеръ въ высшей степени жизненный. Въ этомъ то состоитъ преимущественно практическій характеръ проповѣдей св. Василия Великаго; т. е. онъ заключается не въ томъ только, что св. учитель часто любитъ употреблять нравственныя наставленія и рѣдко переходитъ въ теоретическую область, но въ томъ преимущественно, что самыя свои нравственныя наставленія онъ предлагаетъ большею частію въ картинахъ и образахъ, взятыхъ непосредственно изъ жизни. Отвлеченныя представленія о порокахъ онъ реализируетъ, облачаетъ ихъ въ плоть и кровь и въ этомъ видѣ показываетъ порокъ своимъ слушателямъ, чтобы такими наглядными изображениями его возбудить въ нихъ отвращеніе къ нему. Кромѣ этого нельзя не видѣть, что эти картины носятъ на себѣ отпечатокъ его времени. Для насъ въ нихъ мало знакомые образы. Они рисованы съ давно минувшей жизни, слѣд. были вполнѣ современны. Художественность, наглядность и современность нераздѣлимы въ проповѣдяхъ св. Василия Великаго и составляютъ особенное свойство проповѣди, присущее только Василию Великому. На всѣхъ проповѣдяхъ его лежитъ печать строгаго величія его сильнаго характера.

Указанныя нами свойства придавали проповѣдямъ

св. Василія самый живой интересъ. Его слушатели не могли не слушать ихъ съ полнымъ вниманіемъ и увлеченіемъ. А сила внутренняго убѣжденія сообщала его проповѣдямъ особенную помощь, которая заставляла удивляться краснорѣчію св. отца его современниковъ и говорить о немъ: «нынѣ напрасно превозносятся и Платонова мудрость и Демосенова стремительность. Выше ихъ стоитъ Василій». Несомнѣнно, что проповѣднические труды св. Василія Великаго имѣютъ свой интересъ и для нашего времени, и изученіе ихъ, какъ и всей вообще отеческой проповѣднической литературы, можетъ содѣйствовать воспитанію и укрѣпленію силы и духа и въ современныхъ проповѣдникахъ. Весьма кстати вспомнить здѣсь добрый совѣтъ блаженнаго Августина проповѣдникамъ. Онъ совѣтуетъ имъ развивать въ себѣ проповѣдническій тактъ чрезъ чтеніе и даже заучиваніе св. Писанія и писаній св. отцевъ. По его убѣжденію, слабый и малый духовнымъ ростомъ проповѣдникъ можетъ въ этомъ случаѣ перелить въ себя, занявъ силу, крѣпость и ростъ отъ духа Библіи и духа отеческаго, выражавшагося въ ихъ писаніяхъ (Христ. наук. кн. IV, гл. 8). Этотъ совѣтъ можетъ послужить въ пользу и намъ. И мы чрезъ изученіе святоотеческихъ проповѣдническихъ трудовъ можемъ развить въ себѣ проповѣдническій вкусъ и тактъ и исполниться, хотя отчасти, ихъ духомъ и силою.

II.

изъ истории древне-волгарской проповѣди.

Константинъ, епископъ болгарскій и его Учительное Евангеліе ¹⁾).

I. Биографическія свѣдѣнія о Константинѣ и историко-библиографическій обзоръ литературныхъ замѣтокъ и изслѣдованій, относящихся къ его Учительному Евангелію.

Послѣ св. Климента Величскаго въ исторіи древне-болгарской церковной проповѣди первое мѣсто занимаетъ жившій и трудившійся съ нимъ одновременно для христіанскаго просвѣщенія Болгаріи епископъ Константинъ. Биографическія свѣдѣнія о немъ чрезвычайно скудны. Все, что мы знаемъ о времени его жизни и дѣятельности, основывается на слѣдующихъ краткихъ показаніяхъ: а) въ хронологической статьѣ, находящейся въ концѣ синодальнаго списка его Учительнаго Евангелія (№ 163) и составленной, какъ полагаютъ Горскій и

¹⁾ Настоящее изслѣдованіе съ поученіями епископа Константина печаталось въ Правосл. Соб. за 1882—1885 г., и затѣмъ въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ было выпущено въ свѣтъ отдѣльною брошюрою, въ Казани 1885 г. Главныя пособія для знакомства съ епископомъ Константиномъ и его Учительнымъ Евангеліемъ по степени ихъ относительной важности могутъ быть расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Горскій и Невоструевъ. Описаніе... II, 2, № 111 и 163. 2) Nedjeljna propoviedanja Konstantina pr. bugarskoga po starosrpskomu piscu XIII v. въ Starine, kn. V, 1873. 3) Ундольскій. Объ Учительномъ Евангеліи Константина—рукописная статья библиогр. хар. въ Румянц. муз. № 1395. 4) Шафарикъ. Разцвѣтъ слав. писъм... въ Чтен. Имп. общ. 1848 г. № 7. 5) Ягичъ. Исторія сербско-хорватск. литер., въ русск. перев. 6) Палаузовъ. Вѣкъ болгарск. царя Симеона. 7) Голубинскій. Исторія славянскихъ церквей... Гдѣ нужно, мы, указывая на автора, будемъ цитовать только страницы, не называя сочиненій.

Невоструевъ, самимъ Константиномъ, говорится слѣдующее: «Василь, т. е. Василій Македонянинъ (царствовалъ) 20 лѣтъ. Львъ сынъ его 7 лѣтъ. всѣхъ же лѣтъ... отъ Адама до настоящаго въ 12 индикта есть 6406 (898). б) Въ этой же самой рукописи въ надписаніи одной бесѣды (42-й) Константинъ называется пресвитеромъ. в) Въ нѣкоторыхъ редакціяхъ его пролога къ Учительному Евангелію говорится, что онъ составилъ свои бесѣды по просьбѣ старца Наума, одного изъ св. семичисленниковъ болгарскихъ: «сего ради и азъ оумаленный Константинъ, говоритъ онъ самъ о себѣ, оубѣжденъ бывъ на се. твоими прошеніи брате Наоуме...» ¹⁾. г) Въ другой синодальной же рукописи (№ 111), заключающей въ себѣ слова св. Аѳанасія Александрійскаго противъ аріанъ, на обор. 212 л., находится слѣдующая приписка: «сія книги благочестныя; наричемыя Аѳанасіи. повелѣніемъ князя нашего болгарска. именемъ Симеона преложи ихъ епископъ Константинъ; въ словенскъ языкъ; отъ греческа въ лѣто отъ начяла мира. 6414 (906) инд. 10, ученикъ сый Меѳодовъ; архіепископа Моравы. напса же ихъ Тоудоръ черноризецъ Доксовъ ²⁾. тѣмъ же княземъ повелѣнъ; на устии Тычя. въ лѣто 6415 (907) индикта 14». Таковы всѣ данныя, на основаніи которыхъ приблизительно болѣе или менѣе вѣрно можно нарисовать себѣ картину жизни епископа Константина. Они ничего не говорятъ намъ ни о мѣстѣ и времени рожденія его, ни даже о томъ, какой онъ былъ народности. Впрочемъ, что онъ былъ славянинъ родомъ, это ясно само собою изъ его литературныхъ произведеній. Всѣ приведенныя извѣстія представляютъ

¹⁾ Рукоп. Сол. библ. № 373 (157), л. 12 об., № 374 (158), л. 221. Ср. Оглавл. кн. Сильв. Медвѣд. № 128, изд. Ундольскаго. М. 1846 г.

²⁾ Подъ Доксомъ, по общепринятому мнѣнію, слѣдуетъ разумѣть удалившагося отъ дѣлъ для монашескихъ подвиговъ Бориса.

намъ Константина уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, работающимъ усердно на поприщѣ христіанскаго просвѣщенія Болгаріи на ряду съ другими замѣчательными дѣятелями знаменитаго вѣка Симеонова. О болѣе же раннихъ годахъ его жизни и дѣятельности они не говорятъ ничего. Нѣкоторыя впрочемъ догадки относительно этого можно дѣлать только на основаніи того показанія, что онъ былъ «ученикъ Меѳодовъ, архіепископа Моравы». Къ этому слѣдуетъ еще прибавить заключающееся въ алфавитной молитвѣ свидѣтельство о себѣ самого Константина, гдѣ онъ называетъ своимъ учителемъ даже и Кирилла (Константина), именно:

Шестъкрылатъ, силоу въсприимъ.

Шѣствоую вынѣ. по слѣдоу оучителю.

Имени ею. и дѣлоу послѣдоуя...

Такимъ образомъ епископа Константина по этимъ указаніямъ слѣдуетъ считать однимъ изъ раннихъ учениковъ св. славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія. Изъ такъ называемой болгарской легенды, или пространнаго житія св. Климента, архіепископа болгарскаго, мы знаемъ, что всѣ особенно извѣстные въ исторіи просвѣщенія Болгаріи ученики Меѳодія прибыли туда послѣ смерти его († 885 г.) изъ Моравіи, вслѣдствіе воздвигнутаго тамъ на нихъ латино-нѣмецкимъ духовенствомъ жестокаго гоненія. На этомъ основаніи, согласно мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ ¹⁾, нужно признать, что и Константинъ епископъ былъ однимъ изъ знаменитыхъ, но въ житіи не упомянутыхъ, выходцевъ изъ Моравіи, мучениковъ за идею религіозно-національнаго христіанскаго просвѣщенія славянскихъ народностей. Сопоставляя далѣе время дѣятельности Константина въ Болгаріи, получившаго здѣсь уже санъ епископскій, съ временемъ жизни Кирилла и Меѳодія,

¹⁾ Голубинскій, стр. 167.

безъ сомнѣнія также слѣдуетъ допустить, что онъ могъ быть ихъ непосредственнымъ ученикомъ, тѣмъ болѣе, что въ прологѣ къ своему Учительному Евангелію къ старцу Науму, одному изъ св. седмичисленниковъ и безспорно непосредственныхъ учениковъ Меодія, онъ обращается, какъ мы видѣли, не какъ къ старцу, учителю, отцу, а какъ къ равному, сотоварищу, брату: «оубѣжденъ бывъ на се. твоими прошеніи брате Наоуме...» ¹⁾).

Что касается до дѣятельности Константина въ самой Болгаріи, то приведенныя извѣстія представляютъ намъ его здѣсь уже въ санѣ пресвитера. Гдѣ и когда получилъ онъ этотъ санъ, въ Болгаріи ли, или еще въ Моравіи, подобно св. Клименту, неизвѣстно. Вся его, извѣстная доселѣ, литературная дѣятельность падаетъ на время царствованія Симеона. Будучи пресвитеромъ, онъ составилъ въ 898 году ²⁾ свое Учительное Евангеліе, состоящее изъ 51 бесѣды на воскресные дни года, начиная съ недѣли Пасхи. Въ санѣ епископа, полученномъ имъ, подобно св. Клименту, уже въ Болгаріи, онъ въ 906 году перевелъ, по повелѣнію царя Симеона, съ греческаго языка на славянскій четыре слова св. Аѳанасія Александрійскаго противъ аріанъ, которыя, по порученію того же князя, въ 907 году переписаны были Тудоромъ, черноризцемъ Доксовымъ, на устьѣ рѣки Тычи. На основаніи этого послѣдняго показанія предположительно опредѣляется и мѣсто епископ-

¹⁾ Впрочемъ Ягичъ причисляетъ Константина къ болѣе молодому поколѣнію, именно къ поколѣнію продолжателей дѣла просвѣтителей Болгаріи, называетъ его младшимъ современникомъ св. седмичисленниковъ, стр. 82—83. Но съ его мнѣніемъ согласиться трудно.

²⁾ Горскій и Невоструевъ вносятъ поправку въ показаніе рукописи о годѣ составленія Учительнаго Евангелія. Временемъ составленія его они болѣе вѣрнымъ считаютъ годъ 894.—Стр. 422. Этотъ же годъ указываетъ Срезневскій въ Пам. пис. и яз. юго-зап. слав. стр. 16 и Голубинскій, стр. 167.

скаго служенія Константина. Рѣку Тычу Шафарикъ находитъ въ недалекомъ разстояніи отъ извѣстнаго донинѣ г. Варны въ Болгаріи. Такъ какъ здѣсь же надобно полагать и Переславль, древнюю столицу князей болгарскихъ, а пребываніе на устьѣ Тычи трудившагося, по повелѣнію князя, въ переводѣ епископа представляется не случайнымъ, но постояннымъ, то на этомъ вѣроятно основалась догадка, что Константинъ былъ епископомъ переславскимъ ¹⁾. Этимъ и кончаются всѣ біографическія свѣдѣнія о епископѣ Константинѣ. О другихъ какихъ-либо литературныхъ его трудахъ, кромѣ перечисленныхъ, существуютъ одни только предположенія ²⁾. Годъ смерти его также неизвѣстенъ.

Имя и литературные труды епископа Константина становятся извѣстными ученымъ въ концѣ первой четверти настоящаго столѣтія. Первое указаніе на него и на переведенныя имъ четыре слова св. Аѳанасія Александрійскаго противъ аріанъ сдѣлалъ Калайдовичъ въ своемъ Іоаннѣ экзархѣ (стр. 14). Но указаніе это сдѣлано имъ не рѣшительно. О Константинѣ онъ выражается, какъ о неизвѣстномъ ему епископѣ, и поэтому вѣроятно тогдашняя учено-литературная славянская критика, руководимая извѣстнымъ и очень осторожнымъ славистомъ Добровскимъ, отнеслась къ открытію Калайдовича недо вѣрчиво и остановила этимъ на нѣкоторое время радость другихъ ученыхъ по поводу его важной ученой находки ³⁾. Хотя Калайдовичъ сдѣлалъ быть можетъ свое открытіе, какъ намекаетъ Ундольскій ⁴⁾, бла-

¹⁾ Горскій и Невоструевъ, стр. 33.

²⁾ Шафарикъ склоненъ приписать ему извѣстное «Исповѣданіе вѣры». Стр. 51. Нѣкоторые кромѣ того усвояютъ ему предположительно такъ называемый «Прогласъ св. Евангелія». Срезневскій. Памяти. пис. и яз. юго-зап. слав. стр. 17. Спб. 1865. Вороновъ. Кириллъ и Меодій. Стр. 241. Кіевъ. 1877.

³⁾ Шафарикъ. Стр. 50.

⁴⁾ Сильвестръ. Медвѣд. отецъ слав. русск. библ. стр. XIX—XX.

годаря только указанію «Оглавленія книгъ» Сильвестра Медвѣдева ¹⁾, которое ему было извѣстно и которое онъ приписывалъ съ вѣроятностію Поликарпову, но это нисколько не умаляетъ его заслуги. Такъ какъ въ то время не было извѣстно для ученыхъ ни названное Оглавленіе книгъ съ его указаніемъ, ни имя епископа болгарскаго Константина, то за Калайдовичемъ по всей справедливости остается первая честь указанія ученому міру на Константина, какъ на одного изъ дѣятелей вѣка Симеонова. Другой литературный трудъ епископа Константина—Учительное Евангеліе сдѣлалось извѣстнымъ для ученаго міра, какъ и творенія Климента, только съ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, будучи найдено между рукописями Синодальной библіотеки въ спискѣ XIII в. ²⁾. Честь открытія этой рукописи, по показанію Бодянскаго (въ одномъ изъ примѣч. въ русск. перев. Разцвѣта слав. письм.), принадлежитъ В. М. Ундольскому, открывшему и творенія св. Климента. Дѣйствительно, насколько намъ извѣстно, первое печатное извѣстіе объ этой рукописи съ указаніемъ въ общихъ чертахъ ея содержанія принадлежитъ Ундольскому. Въ концѣ своей статьи, подъ заглавіемъ: «Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи», онъ говоритъ, что «одинъ изъ пергаменныхъ списковъ Синодальной библіотеки (указанъ соотв. №) содержитъ бесѣды на нѣкія зачала евангельскія, т. е. избранныя поученія изъ Іоанна Златоуста, Кирилла Александрійскаго, Исидора Пелусіота и другихъ; впереди бесѣды находится «Прологъ о Христѣ оумѣренъ сказанія святаго Евангелія. сътворенъ Костянтинѣмъ. имже и

¹⁾ Ср. Оглавл. кн... № 23.

²⁾ Къ этому вѣку синодальная рукопись отнесена Горскимъ и Невоструевымъ. Шафарикъ (въ Разцвѣтѣ) относилъ ее къ XI в. Срезневскій (въ Пам. пис. и яз. югоз. слав. стр. 15) относитъ ее къ XII в.

предложение бысть. тогожде съказанія. евангельскааго». Ему, т. е. Константину, прибавляетъ Ундольскій, и должны принадлежать всѣ предисловія и послѣловія поученій, а можетъ быть и цѣлыя поученія, довольно сходныя съ поученіями Климента, епископа словѣньска ¹⁾. Съ открытіемъ Учительнаго Евангелія сомнѣнія осторожной критики относительно личности Константина должны были пасть сами собою, должна была уясниться, благодаря новымъ хронологическимъ даннымъ, и самая личность его, какъ одного изъ дѣятелей въ исторіи просвѣщенія Болгаріи въ вѣкъ царя Симеопа. Но уясненіе это совершилось не вдругъ.

Ровно чрезъ полгода послѣ указанной статьи Ундольскаго ²⁾ въ засѣданіи Общества Исторіи и Древностей Росс. было читано извѣстное, въ свое время переведенное на нѣмецкій языкъ, сочиненіе покойнаго преосвященнаго Филарета черниговскаго (въ то время рижскаго): «Кириллъ и Меодій, славянскіе просвѣтителі» ³⁾. Въ концѣ этого своего сочиненія ученый авторъ не только представилъ болѣе полное и обстоятельное описаніе рукописи съ поученіями епископа Константина, чѣмъ какое мы видѣли въ приведенной выше замѣткѣ Ундольскаго, но и сообщилъ свои ученые соображенія на счетъ личности самого Константина. Въ этихъ своихъ соображеніяхъ покойный преосвященный брошенное мимоходомъ заявленіе Ундольскаго о сходствѣ поученій Константина съ поученіями Климента развилъ далѣе, отождествивъ даже между собою эти двѣ личности. «По всей вѣроятности, говоритъ онъ, сей Константинъ—одно и тоже лице съ св. Климентомъ, архіепископомъ болгар-

¹⁾ Чтен. въ Имп. Общ. Ист. и Др. 1846 г. № 3, стр. 46.

²⁾ Статья Ундольскаго была читана въ засѣданіи Общества 1 іюня 1846 г.,—пр. Филарета 30 ноября того же года.

³⁾ Напечатано въ тѣхъ же Чтеніяхъ 1846 г. № 4 и потомъ перепечатано въ Кирилло-Меодіевскомъ Сборникѣ. М. 1865.

скимъ, или величскимъ, скончавшимся въ 916 г. Биографъ св. Климента пишетъ о немъ, что онъ завелъ обширное училище, въ которомъ и самъ по временамъ училъ, желая такимъ образомъ приготовить лучшихъ пастырей, а для народа написалъ *годовой кругъ бесѣдъ* простыхъ и удобовразумительныхъ для cadaго». Принимая далѣе во вниманіе хронологію въ концѣ Учительнаго Евангелія Константина, а также и то, что онъ былъ современникомъ Наума, одного изъ св. седмичисленниковъ, Филаретъ прибавляетъ: «всѣ сии обстоятельства Константина, съ тождествомъ сочиненія Константина и Климента, представляютъ болѣе чѣмъ вѣроятною мысль, что Константинъ — одно и тоже лицо съ св. Климентомъ, о которомъ говоритъ греческое жизнеописаніе. Имя Климента Константинъ могъ принять въ иночествѣ, по примѣру св. учителя своего, и какъ тотъ, хотя предъ самою смертію, получилъ имя Кирилла вмѣсто Константина, но по памятникамъ извѣстенъ болѣе съ именемъ Кирилла, такъ и ученикъ его» ¹⁾. Эти соображенія преосвященнаго Филарета остались совершенно одиночными и даже, сколько мы знаемъ, печатно никѣмъ не были разобраны и опровергнуты. Ихъ касался только въ своей, почему-то не попавшей въ печать, статьѣ объ Учительномъ Евангеліи епископа Константина Ундольскій ²⁾. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, эти соображенія вовсе не такъ маловажны и ничтожны, чтобы ихъ пройти совершеннымъ молчаніемъ. Поэтому мы сдѣлаемъ по поводу ихъ нѣсколько своихъ замѣчаній, а также въ видахъ библиографическаго интереса приведемъ рядомъ

¹⁾ Чтенія... 1846 г. № 4, стр. 26—27 и прим. 50.

²⁾ Въ этой своей статьѣ Ундольскій, опровергая преосв. Филарета, опровергаетъ въ то же время и самого себя. Высказавъ ранѣе, что поученія Константина сходны съ поученіями Климента, онъ въ настоящей статьѣ всячески старается доказать, что между ними совсѣмъ нѣтъ никакого сходства.

съ своими и нѣкоторыя замѣчанія по этому же предмету изъ указанной рукописной статьи Ундольскаго. Хотя соображенія Филарета имѣютъ только значеніе остроумной догадки, основанной на вѣроятныхъ и ничѣмъ убѣдительнымъ не мотивированныхъ сближеніяхъ, но эта остроумная догадка можетъ представиться еще болѣе вѣроятною, если прибавить къ приведеннымъ доводамъ то обстоятельство, что старецъ Наумъ, по «прошеніямъ» котораго «умаленный Константинъ» составилъ свои бесѣды на Евангелія, по упомянутому греческому жизнеописанію Климента представляется неразлучнымъ спутникомъ съ самаго выхода изъ Моравіи именно сего послѣдняго; слѣдовательно, между ними, т. е. Климентомъ и Наумомъ, существовала самая близкая и тѣсная связь. Хотя въ этомъ жизнеописаніи съ разказа объ отбытіи Климента въ Кутмицивицу о Наумѣ болѣе не упоминается, но изъ сказанія о самомъ Наумѣ извѣстно, что онъ отправился съ Климентомъ туда же, гдѣ и провелъ остатокъ своей жизни ¹⁾. Не правдоподобна ли поэтому догадка преосвященнаго Филарета, что Константинъ, составившій свои бесѣды «по прошенію брата Наума», есть одно и тоже лицо съ Климентомъ, съ которымъ Наумъ повидимому не разлучался во всю свою жизнь, и который въ житіи представляется написавшимъ многія проповѣди?..

Но всѣ эти соображенія почтеннаго ученаго имѣютъ только видимую правдоподобность. Существенный недостатокъ и ошибка его доводовъ заключаются въ томъ, что самое главное и основное положеніе его, на которомъ они построены, страдаетъ большою неточностію и даже невѣрностію. Преосвященный Филаретъ утверждаетъ, что, по свидѣтельству греческаго жизнеописанія, Климентъ «составилъ *годовой кругъ бесѣдъ*», и къ

¹⁾ Русск. Бесѣда 1859 г. т. II, отд. 2, стр. 143.

этому отъ себя прибавляетъ: «нынѣ извѣстны еще нѣкоторыя слова Климента на дни праздничные». Ходъ его мыслей въ этомъ случаѣ представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ: «Климентъ написалъ годовой кругъ бесѣдъ, т. е. какъ на воскресные, такъ и на всѣ праздничные дни года. Бесѣды на дни воскресные мы имѣемъ въ Учительномъ Евангеліи, приписываемомъ Константину, намъ неизвѣстному; кромѣ того мы знаемъ еще нѣкоторыя праздничныя слова Климента. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе показаніе житія Климента, мы въ Учительномъ Евангеліи Константина и въ нѣкоторыхъ праздничныхъ словахъ Климента и усматриваемъ тотъ годовой кругъ бесѣдъ, о которомъ говорить намъ житіе. Слѣдовательно, есть полная вѣроятность считать Константина и Климента за одно и тоже лице». Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, ни въ пространномъ ¹⁾, ни въ краткомъ ²⁾ житіи Климента нѣтъ даже и намека на то, чтобы онъ составилъ именно годовой кругъ бесѣдъ. Въ пространномъ житіи говорится: «такъ какъ на болгарскомъ языкѣ не было поучительныхъ словъ, принаровленныхъ къ празднествамъ (πανηγυρικοῦ λόγου — похвальныхъ словъ), то онъ составилъ на всѣ праздники таковыя слова, простыя и ясныя...» «Онъ празднества просвѣтилъ поучительными чтеніями» (гл. 22 и 29). По сказанію краткаго житія онъ предалъ писмени также «похвальныя слова и житія мучениковъ и преподобныхъ — τοὺς πανηγυρικοὺς τῶν λόγων καὶ μαρτύρων καὶ ὁσίων βίους ἀγίων» (гл. 14). Такимъ образомъ въ обоихъ житіяхъ ясно и опредѣленно говорится, что Климентъ

¹⁾ Напечатано въ Юбилейномъ изд. моск. ун-в. 1855 г. и у Бильбасова: Кириллъ и Меѳодій, ч. 2. Спб. 1871.

²⁾ Найдено и напечатано Григоровичемъ въ Журн. М. Н. Пр. ч. LIII и у Бильбасова тамъ же. То и другое въ указанныхъ изд. напечатаны въ греческомъ подлин. и въ русск. переводѣ.

составилъ и предалъ писмени именно только похвальные слова на дни праздничные (ἑορταί). Это совсѣмъ не то, что *годовой кругъ бесѣдъ*: воскресные дни сюда не относятся и о составленіи бесѣдъ на нихъ Климентомъ въ житіяхъ не говорится ни слова. Предполагать здѣсь какія-либо недомолвки, при той поразительной точности, какою отличаются показанія житій, особенно пространнаго, относительно поученій Климента, нѣтъ никакого основанія. Пространное житіе не только перечисляетъ проповѣди Климента, раздѣляя ихъ на классы и указывая, что въ нихъ находятся похвалы въ честь пресв. Богородицы, въ честь Іоанна Крестителя, пророковъ и апостоловъ, мучениковъ и преподобныхъ, но весьма ясно отмѣчаетъ и внутреннія ихъ свойства, говоря, что похвалы эти написаны «въ видѣ молитвъ и благодарственныхъ пѣсней» (гл. 22). При такой рѣдкой точности и отчетливости невозможно допустить, чтобы житіе не упомянуло о бесѣдахъ на дни воскресные, если бы таковыя были дѣйствительно составлены Климентомъ. Кромѣ того полное различіе между собою бесѣдъ Константина и извѣстныхъ доселѣ похвальныхъ словъ Климента и отсутствіе между ними какого-либо сходства въ слоgѣ, въ способѣ раскрытія мыслей, въ употребленіи источниковъ, вообще въ литературныхъ приемахъ, ясно говорить за то, что тѣ и другія не могутъ принадлежать одному автору. Первые относятся къ учительному роду церковной проповѣди, послѣднія къ торжественному. Положимъ, сообразно требованіямъ теоріи краснорѣчія, и у одного и того же проповѣдника изъяснительныя бесѣды и слова похвальныя могутъ значительно различаться между собою, но въ такомъ случаѣ всегда найдется между ними и неизбѣжное сходство, обусловливаемое особенностями литературныхъ приемовъ писателя. Въ настоящемъ же случаѣ этого мы совсѣмъ

не замѣчаемъ. Слова Константина, принадлежа къ типу гомилій или бесѣдъ изъяснительныхъ, отличаются совершенною простотою и безыскусственностію. Самъ онъ замѣтилъ о себѣ, что онъ «не хытростію вышняя (должно читать вышнія) ¹⁾ премоудрости и ни съвязаниемъ вѣтиискъмъ. ни плотоньскими словесы сложилъ словеса свои. нѣ вышнии премоудрости помольшеса» ²⁾. Не таковы проповѣди Климента. Почти всѣ онѣ носятъ на себѣ отличительныя черты господствовавшего въ то время у греческихъ образованныхъ проповѣдниковъ торжественнаго рода проповѣди, по внутреннимъ своимъ свойствамъ приближавшаго ее къ типу церковныхъ пѣснопѣній, на каковую особенность проповѣдей Климента, какъ мы видѣли, весьма ясно указываетъ и житіе его, замѣтивъ, что его похвалы написаны «въ видѣ молитвъ и благодарственныхъ пѣсней» ³⁾. Какъ подражатель краснорѣчію образованнѣйшихъ проповѣдниковъ своего времени, Климентъ не безъ основанія, но съ точки зрѣнія тогдашняго времени, по всей справедливости, названъ въ житіи «мужемъ краснорѣчивѣйшимъ», ἀνὴρ λογιώτατος (гл. 12). Житіе, далѣе, повѣствуетъ, что Климентъ составилъ свои похвальные слова уже въ ту пору, когда былъ епископомъ. Дѣйствительно въ надписаніи почти всѣхъ его поученій онъ постоянно называется епископомъ: створенно Климентомъ епископомъ — обычная надпись на его поученіяхъ; иногда въ этихъ надписаніяхъ онъ называется

¹⁾ Вышняя премоудрости—такъ читается въ синодал. ркпс. Въ ркпсх Импер. публичн. библ. такъ назыв. петербургской, въ отличіе отъ синодал., читается: ныняашнее прѣмоудрости». Starine. Стр. 33. Очевидно должно читать: вышнія премудрости.

²⁾ Горскій и Невоструевъ. Стр. 426.

³⁾ Въ этомъ полномъ соотвѣтствіи показанія житія съ внутренними свойствами извѣстныхъ доселѣ съ именемъ Климента проповѣдей мы видимъ самое вѣское доказательство ихъ подлинности.

просто святымъ или мученикомъ, но никогда пресвитеромъ. Константинъ же «преложилъ» свои бесѣды въ званіи пресвитера и въ надписаніи 42 бесѣды, которая одна только ему принадлежитъ всецѣло ¹⁾, называется пресвитеромъ. Притомъ ни въ житіи, ни въ заглавіи словъ, ни въ самыхъ словахъ Климента нѣтъ никакихъ намековъ на то, чтобы онъ переводилъ ихъ съ греческаго языка. Поученія же Константина въ основномъ своемъ содержаніи, т. е. въ изъяснительной части, составляютъ переложеніе, дословный переводъ съ греческихъ источниковъ ²⁾. Такимъ образомъ показанія житій съ одной стороны, и отсутствіе какого-либо сходства между собою бесѣдъ Константина и похвальныхъ словъ Климента съ другой несомнѣнно убѣждаютъ насъ, что Константинъ и Климентъ были лица разныя. Наконецъ, другое также основное предположеніе Филарета, что Константинъ могъ принять имя Климента въ иночество, уже чисто произвольное. Ни въ одномъ изъ житій Климента, ни въ пространномъ, ни въ краткомъ, нѣтъ и намековъ на то, чтобы онъ носилъ когда-либо другое имя. Поэтому предположенія Филарета о тождествѣ лицъ Константина и Климента не были приняты и не могли утвердиться въ литературѣ, и самъ онъ при перепечаткѣ своего изслѣдованія о Кириллѣ и Меѳодіи въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ (1865 г.) вычеркнулъ эти свои предположенія, потому что къ этому времени личность Константина была вполне уже уяснена учеными.

Исторія вопроса объ Учительномъ Евангеліи Константина указанными соображеніями преосвященнаго

¹⁾ Напечатана въ полномъ видѣ по петербургскому списку въ Starine кн. 5, стр. 34—35.

²⁾ Онъ и не надписываетъ ихъ своимъ именемъ, но или именемъ Златоуста, или Кирилла Александрійскаго, смотря по тому, чье толкованіе переводилъ при составленіи той или другой бесѣды.

Филарета далеко еще не исчерпывается. При дальнѣйшемъ движеніи этого вопроса ученые наталкивались на многія другія затрудненія, которыя также требовали разрѣшенія. Главныя затрудненія въ этомъ случаѣ представляли хронологическія показанія, относившіяся къ Константинову Евангелію, нашихъ древнихъ российскихъ библіографовъ. Сильвестръ Медвѣдевъ въ своемъ «Оглавленіи книгъ» два раза упоминаетъ о Константиновомъ Евангеліи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Евангелія на 50 недѣль, предложена отъ еллинска въ словенскій діалектъ Константиномъ лѣта 6851, яко въ предсловіи являетъ» (№ 69). Въ другомъ мѣстѣ: «Константинъ философъ. Евангеліе на 50 недѣль, дѣло Іоанна Хрисостомъ, понуженъ Наумомъ, лѣта 6851, отъ еллинска во словенскій. Молитва по алфавиту» (№ 128). Всѣ подробности этихъ показаній: «евангелія на 50 недѣль, понуженъ Наумомъ, молитва по алфавиту» несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что онѣ относятся къ Евангелію Константинову, но хронологія (6851 г.) поражаетъ своею полною несообразностію. Такая историческая несообразность въ этихъ показаніяхъ, по нашему мнѣнію, произошла отъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Кромѣ Учительнаго Евангелія Константина въ древнерусской проповѣднической письменности пользовалось большою извѣстностію Учительное же Евангеліе константинопольскаго патріарха Филовея, переведенное съ греческаго на славянскій языкъ по однимъ показаніямъ (такихъ большинство) въ 6851 (1343 г.), по другимъ въ 6915 (1407 г.). Это послѣднее Евангеліе въ древней Руси было весьма распространено, выдержало уже и нѣсколько печатныхъ изданій, и было поэтому хорошо знакомо древне-русскимъ книжникамъ; Евангеліе же Константина, по нашему убѣжденію, имъ было совсѣмъ неизвѣстно, и не могло быть извѣстнымъ, такъ какъ спис-

ковъ его для нихъ, можно сказать, не существовало. И въ настоящее время полный списокъ бесѣдъ Константина мы знаемъ только одинъ, синодальный, составлявшій собственность патріарха Никона и положенный имъ въ 7169 (1661 г.) въ Новоіерусалимскій Воскресенскій монастырь ¹⁾. Другой же списокъ, безъ пролога и молитвы въ началѣ, безъ «сказанія церковнаго» и хронологической статьи въ концѣ, такъ называемый петербургскій, былъ вывезенъ въ Россію только въ недавнее время Гильфердингомъ съ юга, изъ Дечанскаго монастыря, и пожертвованъ имъ Императорской петербургской публичной библіотекѣ ²⁾. Слѣдовательно, положительно можно утверждать, что Учительнаго Евангелія Константина наши старинные библіографы не знали и не могли знать. Но зато они весьма хорошо должны были знать прологъ и алфавитную молитву Константина, которыя, будучи отдѣлены отъ бесѣдъ, были очень распространены, встрѣчаются во многихъ сборникахъ и, что важнѣе всего, часто писались въ началѣ Филовеева Евангелія, какъ его составная часть, а иногда и въ концѣ ³⁾. Отсюда-то и могли произойти хронологическія несообразности въ показаніяхъ нашихъ библіографовъ. Для большаго подтвержденія этого положенія укажемъ на порядокъ начальныхъ статей въ Филовеевомъ Учительномъ Евангеліи по одной изъ рукописей Соловецкой библіотеки. На лл. 3 — 11 въ этой рукописи написано оглавленіе статей. Предъ оглавленіемъ слѣдующее заглавіе: «Поученія избранна отъ св. Евангелія... *предложена съ греческаго... въ лѣто 6851*». На

¹⁾ Не сохранился этотъ синодальный списокъ въ полномъ видѣ, со всѣми предшествующими тексту бесѣдъ и послѣдующими статьями, показанія библіографовъ распутать было бы гораздо труднѣе.

²⁾ Starine, кн. 5, стр. 29.

³⁾ См. ркп. Соловецк. библи. №№ 373 (157) и 374 (158). Библи. Троицк. Лавры № 103 (по печатному Описанію).

об. л. 11: «Прологъ о Христѣ оумѣренъ. сказаніе свя-
таго Евангелія. сътворено *Константиномъ*. иже и *пре-
ложи сказаніе се. 50. евангелій недѣльныхъ*». За симъ
слѣдуютъ алфавитная молитва и прологъ съ показаніемъ,
что это «преложеніе» сдѣлано по *прошенію брата Наума*.
Прологъ относится здѣсь какъ бы къ этому Евангелію:
сътворено Константиномъ, иже и преложилъ сказаніе се
(се). Какое? По этому порядку статей выходило именно
то, заглавіе котораго и оглавленіе статей поставлены
въ началѣ, и которое «преложено съ греческаго въ лѣто
6851». Такимъ образомъ для всѣхъ подробностей ука-
занныхъ библиографическихъ извѣстій Сильвестра Мед-
вѣдева здѣсь имѣются полныя данныя. Мы не сомнѣ-
ваемся поэтому, что всѣ эти исторически-несообразныя
подробности и произошли именно вслѣдствіе незнанія
старинными библиографами Учительнаго Евангелія Кон-
стантина съ одной стороны, и вслѣдствіе нерѣдкаго по-
мѣщенія его пролога и молитвы въ таковомъ же Еван-
геліи Филооѣя съ другой. Но если по показаніямъ Силь-
вестра Медвѣдева какъ бы выходило, что именно бе-
сѣды Константина переведены съ греческаго языка на
славянскій въ 6851 г.; потому что въ описаніи у него
представлены всѣ признаки Константинова Учитель-
наго Евангелія, то вслѣдствіе тѣхъ же причинъ извѣ-
стія другихъ библиографовъ могли принять и иной от-
тѣнокъ, именно: могли приписывать переводъ Филооѣева
Учительнаго Евангелія (къмъ оно переведено, неизвѣст-
но) Константину, котораго по недоразумѣнію назы-
вали философомъ. Дѣйствительно есть показанія и та-
кого рода. Неизвѣстный составитель алфавита, или «лек-
сиса неудобъ познаваемыхъ рѣчей, иже обрѣтаются въ
святыхъ книгахъ русскаго языка», говоритъ, что «Еван-
геліе толковое воскресное (такъ называлось Филооѣево
Евангеліе) преложилъ Константинъ философъ въ лѣто

6851». Востоковъ по этому случаю замѣчаетъ: «здѣсь
собираетъ не хотѣлъ ли сказать 851 отъ Р. Х., а ошиб-
кою прибавилъ 8 (шесть тысячъ)? Или же рѣчь идетъ
о другомъ какомъ Константинѣ философѣ, который въ
6851 г. перевелъ толковое Евангеліе» ¹⁾. Оба эти, по-
ставленные Востоковымъ, вопроса старается рѣшить въ
утвердительномъ смыслѣ Ундольскій въ своей рукопи-
сной статьѣ объ Учительномъ Евангеліи Константина.
Хотя ходъ его доказательствъ направленъ не въ над-
лежащую сторону, и самые доводы его искусственны и
натянуты, но такъ какъ эта его статья малодоступна и
немногимъ конечно знакома, то изъ-за библиографиче-
скаго интереса мы и изложимъ здѣсь содержаніе той
ея части, которая относится къ намѣченнымъ пунктамъ.
Для отвѣта на первый, поставленный Востоковымъ, во-
просъ Ундольскій придумываетъ многосложную цифро-
вую комбинацію, основываясь на хронологической статьѣ,
находящейся въ концѣ «евангельскихъ сказаній» Кон-
стантина по синодальному списку. Въ этой статьѣ встрѣ-
чаются слѣдующія числовыя данныя: «вкупѣ отъ Адама
до Христова воплощенія 5555... Василь (царствовалъ)
20 лѣтъ, Левъ сынъ его 7 лѣтъ. Всѣхъ же лѣтъ отъ
пропята Христова до Льва царя нынѣшняго девять
сотъ 18, а отъ Адама до настоящаго въ 12 индикта
есть лѣтъ 6406» ²⁾. «Исключите изъ нихъ, говоритъ
Ундольскій, (изъ 6406) 5555—годы отъ Адама до Р. Х.
и выйдетъ 851. Къ нимъ-то и прибавлено шесть ты-
сячъ и вышло 6851» ³⁾. Но на нѣкоторыхъ другихъ
экземплярахъ Учительнаго Евангелія Филооѣя, какъ мы
видѣли, указывается годъ перевода другой, именно 6915
(1407). И это послѣднее указаніе Ундольскій также пы-

¹⁾ Описан. ркпс. Румянц. муз. стр. 3, столб. 1.

²⁾ Горскій и Невоструевъ. Стр. 422.

³⁾ Ундольскій. Л. 13 об.

тается объяснить изъ той же хронологической статьи: «если, говоритъ онъ, къ 918 годамъ, считаемымъ (въ хрон. ст.) отъ распятія Христа до Льва философа, прибавить 6000 и выключить 5508,—получится 1410; значить разнища (отъ 1407 г.) будетъ въ 3-хъ годахъ. Она произошла или отъ того, что переписчикъ Евангелія имѣлъ у себя списокъ этой статьи, въ которомъ стояло 915, или руководствовался какимъ либо особеннымъ намъ неизвѣстнымъ правиломъ» ¹⁾. Мы уже указывали причины этой непонятной съ перваго раза хронологической путаницы въ показаніяхъ старинныхъ библиографовъ, которую такъ мудрено и сложно старается разъяснить Ундольскій, а потому должно быть ясно, что всѣ его вычисления не только не рѣшаютъ вопроса, но способны даже еще болѣе его запутать. По этимъ вычислениямъ какъ бы выходитъ, что указаніе времени перевода Филооеева Учительнаго Евангелія съ греческаго языка на славянскій имѣетъ свой источникъ въ хронологической статьѣ Константина и находится отъ нея въ полной зависимости, что очевидно несправедливо. Рѣшеніе, впрочемъ предположительное, другого, поставленнаго Востоковымъ вопроса, именно: не идетъ ли рѣчь у составителя алфавита о другомъ какомъ Константинѣ философѣ (т. е. кромѣ просвѣтителя славянъ), который въ 6851 г. перевелъ толковое Евангеліе, предлагается у Ундольскаго не бесплодное по своимъ послѣдствіямъ. Къ показанію составителя алфавита онъ прибавляетъ еще слѣдующее: въ одномъ изъ списковъ Филооеева Евангелія библ. М. П. Погодина (№ 60), не позже XVI в., вверху первой страницы тѣмъ же почеркомъ, которымъ писана вся книга, написано киноварью: «Конъстянтина философа изложенія евангелій недѣльныхъ 50 и два и на Господь-

¹⁾ Ундольскій. Л. 14 об.

ския праздники». Здѣсь уже не переводчикомъ, но даже прямо авторомъ Филооеева Евангелія называется Константинъ философъ. Мы объясняемъ это показаніе изъ тѣхъ же причинъ, которыя изложены выше, т. е. отъ смѣшенія Константинова Евангелія съ Филооеевымъ, и отыскивать для уясненія его какого либо новаго Константина, время жизни котораго совпадало бы съ временемъ перевода Филооеева Евангелія, считаемъ лишнимъ. Но Ундольскій находитъ таковаго. «Кто этотъ Константинъ философъ», спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: «вѣроятно Константинъ аеоногорецъ, сочинившій въ 1427 году житіе св. Стефана, деспота сербскаго. Но эта догадка, прибавляетъ онъ, *имѣющая всѣ признаки исторической достоверности*, требуетъ дальнѣйшихъ розысканій» ¹⁾. Этотъ Константинъ, такъ называемый Костенчскій, дѣйствительно извѣстенъ въ славянской литературѣ. Ему приписывается указанное житіе Стефана Лазаревича и отрывокъ филологическаго сочиненія о славянскомъ языкѣ. Кромѣ того Шафарикъ приписываетъ ему и *бесѣды на Евангелія* ²⁾. Вотъ почему мы назвали предположительное рѣшеніе Ундольскимъ второго Востоковскаго вопроса не бесплоднымъ. Намъ думается: не изъ этой ли догадки, и не изъ приведенныхъ ли рукописныхъ указаній Шафарикъ взялъ основаніе для приписанія этому Константину бесѣдъ на Евангелія? Положительно утверждать этого, по недостатку близкаго знакомства съ костенчскимъ писателемъ, не смѣемъ, но не можемъ не замѣтить, что приписываніе ему бесѣдъ на Евангелія, кромѣ голословнаго показанія Шафарика, ничѣмъ не подтверждается.

Рядомъ съ указанными вопросами возникали другіе, также требовавшіе разрѣшенія, а именно: Учительное

¹⁾ Ундольскій. Л. 15.

²⁾ Разцвѣтъ, въ Чтен. стр. 51.

Евангеліе Константина не одно ли и тоже съ Евангеліемъ Филовея? Прологъ, въ которомъ упоминается Константинъ, какъ составитель бесѣдъ, не долженъ ли считаться болѣе на мѣстѣ именно въ Филовеевскомъ Евангеліи? Вопросы эти, въ настоящее время могущіе показаться совсѣмъ лишними и праздными, далеко не были таковыми при первоначальномъ знакомствѣ и изученіи Константинова Учительнаго Евангелія. Ундольскій поэтому не оставилъ безъ рѣшенія и этихъ вопросовъ. Первый изъ нихъ рѣшался весьма легко простымъ сравненіемъ списковъ двухъ названныхъ Евангелій. Воскресное толковое Евангеліе Филовея состоитъ изъ словъ на дни воскресные и праздничные: первыхъ 52 и послѣднихъ 25. Учительное Евангеліе Константина содержитъ бесѣды на одни только воскресные дни. Всѣхъ бесѣдъ въ немъ 51. Въ первомъ счетѣ и порядокъ поученій идутъ съ недѣли мытаря и фарисея, въ послѣднемъ съ недѣли Пасхи. Самыя поученія на дни воскресные въ томъ и другомъ не одни и тѣже. Такимъ образомъ при самомъ бѣгломъ сравненіи двухъ названныхъ сборниковъ поученій обнаруживалось ихъ полное различіе. Для рѣшенія второго вопроса нужно было опредѣлить ближайшую связь пролога съ тѣмъ или другимъ Евангеліемъ. Указаніе въ немъ на Кирилла философа, какъ на учителя составителя евангельскихъ сказаній (бесѣдъ), названіе славянскаго племени новопросвѣщеннымъ, упоминаніе въ нѣкоторыхъ редакціяхъ его имени Наума, одного изъ седмичисленниковъ болгарскихъ, какъ современника составителю, полное соотвѣтствіе количества поученій Константинова Евангелія съ свидѣтельствомъ пролога, что «оумаленный Константинъ» составилъ именно 50 бесѣдъ ¹⁾ и только на

¹⁾ Всѣхъ бесѣдъ у Константина 51. Но такъ какъ одна изъ нихъ принадлежитъ всецѣло ему, то онъ имѣлъ полное право сказать, что

одни воскресные дни, наконецъ надписаніе одной бесѣды именемъ Константина и отмѣтка нѣкоторыхъ вступленій и заключеній словъ его же именемъ, все это весьма ясно говоритъ, что прологъ этотъ къ Евангелію Филовея не имѣетъ рѣшительно никакого отношенія, хотя нерѣдко, какъ мы видѣли, писался и при немъ. Ундольскій впрочемъ не коснулся этихъ доводовъ. Онъ ограничился только указаніемъ непосредственной связи (что было впрочемъ самое главное) содержанія самыхъ бесѣдъ Константина съ содержаніемъ написаннаго предъ ними его пролога. Въ прологѣ Константинъ говоритъ слѣдующее: «оубояхъжеся начати. стрѣпѣтьное словесъ видѣвъ. выше недооумѣнія. и силы моея соуще. нѣ паки смърти зря боудущая. за ослоушание начахъ не всего моги написати. нѣ оуставленая недѣльная евангелія н (50). прося молитвы христороубъцъ всѣхъ. на поспѣшание. да съподобитъ мя. обыщи Богъ. и Господь нашъ Исусъ Христосъ. до конца съвршити обѣщаніе» ¹⁾. Вполнѣ соотвѣтствующія этимъ словамъ пролога мѣста встрѣчаются и въ самыхъ бесѣдахъ. Во вступленіи 41 бесѣды читаемъ: «выше бо недооумѣнія нашего. дѣло се соуще познахомъ. якоже запрѣва рѣхомъ. нѣ не лѣтъ есть. начньше въспятитися». Въ предисловіи къ бесѣдѣ въ недѣлю по Рождествѣ Христовѣ Константинъ говоритъ о выраженномъ въ прологѣ своемъ обѣщаніи перевести сказанія евангельскія и о томъ, что онъ молился объ этомъ вышней Мудрости: «обѣщахомъбоя въ начатцѣ недѣльская евангелія преложити. да съ любовію примете. якоже и приѣмлете... не хытростію бо нашею преложение се бысть. нѣ молитвами вашими. самі бо вы съвѣдѣтельствоуете. яко

онъ преложилъ (съ греческаго) только 50 «сказаній» недѣльныхъ Евангелій.

¹⁾ Горскій и Невоструевъ. Стр. 411.

не хытростію вышняя (внѣшней) преоудрості и ни съвязаніемъ вѣтиискѣмъ. ни плотоньскими словесы. съложихомъ словеса си. нѣ вышнии преоудростии помольшеса» ¹⁾. Приведши и нѣкоторыя другія подобныя симъ мѣста, Ундольскій заключаетъ: «ясно, что прологъ принадлежитъ именно къ этому Учительному Евангелію, т. е. Константинову, а не другому, т. е. Филоееву» ²⁾.

Имѣющая по преимуществу библиографическій характеръ, рукописная статья Ундольскаго, содержаніе которой мы отчасти представили, была въ русской литературѣ первымъ опытомъ подробнаго обслѣдованія Учительнаго Евангелія Константина. Она была читана въ одномъ изъ засѣданій Общества Истории и Древностей російскихъ и должна была служить вмѣсто предисловія къ предполагавшемуся изданію бесѣдъ Константина, которое поручено было обществомъ Ундольскому. Но это изданіе, подобно предполагавшемуся изданію словъ Климента, почему-то также не состоялось; такъ что въ настоящее время, помимо рукописей, съ поученіями Константина можно знакомиться только по тѣмъ выдержкамъ изъ нихъ, которыя находятся въ Описаніи Горскаго и Невоструева и въ «Starine» Ягича. Въ 1847 году на чешскомъ языкѣ появился извѣстный «Разцвѣтъ славянской письменности» Шафарика, который въ слѣдующемъ году напечатанъ былъ и на русскомъ языкѣ въ переводѣ Бодянскаго. Своимъ авторитетомъ Шафарикъ положилъ конецъ всѣмъ недовѣріямъ, сомнѣніямъ и колебаніямъ ученыхъ относительно личности Константина и его литературныхъ произведеній. Константинъ получилъ свою надлежащую оцѣнку и подобающее ему мѣсто въ ряду другихъ знаменитыхъ

¹⁾ См. у нихъ же. Стр. 426.

²⁾ Ундольскій. II. 9.

дѣятелей въ исторіи просвѣщенія Болгаріи въ вѣкъ царя Симеона. Но самое капитальное изслѣдованіе объ Учительномъ Евангеліи Константина принадлежитъ извѣстному русскому ученому, покойному Горскому и Невоструеву. Въ своемъ Описаніи рукописей Синодальной библіотеки съ свойственнымъ имъ знаніемъ дѣла они точно указали время составленія этого Евангелія, опредѣлили, хотя, какъ увидимъ, и не вполне ясно и вѣрно, отношеніе его къ греческимъ источникамъ, подробно показавъ, что въ немъ, откуда и какъ заимствовано, и что въ немъ есть оригинальнаго, принадлежащаго самому Константину. Кромѣ того къ описанію приложили и краткій литературный очеркъ его бесѣдъ съ довольно подробными изъ нихъ выписками. Не говоримъ уже о множествѣ сдѣланныхъ ими ученыхъ замѣчаній относительно языка, имѣющихъ чисто филологическій интересъ. Поэтому-то трудъ Горскаго и Невоструева, пока не изданы самыя бесѣды Константина, и служитъ главнѣйшимъ и единственнымъ на русскомъ языкѣ источникомъ для серьезнаго знакомства съ ними. Послѣ ихъ труда важное значеніе имѣетъ только указанная нами статья о проповѣдяхъ Константина въ загребскомъ изданіи «Starine», богатая также выдержками изъ петербургской рукописи бесѣдъ Константина.

II. Составъ Учительнаго Евангелія Константина. Отношеніе къ греческимъ источникамъ заключающихся въ немъ бесѣдъ и краткая ихъ характеристика.

Учительное Евангеліе Константина состоитъ изъ 51 бесѣды на воскресные дни года, которыя расположены въ богослужебно-годовомъ порядкѣ недѣль, начиная съ недѣли Пасхи и кончая недѣлею Ваіи ¹⁾. Предъ бесѣ-

¹⁾ Въ первоначальный планъ Константина входило желаніе изъ-

дами, по синодальной рукописи, написаны алфавитная молитва и прологъ, послѣ бесѣдъ «сказаніе церковное», т. е. объясненіе церковнаго устройства и литургіи по патріарху Герману, и «историкии», хронологическая статья, заключающая въ себѣ единственные, извѣстные въ настоящее время, хронологическія данныя для опредѣленія времени составленія Константинова Учительнаго Евангелія. Молитва и прологъ также имѣютъ весьма важное значеніе въ этомъ отношеніи, говоря о славянскомъ племени, какъ о новопросвѣщенномъ, и упоминая старца Наума, одного изъ св. седмичисленниковъ болгарскихъ, какъ современника составителя Евангелія. Молитва эта и прологъ были напечатаны уже не разъ, въ особенности первая ¹⁾. Но мы въ виду малодоступности тѣхъ изданій, въ которыхъ они напечатаны и даже относительной рѣдкости нѣкоторыхъ изъ нихъ, позволяемъ себѣ снова ихъ здѣсь напечатать по одной изъ рукописей Соловецкой библіотеки. Прологъ по этой рукописи можетъ даже имѣть и особый интересъ потому, что содержитъ въ себѣ прямое указаніе на старца Наума, какъ на лице, по прошеніямъ котораго Константинъ составилъ свои бесѣды на Евангелія. Доселѣ прологъ этотъ извѣстенъ въ печати только по синодальной рукописи, гдѣ Константинъ говоритъ, что онъ убѣжденъ былъ преложить сказаніе св. Евангелія *«вѣрными естери чловѣкы»*.

яснить все Евангеліе, но онъ оставилъ его по трудности его исполненія. См. его прологъ.

¹⁾ Молитва напечатана въ двухъ редакціяхъ Погодинымъ въ книгѣ «Кириллъ и Меѳодій», стр. 109 и 151. Молитва и прологъ вмѣстѣ по синодал. ркпс. Срезневскимъ, въ полномъ же видѣ въ Памятн. русск. яз. и пис. стр. 191. Въ сокращеніи и тотъ и другая въ Описаніи Горскаго и Невоструева, II, 2, стр. 410 и 411.

«Молитва Константина философа сътворена азбукою».

- а. «Азъ словомъ симъ молюся Богу:
- б. Боже всеа твари зижителю
- в. Видимыя и невидимыя!
- г. Господня Духа послѣ живоущаго,
- д. Да вдохнетъ въ сердце мое слово,
- е. Еже будетъ на оуспѣхъ всѣмъ
- ж. Живоущимъ въ заповѣдехъ твоихъ.
- з. Зѣло бо суть оуспѣшны къ жизни,
- и. Иже ищетъ евангельска слова.
- і. И лѣтъи [летитъ по сн. сп.] бо пынѣ словенско племя,
- к. Къ крещенію обратися вси,
- л. Людіе твои нарецися хотяще.
- м. Милости твоея Боже просятъ зѣло.
- н. Но мянъ пынѣ пространно слово даждь,
- с. Отче, Сыне, и всесвятый Душе,
- и. Просящемоу пищоу оу тебе.
- р. Руцѣ свои выпрь въздѣю присно
- с. Силу приати и мудрость отъ тебе.
- т. Ты бо даеші достойнымъ силоу
- в. Оупостась же всю цѣлиши.
- ф. Фараоня мя злобы избави.
- х. Херувимску ми мысль и оумъ подаждь.
- ш. О честнаа и всесвятаа Троице, печаль мою на радость преложи.
- ц. Цѣломудрено начноу писати
- ч. Чюдеса твоя предивная.
- ш. Шестокриль сілоу въсприемъ,
- щ. Шествіе твоя послужь [по слѣду въ сн. сп.] оучителю,
- з. Имени его и дѣлоу послѣдоуа,
- ы. Явѣ сътворю евангельское слово
- к. І хвалу въздаю Троици въ Божествѣ,
- ю. Юже поетъ всякъ възрастъ
- ж. Юнъ и старъ своимъ разумомъ,
- а. Языкъ новъ хвалоу въздая присно Отцоу и Сыну и всесвятому Духу, емоуже честь и дрѣжава и слава отъ всеа твари и дыханія, въ вся вѣкы и на вѣкы, аминь».

«Предсловіе тогоже Константина філософа».

«Добро есть убо братіе всегда отъ Бога начати, и до Бога скончати. якоже Григорій Богословъ рече. и въ законѣ Господни поучатися день и ночь, якоже рече пророкъ. и раздаяти словеса Господня требующимъ душамъ. и еже не потаихъ милости твоеа і истины твоеа отъ снма многа. и пакы възвѣщоу имя твое братіи моей, і посреди церькви въсхваляю тя. сего ради и азъ умаленный Константинъ убѣженъ бывъ на се. твоими прошеніи брате Науме, и сіми повелѣніи речеными преже, ко твоему съмирению преклонихся. и всякъ братіа моа, отци и сынове, хотящии поучатися. не зазрите ми о семъ дръзающеу. но притецѣте насладитесь, готова слоуха ваша имоуща. зане не мое се но того давшаго и безплоднымъ многоъ плодъ, и негласнымъ глаголати, и се явѣ есть отъ сего, обрѣтаю бо и осель Валаамль иногда проглаголавъшъ человѣческимъ гласомъ, и камень сухъ водоу источающе жаждоущимъ людемъ. възвѣличишабося дѣла Господня въ всѣхъ. тѣмже и азъ оуничижиный, оубѣженъ бывъ якоже рѣхъ. на сказаніе святаго евангеліа, преложити отъ грѣческа языка въ словенскый, оубоявся и трепетенъ бывъ, словесъ видѣвъ выше дооумѣнія и силы моеа. но пакы смерти бояхся будующая за ослоушанія, начахъ не могши все написати. но оуставная недѣльная евангеліа, прося молитвы отъ христолюбецъ всѣхъ на поспѣшеніе, да сподобитъ мя общій Богъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ до конца съврѣшити обѣщаніе. въ славу Отца и Сына и Святаго Духа, аминь» ¹⁾.

За прологомъ по синодальной рукописи слѣдуютъ непосредственно самыя поученія Константина. Разсматриваемыя съ внѣшней стороны, они должны быть отне-

¹⁾ Ркп. Солов. библ. № 373 (157), л. 11 об.—13.

сены къ типу такъ называемой гомиліи, или изъяснительной бесѣды, существенное содержаніе которой всегда составляетъ изъясненіе въ порядкѣ словъ и стиховъ какого-либо отрывка Священнаго Писанія. Этотъ способъ церковно-общественнаго учительства въ первые четыре вѣка христіанства былъ преобладающимъ въ христіанской церкви и имѣлъ самую широкую и плодотворную постановку. Проповѣдники того времени болѣею частію выбирали предметомъ своихъ поучительныхъ изъясненій не мелкіе отрывки изъ той или другой части Библии, а цѣлыя большіе отдѣлы, цѣлыя книги, и предлагали такимъ образомъ своимъ слушателямъ непрерывный, связанный, систематическій и послѣдовательный рядъ изъяснительныхъ уроковъ по Священному Писанію. Уроки эти всегда сопровождались разнообразными нравственными наставленіями, вызывавшимися или самымъ текстомъ Библии, или религіозно-нравственнымъ состояніемъ поучаемыхъ. Послѣ четвертаго вѣка этотъ прекрасный проповѣдническій обычай вышелъ изъ употребленія. Съ этого времени, вмѣсто послѣдовательнаго изъясненія Священнаго Писанія, преобладающимъ предметомъ церковныхъ поученій становятся восторженные похвалы, въ духѣ церковныхъ пѣснопѣній, въ честь различныхъ христіанскихъ торжествъ, преимущественно же въ честь праздниковъ Пресвятой Богородицы. Если же и послѣ этого времени встрѣчаются изъяснительныя бесѣды, то онѣ далеко уже не имѣютъ такой широкой постановки, какъ въ болѣе раннее время. Бесѣды напр. Григорія Двоеслова на Евангеліа не содержатъ въ себѣ объясненій въ полномъ видѣ цѣлыхъ Евангелій отъ Маттея, Іоанна или другихъ, какъ бесѣды Оригена и Златоуста, но состоятъ только изъ объясненія однихъ уставныхъ литургійныхъ евангельскихъ чтеній. Проповѣдь относительно свободы выбора сюжетовъ под-

верглась ограниченіямъ со введеніемъ бѣльшаго однообразія въ христіанское богослуженіе, и стала регулироваться требованіями и порядками богослужебнаго устава. Вмѣстѣ съ этимъ, подѣ вліаніемъ разныхъ неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ, изсякъ и тотъ духъ смѣлыхъ изысканій въ области Священнаго Писанія для уясненія его смысла, который отличаетъ собою творенія Оригена, Василя Великаго, Іоанна Златоуста и др.,—творенія, исполненныя оригинальности, обширной учености и широты религіозно-философскаго міросозерцанія. Компиляція заступила мѣсто оригинальности. Вмѣсто самостоятельныхъ изслѣдованій свободныхъ, ничѣмъ кромѣ чистоты и цѣлости вѣры не ограничивавшихъ себя, мыслителей являются работы усердныхъ собирателей книжниковъ, дѣлавшихъ сокращенія и извлеченія изъ твореній своихъ великихъ учителей и боявшихся, по сознанію недостаточности своихъ силъ, изъяснять Писаніе безъ ихъ руководства и обнаружить въ этомъ дѣлѣ даже и тѣнь самостоятельности. Если же таковъ былъ характеръ гомилетико-экзегетической и вообще богословской литературы въ періодъ христіанскаго просвѣщенія Болгаріи у грековъ, то, понятное дѣло, такой же характеръ должна была получить и возникшая въ Болгаріи славянская письменность, развивавшаяся подѣ исключительнымъ вліаніемъ греческой. Болгарскимъ писателямъ, получившимъ греческое богословское образованіе, приходилось въ этомъ случаѣ передавать греческія литературныя сокровища новопросвѣщеннымъ славянамъ главнымъ образомъ путемъ простаго перевода. И дѣйствительно древне-болгарская письменность почти вся исключительно переводная. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому и въ томъ, что и изъяснительныя бесѣды Константина въ основномъ своемъ содержаніи, т. е. въ изъясненіяхъ евангельскаго текста,

представляютъ дословный переводъ съ греческихъ же сокращеній отеческихъ толкованій. Свое отношеніе къ греческимъ источникамъ, какъ отношеніе простаго переводчика, Константинъ весьма ясно и точно обозначилъ самъ, замѣтивъ о себѣ въ прологѣ, что «сказаніе святаго евангелія онъ преложилъ, т. е. перевелъ, въ словенскій съ греческаго языка».

Между тѣмъ въ нашей литературѣ, вопреки этому ясному заявленію, принято считать Константина не простымъ переводчикомъ, а свободнымъ компиляторомъ, самолично сокращавшимъ обширныя толкованія Евангелій Златоуста и дѣлавшимъ изъ нихъ извлеченія по собственному своему усмотрѣнію. Покойный Срезневскій относительно его Учительнаго Евангелія замѣтилъ слѣдующее: «изслѣдованія ясно доказали, что эта книга не простаго перевода съ греческаго, а извлеченіе, нерѣдко дополненное вставками» ¹⁾. Какія это изслѣдованія ввели почтеннаго ученаго въ столь рѣшительно выраженное имъ заблужденіе, онъ не указываетъ. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что самъ онъ не производилъ въ этомъ направленіи никакихъ изысканій, потому что тогда не могъ бы сдѣлать такого ошибочнаго приговора, а основался вѣроятно на ученыхъ показаніяхъ Горскаго и Невоструева. Въ своемъ описаніи бесѣдъ Константина они первоисточники ихъ указываютъ главнымъ образомъ въ изъяснительныхъ бесѣдахъ на Евангелія Златоуста, и отчасти въ толкованіяхъ Кирилла Александрійскаго. Въ первомъ случаѣ они постоянно выражаются такъ: «выбрано изъ такихъ-то и такихъ-то бесѣдъ», «выборъ изъ бесѣдъ», или просто: «изъ такихъ-то бесѣдъ». Во второмъ случаѣ цитуютъ отрывки изъ толкованій Кирилла Александрійскаго, собранные Анжело Маіемъ въ

¹⁾ Памятн. яз. и письм. югозап. слав., стр. 16.

его изданіи *Classicorum Auctorum*, t. X, и при этомъ выражаются такъ: «взято изъ толкованій св. Кирилла Александрійскаго», или: «между греческими отрывками многого еще недостаетъ» и т. под. Ясно, что если основаться на этихъ показаніяхъ и сдѣлать имъ даже провѣрку, то окончательный выводъ о бесѣдахъ Константина долженъ получиться именно въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ выраженъ Срезневскимъ. Дѣйствительно, бесѣды Константина составляютъ свободныя извлеченія и сокращенія изъ бесѣдъ на Евангелія Златоуста, и эти послѣднія могутъ быть разсматриваемы какъ главный ихъ первоисточникъ; но дѣло въ томъ, что эти сокращенія сдѣлалъ не самъ Константинъ, но, какъ увидимъ, воспользовался уже готовыми греческими сокращеніями, которыя и переводилъ дословно. Что касается до заключительныхъ выводовъ самихъ Горскаго и Невоструева, то ихъ окончательныя сужденія объ отношеніи бесѣдъ Константина къ греческимъ источникамъ выражены какъ-то нерѣшительно и не совсѣмъ ясно. Ихъ заключительный отзывъ по этому предмету слѣдующій: «Почтенія пресвитера Константина содержатъ въ себѣ изъясненіе воскресныхъ евангелій. Это изъясненіе заимствовано изъ бесѣдъ св. Іоанна Златоуста на евангелія отъ Іоанна и Матѳея, или, можетъ быть вѣрнѣе, изъ греческаго сокращенія сихъ бесѣдъ, какое встрѣчается въ такъ называемыхъ катенахъ, или сводахъ отеческихъ толкованій на евангеліе. Выписки изъ бесѣдъ Златоустаго, болѣе или менѣе значительныя, иногда читаются буквально въ словахъ Константина, напр. въ слов. 7, 17, 19, 22 и проч. Но болѣею частію выбираются только мысли и излагаются свободно и гораздо короче. Такого рода сокращеніе бесѣдъ св. Златоуста на евангеліе Матѳея представляетъ катена, изданная Крамеромъ. Въ особенности переводъ Константиновъ близокъ къ

списку Бодлеянской библіотеки, отличающемуся своими дополненіями. Заимствуя изъ толкованія Златоустаго изъясненіе воскресныхъ чтеній изъ евангелій Матѳея и Іоанна, въ тѣхъ случаяхъ, когда надлежало объяснять чтенія изъ другихъ двухъ евангелистовъ, Константинъ или бралъ изъ того же Златоустаго объясненія соотвѣстныхъ симъ чтеніямъ повѣствованій у евангелиста Матѳея, или пользовался толкованіемъ св. Кирилла Александрійскаго на евангеліе Луки. Часто сіе толкованіе приводится у Константина подъ именемъ Исидора Пелусіота, вѣроятно, отъ смѣшенія именъ въ тѣхъ же катенахъ¹⁾. Спрашивается: что же служило оригиналомъ для Константина: самыя бесѣды Златоуста, или греческія ихъ сокращенія? Горскій и Невоструевъ, по видимому, допускаютъ непосредственную связь бесѣдъ Константина и съ тѣми и съ другими. Но такъ какъ отношеніе ихъ къ первымъ опредѣляется ими положительно, а ко вторымъ только предположительно, то взглядъ ихъ на Константина очевидно склоняется къ признанію его свободнымъ компиляторомъ, распоряжающимся имѣвшимся у него матеріаломъ болѣе или менѣе самостоятельно, дѣлающимъ изъ него выборки, допускающимъ передѣлки и т. п., а никакъ не простымъ переводчикомъ. Онъ пользуется главнымъ образомъ самими бесѣдами Златоуста, но иногда обращается, когда найдетъ нужнымъ, и къ греческой катенѣ. При словѣ 38 ими сдѣлана слѣдующая замѣтка: «опущенное Златоустомъ (въ бесѣдахъ) объясненіе на то, почему евангелистъ въ родословіи Іисуса Христа пропустилъ имена трехъ царей, приводится здѣсь въ переводѣ изъ катены греческой»²⁾. Это—единственная у нихъ ссылка на катену Крамера. Очевидно, что Горскій и Невоструевъ

¹⁾ Горскій и Невоструевъ. Стр. 423—424.

²⁾ У нихъ же, стр. 417.

отыскивали первоисточникъ бесѣдъ Константина главнымъ образомъ въ бесѣдахъ Златоуста, а къ греческимъ катенамъ обращались только изрѣдка; поэтому, находя сходство ихъ съ тѣми и другими, и составили свое заключеніе о Константинѣ, отличающееся нерѣшительностію и какою-то раздвоенностію. Основательно и точно сличивъ бесѣды Константина съ бесѣдами Златоуста, они и отношеніе ихъ между собою опредѣляютъ тономъ положительнымъ и увѣреннымъ. Но не сдѣлавъ того же въ отношеніи къ греческимъ сокращеніямъ, они говорятъ объ ихъ связи только предположительно, съ вѣроятностію. Между тѣмъ мы рѣшились сдѣлать изысканія въ этомъ послѣднемъ направленіи, т. е. опредѣлить отношеніе бесѣдъ Константина къ греческимъ сокращеніямъ отеческихъ толкованій. Для этого мы сличили всѣ имѣющіяся у насъ подъ руками бесѣды Константина съ катенами греческихъ отцевъ по изданію Крамера и пришли къ высказанному уже нами выводу, т. е. что Константинъ не самъ сокращалъ бесѣды Златоуста, не самъ дѣлалъ выборки и изъ Кирилла Александрійскаго и др., а просто переводилъ съ готовыхъ греческихъ сокращеній. Его бесѣды, за весьма ничтожными исключеніями, имѣютъ къ этимъ послѣднимъ отношеніе простого дословнаго подстрочнаго перевода. Доказательствомъ сего послужить самый текстъ бесѣдъ Константина, который мы будемъ печатать въ параллели съ греческимъ подлинникомъ. Впрочемъ, несмотря на это, Константинъ въ своемъ Учительномъ Евангеліи не былъ только просто переводчикомъ: въ немъ есть довольно значительная часть и его самостоятельной литературной работы, которая даетъ возможность характеризовать его, какъ писателя и проповѣдника.

Каждая его бесѣда состоитъ изъ трехъ частей: вступленія, изъясненія литургійнаго евангельскаго чтенія и

заключенія. Изъясненіе евангельскаго текста, главная и наиболѣе обширная часть бесѣды, всегда переводное. Это изъясненіе обыкновенно состоитъ изъ послѣдовательнаго толкованія отдѣльных словъ и стиховъ, излагаемаго болѣею частію въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Иногда оно бываетъ довольно подробное, а иногда весьма краткое, состоящее почти только изъ простой передачи евангельскаго разсказа. Границы его опредѣляются каждый разъ не ходомъ мысли самого проповѣдника, а обширностію или краткостію толкованія въ греческомъ подлинникѣ. Однимъ словомъ, въ этой основной части своихъ бесѣдъ Константинъ является только простымъ переводчикомъ. Что касается до другихъ частей, т. е. вступленія и заключенія, то они составлены самимъ проповѣдникомъ. Одна даже и цѣлая бесѣда (42) также принадлежитъ ему и въ рукописяхъ надписывается прямо именемъ Константина пресвитера. Другія же надписываются или именемъ Златоуста, или Кирилла Александрійскаго, смотря по тому, чье толкованіе переводилось. Съ первымъ надписаніемъ въ Учительномъ Евангеліи Константина насчитывается 38 бесѣдъ, со вторымъ 12. Изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторыя впрочемъ несправедливо надписываются именемъ Исидора Пелусіота.

Содержаніемъ вступленій почти всегда служитъ призывъ слушателей къ внимательному усвоенію высокихъ религіозныхъ истинъ, заключающихся въ предлагавшемся имъ съ церковной кафедрѣ изъясненіи евангельскаго текста. Слово Божіе, согласно евангельской терминологіи, проповѣдникъ называетъ часто хлѣбомъ небеснымъ, питающимъ существо душъ нашихъ, и неизсякающимъ источникомъ, прохлаждающимъ душу и совѣсть. Выходя изъ этой метафоры, самыя свои бесѣды онъ называетъ то пиромъ, то «гощеніемъ» духовнымъ,

не тѣло питающимъ, но душу веселящимъ. Отысканіе же смысла писаній уподобляетъ откапыванію воднаго источника: «тѣмъже отъкопаймъ, говорится въ одной бесѣдѣ, евангельскихъ оучении. источникъ. да напивъшеся жаднии. и възвратимся въ дома своя» (Бес. 32). Кромѣ этого въ своихъ вступленіяхъ Константинъ иногда обращается съ молитвою къ Богу о вразумленіи (Бес. 3), или говоритъ объ особенномъ проявленіи любви Божіей къ человѣку (Бес. 32), иногда же призываетъ слушателей къ прославленію и восхваленію величія Божія за благодѣянія къ роду человѣческому. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ рѣчь его принимаетъ часто торжественно-хвалебный тонъ церковныхъ пѣснопѣній. Въ такомъ тонѣ начинаетъ онъ напр. свою бесѣду въ недѣлю Ваій: «Се нынѣ Господскааго праздника прѣдъсияетъ свѣтлость. се нынѣ Владычняго тръжства. прѣдъходитъ проповѣданіе. се нынѣ Христовааго въскръсения прѣдъваряетъ слава. сего ради придѣте въздрадуимъся Господеви. въскликнемъ Богу Спасу нашему. варимъ лице его исповѣданіемъ. и въ псалмѣхъ въскликнемъ ему. яко изволилъ спасти родъ человѣчскій. яко грядѣтъ смърти разорить яко грядетъ испразнить адовныя храмы. изволилъ бо днесь на яремникъ въсѣсти. да скотскій оумъ низвержетъ. тѣмъже яко побѣдѣшю мучительство дияволе. съ ваимъ незлобивыя дѣти сѣрѣтоша его въпиуща. осана сирѣчь спаси же благословенъ грядѣи въ имя Господне. осана въ вышнихъ. тѣмъже и мы братіе възъпомнимъ. спаси ны хвалу ти приносяще. днесь бо видѣхомъ величья Божія. днесь наслаждаемся небесскаго гласа. сего ради днесь. и мы възъмъше образы побѣды грѣховныя. послушаимъ евангелиста чѣто глаголетъ...» (Бес. 51). Подобно этому начинается и 36 бесѣда: «Кто возглаголетъ силы Господня. оуслышаны сътворить вся хвалы

его. или кѣто исповѣсть вся чоудеса его. якоже бо отъць чадолюбѣць. всѣми образы кажетъ сынъ свои. да възведетъ его на съвршеніе добрыхъ дѣтелии». Такъ же начинаются и многія другія бесѣды. Наконецъ въ своихъ вступленіяхъ Константинъ всегда указываетъ на того св. отца, чье толкованіе онъ имѣлъ предложить въ переводѣ. Такъ какъ почти цѣлые $\frac{4}{5}$ его Учительнаго Евангелія представляютъ переводъ сокращенныхъ толкованій Златоуста, то на сего св. отца чаще всего и приходилось ему ссылаться. Въ началѣ одной бесѣды самъ проповѣдникъ характерно замѣчаетъ о себѣ: «азъ пирьникъ вамъ. аще и не съвршенъ ни своя раздаваю. нѣ отъ источника еоуангельскаго възаймъ въземъ и отъ пира Златоустааго възаймъ въземъ напаяю вы отчасти» (Бес. 13). Свое уваженіе къ златословесному учителю онъ выражаетъ въ различныхъ наименованіяхъ его: называетъ его златословесникомъ, высоколетающимъ орломъ, благощечущимъ языкомъ, ластовицей благощечотной, горлицей доброгорчньої, златою прѣгудницей, органомъ Христовымъ, красопѣвнымъ изокомъ¹⁾.

Въ заключеніяхъ бесѣдъ, указывая на высоту предложенныхъ и изъясненныхъ имъ истинъ евангельскаго ученія, проповѣдникъ призываетъ своихъ слушателей ходить достойно носимаго ими званія христіанина и обнаруживать свою благодарную любовь къ Богу за Его милосердіе исполненіемъ Его заповѣдей. Содержаніе этой части бесѣдъ имѣетъ гораздо больше разнообразія, чѣмъ содержаніе вступленій, хотя и здѣсь кругъ идей проповѣдника не отличается особеннымъ богатствомъ. Мораль его довольно однообразна и состоитъ бѣльшею частію въ призываніи слушателей къ дѣламъ милосердія, сопровождаемомъ иногда выраженіемъ собственныхъ ли-

¹⁾ Горскій и Невоструевъ. Стр. 424.

рическихъ настроеній проповѣдника. Иногда онъ свои нравственныя наставленія предлагаетъ въ метафорической формѣ, придавая особенный моральный смыслъ евангельскимъ рассказамъ. Изъясненіе евангельскаго повѣствованія о рыбной ловлѣ (Лук. V, 1—11) вызываетъ у него слѣдующее наставленіе: «сиче по вся недѣля христолюбцы слышаще боудемъ лоучьше. и глоубины жития сего избѣгъше приимѣмъ Христа въ кораблехъ нашихъ. сирѣчь въ душахъ нашихъ. приимемъ же ли его тако аще съхранимъ заповѣди его» (Бес. 28). Изъясненіе рассказа объ исцѣленіи разслабленнаго (Мѡ. IX, 1—8) заключается такимъ нравоученіемъ: «слышавше же братие толико чоудо. Христа Бога нашего. сътвориша пристоупимъ къ нему. ослаблени бывъше грѣхъми. просимъ съдравия. да и къ намъ речеть отъпоущаються грѣси вамъ. и възми одръ свои. и иди въ домъ свои. можетъ бо елико и хощеть» (Бес. 14). Въ заключеніи бесѣды о исцѣленіи іерихонскаго слѣпца (Лук. XVIII, 35—43) проповѣдникъ говоритъ: «тѣмъже мы молимся емоу (Богу). да прозрѣмъ душевныма очима творити заповѣди его. и славити его боголѣпно» (Бес. 43).

Но въ какой бы формѣ ни предлагались эти нравоучительныя наставленія, всѣ они почти всегда сводятся къ напominанію объ исполненіи заповѣдей Божіихъ. Такое настойчивое вращаніе около одной общей мысли, довольно однообразно развиваемой и въ частностяхъ, вызывалось конечно нравственнымъ состояніемъ новокрещенныхъ болгаръ, въ жизни которыхъ въ то время должны были быть еще очень сильны языческія привычки и вообще языческій образъ жизни. Поэтому-то проповѣдникъ весьма часто, и въ началѣ и въ концѣ своихъ бесѣдъ, т. е. и во вступленіяхъ и въ заключеніяхъ, говоритъ о добродѣтели, о добрыхъ дѣлахъ, указывая въ нихъ цѣль и назначеніе жизни человѣческой; по-

тому что добродѣтель сопровождаетъ человѣка и въ жизнь загробную, отворяя для него двери царства небснаго. «Того (Бога) бо есмь сътворение, говоритъ онъ, създани на дѣла добрая. не на лоукавство. ни на зависть. нѣ на содѣланіе дѣлъ добръ» (Бес. 42). «Усладимъ душа наша. не словесы тѣчю слоуха. нѣ и дѣлы. не дѣлы гыблемыми. нѣ пребывающими въ жизнь вѣчною. яже наслѣдовати имоуть съхраниши заповѣди Господня» (Бес. 37). Особенно хорошо развита эта общая мысль о цѣли человѣческой жизни на землѣ въ заключеніи бесѣды въ недѣлю Православія: «Тѣмъже и мы святыи съборе. проповѣдите Сына Божиаго. истааго Бога суща. изъ естества Божіаго ишъдыша і тѣ бо ны призва къ себѣ. званіемъ святымъ. тѣмъже ходимъ подобо званія. имъже звани быхомъ не звани быхомъ на тлѣніе. и на облѣненіе. нѣ на обновленіе оума нашего. отъложимъ оубо дѣла тмная. и облѣцѣмся въ ороужіе свѣта. дондеже время имамъ тѣцѣмъ не стыдящеся. путь бо краткъ. и отише близъ. трудъ врѣменьнъ. а покои вѣчнъ въжъзѣмъ свѣтилники своя кыя свѣтильники. душа наша глаголю. и мы сами готови будемъ да аще възоветь. ли въ полунощѣ ли въ коуроглашеніе. сърящемъ и свѣтли. сынъ отътрясьше. и вънидемъ снимъ въ чъртогъ веселящеся и царствующе снимъ» (Бес. 49). Къ добродѣтельной жизни и къ нравственному совершенству вообще направляетъ человѣка и Самъ Богъ разнообразными средствами. «Господь нашъ Исоусъ Христосъ, говоритъ проповѣдникъ, Отъць истиннъ и Богъ Творьць. всѣми образы кажетъ ны. да будемъ истии сынове его; съвршени всякою доброю дѣтельно... да не боудемъ мздоимъници. земаго съкровища ищущи. тлѣма же и гыбнуща. нѣ небескаго» (Бес. 36). Въ такомъ божественномъ промысленіи о человѣкѣ сказывается проявленіе любви Божіей къ роду человѣческому.

«Богъ бо любя родъ человѣчскыи всѣми образы кажетъ ны. и оучениими. и притѣчами. мили бо емоу есмъ. како бо не мили. яко насъ ради небеса преклони. и сѣниде. и въобразися намъ. и въ нищетѣ поживе плѣтскы. рече бо самъ. лиси язвыны имоуть. и птица небесскыя обитѣли. а Сынъ человѣчскы не имать кѣде главы подклонити. и въззалкалъ. и въздядалъ. законъмъ естества намъ творя образъ милостыня» (Бес. 32). Но особеннымъ выраженіемъ любви Божіей къ человѣку проповѣдникъ считаетъ призваніе къ вѣрѣ Христовой язычниковъ. Приведши изъясненіе притчи о званыхъ на вечерю (Лук. XIV, 16—24), онъ говоритъ: «кѣто оубо не имать ся дивити человѣколюбію Божію. яко свѣрѣпы и дивія соуща. и оутоуждены (т. е. язычниковъ) къ себѣ зоветь. и не зоветь тѣчию. нѣ и бѣдитъ» (Бес. 41). За любовь Бога къ роду человѣческому и человѣкъ также долженъ платить Ему любовію, которая обнаруживается въ исполненіи Его заповѣдей. Но Константинъ не ограничивается только указаніемъ этой общей мысли о необходимости исполненія заповѣдей Божіихъ, но знакомитъ своихъ слушателей и съ основными правилами христіанской нравственности, выражающимися въ двухъ главныхъ заповѣдяхъ: о любви къ Богу и любви къ ближнимъ. «Заповѣди Божіи не соуть тяжькы, говоритъ онъ, възлюбиши рече Господа Бога своего и искренняго своего яко самъ ся. а не възненавидиши. како же любити и. аще алчна узримъ напитѣмъ. аще жадна напоимъ. аще нага одѣжемъ. аще странна въвѣдѣмъ. аще боляща присѣтимъ. аще въ тѣмници присѣтимъ» (Бес. 28). Къ заповѣди (соблюдать), спрашиваетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и отвѣчаетъ: «еже въ напасть застоупати. еже въ бѣдахъ помогати. еже изобиды изимати еже заблоужающа обратити кого. всякого требующааго отъ насъ помощи» (Бес. 37). Вообще онъ

почти постоянно сводитъ свои нравоученія къ дѣламъ милосердія. Въ связи съ этимъ находится и взглядъ его на значеніе богатства, неправильное употребленіе котораго подвергаетъ человѣка суду Божію. «Нѣсть бо зло богатство, говоритъ онъ, строящимъ е добрѣ ни пакы нищета есть люта. приемлющимъ ю съ похвалою. нѣ богатящеся богатимъся якоже Аврамъ. яко Иовъ мимоходѣмъ. страннымъ. вдовицамъ. сиротамъ. вящеже гонимымъ имене ради Божіа. и всѣмъ требующемъ подающе» (Бес. 36). «Аще бо бы богатство се пребывало. и съ нами. то и тако не достояше намъ. не подативомъ быти. нѣ щедромъ... а понеже тѣлѣтъ и мимоходить яко сѣнь. не щадимъ его. не свое бо даемъ нѣ Божіе. и сами бо себе нѣсмъ. съкрывемъ е въ черево нищихъ. и отътоудоу на небесѣхъ. идеже ни тѣля тѣлитъ. ни татіе подкопываютъ» (Бес. 32). Съ особенною настойчивостію рекомендуя своимъ новопросвѣщеннымъ слушателямъ дѣла милосердія, какъ проявленіе высшей добродѣтели—любви, проповѣдникъ останавливаетъ ихъ вниманіе и на другихъ нравственныхъ правилахъ: порицаетъ гордость и хвалитъ смиреніе (Бес. 50), увѣщаетъ воздерживаться отъ чувственныхъ пороковъ и соблюдать тѣлесную чистоту. «Чювьства своя чиста съхранимъ. ока не напитѣти зѣла видѣнія, оуханія не оудебелимъ зѣлыми вонями. грѣгани не оусладимъ горькимъ въкушениемъ. слоуха не поставимъ пѣсньми бѣсовьскыими. осязание роукъ оудръжимъ. не иматися за зѣлыя вѣщи. нѣ вси оутръняго и вышньяго (внутренняго и внѣшняго) человѣка очистимъся» (Бес. 28). Но больше всего онъ умоляетъ своихъ слушателей сохранять чистоту вѣры, недавно ими принятой, сохранять какъ драгоценное сокровище, которое должно было принести родному для него народу неисчислимыя блага. Въ заключеніи бесѣды объ исцѣленіи расслабленнаго

при овчей купели проповѣдникъ говорить: «и мы братие не мозѣмъ благодѣтеля прогнати. сирѣчь вѣроу нашу. яже въшѣдѣши въ ны. многа ны добра принесе» (Бес. 4). Эту вѣру должно свято хранить и исповѣдывать дерзновенно «не боящися царя не стыдящися князь. не срамляющися вельможъ. нѣ аще и гонение настоить. аще моукы прѣдѣлежать. аще ноужда належить. не боитися. ни отлоучитися отъ любви его. нѣ съ дерзновениемъ проповѣдати. и молитися емоу... Вспоманемъ святыхъ мученики. не нашего ли рода бѣша вси. сии. не въдаша ли телеса своя моукамъ и огневи. и звѣрии. и смърти. да не отпадутъ отъ любви его. ни отвергнутся его. тѣмъже възлюбимъ. не отъвѣргоущися его» (Бес. 43). Есть въ бесѣдахъ Константина и догматическое учение, но и оно сопровождается нравоучениемъ. Таково напр. учение о таинствѣ евхаристіи. «Трапеза есть видимо. нѣ жертва духовна разумно. аще и хлѣбъ есть видимо. нѣ тѣло Сына и агнца Божия. възмлющаго грѣхы всего міра. и егда оузриши роукоу простираемоу. ли епископа ли попа. не мни яко тѣ свящаетъ предѣлежащее. нѣ самого Христа подавъшаго. и рекъша оученикомъ. и апостоломъ своимъ. приимѣте и ядите и пиите. се есть тѣло и кровь моя. ломимое и проливаемая за вы на отъпущенье грѣховъ. не мозѣмъ братье яко псы грызающе друга. пристоупити къ жертвѣ, не мозѣмъ клеветою и завидою и гневодръжаньемъ и величаньемъ ясти другъ друга. не мозѣмъ свѣдоуще грѣхы себе. пристоупити къ трапезѣ сѣи. да не грѣхъ себе ямъ и пиемъ... не враждьница бо трапеза есть. нѣ мирна. сѣмотри. яко не агня лежитъ скотье. нѣ Сынъ Божий. сѣмотри яко не овчя закалаемо есть. нѣ възьмыи на рамо свое овчя... не мози гнѣва дръзя пристоупити къ нему» (Бес. 51).

Для краткой характеристики Константина какъ про-

повѣдника достаточно представленныхъ выписокъ, которыя взяты изъ составленныхъ имъ самимъ вступлений и заключеній. Болѣе полное представленье о его проповѣдническихъ достоинствахъ дать самый текстъ его бесѣдъ. Всѣ его наставленія, какъ мы видѣли, отличаются ясностію, простотою и общедоступностію, и по такимъ своимъ качествамъ конечно вполне отвѣчали потребностямъ новопросвѣщеннаго болгарскаго народа. Они не богаты разнообразіемъ содержанія, но проникнуты теплотою чувства, любовью къ народу, который «милъ» былъ проповѣднику. Онъ стремился главнымъ образомъ къ обновленію и преобразованію нравственной жизни поучаемыхъ по духу любви Христовой, старался возбуждать въ нихъ чувство благодарности къ Богу за призваніе ихъ къ христіанству, которое принесло имъ блага просвѣщенія. Въ самомъ проповѣдникѣ поражаетъ его необыкновенное смиреніе и ревность о проповѣданіи слова Божія. Онъ не выдѣляетъ себя изъ ряда поучаемыхъ и силу своего разумѣнія и духовнаго развитія приписываетъ Богу. «Кѣто нашъ оумъ отъвѣрзлъ. и оуста наша распространилъ. и языкъ нашъ оуяснилъ. селико изглаголати къ вашей любви. не даи ли незлобивымъ прѣмудрость. отрокоу же юноу чювьство. еи. еи» (Бес. 42). Цѣлю своей проповѣди онъ сознательно поставлялъ нравственное возвышеніе поучаемыхъ. «Речеть же ми нѣкъто отъ васъ. то не любимъ ли Бога. вѣдѣ же и азъ яко любите. нѣ поноуждаю вы. да большими възлюбите вѣдѣ же яко тяжкъ вы есмь. по вся недѣля къ вамъ бесѣдоуя. нѣ не остануся донѣдеже добрѣше боудете» (Бес. 43).

Но кромѣ всего этого въ епископѣ Константинѣ, какъ въ природномъ славянинѣ, весьма пріятно встрѣтить сильно сказывающееся у него чувство національной радости по поводу успѣховъ христіанскаго просвѣ-

щенія въ Болгаріи въ его время. Съ восторгомъ говорить онъ о крещеніи славянъ. «Летить бо нынѣ словенско племя, къ крещенію обратишася вси». Широкое развитіе литературной дѣятельности при царѣ Симеонѣ возбуждало нѣкотораго рода чувство національной гордости въ просвѣщенномъ проповѣдникѣ, сознававшемъ, что просвѣщеніе могло сравнять славянскую націю съ образованнѣйшими тогдашними народами, т. е. съ греками и латинянами. Сознаніе этого съ одной стороны, а съ другой высокоомѣрное отношеніе грековъ къ славянамъ, какъ къ варварамъ, и гоненіе на славянское просвѣщеніе въ Моравіи со стороны нѣмцевъ, испытанное быть можетъ имъ самимъ, вызвали у него слѣдующія исполненныя глубокой любви къ славянамъ и справедливаго укора къ ихъ недругамъ прекрасныя и многознаменательныя слова: «не гръци бо тѣчю обогатишася отцѣмъ симъ (Златоустомъ). нѣ и словеньскый родъ. мнѣимы попьранъ бысть всѣми» (Бес. 47).

III. Нѣкоторыя изъ бесѣдъ Учительнаго Евангелія Константина въ параллели съ подлиннымъ текстомъ греческихъ сокращеній отеческихъ толкованій.

1.

СѢТГО ИОАНА ЗЛАТОУСТАГО СКАЗАНИЕ СѢТЛАГО ЕВАНГЕЛІА
Ѧ ИОАНА ¹⁾).

Чесо ради ини евангелисти отъ ¹⁾Ερώτησις. Τίνος ἔνεκα τῶν ἄλ-
сзмотрениа начаша. и се взмалѣ ²⁾λων εὐαγγελιστῶν ἀπο τῆς οἰκο-
посемому начатъ рекъ. «и Слово ³⁾νομίας ἀρχαίων, τοῦτο μὲν ἐν
плать взистъ». а друугое въсе ⁴⁾βραχεὶ μετὰ ταῦτα ἡνέξατο εἰπὼν,

¹⁾ Въ первомъ изданіи настоящаго сочиненія (Казань 1885 г.), первая бесѣда напечатана была по рукописямъ XVI—XVII в. соловецкой библіотеки № 374 (158), л. 221 об. и № 365 (1051), л. 211 об. А теперь какъ эта бесѣда (первая ея половина), такъ и дальнѣйшія печатаются по рукописи московской синодальной библіотеки XIII в. № 262, а по «Описанію» ея у Горскаго и Невоструева (II, 2)—№ 163 за исключеніемъ второй половины первой бесѣды и

мимо тече. зачатіе. рождество ⁵⁾καὶ ὁ Λόγος σὰρξ ἐγένετο», τὰ
взспитѣніе. вздращеніе. ⁶⁾δὲ ἄλλα πάντα παραδραμὼν, τὴν

Ѧвѣтъ. Авинѣ о присносоущи- ⁷⁾Ἀποκρίσις. Ἐπειδὴ οἱ ἄλλοι
имъ рождествѣ. намъ бесѣдоуеиъ. ⁸⁾εὐαγγελισταὶ τὸ πλεῖον ἐν τοῖς
зане друузнии евангелисти о ⁹⁾κατὰ σάρκα διατρίψαντες λόγοις,
платьскыиъ словесеъъ бесѣдо- ¹⁰⁾δέος ἦν πολλοὺς χαμαιπετεῖς ὄντας
ваша. страхъ во бѣ многома ¹¹⁾μηδὲν ὑψηλότερον τῶν ἀνθρώποις

полнаго текста послѣдней, которыя печатаются у насъ по петербургской рукописи Императорской публичной библіотеки (изъ собранія А. О. Гильфердинга, № 32), старосербской рукописи сравнительно столь же древней (XIII в.), какъ и московская смѣшаннаго древне-русскаго и древне-болгарскаго письма. По тому же Описанію указывается и порядковій счетъ бесѣдъ. Текстъ московской рукописи воспроизводится въ настоящемъ изданіи съ буквальною точностью, за исключеніемъ надстрочныхъ знаковъ (въ видѣ придыханій въ началѣ словъ), непослѣдовательно однако употребляемыхъ и въ самой рукописи. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ печатаемому тексту подводятся варианты, наиболѣе важныя въ лексическомъ отношеніи, изъ петербургской рукописи, гдѣ послѣдняя не воспроизводится въ текстѣ, а также изъ вышеуказанныхъ рукописей соловецкой библіотеки только для первой бесѣды, которая, какъ замѣчено выше, и была напечатана именно по этимъ рукописямъ. Въ тѣхъ же очень рѣдкихъ случаяхъ, когда въ текстѣ московской рукописи встрѣчаются существенныя пропуски или неправильныя чтенія, слова, принятые въ самый текстъ, поставлены въ квадратныхъ скобкахъ []. При вариантахъ къ печатаемому тексту цитуются сокращенно: московская рукопись = м., соловецкая = с., а варианты изъ петербургской рукописи приводятся или безъ всякаго буквеннаго обозначенія, или отмѣчаются буквою n, тамъ гдѣ они ставятся на ряду съ вариантами изъ другихъ рукописей. Add. = прибавлено, omitt. = пропущено. Греческій текстъ см. у Крамера. Cat. Gr. patr. in. N. T. Oхonii 1844, t. II, p. 178—189. Сравненіе греческаго текста съ славянскимъ переводомъ показываетъ (наглядные примѣры см. прим. 3 и 4), что Константинъ читалъ сокращенныя толкованія по тексту болѣе исправному, чѣмъ въ ркпп. Крамера. Сличеніе славянскаго перевода съ твореніями свв. Златоуста и Кирилла Александрійскаго даетъ возможность поправить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ греческій текстъ катень. Слова полныхъ твореній свв. отцевъ, пропущенныя у Крамера, но переводимыя Константиномъ, возстановлены нами въ греческомъ текстѣ и отмѣчены *квадратными* скобками []. Правильныя чтенія полныхъ текстовъ или же надлежащія чтенія сокращеній, предполагаемыя Константиномъ и полными текстами, принятые нами вмѣсто ошибочныхъ чтеній у Крамера, отмѣчены *звездочкою* *. Мелкія поправки ореографіи и опечатокъ произведены безъ всякихъ помѣтокъ.

соущемъ. низъ летѡщемъ. ничь-
соже възше члѣкъ помзислнѣ.
о иночадѣмъ Снѣ Бжнн. сего
ради она мимотекъ. ѿ истъство-
ванна присносоущаго творить по-
вѣсть. Подобаеъ же и се смо-
трнѣ. како ни съ на възсокоѣ
слово сѣ възвръгъ. о сзмотреннѣ
неродн. ни онн о сѣмъ потъ-
щавзшесѣ превѣчнааго соущъ-
ства оумлзчаша. и зѣло подобно.
юдинъ во вѣ Дхъ. движенн дшѣ
въсѣхъ.

Почъто же рече «испрѣва». По-
ниже вѣсть како члѣн старѣн-
ство. и начатъкъ чѣтоуть. сирѣчь
Бѣ²⁾. Оца же оставъ. о Снѣ
всѣдоуеъ. зане же онъ явѣ
вѣ всѣмъ. аще не како Оцъ. нъ
како Бѣ. а иночадзи не вѣ
явленъ.

А еже «вѣ» ничътоже ино-
истъ. нъ еже воудеъ присно-
явѣ и безъ вѣдѣннѣ възнѣ. Слова
же него нарече. да не страстно
рожество него мннмъ. еше же
и зане възвѣстнлъ намъ Оца.
много же соуть словеса Бжнн.
нъ ни едино ѿ снхъ словесъ Бжнн.
нъ та всѣ словеса прѣрчьства. и
повелѣннѣ. се же Слово соущъ-

просѡντων ἐννοῆσαι περὶ τοῦ μο-
νογενοῦς Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ, διὰ τοῦτο
ἐκεῖνα παραδραμὼν ἀπὸ τῆς ὑπάρ-
ξεως τῆς αἰδίου ποιεῖται τὴν διή-
γησιν. Χρὴ δὲ καὶ τοῦτο γινώσκειν,
ὅτι οὔτε οὗτος πρὸς τὸν ὑψηλότε-
ρον ἑαυτὸν λόγον ἀφείς, τῆς οἰκο-
νομίας ἡμέλῃσε, οὔτε ἐκεῖνοι περὶ
τὴν ταύτης ἐσπουδαχότες διήγησιν,
τὴν πρὸ αἰώνων ἐσίγησαν ὑπαρ-
ξιν· καὶ μάλα εἰκότως· ἐν γὰρ ᾧ
Πνεῦμα τὸ κινοῦν τὰς ἀπάντων
ψυχὰς.

Τί δὴ ποτε δὲ τὸν Πατέρα ἀφείς
περὶ τοῦ Υἱοῦ διαλέγεται; ἐπειδὴ
ἐκεῖνος μὲν δῆλος ἦν ἅπασιν, εἰ
καὶ μὴ ὡς Πατήρ, ἀλλ' ὡς Θεός.
ὁ δὲ μονογενὴς ἡγνοεῖτο... Τὸ δὲ
«ἦν» οὐδὲν ἕτερόν ἐστιν, ἀλλ' ἡ
τοῦ εἶναι αἰεὶ δηλωτικὸν καὶ ἀπεί-
ρωτος εἶναι. Λόγον δὲ αὐτὸν ἐκά-
λεσεν, ἵνα μὴ παθητὴν αὐτοῦ
τὴν γένεσιν³⁾ ὑπολάβωμεν· ἔτι
δὲ καὶ διὰ τὸ ἀπαγγεῖλαι ἡμῖν τὰ
τοῦ Πνεύματος⁴⁾... πολλὰ γὰρ
οἱ τοῦ Θεοῦ λόγοι, ἀλλ' οὐδεὶς
ἐκεῖνων τῶν λόγων Θεός· ἀλλ'
ἐκεῖνοι μὲν ἅπαντες προφητεῖαι
καὶ προστάγματα, οὗτος δὲ ὁ Λό-
γος οὐσία τις ἐνυπόστατος ἐξ αὐ-
τοῦ προελθοῦσα ἀπαθὺς τοῦ Πατ-

²⁾ Cf. Joh. Chrysost. in Joh. hom. 2, n. 4, p. 12B ed. Montfaucon: οἶδε τοὺς ἀνθρώπους τὸ πρεσβύτερον καὶ τὸ πρὸ πάντων μάλιστα τιμῶντας καὶ τιθεμένους Θεόν. Διὰ τοῦτο ἐντεῦθεν πρῶτον ποιεῖται τὴν ἀρχήν.

³⁾ Ibid. 12C: τὴν γέννησιν = рождество.

⁴⁾ Ibid. 12D: Πατὴρ = Отца. Ср. Иоан. 15, 15. Видно въ рукоп. Крамера ошибочно πνε, т. е. πνε = πνεύματος. вм. πρ = πατρός.

ство иетеро. и⁵⁾ самого ишъзше
Оца въ страсти. Чъто се Бѣ и
Бѣ рекъ. нбо «Бѣ вѣ рече Сло-
во»⁶⁾. се явлаетъ намъ по-
срѣдѣ вѣнства него. зане не
мннн Бѣ Снъ рече же знаемою
истааго своего⁷⁾ Бжства. и
присносоущее. снмъ словомъ.
«испрѣва вѣ». сзприсносоущее
же показа намъ снмъ «се вѣ
испрѣва оу Бѣ». сирѣчь не мнн
рече истъствованнѣ Оца старѣннѣ
соуща. не вѣ во николиже Оцъ
всѣ Снѣ. аще ли кто глѣтъ. то
како истъ Снъ не сѣз юнѣн Оца.
еже во отъ кого истъ ноужда
истъ послѣжде възнѣ отъ него же
воудеъ. се речемъ оубо снѣннѣ
слънъчно. ѿ самого естъства
слънъчнааго исхода. еда послѣжде
воудеуеъ речемъ слънъчнааго
истъства. никакоже исповѣсть
во се и ослѣпленнѣ очима. не
явнѣосѣ коли вснѣннѣ слънъце.
се и ѿ него и не послѣжде него.
такоже и⁸⁾ Оци и Снѣ да
мннмъ. паче же большннн и
вѣолѣпно. сего ради во и Павлѣ
снѣ него нарече⁹⁾.

ρός. εἰπὼν οὖν, ὅτι καὶ «Θεὸς ἦν
Ὁὐα въ страсти. Чъто се Бѣ и
Бѣ рекъ. нбо «Бѣ вѣ рече Сло-
во»⁶⁾. се явлаетъ намъ по-
срѣдѣ вѣнства него. зане не
мннн Бѣ Снъ рече же знаемою
истааго своего⁷⁾ Бжства. и
присносоущее. снмъ словомъ.
«испрѣва вѣ». сзприсносоущее
же показа намъ снмъ «се вѣ
испрѣва оу Бѣ». сирѣчь не мнн
рече истъствованнѣ Оца старѣннѣ
соуща. не вѣ во николиже Оцъ
всѣ Снѣ. аще ли кто глѣтъ. то
како истъ Снъ не сѣз юнѣн Оца.
еже во отъ кого истъ ноужда
истъ послѣжде възнѣ отъ него же
воудеъ. се речемъ оубо снѣннѣ
слънъчно. ѿ самого естъства
слънъчнааго исхода. еда послѣжде
воудеуеъ речемъ слънъчнааго
истъства. никакоже исповѣсть
во се и ослѣпленнѣ очима. не
явнѣосѣ коли вснѣннѣ слънъце.
се и ѿ него и не послѣжде него.
такоже и⁸⁾ Оци и Снѣ да
мннмъ. паче же большннн и
вѣолѣпно. сего ради во и Павлѣ
снѣ него нарече⁹⁾.

Пониеже Моси мнншъ часть ѿ
тварнн прннмъ. ннчъсоже издречеъ

Ἐπειδὴ ὁ Μωυσῆς ἐλάχιστον¹⁰⁾

μέρος τῆς κτίσεως ἀπολαβὼν,

⁵⁾ изъ с.

⁶⁾ Ibid. hom. 4, n. 3, p. 30D: τί δή ποτε; [τὸν] Θεὸν γὰρ καὶ Θεὸν εἰπὼν, οὐκ ἐμφαίνει τι μέσον ἡμῖν τῆς θεότητος.

⁷⁾ его с. ⁸⁾ о с вм. и.

⁹⁾ Евр. 1, 3.

¹⁰⁾ hom. 5, n. 1, p. 34E: τὸ ἐλαττον.

НАМЪ О НЕВИДИМЪИХЪ СИЛАХЪ. ОΥΔΕΝ ἡμῖν περὶ τῶν ἀοράτων
 ВЪИСТИНОУ ЕВАНГЕЛИСТЪ ЕДИНЪМЪ ΔΙΕΛΕΧΘΗ δυνάμεων, εἰκότως ὁ
 КРАТЪКЪМЪ СЛОВОМЪ ВСЕ СЪПРИ- Εὐαγγελιστὴς ἐνὶ βραχεὶ ῥήματι
 ИМЪ Рече. «Всѣ тѣмъ вѣиша ὅλα περιλαβὼν φησί· «παντα δι'
 И ВЕЖ НЕГО НЕ БЫ НИЧЬСОЖЕ Αὐτοῦ ἐγένετο, καὶ χωρὶς αὐτοῦ
 НЕЖЕ ВЪИСТЬ». Сирѣчь вѣившихъ ἐγένετο οὐδὲ ἐν, ὃ γέγονε», του-
 Тѣмъ ¹¹⁾ ЛН ВИДИМО ІЕСТЬ ЛН РА- τέστι, τῶν γεννητῶν, καὶ ὁρατὸν
 ЗОУМНО. НИЧЬСОЖЕ БЕ СИЛЫ ΧΒΖΙ ἢ, καὶ νοητὸν, οὐδὲν χωρὶς τῆς
 ВЪИСТЬ. НЕ ПОДОВАІЕТЬ ВО ІКОНЬ- τοῦ Χριστοῦ δυνάμεως εἰς τὸ εἶ-
 ЧЬНАГО СТРЕЧЕНИЯ ПОСТАВИТИ ВЪ ναι παρήχθη οὐ γὰρ δὴ τὴν τε-
 «НИЧЬСОЖЕ». ТАКОЖЕ ІЕРЕТНИЦИ. ОНИ λείαν στιγμὴν εἰς τὸ «οὐδὲ ἐν»
 ВО СИЦЕ РЕКЛИ. «ЕЖЕ ВЪИ ВЪ НІЕМЪ ἐπιθήσωμεν κατὰ τοὺς αἰρετικούς.
 ЖИВОТЪ ВЪ». ХОТѢЩЕ ГЛТИ ΔΧΑ ἐκεῖνοι γὰρ οὕτω φασίν, «ὃ γέ-
 СТО ТВАРЬ. γονεν, ἐν αὐτῷ ζωὴ ἦν», βου-
 лόμενοι τὸ Πνεῦμα τὸ Ἅγιον
 κτίσμα λέγειν.

Рекъ о сзтворении. приложить Εἰπὼν περὶ τῆς δημιουργίας,
 И О ПРОМЪШЛЕНИИ СЛОВО. ΔΕ ΕΠΑΓΕΙ καὶ τὸν περὶ τῆς προνοίας
 НИКЪТОЖЕ НЕ НЕВѢРОУІЕТЬ. КАКО ΕΠΑΓΕΙ καὶ τὸν περὶ τῆς προνοίας
 ТОЛИКА И ТАКОВАЯ ТѢМЪ ВЪИШѦ ΛΟΓΟΝ. ἵνα γὰρ μηδεὶς ἀπιστῇ,
 ПРИРЕЧЕ «КАКО ВЪ НІЕМЪ ЖИВОТЪ ΠΩΣ τὰ τοσαῦτα καὶ τηλικαῦτα
 ВЪ». Сирѣчь ІАКО О НІЕМЪ ЖИВОУΤЬ Δι' αὐτοῦ γέγονεν, ἐπήγαγεν, ὅτι
 ВСѦ. И О НІЕМЪ ПРОПОМЪШΛΙΕМО «ἐν αὐτῷ ζωὴ ἦν», тούτέστιν,
 ІЕСТЬ. И ЕЖЕ О ОЦІ РЕЧЕНО ІЕСТЬ ὅτι ἐν αὐτῷ ζῇ τὰ πάντα, καὶ ἐν
 И СЕМЪ ВЪИСТИНОУ РЕЧЕТЬСѦ. «КАКО αὐτῷ проноεῖται, καὶ ὅπερ περὶ
 О НІЕМЪ ЖИВЕМЪ И ДВИЖЕМЪСѦ И αὐτοῦ κυρίως ἂν λέγοιτο, ὅτι «ἐν
 ІЕСМЪ». «И ЖИВОТЪ ВЪ СВѢТЪ αὐτῷ ζῶμεν, καὶ κινούμεθα, καὶ
 ЧЛВКОМЪ». НЕ СИЦЬ ВЪ СВѢТЪ ἐσμέν». Τὸ δὲ ἐπαγόμενον, «καὶ
 ЧЮВСТВЫНЪ. НЪ РАЗОУМЪНЪ. ΔΨΑ ἢ ζωὴ ἦν τὸ φῶς τῶν ἀνθρώ-
 ПРОСВѢЩΑМ. И НЕ РЕЧЕ СВѢТЪ ΠΩΝ», οὐ τοιούτον αἰσθητὸ φῶς
 ІЮДѢОМЪ. НЪ «ВСѢМЪ ЧЛВКОМЪ». ἦν, ἀλλὰ νοητὸν ψυχὴν φωτίζον
 НЕ ІЮДЕИ ВО ТЪКЪМО. НЪ И ІЕЛИНИ. αὐτήν. καὶ οὐκ εἶπε, τὸ φῶς τῶν
 ВЪ СЪ РАЗОУМЪ ПРИДОША. ἰουδαίων, ἀλλὰ καθόλου «τῶν ἀν-
 θρώπων». οὐδὲ γὰρ ἰουδαῖοι μό-
 νον, ἀλλὰ καὶ ἕλληνες πρὸς ταῦ
 τὴν ἡλθον τὴν γινώσιν.

¹¹⁾ тѣхъ с.

СЪІАЕТЪ ЖЕ СВѢТЪ СЪ РАЗОУМЪ-
 НЪИ ВЪ ТМѢ. ТЪМОУ ЖЕ ГЛАГО-
 ЛЕТЬ. ЛН СЪМЪРТЬ. ЛН ЛЬСТЬ. ПРО-
 ПОВѢДАНЪИ ¹²⁾ ВО ПОСРЕДѢ ЛЬСТИ
 ВЪСНѦ. И ВЪ СЪМЪРТІИ ЖЕ БЫВЪ
 САМЪ. ТАКО. И ¹³⁾ ОУДОЛЪ. ІАКО
 И ДРЪЖИМЪИ ІСПРЪВА ВЪЗВЕДЕ.
 ТЪМЪ ЖЕ ІЕГО НЕ ПОСТИЖЕ. ІАКО
 НИ СЪМЪРТЬ ІЕМОУ ОУДОЛЪ. НИ
 ЛЬСТЬ. ІЕСТЬ ВО НЕ ОУДОБΛΙΕМО ¹⁴⁾.
 НЕ ВЪМѢЩАЕТЬ ЖЕ СѦ ВЪ НЕХО-
 ТАЩИНЪХЪ ДОУШѦХЪ ПРОСВѢТИТЬСѦ.
 НЕ БѢДОУ ВО СИ НОУЖДЕЮ ПРИВО-
 ДИТЬ КЪ СЕБѢ НЪІ БОГЪ. НЪ ВОІЕЮ
 И ХОТѢНИИМЪ.

Бесѣдовавъ сѦ нами. оугодно
 О БОГѢ СЛОВЕСИ. ПО ЧИНОУ И ПО
 ПОУТИ ПРѢДЪХОДѦ. КЪ ІОАНОУ ПРО-
 ПОВѢДНИКОУ СЛОВЕСЕ ГРАДЕТЬ.
 СЪІАЩЕ ЖЕ ІАКО ОТЪ БѦ ПОСЪЛАНЪ
 ІЕСТЬ. НЕ МЪНИМЪ НИЧЬСОЖЕ ЧЛВЧЬ-
 СКО СОУЩЕ РЕЧЕНЪИХЪ. НЕ СВОІА
 ВО. НЪ ПОСЛАВЪШАГО ВСѦ ГЛТИ
 ТѢМЪ АНГЛЪ НАРЕЧЕСѦ. АНГЛВО ВО
 ИЗВОІЕНІЕ ІЕСТЬ. ІЕЖЕ НИЧЬСОЖЕ
 СВОЕГО РЕЩИ. А ІЕЖЕ «ВЫСТЬ» НЕ
 ПРИШѢВЪИМЪ ВЪІТИНСКАГО ГЛАВІАЕТЬ.
 НЪ ІСТАГО СЪЛЪСТВА ¹⁵⁾. ІЕЖЕ ВО
 «ВЫСТЬ ПОСЪЛАНЪ». ПОСЪЛАНЪ ІЕСТЬ.

«да послоушъствити о свѣтѣ»

Φαίνει δὲ τὸ φῶς τὸ νοητὸν
 τοῦτο ἐν τῇ σκοτίᾳ. σκοτίαν λέγει
 ἢ τὸν θάνατον ἢ τὴν πλάνην· τὸ
 γὰρ κήρυγμα μεταξὺ τῆς πλάνης
 ἔλαμψε, καὶ ἐν τῷ θανάτῳ δὲ
 γενόμενος αὐτός, οὕτως αὐτοῦ πε-
 ριεγένετο, ὡς καὶ τοὺς ἡδὴ προ-
 κατεχομένους ἀναγαγεῖν. «Ἡ σκο-
 тіа δὲ αὐτὸ οὐ κατέλαβεν», ἐπειδὴ
 οὔτε ὁ θάνατος αὐτοῦ περιεγένετο,
 οὔτε ἡ πλάνη· ἔστι γὰρ ἀκατα-
 γώνιστος. οὐκ ἐμφιλοχωρεῖ δὲ
 ταῖς μὴ βουλομέναις φωτισθῆναι
 ψυχαῖς· οὐδὲ γὰρ ἀνάγκη καὶ βία,
 ἀλλὰ βουλήσει καὶ γνώμη προσά-
 γεται ἡμᾶς ὁ Θεός.

Διαλεχθεῖς ἡμῖν συμμέτρως
 περὶ τοῦ Θεοῦ Λόγου, ὁδῶ καὶ
 τάξει προβαίνων ἐπὶ τὸν τοῦ Λό-
 γου κήρυκα τὸν Ἰωάννην ἔρχεται.
 Ἀκούοντες δὲ ὅτι παρὰ Θεοῦ
 ἀπεστάλη, μηδὲν λοιπὸν ἀνθρώ-
 πινον νομίσωμεν εἶναι τῶν λεγο-
 μένων· οὐ γὰρ τὰ αὐτοῦ, ἀλλὰ τὰ
 τοῦ πέμψαντος ἅπαντα φέγγεται,
 διὸ καὶ ἄγγελος προσηγόρευται·
 ἀγγέλου δὲ ἀρετὴ τὸ μηδὲν ἴδιον
 εἰπεῖν· τὸ δὲ «ἐγένετο», ἐνταῦθα
 οὐ τῆς εἰς τὸ εἶναι παρόδου δη-
 λωτικόν, ἀλλὰ τῆς ἀποστολῆς
 ἐστὶν αὐτῆς· τὸ γὰρ «ἐγένετο
 ἀπεσταλμένος» ἀντὶ τοῦ, ἀπεστάλη,
 εἴρηται.

Τὸ δὲ «ἵνα μαρτυρήσῃ περὶ

¹²⁾ проповѣданни с; чит. проповѣданнѣ.¹³⁾ еи с.¹⁴⁾ неохотѣемъ с.¹⁵⁾ посольства с.

не да извѣститъ ієство. Гнѣ Божнааго. ли да приложитъ слово въ чѣсти. нѣ за градоушєе. «да вси вѣроуютъ имъ». сирѣчь топлеменници ¹⁶⁾. самъ во Бѣ сыи и истъ и приснъ Бѣни Гнѣ и ієства блаженааго и нетѣбѹща. аще ¹⁷⁾ и не трѣбоуетъ послуха. нѣ понєже хоцєтъ спсєнию многинѹхъ. сего во ¹⁸⁾ ради и сѣниде въ велико ¹⁹⁾ сѣмѣренїе ꙗко и чѣкови повелѣ послушѣствовати о нємѣ.

Почто рече «не вѣтъ свѣтъ. нѣ да послѣшѣтъ о свѣтъ». занє множицею оу насъ вѣщєи боудеть послушѣствїи послушѣствоуємааго. да никѣтоже о Поанѣ сємѣнитъ. лоукавнѹю сє непѣшєвание вѣстрѣгаѣ сїце рече.

Взводаѣ же нашего оума на безначальное ієство рече. «Вѣтъ свѣтъ истовзи. нѣ просвѣщаєтъ всѣмъ чѣка въ мирѣ градоушїа». і аще всѣмъ чѣовѣка просвѣщаєтъ. како не просвѣщенїи ошаша толико. свое ємоу оубо вѣтъ. всѣмъ пришедшюу просвѣтити. аще ли ієтери очима сѣвѣсти сї волею мѣжаша. и не хотѣша

тоῦ φωτός», οὐχ ὡς ἀξιόπιστον τοῦ Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ τὴν φύσιν ποιήσω, ἢ ἵνα τῷ Δεσπότη προσθῇ εἰς ἀξίας λόγον, ἀλλὰ διὰ τὸ ἐπαγόμενον, «ἵνα πάντες πιστεύσωσι δι' αὐτοῦ», τούτεστι οἱ ὁμόφυλοι· αὐτὸς γὰρ Θεὸς ὢν καὶ Θεοῦ γνήσιος Υἱὸς, καὶ τῆς οὐσίας τῆς ἀκηράτου καὶ μακαρίας, οὐ δεῖται τοῦ μαρτυρήσαντος· ἐπειδὴ δὲ τῆς σωτηρίας αὐτῷ μέλει τῆς τῶν πολλῶν, τοῦτου χάριν εἰς τοῦτο κατέβη ταπεινότητος, ὡς καὶ ἀνθρώπῳ τὴν μαρτυρίαν ἐπιτρέψαι τὴν ἑαυτοῦ.

Διὰ τί εἶπεν· «οὐκ ἦν ἐκεῖνος τὸ φῶς, ἀλλ' ἵνα μαρτυρήσῃ περὶ τοῦ φωτός»; ὡς τὰ πολλὰ παρ' ἡμῶν* μερίζων ὁ μαρτυρῶν τοῦ μαρτυρουμένου, ἵνα μὴ τις καὶ ἐπὶ τοῦ Ἰωάννου τοῦτο νομίσῃ, τὴν πονηρὰν ταύτην ὑποψίαν ἀναίρων ²⁰⁾ τοῦτο φησι....

Ἀνάγων δὲ πάλιν τὴν ἔννοιαν ἡμῶν πρὸς τὴν ἐπέκεινα πάσης ἀρχῆς ὑπαρξίν, τὴν οὐδαμοῦ λήγουσαν οὐδὲ ἰσταμένην, ἔφη· «ἦν τὸ φῶς τὸ ἀληθινόν, ὃ φωτίζει πάντα ἄνθρωπον ἐρχόμενον εἰς τὸν κόσμον». καὶ εἰ πάντα ἄνθρωπον φωτίζει, πῶς ἀφώτιστοι μεμενήκασι τοσοῦτοι; τὸ μὲν εἰς αὐτὸν ἦγον, πάντας ἦλθε φωτίσαι·

¹⁶⁾ сирѣчь топлеменници с. в.м. сирѣчь топлеменници.

¹⁷⁾ аще ом. с. ¹⁸⁾ ко ом. с. ¹⁹⁾ ктотикое с.

²⁰⁾ Chrys. hom. 6, p. 43D: ἀναίρει, καὶ πρόρριζον αὐτὴν ἀνασπείρας = восторгая.

принати лоуча свѣта. не ієствѣствомъ свѣта мрачение тѣмъ. нѣ злѣвою волѣ лишаѣнихъ сѣспсєнииѣ.

«Вѣ мирѣ вѣтъ». не ꙗко мнѣ рови сѣлѣтънѣ. сего ради во прирече. «и миръ тѣмъ бысть». всѣмъ во волею и неволею. по-ноужденъ боудеть всѣмъ чѣвѣкъ. аще и противнѣ боудеть славѣ Бѣни. прѣжде дѣлѣ исповѣсть творѣца.

«И миръ єго не позна». мира глѣгъ хоуждѣша люди. и пригвожденъ сѣмъ житиѣ. и земьскаѣ моудрѣствоуѣнихъ. друзи во Бѣни вси єго познаша. не по плѣтѣсѣ пришествїи єго тѣкѣмо. нѣ и прѣжде. ꙗкоже Авраамъ. и Моисѣи и Дѣвѣ. и вси вѣвѣшєи прѣжде Самонаа пророци. ꙗкоже Петръ рече.

«Вѣ свои сї приде. и свои єго не приѣша». ли о иудєихъ глаголетъ. ꙗко соущємъ людѣмъ перїоусїємъ ²¹⁾. ли о всѣхъ чѣвѣхъ сѣтворєнихъ имъ чѣвѣко-любѣ въ сѣи Бѣ. ноуждею оубо

εἰ δὲ τινες ἐχόντες* τοὺς ὀφθαλμοὺς τῆς διανοίας μύσαντες, οὐκ ἠθέλησαν παραδέξασθαι τοῦ φωτός τὰς ἀκτῖνας, οὐ παρὰ τὴν τοῦ φωτός φύσιν ἢ σκότους ἐκείνοις*. ἀλλὰ παρὰ τὴν κακουργίαν τῶν ἐκοντὶ ἀποστερούντων ἑαυτοὺς τῆς σωτηρίας...

«Ἐν τῷ κόσμῳ ἦν», οὐχ ὡς τοῦ κόσμου σύγχρονος· διὰ γὰρ τοῦτο ἐπήγαγε, «καὶ ὁ κόσμος δι' αὐτοῦ ἐγένετο»· πάντως γὰρ [καὶ] ἐκὼν καὶ ἄκων ἀναγκασθήσεται πᾶς ἄνθρωπος, καὶ πολέμος ἢ* τῆς δόξης τοῦ Θεοῦ, πρὸ τῶν ἔργων ὁμολογῆσαι τὸν ποιητὴν.

Τὸ δὲ «ὁ κόσμος αὐτὸν οὐκ ἔγνω», κόσμον ἐνταῦθα τὸ δημῷδες πληθὸς φησι, τὸν χυδαῖον καὶ ταραχώδη λαόν, τὸν τῷ κόσμῳ προσηλωμένον καὶ τὰ τοῦ κόσμου φρονοῦντα. οἱ γὰρ* τοῦ Θεοῦ φίλοι πάντες αὐτὸν ἔγνωσαν, οὐ μετὰ τὴν ἐν σαρκὶ αὐτοῦ μόνην παρουσίαν, ἀλλὰ καὶ πρὸ ταύτης, ὡς ὁ Ἀβραάμ καὶ ὁ Μωυσῆς καὶ ὁ Δαβὶδ, καὶ πάντες οἱ ἀπὸ τοῦ Σαμουὴλ προφηταί, ὡς ὁ Πέτρος φησί...

Τὸ δὲ, «εἰς τὰ ἴδια ἦλθε, καὶ οἱ ἴδιοι αὐτὸν οὐ παρέλαβον», ἢ περὶ τῶν ἰουδαίων λέγει ὡς λαόν ὄντα περιούσιον, ἢ καὶ περὶ [πάντων] τῶν ἀνθρώπων τῶν ὑπ' αὐτοῦ γεγεννημένων· φιλόανθρωπος

²¹⁾ перемиз с.

ни единого же. самовольно же
всѣхъ влѣчетъ къ себѣ. тѣмъ же
и пришѣдъша него ови прииша.
ови же ни. «Въ своѣмъ си прииде».
не своимъ потрѣбамъ ради. Нѣ во
не потрѣбамъ. нѣ въ благодѣтели
ради своихъ. отъкоуду же при-
де. сѣи въсѣде. и въсе испль-
ниен²²⁾. кою истыцѣва мѣсто.
сѣдръженъ вса. мѣста оубо ни
единого вставилъ. како во сѣ-
мѣи к намъ створи. и себѣ яви
намъ. въ плоть нашу оубо въ-
явление же се и сѣхъ же
пришѣствие наричетъ. въ неже
и жидове вси него нерачише
приети.

Чтоже не «иже же него при-
ше» сирѣчь ли рабы. или сво-
водни. ли иллини. ли варвари.
или моудри. ли немоудри²³⁾. ли
богати. ли ниши. ли кнези. ли
грозуби. вси тожде спѣвши се
чѣсти. вѣра бо и вѣгѣ дѣхъ
мирное вславление ѿмѣши въ
единъ образъ потвори въсе
цркви.

²²⁾ Отсѣлъ текстъ печатается по петербургской рукописи (лл. 4—6 об.)
съ лексическими вариантами только изъ рук. соловецкой библіотеки, такъ
какъ въ московской рукописи недостаетъ конца этой бесѣды и начала второй,
за утратой цѣлой тетради, состоявшей конечно изъ 8 листовъ (Описание II,
2, стр. 411). ²³⁾ или жены, или мжжи, или дѣти, или старицы с add.

γὰρ ὧν ὁ Θεός, βία μὲν οὐδένα,
πειθοῖ δὲ πάντας ἔλκει πρὸς
αὐτόν· διὸ καὶ ἐλθόντα αὐτόν,
οἱ μὲν ἔλαβον, οἱ δὲ οὐκ
ἔλαβον «εἰς τὰ ἴδια ἦλθεν» οὐ
τῆς αὐτοῦ χρείας ἕνεκεν, ἀνευθεὲς
γὰρ τὸ θεῖον, ἀλλὰ τῆς τῶν ἰδίων
εὐεργεσίας χάριν. Πόθεν δὲ ἦλθεν
ὁ τὰ πάντα πληρῶν καὶ πανταχοῦ
παρῶν; ποῖον κενώσας τόπον ὁ
πάντα συνέχων; τόπον μὲν οὐδένα
ἡμῖς, πῶς γὰρ; τῇ δὲ πρὸς
ἡμᾶς συγκαταβάσει τοῦτο εἰργάσα-
το. καὶ ἑαυτὸν ἐφανέρωσεν ἡμῖν,
τὴν ἡμετέραν ὑποδὺς σάρκα. Τὴν
φανέρωσιν οὖν ταύτην καὶ τὴν
κατάβασιν ἔλευσιν καλεῖ, εἰ καὶ
ἰουδαῖοι αὐτὸν παραλαβεῖν πάντες
οὐκ ἐθέλησαν... Τὸ δὲ «ὅσοι ἔλα-
βον αὐτόν», τούτεστι, καὶ δοῦλοι
καὶ ἐλεύθεροι, καὶ Ἕλληνας. καὶ
βάρβαροι καὶ ἄσοφοι, καὶ σοφοί,
καὶ γυναῖκες, καὶ ἄνδρες, καὶ
παῖδες, καὶ πρεσβύτεροι, καὶ πλού-
σιοι, καὶ πένητες. καὶ ἄρχοντες.
καὶ ἰδιῶται, πάντες τῆς αὐτῆς
ἡξίωνται* τιμῆς· ἡ γὰρ πίστις καὶ
ἡ τοῦ Πνεύματος χάρις τὴν κοσ-
μικὴν ἀνωμαλίαν περιελοῦσα. εἰς
μίαν ἅπαντας ἔπλασε μορφὴν, καὶ
εἰς ἓνα ἀπετόπωσε χαρακτῆρα,
τὸν βασιλικόν...

Не рече же яко створи не
чеда Бсѹ. яко ²⁴⁾ «дасть имъ
вѣласть». явлѣніе дѣлаемыя неслы-
шного тышанине показати. да
оусыниеніе крѣпленія цѣло и без-
вѣдно сѣхранимъ.

въспомоу же плѣтскихъ во-
лѣзни рекыи «иже не ѿ крѣви»
и прочаа. да смѣрше ²⁵⁾ малою.
смѣренное прѣваго. сирѣчь плѣт-
скаго рождѣства на высокою и
вѣгородно втораго вѣгѣтнаго.
иже не ѿ Бга родитисѣ. великъ
роумъ и в немъ приемиемъ.
и достоинъ дара рождѣшаго. тѣмъ же
и виноу неизреченнѣи сѣи чѣсти
полагаемъ глѣ «и Слово плѣтъ
бы». сирѣчь сѣе рады вѣсѣды
и неже слово плѣтъ бы и зракъ
раба приети вѣка. чеда Бсѹ
выхомъ.

«Бы же Слово плѣтъ» не
иѣтѣвоу него прѣпадоу въ плѣтъ.
се во помышлѣти. послѣднѣаго
иѣ вѣчѣстна. нѣ прѣвѣване неже
иѣсть. и тако зракъ раба приети.
«бы» же рече неретичѣскаѣ за-
вѣдѣніе нетеро вѣ смотреніе.
а не плѣти истинныя въсприетіе.

²⁴⁾ по с. ²⁵⁾ екпримѣше с.

Οὐκ εἶπε δὲ, ὅτι ἐποίησεν αὐ-
τοὺς τέχνα Θεοῦ, ἀλλ' «ἔδωκεν
αὐτοῖς ἐξουσίαν», δεικνὺς ὅτι πολ-
λῆς δεῖ τῆς σπουδῆς ὥστε τὴν
ἐν τῷ βαπτίσματι τῆς υἰοθεσίας
ἡμῖν ἐντυπωθεῖσαν εἰκόνα ὁλόκλη-
ρον ἡμῖν διατηρῆσαι καὶ ἀνέπα-
ρον...

Ἀνέμνησε δὲ τῶν σαρκικῶν
ὠδίνων, εἰπὼν, «οἱ οὐκ ἐξ αἱμά-
των», καὶ τὰ ἐξῆς, ἵνα συγκρίναν-
τες τὸ εὐτελὲς καὶ ταπεινὸν τοῦ
προτέρου, ἦγουν το[ῦ] σαρκικοῦ
τόκου, πρὸς τὸ ὑψηλὸν καὶ εὐγε-
νὲς τοῦ δευτέρου τοῦ διὰ τῆς χά-
ριτος, ὅπερ ἐστὶν ἐκ Θεοῦ γεννη-
θῆναι, μεγάλην τινὰ ἔννοιαν περὶ
αὐτοῦ λάβωμεν, καὶ τῆς τοῦ γε-
γεννηκότος δωρεᾶς ἀξίαν. διὸ καὶ
τὴν αἰτίαν τῆς ἀφράστου ταύτης
τιμῆς τίθησι λέγων, «καὶ ὁ Λό-
γος σὰρξ ἐγένετο», τούτεστι, διὰ
ταύτην τὴν ὑπόθεσιν τοῦ γενέ-
σθαι σάρκα τὸν λόγον, καὶ τὴν
τοῦ δούλου μορφὴν λαβεῖν τὸν
δεσπότην, τέχνα Θεοῦ γεγόναμεν.

Γέγονε δὲ «ὁ Λόγος σὰρξ», οὐ
τῆς οὐσίας αὐτοῦ μεταπεσούσης*
εἰς σάρκα (τὸ γὰρ ἐννοεῖν τοῦτο
τῆς ἐσχάτης ἀσεβείας ἐστίν)· ἀλλὰ
μένουσα ὅπερ ἐστίν. Οὕτω τὴν
τοῦ δούλου μορφὴν ἔλαβεν. «Ἐγέ-
νετο» δὲ εἶπε, τὰ τῶν αἰρετικῶν
ἐμφράττων στόματα, τῶν λεγόν-
των ὅτι φαντασία τις ἦν ἡ οἰχο-

Что есть еже «вселисе въ ныи». вселение. нъ ²⁶⁾ ино въ иномъ вселитсе. сирѣчь. Бѣ Слово выплътисе и съвѣкоуписе плъти. ино же по истѣвоу глѣмъ. съвѣкоуплениемъ во и снѣтнемъ единъ иѣ Бѣ Слово и плъть. не слитию вышюу. ни потрѣвляеннѣ соущѣства. нъ съвѣкоуплению иѣтерюу неизреченноуу. ꙗкоже самъ истѣвѣсть.

«и видѣхомъ славоу его». съ въспитѣномъ намъ тѣломъ ꙗвлѣеть. аще во лица Моисѣѡва не сътрѣпѣше иже въ то време прославлена видѣти. како бѣтѣвнаго. и свѣта непристоупима и самѣмъ вышнимъ силамъ. мы и брънны и землѣни възмогли выхомъ стрѣпѣти.

и понѣже мнози ѿ прѣроковъ прославлены выше. ихъже единъ сынъ иѣ Моисѣ. оудившежесе ангѣли члвкмъ ꙗвлѣшесе. и херувимъ и серафимъ многою славою ꙗвнишесе прѣркови. ѿ всѣхъ сихъ ѿводе ны иѣгелистъ на тыи влгыниѣ постави тѣрабъ ²⁸⁾ глѣ «славоу ꙗко иночедаго ѿ Оца

νομία, οὐ σαρκὸς ἀληθινῆς ἀνὰ ληψις.

Τί ἐστὶ τὸ, «ἐσκήνωσεν ἐν ἡμῖν»; τὸ σκηνοῦν οὐ ταυτὸν ἀν εἶη τῇ σκηνῇ, ἀλλ' ἕτερον ἐν ἐτέρῳ σκηνοῖ, ταυτέστιν, ὁ Θεὸς Λόγος ἐσαρκώθη καὶ ἡνώθη σαρκὶ. ἕτερον δὲ κατ' οὐσίαν φαρμέν· τῇ γὰρ ἐνώσει καὶ τῇ συναφείᾳ εἰς ἐστὶν ὁ Θεὸς Λόγος καὶ ἡ σὰρξ· οὐ συγχύσεως γενομένης, οὐδὲ ἀφανισμοῦ τῶν οὐσιῶν. ἀλλ' ἐνώσεως τινος ἀρρήτου καὶ ἀφράστου, καὶ ἦν μόνος οἶδεν αὐτός.

«Καὶ ἐθεασάμεθα τὴν δόξαν αὐτοῦ». Διὰ τοῦ συντρόφου σώματος ἡμῖν δηλονότι ²⁷⁾. Εἰ γὰρ τὸ πρόσωπον Μωυσέως οὐχ ὑπέμειναν οἱ κατ' ἐκεῖνον τὸν καιρὸν δοξαζόντες ἰδεῖν, πῶς θεότητα γυμνῇ καὶ φῶς ἀπρόσιτον καὶ αὐταῖς ταῖς ἄνω δυνάμεσιν, ἡμεῖς οἱ πῆλιν οὐ καὶ γηγενεῖς ἠδυνήθημεν ἀν ἐνεργεῖν;

Καὶ ἐπειδὴ πολλοὶ τῶν προφητῶν ἐδοξάζοντο, ὧν εἰς οὗτος αὐτός ἐστι Μωυσῆς· ἐθαυμάζοντο δὲ καὶ ἄγγελοι παρὰ ἀνθρώποις φανέντες, καὶ τὰ Χερουβεὶμ καὶ τὰ Σεραφεὶμ μετὰ πολλῆς δόξης ὡφθη τῷ προφῆτῃ· πάντων τούτων ἀπάγων ἡμᾶς ὁ εὐαγγελιστής, πρὸς αὐτὴν τῶν ἀγαθῶν

²⁶⁾ не тоже есть вселение, но с.

²⁷⁾ Chrys. hom. 12, n. 1, p. 66C: ὡφθη вм. δηλονότι.

²⁸⁾ на томъ клѣзѣмъ поставленъ на крѣстѣ с.

исплньнъ влѣтѣ и истинны». Истоую речъ цѣоу единночѣдаго штрока вѣа. самого Гѣ славоу всѣхъ видѣхомъ.

а еже «ꙗко» не подобноу есть и ²⁹⁾ притчи нъ извѣствованикъ и глааше. видѣхомъ славоу ꙗкоже подобаше. и лѣтъ вѣ имѣти ю единночѣдоу и присносоущноу Бѣоу всецѣоу Бѣоу. кто же вѣ слава син. ꙗко съ вбластию подобною цѣеви и влѣцѣ все творѣше. а не ꙗко ангѣли и прѣрци повелѣваемыи. самъ влѣти и истина исплньнена сын. и ннѣмъ ю подавае.

Чесо ради множицею иѣулистъ Иѡаново проноситъ послоушѣство. ꙗкоже и заѣ рече. «Иѡанъ послоушѣствоуетъ ѿ нѣмъ». не просто нъ и зѣло смысльно. понѣже много имѣхоу чоувствѣ ³⁰⁾ иудеи. имже Иѡсифъ за оумрътнѣ него градь иоудѣискъ вранию поговитѣ мышлѣше. и дльгства и се похвалы и ³¹⁾ ѿ нѣмъ творѣше. сего ради тѣмъ хоте иудеи посрамит. често въспоминаеть имъ послоушѣство прѣтече. тѣщесе

ἡμᾶς ἰστησι [τὴν] κορυφὴν, λέγων, «δόξαν ὡς μονογενοῦς παρὰ Πατρὸς, πλήρης χάριτος καὶ ἀληθείας» αὐτοῦ* φησι τοῦ βασιλέως, τοῦ γνησίου μονογενοῦς Παιδὸς τοῦ Πατρὸς, αὐτοῦ τοῦ πάντων Κυρίου τὴν δόξαν ἐθεασάμεθα.

Τὸ δὲ «ὡς» ἐνταῦθα οὐχ ὁμοιωσεώς ἐστίν, οὐδὲ παραβολῆς, ἀλλὰ βεβαιώσεως καὶ ἀναμφισβήτητου διορισμοῦ, ὡσανεὶ ἔλεγεν, «Εθεασάμεθα δόξαν, οἷαν ἐπρεπε καὶ εἰκὸς ἦν ἔχειν μονογενῇ καὶ γνήσιον ὄντα Υἱὸν τοῦ παμβασιλέως Θεοῦ. Τίς δὲ ἦν αὕτη ἡ δόξα; ὅτι μετ' ἐξουσίας βασιλεῖ καὶ δεσπότῃ πρεπούσης πάντα ἐποίει, καὶ οὐχ ὡς ἄγγελοι καὶ προφῆται προσταττόμενοι, αὐτοχάρις καὶ ἀλήθεια ὑπάρχων πεπληρωμένη, καὶ ἄλλοις ταύτην χορηγῶν.

Τίνος ἕνεκεν πολλάκις ὁ εὐαγγελιστὴς τὴν Ἰωάννου περιφέρει μαρτυρίαν, ὡσπερ καὶ ἐνταῦθα φησιν, «Ἰωάννης μαρτυρεῖ περὶ αὐτοῦ»; οὐχ ἀπλῶς, ἀλλὰ καὶ σφόδρα συνετῶς· ἐπειδὴ γὰρ πολὺ* τὸ θαῦμα εἶχον τοῦ ἀνδρὸς τούτου πάντες οἱ ἰουδαῖοι, ὥστε καὶ τὸν Ἰώσηπον διὰ τὴν τούτου τελευτὴν τὴν τῶν ἰουδαίων πόλιν ἀφανισθῆναι πολέμῳ λογίζεσθαι, καὶ μακροῦς περὶ αὐτοῦ λόγους ἐγκωμίων ποιεῖσθαι· τούτου χάριν

²⁹⁾ или с.

³⁰⁾ чюдо мѣжа сего кси с вм. чоувствѣ.

³¹⁾ и словеса долга похвалы с.

рлвомъ вѣку достоѣрна³²⁾ створити. нъ младѣнствоующе мнѣ нюдѣшмъ не сътвори помощи³³⁾.

А еже «възоупи» глѣю. дръзновение его являють. яко безъ всякаго соумнѣния пришествіе Сѣна Бѣни проповѣдаше.

А еже рече «съ іѣ» негоже рѣхъ» показаютъ. яко и прѣжде явленіи Хѣа проповѣда него. се же твораше. да блѣпріетно воудеть послоушество его. А еже «грѣдынъ въ слѣдъ мене». сынъ іѣ проповѣдаеи по мнѣ. А еже «прѣдъ мною бы». сирѣчь свѣтлѣи и чьстьнѣи. А еже «старѣи мене вѣ». яко [не]³⁴⁾ ѿ котораго спѣнна старѣиша мѣ соуща. послѣди творить мѣ выти. нъ присно старѣи вѣ. аще и послѣдъ приде.

«Отъ испльнѣния его мы и вси принесомъ». яко не приѣтънъ имать даръ. нъ само источникъ и корѣнь іѣ всѣмъ блѣмъ. само животь и самъ свѣтъ³⁵⁾. не себѣ съдрѣже богатство. нъ и всѣмъ прѣисточае. и по источени прѣ-бывае пльнь.

³²⁾ достоина кѣрна с.

³⁴⁾ не с, ом. н.

ἀπ' αὐτοῦ τοὺς ἰουδαίους ἐντρέφαι βουλόμενος, συνεχῶς αὐτοὺς ἀναμιμνήσκει τῆς τοῦ προδρόμου μαρτυρίας· οὐ τὸν δεσπότην ἀπὸ τοῦ δούλου ποιῆσαι ἀξιόπιστον σπεύδων, ἀλλὰ τῆς τῶν νηπιαζόντων ἰουδαίων ἀσθενείας συγκαταβαίνων.

Τὸ δὲ, «κέρραγε λέγων», τὴν παρρησίαν αὐτοῦ δηλοῖ, καὶ ὅτι χωρὶς ὑποστολῆς ἀπάσης τὴν παρρησίαν τοῦ Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ ἐκήρυττε.

Διὰ δὲ τοῦ εἰπεῖν, ὅτι «οὗτός ἐστιν ὃν εἶπον», δείκνυσιν, ὅτι καὶ πρὶν [ἡ] φανῆναι τὸν Χριστὸν, ἀνεκήρυξεν αὐτόν· τοῦτο δὲ ἐποίει, ἵνα εὐπαράδεκτος* ἡ μαρτυρία* γένηται. Τὸ δὲ, «ὁ ὀπίσω μου ἐρχόμενος», σημαίνει, ὁ μετ' ἐμὲ κηρύττω, οὐχ ὁ μετ' ἐμὲ γενόμενος. Τὸ «ἐμπροσθέν μου γέγονε», τούτεστι, λαμπρότερος, ἐντιμότερος. Τὸ δὲ, «πρῶτός μου ἦν». ὅτι οὐκ ἔκ τινος προκοπῆς πρῶτόν με* ὄντα ὀπίσω πεποίηκεν εἶναι, ἀλλ' αἰεὶ πρῶτος ἦν, εἰ καὶ ὕστερος παραγίνεται.

«Ἐκ τοῦ πληρώματος» δὲ αὐτοῦ ἡμεῖς πάντες ἐλάβομεν», ὅτι οὐ μεδεκτήν ἔχει τὴν δωρεάν, ἀλλ' αὐτοπηγὴ καὶ αὐτορίζα πάντων ἐστὶ τῶν ἀγαθῶν, αὐτοζωὴ καὶ αὐτοφῶς καὶ αὐτοαληθεία· οὐκ ἐν ἑαυτῷ συνέχων τὸν πλοῦτον, ἀλλὰ καὶ εἰς τοὺς ἄλλους

³³⁾ немощи смотри с.

³⁵⁾ самъ истинна с add.

за коую же блѣть. коую блѣть приехомъ. за ветѣхуу новуу. иво блѣтию нюдѣи приетн быше тогда. якоже писано іѣ. «яко не за-оумножатисе вамъ. нъ ѿце³⁶⁾» избрахъ вас». и мы пакы блѣтию спсены выхомъ. нъ не такожде нъ болшими. за даръ Дѣховныи. за дръзновение вывшеи смѣрениемъ. еже приетн законъ. блѣтѣ бо яко прорицають. яко «законъ Моисѣшмъ данъ бы». аще бо и ѿвразъ вѣ законъ тѣ. нъ мѣтыноу являють Бѣниѣ щедроты и яко «за ны³⁷⁾» створи поутѣи и своѣ Моисѣшвыи». якоже рече Двѣль.

яко «блѣть и истина Іс Хмѣ бы». яко болаша блѣга намъ вынесе. явѣ юсть. ѿнъ вѣ слѣужитель си. мнѣшихъ вѣши бы слѣуга. съ же вѣка и цѣрь и цѣрь Сѣнь лоуцша многыхъ принесе намъ. сынъ присно съ Сѣемъ. немѣуже съи присно съ Сѣемъ. немѣуже слава и чѣть. и покланѣние до-стоино Сѣноу и прѣстоуму и животворещемоу Дѣхуу. ѿ всякаго дыханѣи нѣи и присно и въ бесконѣчныи вѣк аминь.

³⁶⁾ вѣ. ѿце вѣ с отъ отца.

³⁷⁾ знаны с вѣ. за ны.

ἅπαντας ὑπερβλύζων* αὐτὸν, καὶ μετὰ τὸ ὑπερβλύσαι* μένων πλήρης.

Ἀντὶ ποίας χάριτος ποίαν χάριν ἐλάβομεν; ἀντὶ τῆς παλαιᾶς* τὴν καινὴν· καὶ γὰρ χάριτι καὶ ἰουδαῖοι προσεδέχθησαν τότε, ὡς γε-γραπται, ὅτι «οὐ [γὰρ] διὰ τὸ πολυπληθεῖν* ὑμᾶς, ἀλλὰ διὰ τοὺς πατέρας ὑμῶν ἐξελεξάμην». καὶ ἡμεῖς πάλιν χάριτι ἐσώθημεν, ἀλλ' οὐχ ὁμοίως, ἀλλὰ μειζόνως διὰ τὴν τοῦ Πνεύματος δωρεάν, καὶ διὰ τὴν ἀπὸ τῆς καταλλαγῆς γενομένην παρρησίαν. Καὶ τὸ λαβεῖν δὲ τὸν νόμον, χάριτος ἦν, καθὼς ἐπάγει, ὅτι «ὁ νόμος διὰ Μωυσέως ἐδόθη». εἰ γὰρ καὶ τύπος ἦν ὁ νόμος ἐκεῖνος. ἀλλ' οὖν ἐλεημοσύνην ἐμφαίνει Θεοῦ καὶ αἰκτιρμούς, ὅτι «ἐγνώρισε τὰς ὁδοὺς αὐτοῦ τῷ Μωυσεῖ», καθὼς φησιν ὁ Δαβὶδ.

Ὅτι δὲ «ἡ χάρις καὶ ἡ ἀληθεία διὰ Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐγένετο», καὶ ὅτι τοῦτο μείζονα ἡμῖν ἐκόμισεν ἀγαθὰ, δῆλον· ἐκεῖνος μὲν γὰρ ὑπηρέτης ὢν, ταπεινοτέρων γέγονε πραγμάτων διάκονος· αὗτος δὲ δεσπότης καὶ βασιλεὺς καὶ βασιλέως Υἱός, τὰ πολλῶν κρείττονα ἤγαγεν ἡμῖν, συνὼν αἰεὶ τῷ Πατρὶ.

равомъ вѣкоу достовѣрна ³²⁾ створити. нъ младѣнствоующемъ нюдѣшмъ не сътвори помощи ³³⁾.

А еже «възоупи» глѣе. дръзновение его являють. яко безъ всякого соумнѣния пришествіе Сѣа Бжїи проповѣдаше.

А еже рече «съ іѣ негоже рѣхъ» показаютъ. яко и прѣжде явленіи Хѣа проповѣда него. се же твораше. да влѣпріетно воудеть послушество его. А еже «грѣдыи въ слѣа мене». сирѣчь сыи іѣ проповѣдаи по мнѣ. А еже «прѣдъ мною бы». сирѣчь свѣтлѣи и чьстьнѣи. А еже «старѣи мене бѣ». яко [не] ³⁴⁾ ѿ котораго спѣниа старѣиша ме соуца. послѣди творить ме выти. нъ присно старѣи бѣ. аще и послѣдъ приде.

«Отъ испльниеніи его мы и вси принесомъ». яко не приѣтънѣ имать даръ. нъ само источникъ и корѣнь іѣ всѣмъ влѣмъ. само животь и самъ свѣтъ ³⁵⁾. не севѣ съдръже богатство. нъ и всѣмъ прѣисточане. и по источени прѣ-вывае пльнь.

³²⁾ достопина кѣрна с.

³⁴⁾ не с, от. п.

ἀπ' αὐτοῦ τοὺς ἰουδαίους ἐντρέψαι βουλόμενος, συνεχῶς αὐτοὺς ἀναμνήσκει τῆς τοῦ προδρόμου μαρτυρίας· οὐ τὸν δεσπότην ἀπὸ τοῦ δούλου ποιῆσαι ἀξιόπιστον σπεύδων, ἀλλὰ τῆς τῶν νηπιαζόντων ἰουδαίων ἀσθενείας συγκαταβαίνων.

Τὸ δὲ, «κείραγε λέγων*», τὴν παρρησίαν αὐτοῦ δηλοῖ, καὶ ὅτι χωρὶς ὑποστολῆς ἀπάσης τὴν παρουσίαν τοῦ Υἱοῦ τοῦ Θεοῦ ἐκήρυττε.

Διὰ δὲ τοῦ εἰπεῖν, ὅτι «οὗτός ἐστιν ὃν εἶπον», δείκνυσιν, ὅτι καὶ πρὶν [τῆς] φανῆναι τὸν Χριστόν, ἀνεκήρυξεν αὐτόν· τοῦτο δὲ ἐποίει, ἵνα εὐπαράδεκτος* ἡ μαρτυρία* γένηται. Τὸ δὲ, «ὁ ὀπίσω μου ἐρχόμενος», σημαίνει, ὁ μετ' ἐμὲ κηρύττων, οὐχ ὁ μετ' ἐμὲ γενόμενος. Τὸ «ἐμπροσθέν μου γέγονε», τουτέστι, λαμπρότερος, ἐντιμότερος. Τὸ δὲ, «πρῶτός μου ἦν». ὅτι οὐκ ἔχ τινος προκοπῆς πρῶτόν με* ὄντα ὀπίσω πεπονήκεν εἶναι, ἀλλ' αἰεὶ πρῶτος ἦν, εἰ καὶ ὕστερος παραγίνεται.

«Ἐκ τοῦ πληρώματος» δὲ «αὐτοῦ ἡμεῖς πάντες ἐλάβομεν», ὅτι οὐ μεδεχτὴν ἔχει τὴν δωρεάν, ἀλλ' αὐτοπηγὴ καὶ αὐτορίζα πάντων ἐστὶ τῶν ἀγαθῶν, αὐτοζωὴ καὶ αὐτοφῶς καὶ αὐτοαλήθεια· οὐκ ἐν ἑαυτῷ συνέχων τὸν πλοῦτον, ἀλλὰ καὶ εἰς τοὺς ἄλλους

³³⁾ немощи смотря с.

³⁵⁾ елмаз истинна с add.

за коюю же влѣтъ. коюю влѣтъ приехомъ. за вѣтъхоу новоу. иво влѣтню нюдѣи приѣти выше тогда. якоже писано іѣ. «яко не за-оумножатисе вамъ. нъ ѿце ³⁶⁾ избрахъ вас». и мы пакы влѣтню спсены выхомъ. нъ не такожде нъ волшимъ. за даръ Дхъовныи. за дръзновение бывшее смѣрениемъ. еже приѣти законъ. влѣтѣи во яко прорицають. яко «законъ Моисѣшмъ данъ бы». аще во и въбразъ бѣ законъ тѣ. нъ мѣтныоу являють Бжїице шедроты и яко «за ны ³⁷⁾ створи поутѣи и свое Моисѣшвыи». якоже рече Двѣи.

яко «влѣтъ и истина Іс Хмъ бы». яко боша влѣа намъ вънесе. явѣ есть. ѿнъ вѣо служительси. мнѣшихъ вѣиши бы слоуга. съ же влѣа и цѣи и цѣи Сѣи лоучша многыхъ принесе намъ. сыи присно съ Сѣемъ. немоуже слава и чѣтъ. и поклоняние до-стоино Сѣоу и прѣстоумоу и животворещемоу Дхъоу. ѿ всякого дыханиа нѣиа и присно и въ бесконьчѣныи вѣк аминь.

ἅπαντας ὑπερβλύζων* αὐτόν, καὶ μετὰ τὸ ὑπερβλύσαι* μένων πλήρης.

Ἀντὶ ποίας χάριτος ποίαν χάριν ἐλάβομεν; ἀντὶ τῆς παλαιᾶς* τὴν καινὴν· καὶ γὰρ χάριτι καὶ ἰουδαῖοι προσεδέχθησαν τότε, ὡς γε-γραπται, ὅτι «οὐ [γὰρ] διὰ τὸ πολυπληθεῖν* ὑμᾶς, ἀλλὰ διὰ τοὺς πατέρας ὑμῶν ἐξελεξάμεν». καὶ ἡμεῖς πάλιν χάριτι ἐσώθημεν, ἀλλ' οὐχ ὁμοίως, ἀλλὰ μεζόνως διὰ τὴν τοῦ Πνεύματος δωρεάν, καὶ διὰ τὴν ἀπὸ τῆς καταλλαγῆς γενομένην παρρησίαν. Καὶ τὸ λαβεῖν δὲ τὸν νόμον, χάριτος ἦν, καθὼς ἐπάγει, ὅτι «ὁ νόμος διὰ Μωυσέως ἐδόθη». εἰ γὰρ καὶ τύπος ἦν ὁ νόμος ἐκεῖνος. ἀλλ' οὖν ἐλεημοσύνην ἐμφαίνει Θεοῦ καὶ οἰκτιρμούς, ὅτι «ἐγνώρισε τὰς ὁδοὺς αὐτοῦ τῷ Μωυσεῖ», καθὼς φησιν ὁ Δαβίδ.

Ὅτι δὲ «ἡ χάρις καὶ ἡ ἀληθεια διὰ Ἰησοῦ Χριστοῦ ἐγένετο», καὶ ὅτι τοῦτο μεζονα ἡμῖν ἐκόμισεν ἀγαθὰ, ὅλον· ἐκεῖνος μὲν γὰρ ὑπηρέτης ὢν, ταπεινοτέρων γέγονε πραγμάτων διάκονος· οὗτος δὲ δεσπότης καὶ βασιλεὺς καὶ βασιλέως Υἱός, τὰ πολλῶν κρείττονα ἤγαγεν ἡμῖν, συνὼν αἰεὶ τῷ Πατρί.

³⁶⁾ вѣ. ѿце вѣ с отъ отца.

³⁷⁾ знаны с вѣ. за ны.

2.

Тогоже. Златоустаго. сказаніе. Д. евънгелиа. ѿ Мѣ.
(8, 5 — 13). Бесѣда 12-я (син. ркпс. 66 об. — 68; пет.
45 — 46 об.).

Хблѡвѣци. Гѣ нашъ и Бѣ Іу Хѣ рече. иже оубо постыдѣтсѣ
менѣ и моухъ словесъ. постыжоусѣ сего и азъ прѣдъ Оцѣмъ
мѣмъ. тѣмъже сице тѣмъже и люто слово слышаще. не можемъ
постыдѣтсѣ убо. ни таланта сѣкрѣимъ негоже прихѡмъ ѿко-
же онъ рабъ. нѣ подадимъ прѣвѣ. творѣще независѣно. ни
скѣдно словеса Гѣмъ. и вѣрѣ покажѣмъ. приимъшенъ благодѣтъ.
ѿкоже сѣтъникъ сѣ. да хвалѣ приимѣмъ ѿ ѡбѣщаго Гѣ¹⁾.
прѣдъ ангѣлы и чловеки. и разоумѣмъ прилежно. како сѣказаеъ
стыи²⁾ сѣ стѣ³⁾ въ се мѣсто. глѣтъ во сице. сѣказанъ на-
шемъоу неразоумью.

Прокажены оубо сѣмъдѣшоу 'О мѣν λεπρός καταβάντι ἀπὸ
Ἰσοῦ сѣ горъ. прѣстѣпи кѣ тоῦ ὄρους προσῆλθεν· ὁ δὲ ἑκα-
немоу. а сѣтъникоу⁴⁾ вѣлѣдѣшоу τόνταρχος οὗτος* εἰσελθόντι εἰς
въ Капернаѡмъ. чѣсо ради. ни Каперναοῦμ. τίνας ἔνεκεν οὕτε
сѣ ни онъ на гороу не възидоста. οὗτος οὕτε ἐκεῖνος εἰς τὸ ὄρος
не за оунзѣние оубо. оубо⁵⁾ ἀνέβησαν; οὐδὲ διὰ ῥαθυμίαν· καὶ
вѣра тепла. нѣ да не прѣсѣчѣте γὰρ ἀμφοτέρων ἢ πίστις θερμῇ,
оуучительства. не принесе во не- ἀλλ' ὥστε* μὴ ἐγκόψαι* τὴν δι-
доужнаго кѣ Христови. зане δασκαλίαν. οὐκ ἤγαγε δὲ τὸν
велью вѣроу имѣаше. вѣдѣше ἀσθενοῦντα πρὸς τὸν Χριστόν. διὰ
во вѣстиноу. ѿко повелѣние τὸ μεγάλην αὐτὸν ἔχειν πίστιν·
довѣлѣтъ тѣмъмо. на възстание ἤδει γὰρ σαφῶς ὅτι καὶ ἐπίταγμα
лежащѣ. и Господь же сего ради ἀρχεῖ μόνον εἰς τὴν ἀνάστασιν τοῦ
егоже прѣвѣ. индѣ никѣдеже. χειμένου· καὶ ὁ Κύριος δὲ διὰ
не сѣтворилъ сѣде творить. вѣсѣде τοῦτο, ὅπερ μηδαμοῦ πρότερον
во послѣдоу. воли молащѣихъ. ἐποίησεν, ἐνταῦθα ποιεῖ· παντα-
сѣде же самъ ѡбѣщаваеъсѣ. χού [γὰρ] ἐπόμενος τῇ προαιρέσει

¹⁾ Гѣ мѣ. но въ м первоначально Бѣ.

²⁾ Чѣны м. ³⁾ Т. е. св. Іоаннъ Златоустъ.

⁴⁾ Нужно читать: а сѣтъникъ ко. ⁵⁾ и add. ко кѣ.

прѣти въ храминоу. и исцѣлѣти τῶν ἰκετεούντων, ἐνταῦθα οὗτος
немошнаго. сѣ же творить. да ἐπαγγέλλεται παραγενέσθαι εἰς
оубѣмъ доволѣние сѣтъниче. τὴν οἰκίαν, καὶ θεραπεῦσαι τὸν
аще во сего не вѣи ѡбѣщалъ. нѣ ἀσθενοῦντα· ποιεῖ δὲ τοῦτο, ἵνα μα-
рекѣ. иди исцѣлѣ отрокъ ти. θωμεν τὴν ἀρετὴν τοῦ ἑκατοντάρ-
ничеукоже отъ ни хѣ видѣли вѣи- χου. εἰ γὰρ μὴ τοῦτο ἐπηγγείλατο,
хѡмъ. чѣто во рече сѣтъникъ. ἀλλ' εἶπεν, ὕπαγε ἰάθη ὁ παῖς
«нѣсмъ доволѣнъ. да подѣ кровъ σου, οὐδὲν ἂν τούτων ἔγνωμεν·
мон възидѣши. нѣ рѣи словѡмъ τί γὰρ φησιν ὁ ἑκατόνταρχος;
тѣмъмо. исцѣлѣтъ отрокъ мон». «οὐκ εἰμὶ ἱκανός» καὶ τὰ ἐξῆς·
да оуслѣшимъ хотѣшиен Χᾶ ἀκούσωμεν ὅσοι τὸν Χριστὸν μέλ-
прѣити. и да рѣвноуѣмъ. и сѣ λομεν ὑποδέχεσθαι, καὶ ζηλώσω-
толицѣмъ тишаниѣмъ приимѣмъ. μεν καὶ μετὰ τοσαύτης σπουδῆς
нѣо егда ница приимѣмъ. алчѡуща δεξώμεθα· καὶ γὰρ ὅταν πένητα
и нага. того прихѡмъ и пи- ὑποδεξώμεθα πεινῶντα καὶ γυμ-
тѣхѡмъ. νὸν, ἐκεῖνον καὶ ὑπεδεξάμεθα καὶ
ἐθρέψαμεν.

Въпросъ. Поуто же дивисѣ Διὰ τί δὲ ἐθαύμασεν αὐτοῦ τὴν
вѣрѣ его. при толицѣ народѣ. и πίστιν ἐπὶ τοῦ τοσαύτου πλήθους,
лоуучѣна его вѣити. всего множь- καὶ κρείττονα εἶναι αὐτὸν παντὸς
ства иудѣнска издрече. и даниѣмъ τοῦ πλήθους τῶν ἰουδαίων, ἀπε-
цѣрѣствѣи чѣтетъ. възлѣгание еже φήνατο, καὶ τῇ* τῆς βασιλείας
на патриарсѣхъ дамъ. ὅσοι* τιμᾶ*, τὴν ἐν τοῖς κόλποις
τῶν πατριαρχῶν ἀνάκλινιν διδούς;

Отвѣтъ. Да и другѣимъ под- 'Ἴνα καὶ τοῖς ἄλλοις ὑπόδειγμα
ражание дасть. да рѣвноуютъ δώση, ὥστε αὐτὸν ζηлоῦν, καὶ
емоу и наказани воудѣмъ. сице παιδευθῶμεν πιστεύειν οὕτως·
вѣровати. тѣмъже по вѣрѣ его ὀθεν καὶ κατὰ τὴν πίστιν αὐτοῦ,
исцѣлѣ отрокъ. отъ тогоже чѣса. «ἰάθη ὁ παῖς ἀπὸ τῆς ὥρας ἐκεῖ-
подобаать же вѣдѣти ѿко тѣжде νης». Χρὴ δὲ γινώσκειν, ὅτι [ὁ]
есть поминаѣмъи Лоукою. а αὐτός ἐστιν ὁ παρὰ τῷ Λουκᾷ
поминаѣмъи Иоаномъ индѣ. μνημονευόμενος· ὁ δὲ παρὰ τῷ
Ἰωάννῃ ἕτερος⁶⁾.

Се слѣшавъше вратѣ. и сѣмѡтраше. ѿко не соумънѣсѣ
прѣстоупилъ сѣтъникъ сѣ. потѣшимъсѣ и мѣи несоумѣнѣно. вѣроу

⁶⁾ Cramer, Cat. Gr. Patr. in N. Test., t. I, p. 58.

свою показати. нѣ всею силою своею хранимъсѣ. да нѣи сѣхрани- нить и на будущее сѣбѣ. егда правдыи судии сѣдетъ соудѣ всемоу миру. и въздаѣ комоуждо по дѣломъ его. нѣмоуже слава усть. поклонниѣ ¹⁾ сѣ свѣтъмъ Дхмъ нѣинѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ. а[минь]:

3.

Того. Златоустѣго. сказаніе. ѿ. евангелиѣ. ѿ Мѣ. Бесѣда 14-я (син. лл. 71—73 об.; пет. 48 об.—50).

Възлюблени. обрѣтъше истощники непресѣцающии. прохла- дѣши душоу и сѣвѣсть. не отидѣмъ не напившесѣ. нѣ сами налившесѣ сѣсоудѣ свои. и нѣмъ подадимъ. тоу не бо прием- лемъ. тоу не же и подадимъ ¹⁾. и изищѣмъ прилѣжно. весель- номъ срьдѣцѣмъ. не оунизѣюще. како стѣ и златорѣиши сѣ. въ се мѣсто сказана евангелиѣ глаголетъ. рече бо сице. яко градъ его сѣде глѣ евангелиѣ. Капернаоумъ. Рицеомъ бо принесѣ его. а Назареѣ възпитѣ. Капернаоумъ же имѣашѣ живуша виноу. подобаѣ же сѣмотрити. и покорение владыцѣ и не величание. яко въ корабль възлѣзъ прѣидѣашѣ ²⁾. моглии пѣшь прѣхаждати. и яко гадарѣиши отгѣнѣи не противисѣ. нѣ отидѣ недалеуеже.

О ослабленѣ же Матѣи рече. Перѣ тоу паралитикоу ѿ мѣн яко принесѣша его. а друзии Матѣиѣи φησιν, ѿτι «προσέφερον тако и кровѣ прѣсѣкѣше ³⁾» низ- вѣсиша его. и предложиша Хри- стѣ. понеже толкоу показашѣ [вѣроу] ⁴⁾. показѣтъ ѿ онѣ свою силу. сѣ въскою властїю. раз- дрѣша грѣхѣ. и етерни же ѿ дрѣшѣи грѣхѣ. и етерни же ѿ книгѣи завистию сѣдржимѣи въ сѣбѣ рѣша «сѣ власвимѣсѣтъ. кто можѣтъ отзпоушати грѣхѣи

¹⁾ сѣ шѣмъ и add. n.

²⁾ прѣкѣдѣашѣ.

³⁾ тоу не ко пр.—подѣдѣмъ om. n.

⁴⁾ прѣкѣдѣашѣ.

⁵⁾ вѣроу и add. n. om.

тѣмъ единѣи «ѿ». онѣ же вещь- еἶπον, «οὗτος βλασφημεῖ: τίς δύ- ми извѣщаѣтъ речеѣна. облиуиѣ- νатаи ἀφίεναι ἀμαρτίας, εἰ μὴ

яко Богъ помѣшленни нѣхъ. еди- μόνος ὁ Θεός»; αὐτὸς δὲ διὰ τῶν

ного во нѣа естѣ. нѣже вѣлѣти προβλημάτων βεβαίως τὰ εἰρημένα, неиздречеѣнаа потѣи и рече. ἐλέγξας ὡς Θεὸς τὰς ἐνθυμήσεις

кѣ нимъ. «уто естѣ оудѣ речеи αὐτῶν· μόνου γὰρ Θεοῦ ἐστὶ τὸ

ѿпоушати τѣи грѣси. или речеи τὰ ἀπόρρητα εἰδέναι· ἔπειτα δὲ

възѣи одрѣ свои. и нѣи въ кѣи φησι πρὸς αὐτούς· «τί ἐστὶν

домъ свои». еже глѣтъ сице естѣ. εὐκοπώτερον· εἰπεῖν, ἀφένονταί

уто мѣнѣиѣи вамъ. оудѣи σου αἱ ἀμαρτίαι, ἢ εἰπεῖν, ἄρον

вѣити тѣло ли сѣтѣи оути осла- τὸν κράβαττον σου καὶ ὑπάγε εἰς

влено. или доушѣи грѣхѣи τὸν οἶκόν σου»; ὁ δὲ λέγει, τοι-

распоустити. нѣвѣ естѣ яко тѣло οὐτόν ἐστιν· τί δοκεῖ εὐκολόν ὑμῖν

сѣтѣи мѣне естѣ ⁵⁾. елма εἶναι· σῶμα σφίγξαι παραλελυμέ-

бо дѣа телесе лоуѣи. тольма νον, ἢ ψυχῆς ἀμαρτήματα λῦσαι;

нѣже естѣ ⁶⁾ грѣхѣи распоустити εὐδελον, ὅτι σῶμα σφίγξαι. ὅσφ

сѣго вѣиѣ. понеже ово ⁷⁾ не γὰρ σώματος ψυχῆ βελτίων, το-

мѣиѣ. ово же нѣвѣ. сѣго ради σούτῳ* τὰ ἀμαρτήματα λῦσαι

же прилагаю мѣиѣиѣи нѣвѣ. да τούτου ἄμεινον ⁸⁾. ἐπεὶ δὲ τὸ μὲν

больше и и [sic] не мѣиѣиѣи. ἀφανές, τὸ δὲ φανερόν· διὰ τοῦτο

сѣиѣи приметѣи извѣиѣи. οὐν προστίθѣи τὸ καταδεέστερον

φανερώс, ἵνα τὸ μείζον καὶ ἀφα- νές διὰ τούτου λάβѣи τὴν ἀπόδειξιν.

сѣлѣтъ же его авѣи. въ домъ Πέμπει δὲ αὐτὸν εἰς τὴν οἰκίαν

свои исцѣлена. пакѣи ⁹⁾ сѣде не αὐτοῦ, εὐθέως θεραπευθέντα, πά-

гѣрѣиѣи показѣи. нѣиѣ же и λιν καὶ ἐνταῦθα τὸ αὐτοφον δεик-

яко не привѣиѣи вѣи вѣиѣиѣи. νός· ὅτι δὲ καὶ οὐ φαντασία ἦν

сѣго ради во ѿ одрѣ нести емоу τὸ γινόμενον ¹⁰⁾, διὰ τοῦτο γὰρ

повелѣи. обаѣе же и народѣи еиѣ. καὶ βαστάσαι αὐτὸν τὸν κράβαττον

по тѣломъ ¹¹⁾ прѣсѣиѣиѣи. προσέταξεν. ὅμως καὶ οἱ ὄχλοι

⁵⁾ мѣне естѣ n om.

⁶⁾ естѣ n om.

⁷⁾ онѣ.

⁸⁾ Chrys. in Matth. 79, n. 2, p. 345A, μείζον (вм. ἄμεινον). Ср. стр. 199 «кѣиѣи» и стр. 208 «кѣиѣи».

⁹⁾ и add. n.

¹⁰⁾ Chrys. in Matth. h. 29, n. 2 p. 344E: τὸ γεγεννημένον. Но Константинъ, можѣтъ быѣи, читѣлъ только τὸ γεγόμενον.

¹¹⁾ потѣиѣиѣи = по вѣмѣиѣи.

во рече ⁷⁾ «яко сѣмъзислѣно ѿвѣ-
ща юмъ. авнѣ рече юмоу. не-
далече юси отъ црѣтвиѣ Кѣниѣ». ⁸⁾
непротивна соуща севѣ еѿнѣлиста
рѣста. нѣ и зѣло сѣглѣща ⁹⁾.
взпраша же оубо за прѣва искоу-
шана отъ вѣтомъ же Хвѣмъ пользю
примѣ. похвалѣнъ вѣт. не за
прѣва во него похвали. нѣ и егда
рече. «яко еже любити искрѣ-
нѣго вѣще олокавзтомѣтъ» ⁹⁾.
тѣгда слыша яко «недалече юси
отъ прѣтвиѣ Кѣниѣ». занѣ ма-
ла прѣзѣрѣ. глѣю же соувоу.
и проуаа. на уаткѣ же добраго
изволѣнѣ любѣве. како юсть не
развѣтѣ. обауе ни тѣ сѣврѣшеноу
юмоу похвалѣу сѣложи. нѣ и еше
сѣвѣнѣноу. еже во рѣши «не далече
юси». явѣмѣтъ и еше ѿстоѣщѣ.
да принѣтъ недѣстѣтка.

лаахъ имъ. яко бы къ севѣ кѣпрашѣнѣ тѣоритѣ. нѣо исто кѣагою люкѣке
далече отъгѣнасте отъ севѣ. Подѣкѣно оубѣ прѣрѣтѣи зѣнокѣди. кѣторѣю
нарече ю. яко си онѣ прѣдѣкарѣмѣтѣ. и тою сѣдрѣжитѣсѣ пакы. люкѣи ко
мѣ рече. зѣнокѣди моѣ сѣклѣдетѣ. зѣнокѣди же юго и глаа нѣхъ. по
люкѣи сѣиѣни. къ Богѣ соущѣи къ искрѣнѣмоу: оубѣно же рече. на севѣ
къ законѣ кѣитѣ и прѣрѣци» (Синод. рѣкпс. № 163, л. 160—161). Очевидно,
въ обоихъ случаяхъ епископъ Константинъ переводилъ съ греческаго одно и
и то же, уже готовое, сокращеніе отеческихъ толкованій на евангеліѣ.

⁶⁾ Chrys. in Matth. h. 71, n. 1, p. 695B, какъ и Сгамер, здѣсь
«εἰδώς». Но «εἰδώς» греческаго текста еѿ. Марк. 12, 34 подтверждается и этимъ
иѣстомъ Константина и переводами латинскимъ, сирскимъ, коптскимъ, армян-
скимъ, арабскимъ, славянскимъ. Это показываетъ, что Константину были
доступны рукописи болѣе исправныя, чѣмъ тѣ, на которыхъ основаны изданія
и Крамера и Монфокона.

⁷⁾ ко рече юго иск.

⁸⁾ сѣглѣно глѣиѣлѣ.

⁹⁾ и жѣтѣ add. n.

Прѣдѣлагають же законѣника Прѣбѣллонѣтѣ дѣ тѣнъ номѣкѣнъ
фарѣсенѣ на взпрѣшеніѣ. не оубѣ-
дѣтѣ хотѣмѣ. нѣ искоушѣи тво-
рѣмѣ. понѣже вѣ законѣ прѣвама
заповѣдѣи си вѣт. еже взлюбѣти
Гѣ Кѣ своего. уѣиѣмѣ виноу
и етерѣу полѣти имъ. яко испра-
вѣмѣ ю. занѣ сѣ явѣмѣмѣ нѣхъ.
прѣдѣлагають взпрашѣнѣ. пока-
зѣмѣ же Хѣ. ни еѣдинѣиѣ же лѣсѣвѣ
имѣиѣмѣ я. нѣ и завѣстиѣю тѣи-
ти ¹⁰⁾. и рѣтиѣю дѣрѣжанѣмъ ¹¹⁾.
отъѣшѣавъ рече юмоу «взлюбѣи-
ши Гѣ Кѣ своего». и пакы
«взлюбѣиши искрѣнѣго своего
яко самъ сѣ». сѣмѣ отъѣвѣтомъ
яко вѣи глѣ имъ. яко вѣи вѣ
сѣвѣ взпрашѣнѣи тѣоритѣ. нѣо
сѣ исто вѣлѣоіѣ лѣсѣвѣ далече
отъгѣнасте отъ севѣ. подѣкѣноу
же прѣрѣтѣи заповѣдѣи. вѣторѣю
нарече. яко си онѣ прѣдѣва-
рѣмѣтѣ. и тою сѣдрѣжитѣсѣ пакы.
«любѣи во мѣ рече. заповѣди
моѣ ¹²⁾ сѣвѣлюѣиѣтѣ». заповѣди
же юго и глаа нѣхъ. по любѣви
соущѣиѣи нѣ Кѣ. сѣиѣиѣиѣ къ искрѣ-
нѣмоу. оубѣно же рече. «на
сѣю вѣсѣ законъ висѣтѣ и прѣрѣци».

οἱ φαρισαῖοι πρὸς ἐρώτησιν, οὐ
μαθεῖν βουλόμενοι, ἀλλὰ ἀπόπει-
ραν ποιοῦμενοι· ἐπειδὴ γὰρ ἐν τῷ
νόμῳ πρώτη ἐντολὴ αὕτη ἦν, τὸ
Ἄγαπήσεις Κύριον τὸν Θεόν σου»,
προσδοκῶντες ἀφορμὴν τινα πα-
ρεῖν αὐτοῖς, ὡς ἐπιδιωρθώμε-
νον αὐτήν, διὰ τὸ καὶ ἑαυτὸν
δείκνυναι Θεόν, προβάλλονται τὴν
ἐρώτησιν. δεικνὺς δὲ ὁ Χριστὸς,
μηδεμίαν ἔχειν αὐτοὺς ἀγάπην,
ἀλλὰ καὶ φθόνῳ τήκεσθαι, καὶ
ζηλοτυπίᾳ ἀλίσκεσθαι, ἀποκριθεὶς
εἶπεν αὐτῷ· «ἀγαπήσεις Κύριον
τὸν Θεόν σου», καὶ πάλιν «ἀγα-
πήσεις τὸν πλησίον σου ὡς ἑαυτόν.»
διὰ ταύτης τῆς ἀποκρίσεως· ὡσα-
νταὶ λέγων αὐτοῖς, ὅτι αὐτοὶ ὑμεῖς
καθ' ἑαυτῶν τὰς ἐρωτήσεις ποι-
εῖσθε, καὶ γὰρ τοῦτο αὐτὸ τὸ τῆς
ἀγάπης ἀγαθὸν πόρρω ἀφ' ὑμῶν
ἐδιώξατε· ὁμοίαν δὲ τῆς πρώτης
ἐντολῆς τὴν δευτέραν ἐκάλεσεν,
ὅτι αὕτη ἐκείνην προοδοποιεῖ, καὶ
παρ' αὐτῆς συγκροτεῖται πάλιν·
«ὁ γὰρ ἀγαπῶν με», φησὶ, «τὰς
ἐντολάς μου τηρήσει», αἱ δὲ ἐντο-
λαὶ αὐτοῦ, καὶ τὸ κεφάλαιον αὐ-
τῶν μετὰ τὴν εἰς Θεὸν ἀγάπην,
ἡ εἰς τὸν πλησίον ἐστὶ· πρεπόν-
τως οὖν εἶπεν, «ἐν ταύταις ὁλος
ὁ νόμος κρέμαται, καὶ οἱ προφη-
ται».

¹⁰⁾ таиѣиѣ.

¹¹⁾ дѣрѣжанѣиѣ.

¹²⁾ да add. n.

Поуѣто же въпрашають. фа-
рисемъ гл҃а. «уѣто сѣ мѣнитъ
вамъ о Хѣ уи иесть Снѣ». да
завзвено сѣтворитъ ѿ. и самого
исповѣдати. соуца Бѣ. понеже
не отавѣцаша истинѣ о немъ.
нѣ уѣвка проста соуца него рѣ-
ша. рекше ѿко Снѣ иесть Да-
взидовъ. остроумѣа заблужившю
и хъ славою. юже взводитъ Давзида
Дѣомъ Стѣимъ. послушество-
ща гѣствоу него. и приснѣство¹³⁾
снѣвства. и равноуѣстною иеже
къ Оцѣ. гл҃а «какоже Дѣазъ
Дѣомъ Стѣимъ наричеть и Гѣ
гл҃а «рече Гѣ Гѣи моемоу сѣди
одесною мене. дондеже положю
врагѣ твоѣ подножию ногама
твоима». врагѣ же помѣноу да
понтѣ сице оустрашивъ ѿ възве-
детъ. нѣ обауе и се слышавше.
ниуѣсже отавѣцаша. ни хотѣ-
хоу бо ниуѣсже оувѣдѣти доври-
и хъ. сицѣ же глаубокоу извоу-
приаша. ѿкоже къ томоу не
сѣмѣти тѣмѣже науатѣ. «никѣ-
тоже бо рече сѣмѣ отъ того
дѣне въпрашати него». не малѣ
же и се пользю нароуу творѣше.
тѣмѣ же и къ нимъ юже обра-
цають слово. отавѣнавъ вѣкѣ.
и отавръгъ коуѣ и хъ. нѣо тѣще-
славнѣмъ ѿти соуце. лютою по-
хотню. и многоглавною. ниуѣ-
сже хотѣхъ приовръстити.

¹³⁾ приснѣствесу.¹⁴⁾ См. Cramer, Cat. Gr. Patr. t. I, p. 183—185.

Διὰ τί ἐρωτᾷ τοὺς φαρισαίους
λέγων, «τί ὑμῖν δοκεῖ περὶ τοῦ
Χριστοῦ· τίνας ἐστὶν υἱός»; ὅπως
λανθανόντως ποιήσῃ αὐτοὺς, καὶ
αὐτὸν ὁμολογῆσαι Θεόν· ἐπειδὴ
δὲ οὐκ ἀπεκρίναντο τὰ ἀληθῆ περὶ
αὐτοῦ, ἀλλὰ ἄνθρωπον αὐτὸν ἔφη-
σαν εἶναι φίλον, εἰπόντες, ὅτι υἱός
ἐστὶ τοῦ Δαβὶδ, ἀνατρέπων τὴν
πεπλανημένην αὐτῶν δόξαν, λοι-
πὸν εἰσάγει* τὸν Δαβὶδ ἐν Πνεύ-
ματι· Ἀγίῳ μαρτυροῦντα τὴν κυ-
ριότητα αὐτοῦ, καὶ τὸ γνήσιον
κτὴς υἰότητος, καὶ τὸ ὁμότερον τὸ
πρὸς τὸν Πατέρα λέγων. «εἶπεν
ὁ Κύριος τῷ Κυρίῳ μου, κάθου
ἐκ δεξιῶν μου», καὶ τὰ ἐξῆς·
ἐχθρῶν δὲ ἐμνημόνευσεν, ἵνα καὶ
οὕτως αὐτοὺς φοβήσας ἐπαναγά-
γῃται. ἀλλ' ὅμως καὶ ταῦτα ἀκού-
σαντες, οὐδὲν ἀπεκρίναντο· οὐδὲ
γὰρ ἐβούλοντό τι τῶν θεόντων
μαθεῖν· οὕτω δὲ καιρίαν ἐδέχοντο
τοῖς αὐτοῖς ἐπιχειρῆσαι λοιπὸν
«οὐδεὶς» γὰρ φησὶν «ἐτόλμησεν
ἀπὸ τῆς ἡμέρας ἐκείνης ἐρωτῆσαι
αὐτόν». οὐ μικρῶς δὲ τοῦτο τοὺς
ὄχλους [ῥηφεί· διὸ καὶ πρὸς αὐ-
τοὺς λοιπὸν τρέπει τὸν λόγον],
ἀποστήσας τοὺς λύκους, καὶ ἀπο-
κρουσάμενος αὐτῶν τὰς ἐπιβουλάς.
καὶ γὰρ ὑπὸ κενοδοξίας ἀλόντες
τοῦ δεινοῦ πάθους καὶ πολυκεφά-
λου καρδαίνειν οὐδὲν ᾔθελον¹⁴⁾.

Молюжесѣ и нѣинѣ оубо братиѣ. вѣжимъ оубо вражды сѣа
нашемъ. вѣзѣльнѣи и прѣлютъѣ. многа бо различна имать лоукавѣна.
кака же соутъ си послѣшан. власти похотѣннѣи и имѣннѣи. крѣ-
пости. лоукавѣно же и милостѣннѣи творитъ. и постъ дръжитъ. и
молитвѣи. и оуучительство¹⁵⁾. и покореннѣи. и все творитъ. да
славитсѣа дръжанъ ѿ. не Бѣмъ нѣ уѣвкѣи. оуслѣшимъ уѣо гл҃ти
първѣи нашъ оуучитель Гѣ. и Бѣ остроумѣа похотъ снѣи. «иже
хощеть въ васъ болии вѣити. боуди всѣмъ слоуга. и всѣмъ рабъ».
и пакѣи «не сѣкрѣиванте сѣбе сѣкровища». и проуѣе и пакѣи.
«ѿгда же твориши мѣстѣннѣи да не укѣетъ шюицѣа твоѣа уѣо
творитъ десницѣа твоѣа». и пакѣи «ѿгда поститесѣа не боудете
ѿко и лицѣмѣри». и пакѣи «ѿгда же молитесѣа не лихо гл҃ете».
и пакѣи «вѣи же не наричѣтесѣа оуучители на земли». и пакѣи
«покорисѣа Гѣи. и помолисѣа ѿмоу». си всѣа слышавше бѣоугодъ-
наѣа ѿвръѣмъ ѿ сѣбе. молюсѣа. лоукавѣна сѣго лѣса. и възлю-
бимъ¹⁶⁾ славою Бѣннѣи тѣмѣо. да и сѣдѣ¹⁷⁾ оулоуѣимъ. и вѣуѣ-
нѣи хъ насладимсѣа бѣгъ. бѣгодѣтию и уѣвкоуѣиѣмъ Гѣ
нашего Іс Хѣ ѿмоуѣе слава нѣинѣ и присно и въ вѣкѣи вѣкомъ
аминѣ.

5.

ОЗНАЧЕНИЕ. Гѣ. ЕВѢГЛИЕ. ѿ Лоукѣи. Бесѣда 28-я (син.
лл. 132—134; пет. 90 об.—91 об.).

Братиѣ. отъ пища на пишоу прѣходѣще хвалимъ и про-
славимъ Гѣ Бѣ нашего. сѣподовѣльшаго насъ. и сѣаго сѣго
евангелиста послушати. тѣмѣже взнимамъ прилѣжно. и оуслѣ-

¹⁵⁾ Cf. Chrysost. in Matth. h. 71 (al. 72), n. 2, p. 697D: δεινὸν γὰρ τὸ πάθος καὶ πολυκεφαλὸν· οἱ μὲν γὰρ ἀρχῆς διὰ ταύτην [τὴν κενοδοξίαν], οἱ δὲ χρημάτων, οἱ δὲ ἰσχύος ἐρῶσιν· ὁ δὲ βαδίζουσα καὶ ἐπὶ ἐλεημοσύνην ἔρχεται, καὶ νηστείαν, καὶ εὐχάς, καὶ διδασκαλίαν.¹⁶⁾ Chrysost. in Matth. hom. 71 (al. 72), n. 4 p. 700C: πάντων οὖν ἕνεκεν ἀπεχώμεθα ταύτης [τῆς κενοδοξίας] καὶ τῆς τοῦ Θεοῦ δόξης ἐρῶμεν μόνως. οὕτω γὰρ καὶ τῆς ἐνταῦθα ἐπιτευξόμεθα δόξης, καὶ τῶν αἰώνιων ἀπολαύσομεν ἀγαθῶν, χάριτι καὶ φιланθρωπίᾳ τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, ᾧ ἡ δόξα καὶ τὸ κράτος εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων. ἀμήν.¹⁷⁾ да и сѣдѣишиа.

шимъ унѣто хощеть глаголати сказаніе се. да отидѣмъ
опогачьшесѣ. сѣкровище во се юсть. не злато ни срѣбро. нѣ
словеса Бжия. юсть же слово сице глагола.

О рзвѣнѣи ловитѣи глаго-
леть. стѣи Кѣрилъ алѣксандрѣ-
скзи. юко ловитѣи кззньмъ
...¹⁾ да симъ оувѣдѣмъ юко всесильна
юсть вола ѿего. и боголѣпноу
хотенію ѿего. тварь всѣ по-
служають. да юснымъ образомъ
сѣтвореномъ. прѣславнѣ. извѣ-
щеніемъ²⁾ приимѣуть. юко не
всѣ троуда. и безмѣзди. тѣи
ниѣ нѣхъ воудеть. юже аще сѣтво-
рѣтъ. еванѣлска оучениѣ. мрѣжа
простѣше. нѣ тою извѣстѣхъ
странѣ стада кззникъ сѣверють.

Подобать³⁾ же смотрити и
се. юко не могуще Симонъ и
иже сѣ нимъ. мрѣжа извѣсти.
«поманѣша» рече «причаст-
никомъ си». сирѣчь овѣча имъ⁴⁾
ловитѣиимъ. поманѣша же
страхомъ и оужастию. не сѣмѣю-
ще глѣти рече. да помогѣтъ
имъ. и да възберють рзвѣи. юже
ювлѣюгъ сѣказѣмо.

юко мзнози сѣподвизашасѣ
троудѣу сѣтѣи хъ аплѣ. и сѣподви-

Περὶ δὲ τῆς ἄγρας τῶν ἰχθύων
λέγει ὁ ἅγιος Κύριλλος ὁ Ἀλε-
ξανδρείας· Διὰ τῶν ἀλιευτικῶν
ἐπιτηδευμάτων ἀλιεύει τοὺς μαθη-
τάς, ὅπως μάθωσιν ἐκ τούτου, ὅτι
πανσθενὲς ἔχει τὸ θέλημα, καὶ
τοῖς θεοπρεπεστάτοις αὐτοῦ νεύμα-
σιν ἢ κτίσις ὑπηρετεῖ· καὶ ἵνα
διὰ πράγματος ἐναργεῶς καὶ ὡς
ἐκ τύπου καὶ εἰκότος τοῦ παρα-
δόξως τετελεσμένου πληροφορη-
θῶσιν, ὅτι οὐκ ἄμισθος ὁ πόνος
αὐτῶν*, οὐδὲ ἄκαρπος ἡ σπουδὴ
ἐστὶ αὐτοῖς, ἢ ἂν ποιήσαιντο,
τῆς εὐαγγελικῆς μυσταγωγίας τὸ
δίκτυον ἀπλώσαντες, ἀλλ' ἐν αὐτῷ
πάντη τε καὶ πάντως τὰς τῶν
ἐθνῶν ἀγέλας συλλέξουσιν...

Πλὴν ἐκεῖνο ἄθρει· οὐ γὰρ ἴσ-
χύσαντες* ἀνελκῦσαι τὸ λῆνον Σί-
μων τε καὶ οἱ σὺν αὐτῷ [καὶ διὰ
τοῦτο ἀπὸ τοῦ φόβου καὶ τῆς ἐκ-
πλήξεως μὴ τολμῶντες λαλῆσαι...],
«κατένευσαν», φησί, «τοῖς μετό-
χοις», ὁ ἄλλος δὲ ὅτι* τῶν ἀλιευτι-
κῶν ἐπιτηδευμάτων, ὥστε «συλ-
λαβέσθαι αὐτοῖς» καὶ συνδιασῶσαι
τὴν ἄγραν.

Πολλοὶ γὰρ τοῖς τῶν ἁγίων
ἀποστόλων συνήραντο καὶ συναί-

¹⁾ Въ рукоп. пропущено: «оу.ловляють оученики».

²⁾ извѣщение.

³⁾ подсказка.

⁴⁾ окычаемъ.

заютьсѣ. прѣдѣ же инѣхъ изо-
врѣтѣше. и намъ стѣхъ еванѣли-
кзникзи. и по тѣхъ. ини пастѣ-
ри же и оучителе. и стѣи хъ оууче-
нии сѣвѣстеліе.

Извѣдѣма во юсть и нзѣнѣ
мрѣжа. Хѣи насѣпающе ю. и
призывающе на обращеніе.
соущаѣ въ глѣбинѣ морѣстѣи.
по псанѣоуемоу⁵⁾ сирѣчь въ
поури и въ влѣна хъ житиѣ сего.
ρονται πόνοις, καὶ πρό γε τῶν
ἄλλων οἱ τὰς ἱερὰς ἡμῶν τῶν ἁγί-
ων εὐαγγελιστῶν ἀνερευνῶντες
γράφας, καὶ μετ' ἐκείνους ἕτεροι
ποιμένες [τε] καὶ διδάσκαλοι καὶ
λαῶν ἡγούμενοι, καὶ τῶν τῆς
ἀληθείας δογμάτων* ἐπιστήμονες.
Ἀναφέρεται γὰρ ἔτι τὸ λῆνον,
πληροῦντος αὐτὸ τοῦ Χριστοῦ,
καὶ καλοῦντος εἰς ἐπιστροφὴν
τοὺς* ἐν βυθοῖς θαλάσσης κατὰ
τὸ γεγραμμένον, τοῦτέστι τοὺς*
ἐν ζάλῃ καὶ κύμασιν ὄντας* κοσ-
μικοῖς⁶⁾.

Юще по всѣ недѣла хѣлюбѣи сѣзѣшаще воудѣмъ лоуѣше.
и⁷⁾ глѣбини житиѣ сего извѣтѣше приимѣмъ Хѣ въ кораблѣхъ
нашихъ. сирѣчь. въ дѣшѣхъ нашихъ. приимѣмъ же ли ѿего тако
аще «сѣхранимъ заповѣди ѿего. и заповѣди ѿего не соуть тѣжѣ-
кзи». «възлюбѣши рече Гѣ Бѣ своѣго и искрѣннаго своѣго тако
самъ сѣ». а не възненавидѣши. како же любѣти и. аще алуѣна
оузыримъ напитѣимъ. аще жадѣна напоимъ. аще нага одѣжемъ.
аще странѣнна въвѣдѣмъ. аще волаща присѣтимъ⁸⁾. аще въ
тѣмѣници присѣтимъ. кѣ симъ же уювьства своѣа уѣста сѣхра-
нимъ. ока не напитѣти зѣла видѣниѣ. оуханиѣ не оудѣвелимъ
зѣлѣми вонѣми. грѣтани не оусладимъ горькѣимъ възкѣщеніемъ.
слѣухѣ не поставимъ пѣсѣни въсовѣскѣими⁹⁾. осѣзаніе роукъ
оударѣжимъ. не имѣтѣсѣ за зѣлѣна вѣци. нѣ всѣ оутрѣннаго и¹⁰⁾
въишѣннаго уѣвка оуѣстѣмъ¹¹⁾. да воудѣи хъ блѣгъ насѣ-
димъсѣ. блѣгодѣтию хотѣщаго всѣмъ уѣвкомъ сѣстѣсѣ Хѣ Бѣ
нашего. юемоужѣ слава уѣсть и поклѣнѣніе сѣ Оѣмъ и сѣ Стѣимъ
Дѣомъ. нзѣнѣ и.

⁵⁾ Пс. 67, 23.

⁶⁾ См. Cramer, Cat. Gr... t. II, p. 40 et 42.

⁷⁾ нзѣ.

⁸⁾ посѣтимъ и.

⁹⁾ пѣсѣнемъ въсѣскимъ.

¹⁰⁾ кѣпѣшнѣмъ и add. и.

¹¹⁾ оуѣстѣимъ.

6.

КѢрила александрѣскаго. сказаннѣ. ѿ. ен. ѿ доу.

Бесѣда 32-я (син. лл. 143 об.—151; пет. 98—103).

Възлюблени пакы о богатыхъ слово предлежитъ. пакы. въспоминанне о нищихъ градесть. пакы о милостыни показанне наста. наказанне а не поношенне. Бѣ бо любя родъ члвчскыи всѣмъ образы кажесть нзи. и оучениими. и притчами. милы бо ємоу єсмъ. како бо не милы. яко насъ ради нѣса преклони и сзиде. и въобразиса намъ. и въ нищетѣ поживе плзтьскы. рече бо самъ. «лиси извини имоуть. и птица нѣсьскыи обитѣли. а бѣ члвчскыи не имать кде главы подклонити». и възалкаъ. и въздадалъ. законъмъ єства намъ творъ образъ милостыни. тѣмъже отъкопаймъ євѣгельскыхъ оучении. источники. да напившиєся жадныи. и възвратимъ въ дома свои. нз на предлежащее възвратимъ.

Предлежащую притязую бо-
гатаго и Лазаря. изъяснено
вобразить. и сымизшеть Хѣ
Бѣ нашъ. хошетъ бо да боу-
демъ. ѹлвколюбни и обѣщеници.
и подателе. и нищелюбци. и до
държимъса милостивнѣ юнотъскѣ.
рекъ же «яко ѹеловѣкъ етеръ вѣ
богатъ. и обלאуашесѣ въ пор-
фиру. и въ вѣссу. веселасѣ
на всѣхъ днѣ свѣтъло». якоже
не ѹлвколюбца ¹⁾ свѣща его намъ
[не] ²⁾ именова. якоже о не-
божнхъса его рече Бѣ прѣкъмъ.
«не поману именихъ оустъ-
нама монма». поминаетъ же ни-
щаго именимъ. зане на азъицѣ

Τὴν προκειμένην παραβολὴν
τὴν τοῦ πλουσίου καὶ τοῦ Λαζάρου
ἄριστα διαμορφοῖ καὶ διαπλάττει
Χριστὸς ὁ Θεὸς ἡμῶν... θέλει
γὰρ εἶναι φιλαλλήλους καὶ κοι-
νωνικοὺς καὶ εὐμεταδότους καὶ
φιλοπτωχίας ἐπιμελητάς, καὶ
τῶν εἰς τοῦτο σπουδασμάτων
ἔχεσθαι νεανικῶς. Εἰπὼν δὲ
ὅτι «ἄνθρωπός τις ἦν πλούσιος»
ὡς ἀφιλοκίτρημονα τοῦτον ἀνωνύ-
μως ἐσήμανε, καθὼς διὰ τοῦ προ-
φήτου περὶ τῶν μὴ φοβουμένων
αὐτόν φησιν ὁ Θεός, «ὅτι οὐ μὴ
μνησθῶ τῶν ὀνομάτων αὐτῶν διὰ
χειλέων μου». μνημονεύει δε τοῦ
πένητος ὀνομασί, ἐπειδὴ περ ἐν

¹⁾ нецедролюкца.

2) HE OM. MN.

Бжїи ссуть таковии. есть же и слово сице. ꙗкоже преданне жив- довьско рече. Пазорѣ етера вживѣша. вѣ то время вѣ ерлмѣхѣ. вѣ послѣднии нищетѣ. и не- доуѣ живоуѣ. ꙗкоже поману Гбѣ. ꙗко притѣуею на оуоу³⁾ силоу рекомѣхѣ.

да не мнѣнѣи же никтоже
 слышаша ихъ се. ꙗкоже вѣсть юже
 етерымъ възданне ли за добра
 дѣла ли за злата. есть во
 притѣхъ реченое. ꙗко Дѣхъ
 Бжїемъ ⁴⁾ изображена. да вѣдѣ-
 ти вѣщнутъ ⁵⁾. имѣюще зѣмлю
 богатство. ꙗко аще не хотѣтъ
 вѣсти блази и подативн. и обыш-
 ници. и нишнимъ въ вѣдахъ по-
 магати въ лютеу мучоу вѣпа-
 доу.

ДА ВИДИМЪЗ ОУБО БОГАТАГО ЖНИУЪ-
 ЖИМЪЗ ЖЕ ВЕЛИЧАНИЕ ЕГО.

«Обла҃гашесѣ рече въ порфи-
роу и въ вѣсѣхъ». сирѣчь на то-
сѣ потѣща. еже ходити въ до-
брыхъ ризахъ. и въ пищи мнози
различьнѣ. се бо ꙗвлѣеть. еже
«веселѣшесѣ по всѣмъ дни» пишеть
бо «свѣтло». сирѣчь владѣно. а
Лазорь нищетою недоугъмь е)
сѣвѣанъ. «лежаше» рече «при

3) истоу.

5) ВЪ ЧНОУТЬ.

4) ДОБРѢ ХСМЬ БГОМЬ НАШИМЬ.

б) недоуголь и ниціетю.

вратѣхъ его» немилостивно. «ἐβέβλητο», φησί, «πρὸς τὸν πυ-
повѣрьженъ. ни единого же сло-
лῶνα αὐτοῦ» ἀτμηλῶς ἐρριμέ-
весе. достоинъ бзиваѣ. всакоμ νος. οὐδενὸς ἀξιούμενος λόγου,
печали кромѣ сзѣн. искзѣ на-
φειδοῦς καὶ φροντίδος ἄμοιρος ὢν
сзѣнениѣ подающаго. иже ни на
ζητῶν πρὸς κόρον тѣς τοῦ πλου-
коую же потребуѣ τῷ трапезѣ τῶν трапезῶν τὰ παρολισθαίνοντά
богатаго. пакость же принимаше те καὶ ἀχρηστότερα· ἐκολάζετο δὲ
инако. лютаѣмъ недоуѣмъ. «нз καὶ ἐτέρως νόσφ χαλεπωτάτη·
и пси» реуе «облизаху гнои «ἀλλὰ καὶ οἱ κύνες», φησὶν, «ἐλει-
его». не вредаше нз тако стра-
χον τὰ ἔλκη αὐτοῦ», οὐκ ἀδικοῦν-
жюще сзѣ нимъ. валююще ⁷⁾ тес, ἀλλ' οἶον συναλγοῦντες καὶ
κзѣнѣмъ. и волѣзнь отемлюще. θεραπεύοντες τῇ γλώττῃ καὶ τὸ
и леуѣзно помагающе. да и о
λυпоῦν ἀποξύνοντες, καὶ φιλοφρό-
семъ зазрауѣно боудеть. богатзи. νως περιαλείφοντες, ὅπως καὶ ἐν
немилостивѣи пѣсѣ бзѣвз. и пзлнз тоῦτῳ δειχθῇ ὁ πλούσιος καὶ θυ-
всакого жестостѣства.

сзѣн ⁸⁾ же нищѣи. вз толицѣ
лютѣ ни ниенегодова. ни похули.
ни порзпзта николиже на бога-
таго. үймъ же се есть мѣвѣ. имъже
аѣгли донесоша ⁹⁾ слоужаще. и
на лонѣ Авраамли посадиша.
ρῶν ἀπηνέστερος, ὡς ἀσυναλγῆς
καὶ ἀφιλοκίτρμων καὶ μεστός πά-
της ἀπανθρωπίας. ὑπάρχων δὲ ὁ
пένης ἐν τοιοῦτοις δεινοῖς, οὔτε
ἀπεδυσώπησεν, οὔτε ἐβλασφή-
μησεν, οὔτε ἠγανάκτησεν, οὔτε
κατεγόγγυσε τοῦ πλουσίου. πόθεν
δὲ τοῦτο δῆλον; ἐξ ὧν ἀπή-
γαγον αὐτὸν οἱ ἄγγελοι δορυ-
φοροῦντες, καὶ εἰς τὸν κόλπον τοῦ
Ἀβραάμ ἀπεκατέστησαν.

«Оумретъ же реуе и богатзи.
и погребенъ взѣсть» не мозѣмъ
же вз просто мимотеши реуе-
наго такоже пишеть. «оумретъ
же и богатзи. и погребенъ
взѣсть». и живз во сзѣ ꙗкоже
вз гробѣ вѣшаше взкопана дѣла
его. ꙗкоже вз гробѣ вз плати.
сего ради приложено есть. еже
«погребенъ взѣсть».

⁷⁾ κροσσόεντες.⁸⁾ снѣ.⁹⁾ κего add. n.

рацетавзжесѣ ¹⁰⁾ отъ тѣлесе.
иде отъ пища вз адѣ. видѣ
реуе Лазорѣ на лонѣ Авраамли.
ꙗкоже во Адама изгнавъ изъ
рам. прѣмо емоу ввсели и бѣ.
да уастое ввзирание обнавѣмъ
страсть. истиннѣе үювьство по-
даеть. отъпадани ¹¹⁾ влгзѣхъ.
ввселилз.

үьсо ради не оу иного правѣдѣ-
ника видѣ Лазорѣ. нз на колѣнѣ
Авраамли. зане страннолюбѣць
бѣ Аврамъ. да обливение емоу
боудеть странно ненавидѣннѣи.
тѣмъ же и сего оу него ввсели.
онз во и мимоходѣмъ ввз домъ
взвожаше. а съ и лежащааго дома
презѣрѣ.

поуѣто же не вѣсѣдоваше кз
Лазорю. нз кз Аврамоу реуе
«оуе Аврамѣ помилуй мѣ». и
проуе. зане стзѣдѣшесѣ и сра-
мѣшѣ. мѣнѣшѣ во ꙗко гнѣвз
дѣржитъ нанѣ. аще во азъ реуе.
вз толицѣ пищи и богатѣствѣ
сзѣ. никоеѣ же обидѣи примѣ.
призѣрѣхъ ввз толицѣ зѣлѣ үело-
вѣка того. и ни понѣ кроуниць
подахъ емоу. кольми пауе тѣ.
вз толицѣ славѣ сзѣн. не имѣтъ

¹⁰⁾ ρασταβήσε.¹¹⁾ ὠπαιδην.

Ἀπαλλαγείς δὲ τοῦ σώματος
ἄπεισιν ἐκ τρυφῆς εἰς τὸν ἄδην.
ἵνα δὲ μείζονως κατατρώχεται,
ἡκοῦσε βο Αἰδάμ изгнавъ изъ
рам. прѣмо емоу ввсели и бѣ.
да уастое ввзирание обнавѣмъ
страсть. истиннѣе үювьство по-
даеть. отъпадани ¹¹⁾ влгзѣхъ.
ввселилз.

Τίνος δὲ ἕνεκα οὐχὶ παρ' ἐτέρῳ
δικαίῳ τὸν Λάζαρον, ἀλλ' ἐν τοῖς
κόλποις τοῦ Ἀβραάμ εἶδεν; ἐπει-
δὴ φιλόξενος ἦν ὁ Ἀβραάμ. Ἵνα
οὖν ἔλεγχος αὐτοῦ γένηται τὴν
μισοξενίας, διὰ τοῦτο αὐτὸν μετ'
ἐκείνου βλέπει. ἐκεῖνος καὶ τοὺς
παριόντας ἐθήρευε καὶ εἰς τὴν
οἰκίαν εἴλκεν εἶσω τὴν ἑαυτοῦ·
οὗτος καὶ τὸν ἔσω κείμενον πα-
ρεώρα.

Διὰ τί δὲ οὐ πρὸς τὸν Λάζα-
ρον τὸν λόγον ἀπέτεινε, ἀλλὰ
πρὸς τὸν Ἀβραάμ φησι, «πάτερ
Ἀβραάμ, ἐλέησόν με», καὶ τὰ
ἑξῆς; Ἐπειδὴ ἠσχύνετο καὶ ἠρυθ-
ρία* ἐκ τῶν κατ' αὐτὸν πραγμά-
των καὶ ἐνόμιζεν αὐτὸν μνησικα-
χῆσειν [αὐτῷ] πάντως. Εἰ γὰρ
ἐγὼ, φησὶ, τοσαύτης ἀπολαύων
εὐπορίας, καὶ οὐδὲν ἠδικημένος,
ὑπέρειδον ἐν τοσοῦτοις ὄντα τὸν
ἄνθρωπον κακοῖς, καὶ οὐδὲ ψυχίων

оубѣдити сѧ на такоу благодати. метѣдохѧ, πολλῶ μαλλον αὐτὸς
се же глаголемъ не хоуѡмше оὕτως ὑπεροφθεῖς οὐκ ἐπινεύσει
Лазорѧ. не жѣвшѧ во тѧ тако τῇ χάριτι ταύτῃ. Ταῦτα λέγομεν,
нѧ ꙗко богатѣи сего сѧ соумьнѧ οὐχὶ τοῦ Λαζάρου κατηγοροῦντες,
не въззва сго. нѧ Аврама гла- οὐ γὰρ δὴ οὕτως διέκειτο ἐκεῖνος,
голаше. мьнѣашѧ во ꙗко не ἀλλ' ὅτι ὁ πλούσιος* ταῦτα δεδοι-
вѣсть възвѣщаго. κῶς οὐκ ἐκάλεσεν ἐκεῖνον, ἀλλὰ τὸν

ѧко же онѧ отвѣща «Ѹадо Τί οὖν ἐκεῖνος; «τέκνον, μνη-
помѧни сѧ. ꙗко възприѧлѧ еси σῆτι ὅτι ἀπέλαβες τὰ ἀγαθὰ σου
блага сѧ. възжити своемъ». ἐν τῇ ζωῇ σου». Σκοπήσωμεν
сѧмотримъ моудрости правды- φιλοσοφίαν δικαίου· οὐκ εἶπεν,
наго. не рече немилостиве ¹²⁾ и ἀπάνθρωπε καὶ ὡμὲ καὶ παμπό-
жесточе и лоукаве. толико злѧ νηре, τοσαῦτα κακὰ διαθεῖς τὸν
сѧтворѧ Ѹеловѣкоу. ὕλвколюбъ- ἄνθρωπον, φιλάνθρωπίας μέμνησαι
ство ли нѧнѣ поминаеши и νῦν καὶ ἐλέους καὶ συμπαθείας
милости. и добродѣтели и отъ- καὶ συγγνώμης. οὐκ αἰσχύνῃ οὐδὲ
радѧ. не стѣдѧшилсѧ. не сра- ἐρυθρίᾳ*; ἀλλὰ τί; «τέκνον», φη-
мѧешилсѧ. нѧ Ѹто «Ѹадо σὶν, «ἀπέλαβες τὰ ἀγαθὰ σου ἐν
рече възприѧлѧ еси блага тѧ τῇ ζωῇ σου». «ψυχὴν γὰρ τετα-
въ животѣ своемъ». дѧа во пейωμένην μὴ προσταράξης»,
сѧмѣренъ не низвързи рече. φησί· ἀρχεῖ τὰ τῆς τιμωρίας αὐτῶ,
довѣсть емѧ мѧка сѧ не μὴ προσεπεμβαίνωμεν αὐτοῦ ταῖς
притваримъ емоу напасти. Ѹа- συμφοράς. τέκνον, οὐ κύριός εἰμι,
до имѧже владоу то ти дамъ. ἀμεταδίδωμί σοι· τὸ δ' ἐντεῦθεν
еже Ѹсвдоу тамо ити нѣсть юже ἀπελθεῖν ἐκεῖ, οὐκ ἔστιν ἡμέτερον
наше. λοιπόν.

ПоѸто же не рече приѧтѧ Διὰ τί οὐκ εἶπεν· ἔλαβες τὰ
блага сѧ. нѧ възприѧтѧ. ἀγαθὰ σου, ἀλλ' ἀπέλαβες; ὀφεί-
ꙗкоже во етерѧ дѧлѧгѧ. възвра- λήν γὰρ τινα ἐνδεικνυμένου καὶ
тимъ ꙗвлѣтьсѧ. възприметѧ δηλοῦντός ἐστιν· ἀπολαμβάνει γὰρ
во дѧлѧгѧ свои. Ѹто же сѧмъ τις τὰ ὀφειλόμενα. Τί οὖν ἐντεῦ-
можемъ разумѣти. аѧе во кто ден μανθάνομεν; ὅτι καὶ μιαιοί
лоукавъ воудеть. ли отиноудѧ тινες ὡσι, καὶ εἰς ἔσχατον κακίας
презлѧ. множицею воудеть сѧтво- ἐληλαχότες, πολλάκις ἐν τι καὶ

¹²⁾ немилостивѣ.

риѧз. единно ли двоѧ. ли троѧ δύο καὶ τρία εἰργάσαντο ἀγαθὰ.
добро. ꙗкоже и ¹³⁾ богатѣи. ὡςπερ οὖν καὶ οὗτος ὁ πλούσιος·
тѣмъ же добрымъ житиѧмъ жи- ὁθεν διὰ τῆς εὐημερίας τῆς ἐν
тиѧ се възприѧмѧ оуслѧша. τῷδε τῷ βίῳ ἀπολαβὼν αὐτὰ,
ꙗко «въсприѧлѧ еси бѧга сѧ. воз- ἤκουσεν ὅτι «ἀπέλαβες τὰ ἀγαθὰ
нѧ животѣ своемъ. и Лазорѧ σου ἐν τῇ ζωῇ σου, καὶ Λάзарος
также злѧмъ». оваѸе и сѧ воу- ὁμοίως τὰ κακὰ». Ἴσως γὰρ καὶ
дѣть сѧгрѣшилѧ. единъ ли дѧва. οὗτος ἐν ἧ καὶ δύο ἧ καὶ τρία
ли три грѣхѧ и волѣзнию же ἡμαρτηκῶς, ἐντεῦθεν διὰ τῆς
пострада. отѧтребилѧ ꙗ отѧ себе. ὀδύνης ἧς ὑπέμεινεν, ἀπέλαβε
тѣмъ же рече. «сѧде оутѣшенъ таῦτα. Διὸ φησιν, «ὥδε παρα-
есть. а тѧ болиши». «сѧудъ во καλεῖται, σὺ δὲ ὀδυνᾶσαι». «ἧ
безъ милости не сѧтворѧемоу γὰρ κρίσις ἀνέλεος τῷ μὴ ποιή-
мѧсти». σάντι ἔλεος.*»

Ѹтоже ꙗвлѣть еже рече Ав- Τί δὲ σημαίνει ὁπερ εἶπεν
рамъ. «ꙗко пропасть велиѧ» ¹⁴⁾ Ἀβραάμ, «ὅτι χάσμα μέγα ἐστή-
проѸе. разньство грѣшникъ отъ- ρικται», καὶ τὰ ἐξῆς; τὴν τῶν
правдѧникъ ¹⁵⁾. ꙗкоже во соутѧ δικαίων διαφορὰν πρὸς τοὺς πται-
вола противѧнѧ. также не онτας· ὡςπερ γὰρ ἐναντία· αἱ
примѣшено приставление. овѣмъ προθέσεις, οὕτως ἀμιγῆς ἧ μετά-
ославоу овѣмъ же моукоу при- στασις, τῶν μὲν τὴν ἀνεσιν, τῶν
емлюѧмъ. δὲ τὴν κόλασιν δεχομένων.

не оуѸивъ ¹⁶⁾ же себе ради Ἀποτυχὼν δὲ τῶν καθ' ἑαυτὸν,
молѧсѧ. то оуже за инѧ мо- ὕπερ ἐτέρων λοιπὸν ποιεῖται τὴν
лѧтьсѧ. кротко ¹⁷⁾ и чѧвколюбѧ иκετηρίαν. Ὅρα πῶς φιλάνθρωπος
възвѧ. моукою нероѧмъ. нѧво ¹⁸⁾ καὶ ἡμερος γέγονεν ὑπὸ τῆς κο-
о Лазори живуѸио оу него. о λάσεως· ὁ γὰρ τοῦ Λαζάρου κα-
соуѸиѧхѧ далече неѸетьсѧ. и мо- таφρωνῶν παρόντος, ἐτέρων ἀπόν-
лѧтьсѧ Лазорѧ посѧлати въз домъ των φροντίζει, καὶ παρακαλεῖ πεμφ-
оѸѧ. и не въз простоу моливъ θῆναι τὸν Λάзарον εἰς τὸν οἶκον
да възстанѣтъ. кто отѧ мѧрѧтѧзѧхѧ. τοῦ πατρός. καὶ οὐδὲ ἀπλῶς παρε-
нѧ Лазорѧ. да видѣвъша его κάλεσεν ἀναστῆναί τινα ἐκ τῶν
рече вѣнѧѧна. его же зѧрѧхоу νεκρῶν, ἀλλὰ τὸν Λάзарον, ὅπως,
въ премнозѣ злѧѣ стражюѸа. φησὶν, ἰδόντες αὐτὸν στεφανω-
емоу же възѧ сѧвѣдителе. ниѸе- θέντα, ὃν ἔβλεπον μυρίοις κακοῖς

¹³⁾ сѧ add n.

¹⁴⁾ оутѣрѧдѧсе и add n.

¹⁵⁾ праведѧникъ ꙗ грѣшникѧ.

¹⁶⁾ оулогѧнѧ.

¹⁷⁾ кроткѧ.

¹⁸⁾ нероѧн ко.

тѣ и гладоу и болѣзньмъ. сами преложение и славѣ ¹⁹⁾ его. да воудють свѣдители и овоюдоуказани вѣдѣше. и оувѣдѣше ²⁰⁾. ꙗко не до сего житиѣ. наша вещи мощьни соуть. понѣ ѿсѣлѣ приготавлишѣ и възмогють ѿвѣгнути мѡукы.

ѹто рече Аврамъ. «имють Мосѣа и прѣркы. да послушаютъ ихъ». не такоже во рече. мѡуеши тѣ вратниѣ. ꙗкоже сѣтворивши ѣ Бѣ. тѣмъ во оучителѣ далъ имъ есть. ѹсо ради ѿвѣща богатин. и рече «ни оѹе Аврамѣ. нѣ ꙗще кѣто придеѣ кѣ нимъ отъ мѣртвѣхъ. покаютьсѣ». зане и сѣ самъ не рождаше о нихъ. и мѣнѣше ꙗко васни соуть глѣмыѣ. ꙗже во самъ снѣ мнѣше. тоже вѣдѣше ²¹⁾ и братиѹ мѣнѣшюсѣ ²²⁾. и ти во рече снѣ мѣнѣти. ꙗкоже и азъ. ꙗко «кто приде отъ тоу». кто възкрѣсе ѿ мѣртвѣхъ. кто изгладъ соущее въ адѣ. того ради ꙗще кѣто идеѣ ѿ мѣртвѣхъ. вѣровати ²³⁾ имють емоу. нѣ ꙗуе послушати имють рече-нзихъ.

рече же кѣ нѣмоу. «ꙗще Мосѣа и прѣркы. да послушаютъ ихъ». не такоже во рече. мѡуеши тѣ вратниѣ. ꙗкоже сѣтворивши ѣ Бѣ. тѣмъ во оучителѣ далъ имъ есть. ѹсо ради ѿвѣща богатин. и рече «ни оѹе Аврамѣ. нѣ ꙗще кѣто придеѣ кѣ нимъ отъ мѣртвѣхъ. покаютьсѣ». зане и сѣ самъ не рождаше о нихъ. и мѣнѣше ꙗко васни соуть глѣмыѣ. ꙗже во самъ снѣ мнѣше. тоже вѣдѣше ²¹⁾ и братиѹ мѣнѣшюсѣ ²²⁾. и ти во рече снѣ мѣнѣти. ꙗкоже и азъ. ꙗко «кто приде отъ тоу». кто възкрѣсе ѿ мѣртвѣхъ. кто изгладъ соущее въ адѣ. того ради ꙗще кѣто идеѣ ѿ мѣртвѣхъ. вѣровати ²³⁾ имють емоу. нѣ ꙗуе послушати имють рече-нзихъ.

¹⁹⁾ прѣложенію и славѣ. ²⁰⁾ оувѣдѣше. ²¹⁾ мнѣше. ²²⁾ мнѣше.

²³⁾ некрѣкати.—Очевидно первоначальное чтеніе: некрѣкати.

сѣа ни прѣркы не послушаютъ. ни ꙗще кто ѿ мѣртвѣхъ възста-нетъ. имють вѣроу». а ꙗкоже ²⁴⁾ есть истина. не послушати имать. показаша живѣе. понеже Мосѣа не послушаша ни прѣркы. ни мѣртвѣца възстающа вѣроу ²⁵⁾.

лоно же Аврамѣ и Исаково и Исаковѣ. рече сѣа Дионисъ Арипагитъ вѣтвѣнаго поконца. и влаженѣ. прѣмлюща всѣхъ правдѣннѣхъ. въ влаженое и бесконѣуѣное конѣуаніе.

εἰ Μωσέος καὶ τῶν προφητῶν οὐκ ἀκούουσιν, οὐδὲ ἐάν τις ἐκ νεκρῶν ἀναστῇ, πεισθήσονται». ὅτι δὲ ἐστὶν ἡ ἀλήθεια, καὶ ὁ τοῦτο οὕτως ἐστὶν ἀληθὲς, καὶ ὁ τῶν γραφῶν οὐκ ἀκούων, οὐδὲ νεκρῶν ἀνισταμένων ἀκούσεται, ἔδειξαν οἱ ἰουδαῖοι, οἱ ἐπειδὴ Μωσέως οὐκ ἤκουσαν καὶ τῶν προφητῶν, οὐδὲ νεκροὺς ἰδόντες ἀναστάντας ἐπίστευσαν...

Κόλπους δὲ τοῦ Ἀβραὰμ καὶ τοῦ Ἰσαὰκ, καὶ τοῦ Ἰακώβ τοὺς εἶναι ὁ ἅγιος Διονύσιος ὁ Ἀρεοπαγίτης τὰς θειοτάτας καὶ μακαριωτάτας λήξεις, τὰς ὑποδεχομένας πάντας τοὺς δικαίους, εἰς τὴν ἐν αὐταῖς ἀγήρω καὶ μακαριωτάτην τελείωσιν ²⁶⁾.

Кѣто юже камѣноу дѣшю имѣѣ. сѣ словеса снѣ слѣшавъ братиѣ. и не творѣ ихъ не воудѣти. окаянѣ и всѣко не нечювьствѣннѣ творѣ ²⁷⁾. коеѣ милости достоннѣ воудѣти. не творѣ милости какогѣ ѹлѣколюбнѣ. кацѣхъ щедротѣ. како дѣрзно-венн ²⁸⁾ имать имѣти. въ дѣнь соудѣннѣ. не единого прѣзѣрѣше Лазорѣ прѣдъ вратѣ свонѣхъ. хлѣба емоу не подавѣше. не рекоу хлѣба тѣуиѹ. нѣ и водѣ стоуденѣ. и не водѣ стоуденѣ тѣуиѹ. нѣ и добра словесе оутѣшѣна. кѣ комоу прѣвѣгнемъ. кого призовемъ на помощѣ. кого имамъ оумолити. Аврамѣ ли нѣ речеѣ пропасть есть междю вами и нами. ꙗкоже вѣше слѣшастѣ прѣрокы ли нѣ не слѣшати. Бѣ ли Аврамѣ и прѣрокъ. нѣ възпѣти по всѣ дѣни. и тѣгда милости хоѹоу а не жѣртвѣ. тѣмъже помѣлѣимъ да помѣловани воудѣмъ. сѣтворимъ сѣбе

²⁴⁾ ꙗко се. ²⁵⁾ ни мѣртѣцѣмъ възстающимъ вѣроу юше.

²⁶⁾ Cramer, t. II, p. 123—127.

²⁷⁾ и какоже нечювьствѣннѣ творѣ.

²⁸⁾ дѣрзновение.

друзѣ. ѿ мамонѣ неправдѣ. ꙗкоже Хъ рече. да нѣ при-
имуть вѣѣхъ села. ꙗже бо въѣ богаство се превзѣвало. и съ-
намѣ. то и тако недостоѣше намѣ. неподативомѣ въѣти. нѣ щѣ-
дромѣ да и ѿ Бѣ и отъ члѣкъ хвалоу въѣхомѣ имѣли. а по-
неже тыѣеть и мимоходить ꙗко съѣнь ²⁹). нещади мѣ его. не
свое бо даемѣ нѣ Божіе. и сами бо себе нѣсмѣ. съкрѣемѣ е
въ чѣрево нищихъ. и отътоуду на небесъхъ. идеже ни тыѣ
тылитъ. ни татіе подзѣпавають. идеже бо естъ съкровище ваше
тѣ и срдца ваша. потѣщимъ оугодити Бѣи нашѣму. да
оуслышимъ и глѣющѣ. придѣте вѣгословлени Оца моего. наслѣ-
дите оуготованое вамѣ царствіе. нѣсное. алыкахъ бо и дасте
ми ѣсти а проуѣмъ. чѣто оубо боудеть достоинно. ли тѣуѣно
гласу сѣму. тѣмъже въноушите глаголемъхъ. да и съѣде о
блѣзѣ надежди поживемъ. и тамо ошѣдѣше. небесъскому црствію
наслѣдѣнничи боудемъ. о Хѣ Ісѣ Гѣ нашѣмъ. емъже слава чѣсть
покланіе. съ Оцѣмъ и Сѣмъ Дѣмъ. нынѣ и присно и въ
вѣкъ вѣкомъ аминь.

7.

Тогоже сказаніе. ѿ. е҃н҃глѣ. ѿ Мѣ. 3а. ѿ. евангеліе
ѿ лѣѣ. Бесѣда 33-я (син. лл. 151—154; пет. 103—105).

Възлюблении въ дньшнии днь свѣрѣмъсѧ. да видимъ Хѧ
Бѧ Спса нашего. яко въ мѡмѡшѣзшю недѣлю притѣуею
намъ глѡлѧ. хотѧ лоууѣша нѣи сѣтворити. на възсѡтоу добрымъ
дѣтели възводѧ. и дѣѧ наша просвѣщаѧ. а дньсь вѣсѣи про-
гонѧща. и въ бездѣноу сѣлѧща. и намъ власть дающе стоупати
върхоу змиѧмъ и скърпиѧмъ. и надѧ въсѣу силоу вражю и
вѣсѣи прогнати сѣхранишимъ подобие. и образъ его. блюдушимъ
заповѣди его. естъ во вѣсѣда. евангелиѧ сего сица.

Поуѣто придоу вѣси вѣство его проповѣдающе и гл҃ше. «Уѣто є намъ и тебе Ісѣ Снѣ Бж҃ини».	Διὰ τοῦτο δὲ ἦλθον οἱ θαίμο- νες τὴν θεότητα αὐτοῦ ἀνακηρύτ- τοντας· «τί ἡμῖν καὶ σοί, Ἰησοῦ,
--	---

²⁹⁾ вш. и мимоходитъ нао сѣнь въ п: ѿ нао кода мимотѣчетъ.

да оуслышати понѣ вѣсѣи Бѣ его
наричуща. не ѣмлюще вѣрзи
емоу. отишениемъ морьскѣмъ да
не ласкание боудѣтъ искоушениемъ
взпикють глѣше «приде съде преже
времение моужитъ насъ». стра-
дахоу бо невидимо ранѣи прием-
люще. единѣмъ пришѣствениемъ
тѣмъ ю. хъсо же ради самъ иде
къ нимъ. зане никътоже не
сѣмѣаше привести ею.

въ гробѣ же живуще ²⁾ вѣси. [Τοῖς τάφοις δὲ ἐμφιλοχωροῦσιν
пагоубныхъ пѣрѣ ³⁾ хотѣше мно- οἱ δαίμονες, ὀλέθριον δόγμα] τοῖς
гома подати сице ⁴⁾). ꙗко дѣша πολλοῖς ἐνθεῖναι βουλόμενοι, οἷον
оумирающихъ вѣси вѣвають. ὅτι αἱ ψυχαὶ τῶν ἀπελθόντων
немъ же николиже не воуди. понѣ δαίμονες γίνονται· ὁ μὴ γένοιτό
помыслити. нз ни ошѣдши дѣши ποτε, καὶν μέχρῃς ἐννοίας λαβεῖν·
оуже ѡтѣ тѣлесе. съде скзитаеть· ἄλλ' οὐδὲ ὅτι χωρισθεῖσα τοῦ σώ-
са. дѣша во правдыникъ въ роуцѣ ματος ἢ ψυχὴ ἐνταῦθα πλανᾶται
Бѣжи. λοιπὸν αἱ μὲν καὶ τῶν δικαίων

такожде же ни отроциѣ ни тѣзи
 бо соуть лоукавыиѣ грѣшныиѣ хъ
 авиѣ отъсоудѣ отъведеиѣзи въи-
 вають. ꙗвѣ же естъ Лазорьмъ
 и богатѣмъ. инъже рече Гѣ.
 «дньсь дшю твою истѣжють
 отъ тебе». нѣстъ бо лѣтъ дши
 отъсоудѣ ошѣдъши съде пакъзи
 скитатиѣ.

и поутью же о немъже мо- Διὰ τί δὲ, ὅπερ παρεχάλεσαν
лишасѧ вѣси. сѣтворилъ бѣдѧ οἱ δαίμονες, ἐποίησεν ὁ Θεοπό-

¹⁾ ko add n .

2) ЖИВОУТЬ.

3) пагоўкіноу.

4) си́цю.

всѣхъ Хѣ. въ стадо свиное взи-
ти повелѣвъ. не тѣхъ послѣшамъ
сътвори се. нѣ да оувѣдѣтъ вси.
яко не сзмѣють ни на свини
же влѣсти. аще самъ не по-
велитъ.

и яко многа промѣшдениа Бжїи
наслаждаемъсѣ непошадѣвъшии во
свинни. нхъ же хожуе ѱлвкѣ
ненавидѣтъ. нѣ въ единъ ѱасъ
всѣ сзвѣрѣжиша. кольми пауе
ѱлвѣкомъ взиша тоже сътвориши
аще не взи Бжїиа помощь про-
мѣслила намъ. еше же да и
живоущеи въ тѣхъ мѣстѣхъ.
разоумѣють силу его. и симъ
въ бѣгорузуме его придуть.
вѣша во зѣло неѱювьствѣни.
якоже се явлѣтъ конѱуина.
подобаше во имъ пауе покло-
нитисѣ емъ и дивитисѣ силѣ
его. они же пауе отъсѣлахоу и.
и молахоу. отъити отъ предѣлѣ
своихъ. сего ради оубиша свинни
вѣси. да взвѣрьготъ ѱлвкѣ⁵⁾
оунзїниѣ. въсѣде во радууютсѣ.
о напастѣхъ нашихъ. яко же и
при Иовѣ сътвори диаволъ. и о
томъ во Бжѣ повелѣ. нѣ и тамо
не диавола послоушаша. нѣ хотѣ
своего слоугоу свѣтъла явити⁷⁾.

της τῶν ὅλων Χριστός, εἰς τὴν
ἀγγέλην τῶν χοίρων ἐπιτρέψας
αὐτοῖς ἀπελθεῖν; οὐκ ἐκείνοις πει-
θόμενος τοῦτο ἐποίησεν, ἀλλ' ἵνα
μάθωσιν ἅπαντες, ὅτι οὔτε χοίρων
κατατολμῶσιν, εἰ μὴ αὐτὸς συγχω-
ρήσειεν· καὶ ὅτι πολλῆς ἀπολαύο-
μεν τῆς τοῦ Θεοῦ προνοίας· [οἱ
γὰρ τῶν χοίρων μὴ φεισάμενοι,
οὓς τῶν ἀνθρώπων ἑλαττον μισοῦ-
σιν, ἀλλ' ἐν μιᾷ καιροῦ ῥοπῇ πάν-
τας αὐτοὺς κατεκρήμνισαν, πολλῶ
μᾶλλον ἂν εἰς τοὺς ἀνθρώπους
ταῦτα εἰρηάσαντο, ἐὰν μὴ ἡ τοῦ
Θεοῦ βοήθεια κήδεταί ἡμῶν]⁵⁾.
ἔτι δὲ καὶ ἵνα οἱ τοὺς τόπους
ἐκείνους οἰκοῦντες μάθωσι αὐτοῦ*
τὴν δύναμιν, καὶ ἐκ τούτου εἰς
τὴν αὐτοῦ θεογνωσίαν ἔλθωσι·
καὶ γὰρ ὑπῆρχον ἀναίσθητοι λίαν,
καθὼς ἀπὸ τοῦ τέλους ἐστὶ τοῦτο
δῆλον· θέον γὰρ αὐτοὺς προσκυνῆ-
σαι αὐτὸν, καὶ θαυμάσαι τὴν δύ-
μιν. οἱ δὲ ἀπέπεμπον* μᾶλλον
καὶ παρεκάλουν ἀπελθεῖν ἀπὸ τῶν
ὁρίων αὐτῶν· διὰ τοῦτο δὲ τοὺς
χοίρους ἀνεῖλον οἱ δαίμονες, ἵνα
τοὺς ἀνθρώπους εἰς ἀθυρίαν ἐμβά-
λωσι· πανταχοῦ· γὰρ χαίρουσιν
ἐπὶ ταῖς συμφοραῖς ἡμῶν· ὡς καὶ
ἐπὶ τοῦ Ἰὼβ ἐποίησεν ὁ διάβολος·
καίτοι καὶ ἐκεῖ ὁ Θεὸς ἐπέτρεψεν·
ἀλλ' οὐδὲ ἐκεῖ πειθόμενος τῷ δια-
βόλῳ, ἀλλὰ τὸν αὐτοῦ θεράποντα
θέλων ἀπορῆναι λαμπρότερον.

⁵⁾ Дополненіе изъ cod. Bodleianus (olim. Meermann.) X saec. у Cramer, I, 478, cf. I, xv. ⁶⁾ кз add. n. ⁷⁾ екѣлакиша хоте показати.

свои градъ все мѣсто нарече.
Капернаоума глѣтъ. Вифлеомъ во
роди его. а Назарѣфъ въскрѣми.
Капернаоумъ же имѣаше живоу-
ща въ себе. подобашеть же смо-
трѣти. и кротость владицѣниа. и
невеличѣства. якоже въ кораблѣ
влѣбъзъ прѣмѣлаше. моглии пѣшъ
прѣити. и гадарѣниа ѱгнѣнѣ
възѣвъ не противисѣ. ѱнде же
оубо. инѣде далече⁸⁾.

Ἰδίαν δὲ αὐτοῦ πόλιν τὴν Κα-
περναοὺμ λέγει ἐνταῦθα· ἡ γὰρ
Βηθλεὲμ ἤνεγκεν αὐτὸν, ἡ δὲ Να-
ζαρέτ ἔθρεψεν, ἡ δὲ Καπερναοὺμ
εἶχεν οἰκοῦντα διηνεχῶς· χρὴ δὲ
σχοπεῖν καὶ τὸ ἐπιεικὲς τοῦ δε-
νευελεῖσθαι. ἵνα καὶ ἐκ τούτου εἰς
τὴν αὐτοῦ θεογνωσίαν ἔλθωσι·
καὶ γὰρ ὑπῆρχον ἀναίσθητοι λίαν,
καθὼς ἀπὸ τοῦ τέλους ἐστὶ τοῦτο
δῆλον· θέον γὰρ αὐτοὺς προσκυνῆ-
σαι αὐτὸν, καὶ θαυμάσαι τὴν δύ-
μιν. οἱ δὲ ἀπέπεμπον* μᾶλλον
καὶ παρεκάλουν ἀπελθεῖν ἀπὸ τῶν
ὁρίων αὐτῶν· διὰ τοῦτο δὲ τοὺς
χοίρους ἀνεῖλον οἱ δαίμονες, ἵνα
τοὺς ἀνθρώπους εἰς ἀθυρίαν ἐμβά-
λωσι· πανταχοῦ· γὰρ χαίρουσιν
ἐπὶ ταῖς συμφοραῖς ἡμῶν· ὡς καὶ
ἐπὶ τοῦ Ἰὼβ ἐποίησεν ὁ διάβολος·
καίτοι καὶ ἐκεῖ ὁ Θεὸς ἐπέτρεψεν·
ἀλλ' οὐδὲ ἐκεῖ πειθόμενος τῷ δια-
βόλῳ, ἀλλὰ τὸν αὐτοῦ θεράποντα
θέλων ἀπορῆναι λαμπρότερον.

Молю же оубо вратне. подобни воудѣмъ. Хѣу Бѣу нашему.
и якоже онъ прѣиде къ мѣжѣла сѣла и исцѣли ѣ прогнѣнавъ
вѣсѣи отъ нею. пристоупимъ и мѣи къ страждующимъ не мѣнѣ
вѣса. кѣтож сѣи соутъ. нишин и алѣушннн. жадѣни назнн. стра-
ждуотъ во нишѣтою. и якоже въ боури морѣстѣи живоутъ.
тоугою сѣдѣною неистовѣшесѣ. аще и вѣсѣи прогонимн вѣзваемъ
и възбранѣмн. мллостѣнѣ не сътворити. нѣ мѣи превоудѣмъ
въ тои добродѣтели. нишѣсоже во велика проситъ Бжѣ отъ насъ.
не проситъ нишаго обогатити. не глѣтъ волащаго исцѣлѣти. не
вѣдѣтъ иѣ тѣмѣница изѣавити. нѣ напѣтѣти отъ изѣытѣка на-
шего. напѣти аще инѣмъ нишѣмъже не можѣши. понѣ водою
стоудѣною. нѣ не полѣмъ сѣдѣца. сѣгрѣти плѣщи его одѣниѣмъ.
отъ изѣытѣчѣства во моли ни чѣрѣвин¹⁰⁾. прѣити странѣнѣнѣ
якоже самого Хѣ. глѣвѣшаго словеса сѣ. посѣтити волни не
въспѣтъ зѣрѣше и еше на потревоу емоу подати прѣсѣтити
соушнхъ въ тѣмѣници. и молюу творити за нѣ. да изѣавитъ
ѣ Бжѣ отъ оузѣ сѣ все сътворѣше. и тѣлѣса наша унѣста хра-
нимъ. да помѣловани воудѣмъ. въ нѣже дѣнѣ хошѣтъ соудити
всѣмоуи Бжѣ всѣмоу мироу и въздати комоужѣдо по дѣломъ
его. емоужѣ слава. нѣзѣнѣ и прѣсно и вѣкѣи вѣкомъ аминѣ.

⁸⁾ сѣи градъ—далече отъ. n. ⁹⁾ Cramer, t. II, p. 63—64.

¹⁰⁾ ѱ изѣытѣчѣства мллѣкѣ и чѣрѣвин.

8.

Тогоже Исидора пилуэніскаго. сказаніе. ѿ. еѣна.
ѿ доу. Бесѣда 36-я (син. лл. 166—168 об.; пет. 113—
115 об.).

Кто възглѣть силѣ Гнѣ. оуслышаны сзтворить всѣ хвалѣ
его. или кзто исповѣсть всѣ оудеса него. ꙗкоже во отьцѣ
чадолюбьцѣ. въсѣми образѣи кажесть сзѣнѣ свои. да възведесть
его на сзврѣшеніе добрыхъ дѣтели. такожде и Господь нашъ
Исусъ Христосъ. Отьць ¹⁾ истиннѣи и Богъ Творьць. въсѣми
образѣи кажесть нѣи. да въздемѣ истинѣ сзѣнове его: сзврѣшени
всѣкою доброю дѣтелью глѣть во самѣи воудете сзврѣшени. ꙗкоже
Отьць вашъ невесѣнѣи сзврѣшенѣ естъ. тѣмъже прилѣжно по-
сложанѣмъ братіе. како поношеніемъ подзлежѣща богатаго се.
оучить нѣи кажѣ. да не воудемѣ мѣздоищѣи ²⁾. земьнаго
сзкровища ищѣюще. тѣлѣма же и глѣвѣща. нѣ нѣскаго. имъ же
во кто повѣжденѣ ³⁾ възиваетъ. тѣмъ же сего възрадѣмъ при-
лѣжно. и послушанѣмъ. что хошетъ прѣтѣча си Гнѣ глѣти. паѣе
же истоваѣмъ бесѣда.

«Члѣва етера реѣе оговѣзисѣ село». и проѣе. подобаетъ же
намъ сзмотрити испѣтно. хѣи-
трость сего словеса. ꙗко не единому
нѣи показѣ. оговѣзисѣ.
нѣи все реѣе село. распложѣше-
сѣ господинови. да ѡвѣмъ глоу-
виноу похоти. сѣи во тако мнѣ-
гомъ добромъ обильнѣ. печетьсѣ
ѡ възотѣ. «что во реѣе сзтво-
рю». тѣмъ же и мѣишлѣше ѣдинѣ
наслаждатисѣ имѣніемъ своимъ.
не зѣри на боудѣще. ни възѣ-
рамъ кѣ Боу. не любѣи нищелю-
бѣи. ни жѣлаѣмъ възвелѣнѣи

¹⁾ син add. n.²⁾ мѣздоищѣи.³⁾ томоу и ракъ add. n.

него. нѣи еже всего несзмѣислѣнѣ. тѣмъ же реѣе Бѣи емоу. безоумъ-
не. въз сѣи ноѣи дѣи твоѣ
отъмоутъ ѿ тебе. а еже оуго-
това комоу вѣдетъ. «въистинѣ
же. ꙗко «не избѣитъ ѣствѣи
комоу. воудетъ животъ его ѡтѣ
имѣніа своего». тѣмъже и при-
реѣеноу. «ꙗко сѣи сзкрѣивѣи
себе. а не Богъмъ богатаѣи». оубо
въ насъ бѣгѣства. тѣмъже
во. и свѣтъмъ надеждѣмъ бѣгѣи-
сѣ на Бѣию. безоумнѣи же въз-
правѣдѣ нареѣенѣ възѣи. понеже
всѣмъ безѣмъ сѣи соѣетнѣи. ꙗко-
же и пѣмнѣи глѣть. «обаѣе
въсоѣе всѣмъ ѣлѣмъ. сзѣиаетъ ⁵⁾
и не вѣстъ комоу сзѣеретъ не». ⁶⁾

Не мѣмъ оубо вѣе дѣѣи. подобѣи
семоу. да не безоумнѣи оуслѣшѣи
гѣгѣство строѣишѣи е добрѣ. ни
емлюшѣи ю сѣ похвалоу. нѣи
Аврамъ. ꙗко Иовъ мѣмоходѣмъ
ротамъ. вѣиже. гонѣишѣи имене
воѣишѣи подаѣише. пишеть во.
всѣмъ комоу просѣишѣи оу

⁴⁾ add. мѣи = мѣиѣи.⁵⁾ крикѣи.⁶⁾ Cramer... t. II, p. 101.

тѣбѣ дан. сзкрываши бо сзкровища на земли. штавить є татѣмъ и чрьвѣмъ. тѣмъже на нѣсхъ сзкрыванѣмъ. идеже ни татѣе ни чрьвѣе соуть. идеже во сзкровище наше. тоу и сѣдѣца наша боудоуть. не пыѣмъсѣ. ш земьниихъ вещьхъ. да вѣчнаѣ насъ печаль не приметъ. вѣчнѣиѣа мѣкѣ. аще во оущедримъ. оущедрени боудемъ. аще помилоуемъ. помилованіе будемъ. милостивѣимъ Бѣмъ нашимъ. немоуже всѣа слава подобаетъ. Оцѣ и Сѣну и Сѣтому Дѣу. нѣнѣ и присно и въ вѣкомъ аминь.

9.

Тогоже. Исидора. сзказаніе. Т. еѣе. ѿ Лѣкѣи.
Бесѣда 37-я (син. лл. 168 об.—170 об.; пет. 115—116 об.).

Брѣе. възакѣленѣа. прославимъ истоваго Бѣа нашего. и Гѣа Ісѣ Хѣа. доведѣшаго насъ и въ днѣшнѣи днѣ. насладитисѣ словесе и чоудесе него. что бо слажде словесъ Хѣвъ. ѣкоже пишеть. ѣко слаждыша соуть словеса твоѣа. паче меда. и сѣта. и понеже сладѣка соуть словеса Гѣа. оусладимъ дѣша наша. не словесѣи тѣчѣю слоухѣа. нѣ и дѣлѣи. не дѣлѣи гѣвѣлемъими. нѣ превѣивающѣими въ жизнь вѣчною. жже ¹⁾ наслѣдовати имоуть сзхранѣшен заповѣди Гѣа. кѣи же заповѣди. неже въ напасть застоупати. неже въ бѣдахъ помагати. неже изъ обидѣи изимати. еже заблуждающѣа обратити кого. всѣакого тревѣющѣаго ѿ насъ помощи. нѣ на предѣлѣющѣе възвратимъсѣа.

Сзлоукаѣ си жена. ниѣимъже Н συγχύπτουσα γυνή τοῦτο λέ-
инѣмъ волѣзнь сѣю приѣти. нѣ ηεται παθεῖν ἐξ ἀγριότητος δια-
слѣпѣствомъ дѣавольмъ. ѣкоже βολιχῆς, καθὼς φησιν ὁ δεσπότης,
реѣе Вѣка. «ѣже сзвѣза сото- «ἢν ἔδραεν ὁ Σατανᾶς, ἔτη δὲ κα-
на». сегда презѣрѣма възвѣши ²⁾ καὶ ὀκτῶς, ἵσως παρεωραμένη
Бѣмъ. грѣхъ ради своихъ. вина παρὰ Θεοῦ δι' οἰκεῖα πταίσματα
бо ѣлѣвѣимъ недоугомъ. заблѣ- παραίτιος γὰρ τοῖς ἀνδρωπίνους

¹⁾ юже.²⁾ ксе прѣзрѣмоу кыкѣшоу. Cod. Coisl. παρεωραμένην.

ждению ³⁾ сотона възѣсть. зѣло σώμασι τοῦ νοσεῖν ὁ ἀλιτῆριος γέ-
же вѣлѣпѣномъ гласъмъ. и вла- γονε Σατανᾶς, θεοπρεπεστάτη δὲ
стыю плзною възѣшнѣю. ѿ женѣ λῖαν φονῆ καὶ ἐξουσίας γεμούση
сѣа недѣгъ изгѣна. привѣзлѣ- τῆς ἀνωτάτω, τῆς γυναικὸς ταύ-
житъ ⁴⁾ на ню роуцѣ. да оувѣмъ. τῆς τὴν νόσον ἐλαύνει· προσεπι-
ѣко Божѣа. Словесе. силоу же и τίθησι δὲ καὶ χεῖρας αὐτῇ, ἵνα
дѣиство свѣтаго ⁵⁾ плѣтъ но- μάθωμεν, ὅτι τὴν τοῦ Θεοῦ Λό-
шаше. своѣа бо ємоу вѣ. а не γου δύναμιν τε καὶ ἐνέργειαν ἡ
иногѣ сѣина паче того ⁶⁾ соущѣа. ἀγία πεφόρηκε σὰρξ· ἰδία γὰρ ἦν
ѣкоже нетери неистовѣно мѣнѣти. αὐτοῦ καὶ οὐχ ἑτέρου τινὸς παρ'
запрѣщѣе архисѣунагогъ наро- αὐτὸν ὄντος Υἱοῦ καταμόνας καὶ
доу. [глѣ. не шесть ли дни ἦε. ἰδικῶς, κατὰ γὰρ τὸ τίσιν ἀνοσιώ-
въ неже достоинъ приходеѣе татон дохоῦν. περὶ ὧν εἶπεν ὁ
цѣлѣити. а не въ днѣ соувѣтѣи] ⁷⁾ δεσπότης Χριστὸς πρὸς τὸν ἀρχи-
подобѣно отѣвѣтивъ Хѣа кѣ не- συνάγωγον περὶ τοῦ σαββάτου
моу глѣа. кѣи боудеть васъ члѣвкѣ. πρὸς ἐγράφη εἰς τὸ κατὰ Ματ-
иже имѣть овѣа. и проѣе. прѣтѣ- θαῖον ⁸⁾.
ѣею сѣю штемѣа отѣ нихъ мѣсли. да не ⁸⁾ имѣють вестоуѣно не-
пщеванѣе. хотѣще поимъ тво- рити немоу за ѣдѣса.

Ге слышашѣе и видѣше. Хѣмъ Бѣмъ нашимъ възѣаемо. прѣтѣуамі ¹⁰⁾ кѣ Сѣсоу нашѣмоу. моѣущѣмоу исцѣлѣити дѣша. и тѣлеса наша. самъ во рече. не приѣвхъ приѣватъ правѣдѣнѣиныхъ. нѣ грѣшникѣи на покаѣниѣе. и пакѣи приѣохъ. възискѣти и спѣтѣ погѣвѣшаго. того бо ради сѣ грѣшникѣи и мѣитари. вѣсть и пѣеть. тѣа во грѣхѣи наша на тѣлѣ своѣмъ възѣтѣ. и не- доугѣи понесе. тѣи грѣхѣи наша ѿпоуѣаетъ. аще всѣмъ сѣдѣмъ послушѣемъ него. и ищѣмъ его. самъ во глѣть. приѣте кѣ мѣнѣ всѣи троужѣющѣиѣи и обременѣиѣи и азъ възѣ покаю. кѣдели. въ вѣчнѣиныхъ сѣлѣхъ. идеже ликѣи гласъ. празѣноущѣиныхъ несть.

³⁾ заклоуждени.⁴⁾ же add.⁵⁾ сѣла та.⁶⁾ самого add.⁷⁾ Вставленное [] om. м., add. н.⁸⁾ не om.⁹⁾ Cramer... t. II, p. 107—108.¹⁰⁾ приѣцѣмъ н—первою рукою; поправлено приѣцѣмъ = приѣцѣмъ.

и гласъ веселиа, и радость неконьчаема. о Хѣ Іѣ Гї нашѣмъ коупно съ Оцѣ. и Бѣмъ Дѣмъ. Бѣу ¹¹⁾ единомсу. емъ же слава въ вѣки вѣкомъ аминь.

10.

Исидора пилосинскаго. сказаніе. 11. евангеліе. ѿ Луки. Бесѣда 41-я (син. лл. 192—195; пет. 131—133).

Братіе моя възлюбленаа. вѣмъ оуже пакы зоветь нзи. на дѣховное пиреніе. еже прѣдзлагаетъ намъ прѣовѣнзи съ оцѣ. нзинѣ достонны служителѣмъ сѣтворѣ. взише во недосумѣннѣ нашего. дѣло се соущѣ познахомъ. ѿкоже запрѣва рѣхомъ ¹⁾. нз понеже не лѣтъ ѣсть. начынше възпѣтитисѣ. ѣдиначе дрѣжимъ доушесъпаснааго сего дѣла. тѣмъже прѣстоупимъ. напѣмъ доуховнааго сего пира. истощникъ во живота ѿ него истѣкають. ѿкоже пророкъ глѣтъ. оупинѣтъ ѿ шбилинѣ домъ твоего. и потокомъ пища твоемъ напоиши мѣ. ѿко оу тебе ѣсть истощникъ живота. готови воудѣмъ да ѣгда въззовѣтъ по-теуемъ. не вины прѣдзложыше. илиже лишаѣтъсѣ. неродѣнѣ о сѣсении своемъ. нз науѣмъ ѿ немъже сѣ свѣрахомъ. ѣсть во сице.

«Члѣкъ ѣтеръ реуе сѣтвори ²⁾ «Ἄνθρωπός τις», φησὶν, «ἐποίησε δεῖπνον μέγα». Καὶ ὁ μὲν ἄνθρωπος νοηθεῖν ἂν [ὁ] Θεός* Оца соуща. шбрази во вѣстинуукаѣ Патѣр. аї γὰρ εἰχόνες πλάττονται πρὸς τὸ ἀληθές, οὐκ αὐταὶ δὲ πάντως εἰσὶν ἡ ἀλήθεια. οὕτω Патѣр тѣс доѣс мѣга пепоіѣхе деіпнов, тѣтѣсѣн, οἰκουμένην кое трѣжѣство. еже съ Хмъ ³⁾ εἰργάσατο πανήγυριν· δῆλον δὲ

¹¹⁾ кожьсткоу.¹⁾ заповѣдѣхемъ.²⁾ и ош.³⁾ сѣтвори.

свѣрані вѣхомъ. веуерю же на- ⁴⁾ ὅτι τὴν ἐπὶ Χριστῷ· δεῖπνον δὲ ρицаеть. а не шбѣдъ. зане въ аὐτὸ καλεῖται καὶ οὐχὶ ἄριστον, ὅτι послѣдѣнаа вѣмена вѣка. ѿкоже ἐν ἐσχάτοις καιροῖς τοῦ αἰῶνος, на западъ нашего вѣка. мѣсѣ καὶ οἶον ἐπὶ δυσμαῖς τοῦ καθ' намъ Гнѣ. ѣгда и сѣмрътъ прн- ἡμᾶς αἰῶνος ἐπεφάνη ἡμῖν ὁ Υἱός, мѣ насъ ради. и дасть намъ ὅτε καὶ τὸν δι' ἡμᾶς ὑπέστη θά- свою плѣтъ мѣсти. прнзѣва же νατον. καὶ δέδωκεν ἡμῖν τὴν ἐαυ- многы. множество жидовъ мѣ- τοῦ σάρκα φαγεῖν, ἐκάλεσε δὲ λѣтъ. πολλοὺς, τὰ πλήθη δηλονότι τῶν ἰουδαίων.

Кто же вѣ посланъ. ѣгоже Τίς δὲ ἦν ὁ ἀπεσταλμένος, ὃν и раба соуща реуе. самъ Хѣ. δὴ καὶ δοῦλον εἶναί φησιν; αὐτὸς иже и Бѣ сѣи родъмъ. и Гнѣ ὁ Χριστός. ὅστις Θεὸς ὢν φύσει, истиннѣ. «зракъ раба сѣмѣривъсѣ καὶ Υἱὸς ἀληθινός, «μορφὴν δοῦ- пригѣтъ». уѣто же вѣ ѣже оуго- λου ἑαυτὸν κενώσας ἀνέλαβε». това зѣваннѣмъ. ѿпоущеніе грѣ- Ποῖα δὲ ἦν ἡ ἡτοίμασε τοῖς κε- ховъ. прнчастіе Бѣго Дѣа. свѣтъ- κλημένοις; ἁμαρτιῶν ἀπόθεσιν, лость оусѣнениа. цѣство нѣсѣ- Πνεύματος Ἁγίου μέθεξιν, υἰοθε- скою. на се зѣва Хѣ Бѣ нашѣ. σίας λαμπρότητα, βασιλείαν οὐρα- ѣвнѣльскомъ словомъ обливѣмъ ⁴⁾. νῶν· ἐπὶ ταῦτα κέκληκε Χριστός нз прѣвѣе вѣсего нѣлѣ. *ὁ Θεὸς διὰ τῶν εὐαγγελικῶν θε- σπισμάτων πρὸ γε τῶν ἄλλων τὸν Ἰσραήλ. Τὸ δὲ «ἤρξαντο ἀπὸ ὡρεψисѣ». се естъ. ѿко ѣди- μιᾶς πάντες παραιτεῖσθαι», τοῦτο нѣмъ свѣтомъ. нерѣдѣша о зѣва- ἐστὶν, ὅτι ὡς ἐξ ἑνὸς συνδήματος οὐδένα λόγον ἐποίησαντο τῆς κλή- севос, τοῖς γεωδεστέροις ἀσυνέτως сеωс, τοῖς γεωδεστέροις ἀσυνέτως προσνεуеуо́τες, ἀγρῶν τε καὶ γε- ωργίας καὶ παιδοποιίας ἕνεκα.

А еже «науаша вси едінок τὸν Ἰσραήλ. Τὸ δὲ «ἤρξαντο ἀπὸ ὡреψисѣ». се естъ. ѿко ѣди- миᾶς πάντες παραιτεῖσθαι», τοῦτο нѣмъ свѣтомъ. нерѣдѣша о зѣва- ἐστὶν, ὅτι ὡς ἐξ ἑνὸς συνδήματος οὐδένα λόγον ἐποίησαντο τῆς κλή- севос, τοῖς γεωδεστέροις ἀσυνέτως сеωс, τοῖς γεωδεστέροις ἀσυνέτως προσνεуеуо́τες, ἀγρῶν τε καὶ γε- ωργίας καὶ παιδοποιίας ἕνεκα.

Како оубо можемъ разоумѣти. Τίνες δὲ ἂν νοηθεῖεν οἱ παραι- кѣто соутъ ѿтѣрекѣшенѣ. не τησѣμενοι; ἡ τάχα που τῆς ѣу- жидовьскааго ли сѣнѣма старѣн- δαίων συναγωγῆς οἱ προεσστηκότες, шни моужі тѣжѣци, и любѣвнѣ ἄνδρες ἄδροι τὰ βαλλάντια καὶ имѣннѣ. і на се сѣ вѣсегда φιλοκερδείας ἡττώμενοι καὶ πᾶσαν тѣщаѣе. ѿкоже во ѣсть истинноу εἰς τοῦτο δαπανῶντες σπουδῇ·

⁴⁾ ѣуѣльскимъ шбѣчаемъ.

реши. всѣмъ богадохънънъимъ книгами. сѣмъ шклевѣтанъи видимъ. тѣмъже и лишишася праздника. жестокомъ непокориеніемъ. величѣи вечери досаждаше.

Звани же соуть въ нихъ мѣсто, соущи на цѣстахъ и стѣгнахъ. отъ жидовскаго народа, имоущи мзисль немощи ноу до вѣрменіе іетера. слѣпоу же и хромоу. сздравн же и цѣлі Хѣоіѣ вѣроу взиавше. навзикъ во вѣрѣмъ ходити. и сѣмъ свѣтъ въ оумѣ пріѣша. аще ли кзто хощеть оувѣдѣти ꙗко мнози вѣроваша жидовъ. да поухтеть Дѣаниа апѣска.

Сѣмъ же благъ Бѣ родомъ и ѹлвколюбѣцъ. и мзвикъ зоветь. по введеіи излѣитѣ. «іестъ во мѣсто» рече.

Бѣша во мзвикъниці. дивни и сверѣпи оумомъ. ꙗкоже взиѣ града живоуще. кромѣ закона. скотъскъи же пауче и звѣрьскъи ходише. не рече же сиѣхъ звати. нъ и оувѣдити. се приѣтно. и изволено Бѣмъ. и сзвршенъ даръ дарованіе ѹго.

διὰ πάσης γὰρ [ὡς] ἔπος εἶπεῖν τῆς θεοπνεύστου γραφῆς ἐπ' αὐτοῖς δὴ τοῦτοις διαβεβλημένους ἐνεστὶν ἰδεῖν τούτους. διὸ καὶ ἔξω μεμενήκασιν τῆς ἐορτῆς, ταῖς οὕτω σκληραῖς ἀπειθείαις τὸ μέγα δειπνον περιυβρίσαντες.

Κέκληνται δὲ αὐτ' ἐκείνων οἱ εἰς τὰς πλατείας καὶ τὰς ῥύμας, οἱ ἐκ τῆς ἰουδαϊκῆς πληθύος ἀσθενῆ τε καὶ ἀγεννῆ τὴν διάνοιαν ἔως τινὸς ἔχοντες καὶ ἀφεγγῇ καὶ χωλεύουσιν, ὕγιεις δὲ καὶ εὐρωστοὶ διὰ τῆς εἰς Χριστὸν γενόμενοι* πίστεως· ἐδιδάχθησαν γὰρ ὀρθοποδεῖν, καὶ τὸ θεῖον εἰς νοῦν ἐδέξαντο φῶς· ὅτι δὲ πεπιστεύκασιν τῶν ἰουδαίων οὐκ εὐαριθμητοὶ, διαμάθοι τις ἂν ταῖς τῶν ἀγίων Ἀποστόλων Πράξεσιν ἐντυχών.

Ἀγαθὸς ὢν φύσει ὁ Θεὸς καὶ φιάνθρωπος καὶ εἰς τὰς ὁδοὺς καὶ εἰς τοὺς φραγμοὺς ἐξαποστέλλει τὸν δειπνοκλήτορα, ὅπερ ἀποφαίνει τὴν τῶν ἐθνῶν κλήσιν, μετὰ γε τοὺς ἐξ αἵματος Ἰσραὴλ εἰσενηνεγμένους διὰ τῆς πίστεως· καὶ γὰρ «ἔτι τόπος ἐστὶ», φησὶν· ὑπῆρχον δὲ οἱ ἐξ ἐθνῶν ἄγριοι καὶ τὰς φρένας καὶ ἀπηγριωμένοι τὸν νοῦν, καὶ οἷον ἔξω πόλεως διάγοντες, διὰ τὸ μὴ ζῆν ἐν εὐνομίᾳ, κτηνοπρεπῶς δὲ μᾶλλον, καὶ σὺν ἀλογία πολλῇ. Οὐχ ἀπλῶς δὲ εἶπε τούτους καλέσαι, ἀλλὰ καὶ ἀναγκάσαι. καίτοι προαιρετικὸν ἅπασιν

Почто же рече оувѣдити. кротостиѣ Бѣниѣ. зане вѣзмѣрѣномъ страхомъ. лѣсти дръжимѣ вѣша. вѣпражени диволомъ. сего ради напрасно звани вѣша. оувѣждениемъ да ѡстоуплѣшѣмъ диволо. позаѣ нѣкзгда познаѣмъ Творѣца своего.

τὸ πιστεῦειν ἐστὶ, καὶ δεκτὸν τοῦτο παρὰ Θεῷ, καὶ τῶν παρ' αὐτοῦ χαρισμάτων μέγιστον δῶρημα*. πῶς οὖν εἶπεν ἀναγκάσαι; κατ' οἰκονομίαν τινά· ἐπειδὴ γὰρ ταῦτα ἐν ἀφορήτῳ δουλείᾳ τῆς πλάνης κατεῖχοντο, ὑπεξευγμένα τῷ διαβόλῳ καὶ οὐκ εἰδότα· διὰ τοῦτο συντομωτέρας ⁵⁾ κλήσεως ἐδεήθησαν μιμουμένης ἀνάγκης χρεῖαν, ἵνα καὶ οὕτως ἰσχύσωσιν ἀναβλέψαι πρὸς Θεόν, καὶ τῶν ἱερῶν γεύσασθαι μαθημάτων, ἀποφοιτήσαντα τῆς ἀρχαίας ἀπάτης, καὶ ἀποπηδήσαντα τρόπον τινά τῆς τοῦ διαβόλου χειρός ⁶⁾.

Кзто оуво не имать сѣмъ оуже дивѣти вѣлвколюбнѣ Бѣнию. ꙗко свѣрѣпи и дивниа соуща и оутоужденъи кз сѣвѣ зоветь. и не зоветь тзѹиѣ. нъ и вѣдитъ. на ѹто же вѣдитъ. на взише-реѹенъиѣ. кзто видѣ. кзто слзѣша коли. такого ѹлвколюбнѣ. такоу любзвѣ. такоу мѣлостъ о родѣ ѹлвѣѹстѣ. сиѣа дарованиѣ. приѣмлюще братнѣ. ѡ ѹлвколюбѣца Бѣ и Оѣа нашего. пристоупимъ кз немоу пзкноѣ волею. ниѹѣсоже велнѣ проситъ ѡ насъ за тѣхъ блѣгъ нъ се тзѹѹю. любити его вѣсею сзвѣстѹю. и всѣмъ сѣѣмъ. и іскрънѣмъ своимъ ꙗко самѣ себе. ѹиститѣ дѣша і телеса своимъ. любити врагъи своимъ. ꙗкоже самъ вѣзлюбн нъи врагъи соуща. не вѣзлѣбилъ бо тзѹиѣ. нъ и жрѣтвѣи сѣѣмъ. и цѣѣства своего сзподовлѣиетъ нъи благодѣтнѹю своеѣ. хотѣщаго вѣсѣ ѹлвкѣи сѣѣсти. и вѣ разоумъ истѣнѣ прити. Хѣ Бѣа нашего. немоуже слава сз Оѣѣмъ. и сз вѣтѣмъ Дѣмъ. нъиѣтъ и присно и вѣ вѣкѣи вѣкомъ. аминъ.

⁵⁾ Codd. Bodl. συντομωτέρας. Но Константинъ очевидно читалъ уже ошибочное συντομωτέρας [= болѣе короткимъ путемъ, вдругъ, напрасно].

⁶⁾ Cramer, t. II, p. 113—114.

11.

Кон. прѣ. сказаніе. вѣ. евангѣлію. ѿ Луки. Бесѣда 42-я (син. лл. 195—197; пет. 133 об.—134 об.).

Братіе, и оїи и сѣнове, послушайте ѡмьно, не въ простои бо хоцеть минути, и дньшньиіи праздниѣ, нз ѿтеро гощеніе доуховьно хоцеть намъ подати, не тѣло напѣтъѣще, ни доушоу веселѣще, послушамъ и дивѣмъсѣ, милости и ѹловѣколюбѣнъ Бжїиѣ, како швъходить троудзи приѣмѣмъ, желѣмъ сѣпасенїѣ нашего, насъ бо ради прѣклони небеса и сѣниде, и възалкалъ, и възѣдалъ, да пришвѣщеть родъ ѹловѣѹьскзи, тѣ не тѣуиѣ, доуша наша штъ грѣхъ ѹиститъ, нз и телеса наша отъ недоугъ трѣвить, ꙗкоже нынѣ оуслышасте, Лукоу же евангелиста глаголюща, «въходящю ѿмоу въ ѿтероу вѣсь, сѣрѣтоша ѿго десѣтъ моужь прокаженъ», милостивъ бо и ѹловѣколюбѣць сѣни Гѣ нашъ Исѹ Хѣ, ни града ни вѣси шставѣтъ, «молѣще ѿ лютаѣго недоуга ѿстрѣвитисѣ», шнъ же милостивъ сѣи, и да не ѡвѣтисѣ противнъ законѹ Мосеовѣ, ѿпусти ꙗ рекъ, «покажете сѣбе иерешмъ», вѣша же девѣтъ жидове, а єдинъ самарѣнинъ, исцѣлѣвшѣ же, идоуще ꙗкоже повелѣ имъ показѣтисѣ иерѣомъ, девѣтъ оубо не похвальноу волю възпримѣше, не възвратишасѣ въздати ѿмоу славоу ꙗко Бѣу, єдинъ же тѣуиѣ иноплѣменьнзи, възвратисѣ хвалоу ѿмоу приносѣ, оуньше бо соутъ ꙗззиѹьници на вѣроу, паче жестосрѣднѣхъ жидовъ, тѣмъ же и Пѣлка рече, «не десѣтъ ли сѣ оѹістиша», срамѣѣѣ вѣстоудна лѣца жидовьска, примѣшнѣхъ многъ вѣлодѣтнѣ ѿ Пѣ і Оѣа, и на непохваленіе оувратѣѣиѣхъсѣ.

Тѣмъ же ш друзи подовимъсѣ иноплѣменьнѣкоу сѣмоу, не тѣуиѣ бо телеса наша трѣвить, прѣщедри, и прѣмилостивзи Бѣ нашъ, нз и дшѣ аще сѣ похвалоѣ пристоупимъ къ ѿмоу, того бо ѿсѣмъ сѣтвореніе, сѣздани на дѣла добраѣ, не на лоукавѣство, ни на завистъ, нз на сѣдѣлание дѣлъ добрѣ, кѣто бо нашъ оумъ ѿвѣрзѣлъ, и оуста наша распротранилъ, и ꙗзыкъ

нашъ оуѣснилъ, сѣлико изглаголати къ вашѣи любѣви, не даѣи ли незловивзимъ прѣмоудрость, отрокоу же юноу ѹювѣство, єи єи, тѣ во рече, ꙗлико аще просите вѣроуѣще, примѣте, тѣмъже поспѣшници ми боудете, молюсѣ вамъ братіе и оїи, молѣтвами вашими ꙗже къ Бѣу, да достоинъ вѣдоу сконѣѹати обѣщаниѣ вашѣ, и възкупѣ прославити прѣстоуѹ Трѣю, Оѣа и Бѣа и Бѣго Дѣа, єдиноѣ Пѣ прѣмилостивѣаѣго, ѿмоу же слава нзїнѣ и прѣсно и въ вѣкѣи вѣкомъ, аминъ.

12.

Исидѣ. пилѹ. сказаніе. дѣ. евангѣліе. ѿ Луѣ. Бесѣда 43-я (син. лл. 197—200; пет. 134 об.—137).

Братіе дѣвѣнаѣ, єдинако не обѣлѣнимъсѣ, ни оунзимъ, молюсѣсѣ Хѣу Бѣу нашѣмоу, просвѣщѣющюу моу омраченїѣ¹⁾, пришѣдѣшюу моу не правѣдникѣи зѣвати тѣуиѣ, нз и грѣшѣникѣи на покаанїе, просвѣтити оумъ и сѣрѣца наша, да разоумѣемъ, глѣмзїхъ и дѣїемзїхъ имъ, тѣ бо єсть свѣтъ дшѣ нашихъ, просвѣщѣѣи вѣсѣкоѣ ѹѣлѣка въ вѣсь²⁾ миръ градоуша, тѣ єсть възтокъ възтокомъ, ꙗкоже рече прѣкъ, тѣ просвѣщѣѣтѣ сѣдѣѣѣѣ въ тѣмѣ, и въ сѣни сѣмрѣтѣнѣ, тѣмъ же вѣзмѣвнѣ сѣтворѣше, и мѣзѣѣѣ мѣи подавѣше, възиспрѣ очн оумьнѣи, ѿмоуше послушѣте, не мене глѣѣ, нз евангелиста оѣмъ сѣмъ, привзїтѣкъ бо приовѣрѣтѣше, отидѣте къ своимъ сѣи.

Глѣпѣць оубо сѣ пристоупи | Просѣлѣде мѣн ѣ тоφλός ѡς ꙗко къ Бѣѣ, къ вѣсѣмогоу- | Θεῷ τῷ πάντα ἰσχύοντι, ὀνομάζει щюумъ, нариѣтъ же и сѣина | δὲ αὐτὸν υἱὸν Δαβὶδ, ἐπεὶ δὴ τεθ- Давзїда, занѣ възпитѣнъ въ жи- | ραμμένος ἐν ἰουδαϊσμῷ οὐκ ἠγνό- довьсѣѣ законѣ, не не разоумѣ | ησε τὰ διὰ τοῦ νόμου καὶ τῶν реѣензїхъ ш немъ пророкѣи, и | προφητῶν περὶ αὐτοῦ προφηγορευ- законъмъ, ꙗко ѿ рода вѣ Дѣ- | μένα, ὅτι ἐκ γένους ὑπῆρχε τοῦ въздова по плѣти, тѣмъ же ꙗко | Δαβὶδ τὸ κατὰ σάρκα· οὐκοῦν ὡς вѣровѣвъ, ꙗко Бѣ Глѣве [sic]³⁾ | ἤδη πεπιστευκῶς ὅτι Θεὸς ὢν ὁ прѣѣти изволи рождѣство плѣтїю, | Λόγος ὑπέμεινε τὴν κατὰ σάρκα

¹⁾ омраченїе.²⁾ къ ом.³⁾ слово.

Ѡ сѣѣѣ Дѣвѣ. пристоупи ѡко
 Бѣи глѣ. «помилуй мѣ рече
 сѣоу Дѣвѣ». тѣмъ же и Ѡвѣ-
 ца ѣмоу Хѣ. «вѣра твоѣ спѣ-
 тѣ». дивити же сѣ подобаѣтѣ намъ
 крѣпости и ісповѣданиѣ ⁴). ѡко
 запрѣщаѣмъ ѣмоу прѣдъхо-
 дящѣмъ да оумлазѣтъ. не осла-
 вѣаше. тѣмъ же и поучѣнъ вѣистѣ.
 Хмѣ. Бмѣ нашимъ. званѣмъ
 вывѣ. и приближитѣ сѣвѣ го-
 велѣ.

не не вѣдзи же взпроси и. Оὐκ ἄγνων δὲ ἠρώτησεν αὐ-
вѣдзи вѣсе. «уѣто хоѣеши да τὸν ὁ πάντα εἰδὼς, «τί θέλεις
ти сзтворѣу». нз да оувѣдати ποιήσω σοι;» ἀλλ' ἵνα μάθοιεν
прѣстоѣщеи. сирѣчь ходѣщеи сз οἱ παρεστηκότες, ἤγουν οἱ συμβα-
нимъ. ꙗко не имѣниа просить διζοντες, ὡς οὐ χρήματα αἰτεῖ*
оу него. нз дѣиства Бжїиа. αὐτὸν, ἀλλ' ἐνέργειαν θεϊκὴν, ὡς
ꙗкоже ѿ Бѧ. ꙗгда же образъ παρὰ Θεοῦ. Ἐπειδὴ δὲ τὸν τῆς αἰτή-
прошениа ꙗвилъ. тзгда оубо σεως ἐνεφάνισε τρόπον, τότε δὴ τότε
тзгда. невѣримъ жидовскааго. τῆς ἰουδαίων ἀπιστίας ἔλεγχος ἦν
облиуеніе взиствъ реуеноіе Хмъ. τὸ εἰρημένον παρὰ Χριστοῦ· ἔφη
вѣща во сь. областію взишнѣѣ γὰρ μετ' ἐξουσίας τῆς ἀνωτάτω,
«прозьри». кзто во ѿ сѣзичхъ «ἀνάβλεψον»· τίς γὰρ τῶν ἁγίων
пррѣкз рече коли такоѡа. сирѣчь προφητῶν εἶπέ τι τοιοῦτον, ἤγουν
такоѡа областію рече. тѣмъже ἐν τῷ αὐτῷ λελάληκεν ἐξουσία;
и свѣтз взиствъ. гласз тз слѣпъ- οὔθεν καὶ φῶς τῷ κάμνοντι γέγονεν
цю. слово во бѣ. истоѡааго свѣта ἢ φωνή· φωτὸς γὰρ ἦν λόγος τοῦ
изыввзже ѿ недоуга того. не ἀληθινοῦ· ἀπαλλαγείς δὲ τῆς νό-
оуны хрьстолювьць взити. послѣ- σου, οὐ κατημέλησε τοῦ εἶναι φι-
доѡааше же ⁵) нѡмоу рече. сла- λόχριστος, ἡκολούθει γὰρ, φησὶν,
воу ввззланиа ꙗко Бви. взиствъ αὐτῷ, τὴν δόξαν ἀναπέμπων ὡς
же и вина инѣмз славити ἢ Θεῷ· γέγονε δὲ καὶ ἐτέροις πρό-

4) крѣпости исповѣданнѣ.

ВЪСИ БО ЛЮДИЕ РЕЧЕ. ДАША СЛAVOY
БѢИ. φαις τοῦ δοξάζειν αὐτόν, ἅπας
γάρ, φησὶν, ὁ λαὸς ἔδωκεν αἶνον
τῷ Θεῷ ⁶).

Слышасте ли вѣроу слѣпца. видѣсте ли дрзновениа мужь-
ска. како не оубоясѧ народа. како не оустрашисѧ прѣщениа.
нелма бо шни прѣщахоу емѧ. тольма же онѧ възпидаше. «сѣне
Давидовѧ помилоуи мѧ». не тольма бо хотѣаше тѣлеснама
оуима прозрѣти. нелма доуховнѣиша. нѣсть же се нѣвѣ вѣдѣти.
имѧ же послѣдовааше нѣмоу. славѧ Бѣ. тѣмѧ же мѧи молимсѧ
нѣмоу. да прозрѣимѧ дѣшнѣиша оуима. творити заповѣди нѣго.
и славити нѣго вѣольпно. не боѧщесѧ црѣм. не стѣдѧщесѧ
кнѧзь. не срамлѧщесѧ вельможѧ. нѧ аще и гонение настѡитѧ.
аще моукѧ прѣдѧлежатѧ. аще нѡужда належитѧ. не боѧтисѧ.
ни штѧлоуѡитисѧ ѡмѡ любѧве нѣго. нѧ сѧ дрзновениемѧ пропо-
вѣдати. и молитисѧ нѣмоу. гѣтъ бо Павѧль. кѧто нѧи разлоуѡитѧ
ѡмѡ любѧве Божия. скрѧзь ли. или. тоуга. или. гладѧ. или. гонѣ-
ние. или бѣда. или сѧмърть. ни анѣли. нѣ архѧнгели. ни заѧла
ни силѧи. ни гѣства. ни глоубина. ни высота. никаѧ же тварѧ
не можѣтъ насѧ разлоуѡити штѧ любѧве Божия. ѡже ѡ Христѧ
Иѣсѧ. слышасте ли. и видѣсте дрзновение Павѧль.

Въспоманемъ же къ семоу и свѣтъна мѣнѣ. не нашего ли
рода вѣша всѣ. син. не вѣдаша ли телеса своѣ моукамъ. и
въгнѣви. и звѣрни. и сѣмьрти. да не штъпадѣтъ штъ любѣве
его. ни швърыгѣтъся него. тѣмъ же възлюбимъ. не штъвъргоу-
щесѣ него. реуеъ же ми нѣкъто ш въсѣ. то не любимъ ли
Бѣа. вѣдѣ же и азъ ѣко любите. нѣ поноужаѣтъ вѣи. да большѣми
възлюбите. вѣдѣ же ѣко тяжкъ вѣи ѣсѣмъ. по всѣмъ недѣламъ къ
вамъ вѣсѣдоуѣ. нѣ не шстаноуѣмъ донѣдеже доврѣшите боудете.
гѣеъ во Павълъ. настоѣ. сирѣчу оуѣи. и въ врѣмѣ и безъ
врѣмене. сице оуѣими вратѣ по всѣмъ недѣламъ. аща и не по
всѣмъ дѣни за настоѣщаю работѣи властель. оунѣшите боудемъ.
тъгда во свѣтъльнѣше боудемъ. і мѣзда вольшѣи наложена боудеъ
негда і властельскоу работѣи оутѣжимъ. и Бѣию слоужьбоу

5) БО ВМѢСТО ЖЕ.

⁶⁾ Cramer... t. II, p. 136—137.

сзвѣршімъ. възлюбимъ и. да възлюбить нзи. ѿгда придетъ соу-
анті живимъ и мрзтвнымъ. и въздати комоуждо по дѣломъ
ѿго. емоу же слава чѣсть покланѣніе. ѿ всакого дзиханія.
длжна есть. Оцю и Сноу. и животворящюумоу Дху. нзинѣ
и присно и въз вѣкзи вѣкомъ аминь.

13.

Куріѣ. александрьскаго. сзкѣ. ѿ. еѣлїа ѿ доукзи¹⁾.
Бесѣда 45-я (син. лл. 203—206; пет. 139—140 об.).

Икоже въз чювьствѣхъ садѣхъ. разлїчїи плоди соуть. и
швз сладкѣ въз грзтани. овз ихъ на бальство ключимъ. такожде
въ садѣ стїна цркви. стїни оци и оуцїтеле ѡвишасѣ. швз ихъ
милостїиѣ. швз ихъ страннолюбїемъ. другзиже оударьж-
нїемъ. ннз же пакзи сзмѣренїемъ. вси же въз єдинъ поуть
наставлѣнїи спсєніа. євангельскїими оуцїни. тѣмъ же. и
дньсь възнѣ. стїзи съ оць. приносѣ намъ богатство стѣаго
євангелїа. кзибо саднѣхъ плодѣхъ сладїи єсть оучєніа сїхъ оць.
коє висѣрье тзѣно єсть сїхъ словесѣ. кзи бо црѣ ли кзи
вѣка обогатилъ насѣ. икоже сии оци. оуцїнїемъ своимъ. Бѣу
подобѣтсѣ. любѣщюумоу. родѣ члвчскѣ. тѣмъ бо всаки
троудѣ и волѣзнь принаша. да намъ богатство разумна при-
швѣршють. тѣмъ же братїе мои дховнаѣ. хвалимъ Бѣ и
Сїса нашего. подавшааго намъ такї оучителѣ. нз нанеже
сзвѣрахомсѣ. възвратимсѣ. глѣ²⁾ во сице.

Притзѣѣ фарїсѣа и мзитарѣ. Диὰ τῆς τοῦ φαρισαίου καὶ τοῦ
оуцїти нзи чловѣколюбѣ Гѣ. τελώνου παραβολῆς διδάσκει ἡμᾶς
и Бѣ Исѣ Хѣ. кзиимъ образѣмъ ὁ φιάνθρωπος Κύριος καὶ Θεὸς
подобѣнїи намъ молитисѣ емѣ. Ἰησοῦς ὁ Χριστὸς, τίνα χρῆ τρό-
да не вѣз мѣзѣи воудеть вещь πον τὰς πρὸς αὐτὸν ποιεῖσθαι
творѣшимъ ѿ. ни имѣже кзто δεήσεις, ἵνα μὴ ἄμισθον εὐρεθῇ
мнїтсѣ пользю приати. тѣмъ τοῖς χρωμένοις τὸ πρᾶγμα, μηδὲ
же разгнѣвити на сѣ. сз възнѣ- δι' ὧν ὠφελεῖσθαι τις νομίζοι, διὰ

¹⁾ Бесѣда эта съ именемъ же Кирилла Александрійскаго печатается
въ Сборникѣ. ²⁾ глѣть.

ниихъ даровъ датель Бѣ. псано τούτων αὐτὸν παροτρύνει καθ'
во єсть. «єсть гзїиѣ правдѣ- ἑαυτοῦ τὸν τῶν ἄνωθεν χαρισμά-
никъ. въз правдѣ своєи». тѣмъ των δοτῆρα Θεόν. Γέγραπται γάρ,
же и фарїсѣи все мѣсто того ὅτι «ἔστι δίκαιος ἀπολλύμενος ἐν
радї осужденъ вѣсть. ико не δικαίῳ αὐτοῦ»· ὁθεν καὶ ὁ φαρι-
хзїтро нї оумно творѣшє σαῖος ἐνταῦθα διὰ τοῦτο κατακέ-
млѣвоу. мзногзи во поимзи възнѣ- κριται, ὅτι μὴ ἐπιστημόνως ἐποι-
на немъ по словесемъ своимъ. εἶτο τὴν προσευχήν. Πολλὰ γὰρ
икоже бо вѣзоумнѣ не тзѣнѣ- κατ' αὐτοῦ τὰ ἐγκλήματα· καὶ
дивнѣ сѣ. нз ннзи мзногзи сз γὰρ ὡς ἄνους οὐ μόνον τεθαύμα-
мзитаремъ осудилъ. κεν αὐτὸς ἑαυτὸν, ἀλλὰ καὶ πολ-
лоῦς ἐτέρους σὺν τῇ τελώνῃ κα-
тѣкривєν.

Осужденїи же имъ мзитарѣ Ὁ δὲ κατακριθεὶς ὑπ' αὐτοῦ
ни малзи же сзмѣшє оуиѣ- τελώνης οὐδ' ὅσον εἰπεῖν ἀνατεῖ-
вззвести на възсоу. нз сзкрзїв- ναι. τολμῶν εἰς ὕψος τοὺς ὀφθαλ-
дрзновєнїи. ико не сзмѣтѣ³⁾ μους, ἀλλὰ περιστείλας τὴν παρ-
ѿго. овлїчєнїемъ. сзвѣсти про- ρησίαν ὡς οὐκ ἔχων αὐτήν, τοῖς
водомъ⁴⁾ воѣшєсѣ и ѡвитисѣ ἀπὸ τοῦ συνειδότος ἐλέγχους πλητ-
тзѣѣ Бѣи. ико малзи радївѣ. τόμενος ἐφοβεῖτο καὶ μόνον ὀφθῆ-
о законѣ ѿго. внѣ оубо пѣрсї- ναι Θεῷ, ὡς ὀλίγα φροντίσας τῶν
исповѣдашє грѣхзи и показѣ αὐτοῦ νόμων. Τύπτων οὖν τὸ
недоугзи. ико малзи. помилова- στῆθος ὡμολόγει τὰ ἐγκλήματα,
тисѣ молѣшє. тѣмъ же и καὶ δεικνὺς ὡς ἱατρῷ τὴν νόσον,
«сзнїдє» рѣчє. правдзїнн соу- ἐλεηθῆναι παρεκάλει, διὸ καὶ
дн. «сѣ оправданъ въз домъ «κατέβη», φησὶν ὁ δίκαιος κριτής,
свои паѣє оного». «οὗτος δεδικαιωμένος εἰς τὸν οἶ-
кон αὐτοῦ» παρ' ἐκεῖνον.

Си оубо подобно слзїшѣшє. Ταῦτα τοιγαροῦν ἀκούοντες ἐμ-
сзмыслно добрїа дѣтѣли испра- φρόνως τὰς ἀρετὰς κατορθώσωμεν,
вимъ. и никзтоже снмъ образомъ καὶ μηδεὶς τούτου χάριν ὑπερο-
прѣзѣрѣнїи имѣи. да помнїтѣ ψїαν νοσεῖτω, μέμνησθω δὲ μᾶλ-
же паѣє Гѣ. рѣкзша свѣтїимъ λон τοῦ Κυρίου εἰπόντος τοῖς ἀγί-
и Апѣломъ «ѿгда все сзтвори- οῖς Ἀποστόλοις, «ὅταν ταῦτα πάν-
тє». ѡвѣ же ико повелѣнаѣ вамъ та ποιήσητε· ὁῆλον δὲ ὅτι τὰ

³⁾ не имѣю.

⁴⁾ провадѣмъ.

«Глаголете. ꙗко неключими ра-
би есмь. и еже длзньни бзи-
хомъ. сзтворити сзтворихомъ». διατεταγμένα οὗτοις, «λέγετε ὅτι
«всѣмъ во рече възносимъ». δοῦλοι ἀχρεῖοι ἐσμεν, καὶ ὁ ὠφεί-
сзмѣрится. сзмѣрими же себе λομεν ποιῆσαι πεποιήκαμεν».
«взнесеться». «πᾶς γάρ», φησιν, «ὁ ὠφὼν ἑαυ-
τὸν ταπεινωθήσεται, ὁ δὲ ταπει-
νῶν ἑαυτὸν ὠφωθήσεται»⁵⁾.

Слазшасте ли вратіе. какъ плодъ приносѣть сзмѣрение.
слазшасте ли скорое⁶⁾ милосръдїе Бжїе. слазшасте ли скорое
оуслышаніе млтвзи. призывающіихъ сзмѣреномъ доушею. и
сзкроушеномъ сръдцемъ. кзто видѣ. кзто слазша такова.
тзкъма во еже ѿвѣрже всѣмъ величїаніе. и всѣмъ сзмѣрение
взсприятъ. сзнїде оправданъ въ домъ свои. такъ вѣ Иовъ⁷⁾.
такъ вѣ Авраамъ. такъ вѣ Иаковъ. такъ вѣ Иосифъ. такъ вѣ
Иоси. тѣмъ же и блажими соуть. блажени нищии дѣхъмъ ꙗко
тѣхъ єсть црѣвіе небесьское. тѣмъ же и мзи негда възходимъ⁸⁾
въ цркви. Божїи. молитиса ѿ грѣсѣхъ своихъ не въздвиг-
нѣмъ гласа своего. ни лихо словесьствоумъ. ꙗкоже мзиу-
ници творять. все во то ѿтз величїанїа раждається нз оуми-
леною волєю ꙗкоже прѣдъ собою грѣхъ своихъ зръще. тако
молимса прѣмилостивоуому Богу. нѣсть во ѿ иного сзпа-
сєніе. такъ повѣсти и притѣа имоуще. хрѣстолюбїи. не мо-
зѣмъ величїатиса. тѣмъ во сз небесъ падоша ангели. нз мзи
сзмѣрениемъ. възидемъ на нѣса. да наслажшесѣ нѣскааго
пѣнїа. прославимъ Оца и Сына и Сѣлааго Духа. єдиноаго
истиннааго Бѣ нашего. ємоу же слава. чѣсть дръжава. нзїнѣ
и присно и въ вѣки вѣкомъ. аминь.

14.

Въ нѣд. мѣ. поѣ. тѣжде. Златоуѣ. сѣка. еѣа. ѿ Мѣ.
Бесѣда 47-я (лл. 210—215 об.; пет. 141—144 об.).

Братіе възлюбленїа. сзверѣтесѣ и послушанте оумно.
и прїлежно. страшна и грозьна словеса. на сїсєніе всѣхъ родъ

⁵⁾ Cramer... t. II, p. 132—133.

⁶⁾ ядро вм. скорое.

⁷⁾ такъ вѣ Иовъ читается послѣ Иосифъ.

⁸⁾ клязнимъ.

ѣлѣмъ рѣюща. и възвримъ хотѣши взи́ти соуздъ всемоу міроу.
въобразимъ. какъ блаженства. тзгда вѣдоуть. сзхранѣшимъ
чиста. и все порока заповѣди Гѣмъ. какъ же клятвзи¹⁾ при-
моуть. нерождѣши о своемъ житїи. ни сзхранѣши словеса
Хѣмъ. тоу во сзверетсѣ ꙗкоже на тзрзѣ. ли на позорищи всѣхъ
родъ ѣлѣмъ. не крѣстїанни во тзую тѣ станууть. нз і непри-
частїи стїа вѣрзи. тѣмъ же оуготовимсѣ. не тзую послу-
шати. нз и сзтворити. плодъ извѣщаємъ заповѣдї. єи поноу-
димсѣ. зѣло во възведоуть нзи. на краини степень добръа
дѣтели. и пользы вѣдоуть доушамъ нашимъ. се во и азъ
пакъ приходъ дньсь. къ вашей любзви. Златоуста наставника
прѣдълагаѣмъ Хѣмъ словеса прозѣбающа. алуьнамъ дшамъ. и ꙗкоже
врашномъ оухлѣваща. не грѣци во тзую обогатишасѣ оѣмъ
симъ. нз и словѣнскїи родъ. мнїмъ попьранъ взи́тъ всеми.
нз о немъ же сѣ сзвѣрахомъ. сзконьчїимъ. се во рѣхъ нзїнѣ
наѣхъ. Бѣ призвавше молитвами вашими. подающїюумъ нѣ
нѣмъ нзыкъ. наѣнаѣшю сїце.

Понеже оубо нзїнѣ²⁾ бєуѣстїи. Ἐπειδὴ νῦν ἐν ἀτιμίᾳ παρεγέ-
и въ досаждєніи³⁾. νετο ὁ Υἱὸς τοῦ Θεοῦ, καὶ Θεὸς
Бжїи. истиннїи. и⁴⁾ Бѣ нашъ ἡμῶν ὁ ἀληθινὸς, καὶ ὕβρεσι καὶ
сєго ради рече. «негда придетъ ἀνείδεσι, διὰ τοῦτο φησὶν· «ὅταν
снъ ѣоловѣуьскїи въ славѣ ἔλθῃ ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου ἐν τῇ
своеи» и проуче. сирѣуь. въ δόξῃ αὐτοῦ» καὶ τὰ ἐξῆς, τοῦτέ-
второе пришествїе свое. ище στιν ἐν τῇ δευτέρᾳ αὐτοῦ παρου-
же и поне распїтїе близъ вѣ. σίᾳ· ἔτι δὲ καὶ ἐπειδὴ ὁ σταυρὸς
вещь мнїма. поносима взи́ти. ἐγγὺς ἦν, πρᾶγμα δοχοῦν ἐπὶ νεί-
сѣдище оно прѣдъ лицемъ при- διστον εἶναι, ὅπ ὅψιν ἄγει τὸ δι-
водитъ и. всѣхъ вселєнжїхъ прѣдъ- καστήριον ἐκεῖνο, καὶ τὴν οἰκου-
ставлїеть. и нѣса истѣшима. μένην περιστήσιν ἀπασαν, καὶ
всѣхъ во стїи англїи. прїдѣтъ ѣ τοὺς οὐρανούς κενουμένους· πάν-
нимъ рече. ꙗко ради. и ти τες γὰρ οἱ ἅγιοι ἄγγελοι παρέσον-
сзведетельствѣюще тзгда. ꙗко ται μετ' αὐτοῦ, φησί· τίνος ἐνε-
послжїшѣ разлїчно сзлєми κεν; μαρτυροῦντες καὶ αὐτοὶ, ὅσα

¹⁾ заповѣди вм. клятвзи.

²⁾ къ add.

³⁾ и поношение add.

⁴⁾ и om.

сѣпасѣмъ. на сѣсеніе ѹлѣкомъ. и всѣгда страшнѣе бѣдетъ тѣгда днѣ тѣ. и «сѣберуѣтъсѣ рече вси мѣзѣци». сирѣчь въсь родъ ѹлѣвъскъ.

«И отзлѣуѣтъ ⁵⁾ и отъ себе ꙗкоже пастѣхъ овѣцѣ». нѣинѣ бо сѣтъ не ѡлоуѣени. нѣ сѣмѣшени. разлѣуѣние же тѣгда вѣдетъ сѣ въсѣкомъ испѣтаніемъ. оваѣе и отъ стоимѣи ихъ разлѣуѣтъ. и ꙗвлѣтъ ихъ. веле ⁶⁾ же и отъ именъ. образа когѣждо показѣтъ. ови козлищѣ нариѣмъ, овѣи же овѣцѣ. да овѣхъ не плодовиѣе показѣтъ. ни кѣи же бо плодъ отъ козлища вѣиваетъ. овѣхъ же многа привѣзѣтъ. многа бо привѣзѣтъ овѣцѣ вѣиваетъ отъ вѣанѣи. и отъ млѣка и отъ природа. сего же всего лихъ ꙗстъ козлищѣ. нѣ скотъ ꙗстъствомъ ꙗстъ. плодѣнъ и не плодѣнъ. они же волеѣтъ. да того ради мѣжимъ сѣтъ они. сѣи же вѣнѣуѣми.

Не пѣрвѣе же ихъ мѣжитъ даже не пѣритсѣ сѣ нѣми. тѣмъ же и поставѣ мѣ. наѣитѣтъ винѣи. «ѣже вѣзалѣхъ. и не дастѣ ми мѣсти». и проѣѣе. они

⁵⁾ ѡлоуѣитъ.

⁶⁾ колю.

διηκόνησαν πεμπόμενοι διαφόρως παρὰ τοῦ δεσπότου, πρὸς τὴν τῶν ἀνθρώπων σωτηρίαν· καὶ πανταχόθεν φρικώδης ἡ ἡμέρα ἐκείνη τότε ἔσται· καὶ «συναχθήσονται», φησί, «πάντα τὰ ἔθνη», τοῦτέστι πᾶσα ἡ τῶν ἀνθρώπων φύσις.

«Καὶ ἀφοριεῖ αὐτοὺς ἀπ' ἀλλήλων, ὥσπερ ὁ ποιμὴν τὰ πρόβατα». νῦν μὲν γὰρ οὐκ εἰσὶν ἀφωρισμένοι, ἀλλὰ ἀναμῖξ, ἡ δὲ διαίρεσις τότε ἔσται μετὰ ἀκριβείας ἀπάσης· καὶ τέως ἀπὸ τῆς στάσεως αὐτοὺς διαιρεῖ καὶ ποιεῖ δήλους· εἶτα καὶ ἀπὸ τῶν ὀνομάτων τὸν ἐκάστου τρόπον ἐνδείκνυται, τοὺς μὲν ἐρίφια καλῶν, τοὺς δὲ πρόβατα· ἵνα τῶν μὲν τὸ ἀκαρπὸν δεῖξῃ, οὐδεὶς γὰρ ἀπὸ ἐρίφου καρπὸς γένοιτ' ἂν, τῶν δὲ τὴν πολλὴν πρόσδοον· καὶ γὰρ πολλὴ τῶν προβάτων ἡ πρόσδοος, ἀπὸ ἐρίου, ἀπὸ τε γάλακτος, ἀπὸ τε τῶν τιχτομένων· τούτων δὲ ἔρημος ὁ ἐρίφος· ἀλλὰ τὰ μὲν ἄλογα ἀπὸ φύσεως ἔχει τὸ ἀκαρπον, ἐκεῖνοι δὲ ἀπὸ προαιρέσεως· καὶ διὰ τοῦτο κολάζονται μὲν ἐκεῖνοι, στεφανοῦνται δὲ οὗτοι.

Οὐ πρότερον δὲ αὐτοὺς κολάζει, ἕως οὔ δικάσῃται πρὸς αὐτοὺς. διὸ καὶ στήσας αὐτοὺς, λέγει τὰ ἐγκλήματα, τὸ «ἐπέινασα καὶ οὐκ ἐδώκατέ μοι φαγεῖν» καὶ τὰ ἐξῆς·

же сѣ оумилениемъ вѣшѣтъ. нѣ оуже никаѣ же польза нѣмъ вѣиваетъ и зѣло же вѣ лѣпотѣ. ꙗко сѣю вѣщѣ нѣтѣтъ прѣмѣноушѣ. пророци бо въсѣ о сѣмъ глѣахъ. «милости хощѣ а не жѣртѣ». и законодавѣць всѣмъ на сѣбѣ жѣдаше. и глѣмъ и вѣщѣмъ. и само же ꙗстъство сѣказашѣ.

Подобаетъ же сѣмотрити. и льгости ⁷⁾ заповѣдин. не рече бо ꙗко вѣ тѣмънищѣ вѣхъ не избавистѣ мене. боль вѣхъ не исцѣлѣистѣ мене. нѣ ꙗко не посѣтѣистѣ мене. нѣ не придостѣ кѣ мѣ.

Поѣто же и вратѣи и оумѣленѣи нареѣтъ нищѣи. понеже сѣмѣрени и нищи. и отѣвѣржени сѣтъ. таковѣхъ бо паѣе вѣ вратѣство нареѣтъ ⁸⁾. неврѣгомѣи хъ не ѣрьница тѣѣи глѣж. и живѣища вѣ горахъ. нѣ всѣкого вѣрна. аще бо и же нѣтѣтъ вѣдетъ. алыѣнъ же и глѣдѣнъ. и нагъ и странѣнъ. всего сего прилежанѣи велѣтъ наслажатѣсѣ ꙗмъ. врата бо творитъ кѣщениѣ. и приѣстѣи сѣѣхъ тѣнъ ⁹⁾.

Пѣрвѣе же исправѣи хъ вѣ-

⁷⁾ лгости.

⁸⁾ некрѣдомѣхъ add.

⁹⁾ тѣнѣ.

οἱ δὲ μετὰ ἐπιεικείας φθέγγονται, ἢ οὐκ ἔστιν αὐτοῖς ὄφελος λοιπὸν, καὶ μᾶλα εἰκότως· ὅτι πρᾶγμα οὕτω περισπούδαστον παρέδραμον· καὶ γὰρ οἱ προφηταὶ ἄνω καὶ κάτω [τοῦτο] ἔλεγον· «ἔλεον θέλω καὶ οὐ θυσίαν»· καὶ ὁ νομοθέτης διὰ πάντων εἰς τοῦτο κατενῆγεν, καὶ διὰ ῥημάτων καὶ διὰ πραγμάτων· καὶ αὐτὴ δὲ ἡ φύσις τοῦτο ἐπαίδευεν...

Χρὴ δὲ σκοπῆσαι καὶ ἐπιταγμάτων τὸ ἐλαφρόν· οὐ γὰρ εἶπεν· ἐν φυλακῇ ἤμην, καὶ οὐκ ἀπηλθὲν ἐξέστατέ με, ἄρρωστος ἤμην, καὶ οὐκ ἀνεστήσατέ με, ἀλλ' ὅτι οὐκ ἐπεσκεψασθέ με, οὐδὲ ἦλθετε πρὸς με.

Διατί καὶ ἐλαχίστους καὶ ἀδελφούς καλεῖ τοὺς πτωχοὺς· ἐπειδὴ ταπεινοὶ καὶ πένητες καὶ ἀπερριμμένοι ὑπάρχουσι. διὰ τοῦτο καὶ ἀδελφοί· τοὺς γὰρ τοιοῦτους μάλιστα εἰς ἀδελφότητα καλεῖ, τοὺς ἀγνώστους, τοὺς εὐκαταφρονήτους, οὐχὶ τοὺς μοναχοὺς μόνους λέγων, καὶ τοὺς τὰ ὄρη κατεिल्φότες, ἀλλ' ἕκαστον πιστὸν, ἂν βιωτικὸς ὑπάρχῃ, πεινῶν δεῖ καὶ λιμώτων, γυμνὸς καὶ ξένος· πάσης αὐτὸν τῆς ἐπιμελείας ἀπολαύειν βούλεται· ἀδελφὸν γὰρ τὸ βάπτισμα ἐργάζεται, καὶ ἡ τῶν ἀχράντων μυστηρίων κοινωνία.

Πρότερον γὰρ τοὺς κατωρθωκό-

лѣть. да о сѣмъ покажетъ прав-
дѣи сѣдѣ. «придѣте глѣ блго-
словеніи оца моего. наслѣдите
оуготованое вамъ цѣство. отъ
сзложениа вѣка». веле ¹⁰⁾ koliko
блгъ юсть достоинно имѣ се.
юже блгословеномъ взити. и
оцмъ блномъ. юще же. да не
научнѣтъ они пѣрвѣе. ѡсж-
ждѣніи глѣти. тако не вѣ нико-
гоже. юмже взихомъ добро-
творили. югоже ради клеветѣ
и осжждѣнѣтъ. юкоже вѣмъ дѣ-
вы мждрѣми дѣвами. и пынаго
раба. вѣрнѣмъ рабомъ. и по-
грѣбѣшаго талантъ. сжгѣнѣ
шимъ. и кождо отъ грѣш-
никъ. исправльшими. богатѣхъ
богатыи. и оубогѣхъ оубогѣ
прѣтѣкаютъ.

Не рече же приметъ оугото-
ваное вамъ цѣствие. нз наслѣ-
дите. да покажетъ прѣспѣж-
шии даръ блгодати. юко же
свое бо рече. юкоже оѣе. юкоже
ваше. юко сзвыше длжно сжѣ-
вамъ. тако наслѣдите. даже бо
взи не вѣсте зготовахъ ю. и
приготовахъ вамъ. понеже вѣ-
дѣхъ такѣ бжжѣи взи. сзмо-
тримъ же за что толико приѣм-
лѣтъ. за поитѣ. за ризѣ за
хлѣбѣ. за вода стжденѣж. за
посѣщеніе. за възхожденіе юже
вз тѣмниѣж.

¹⁰⁾ колѣе.

τας ἐπαινεῖ· ὅπως καὶ ἐν τούτῳ
δείξῃ τὸ δίκαιον τῆς ἀποφάσεως,
«δεῦτε» λέγων, «οἱ εὐλογημένοι
τοῦ Πατρὸς μου», καὶ τὰ ἐξῆς.
ὅσον ἀγαθῶν* τοῦτο τὸ ὄνομα
ἀντάξιον τὸ εὐλογημένους εἶναι,
καὶ παρὰ τῷ Πατρὶ εὐλογημένους·
ἔτι δὲ καὶ ἵνα μὴ πρότερον ἐκεῖ-
νοι καταδικαζόμενοι λέγωσιν, ὅτι
οὐκ εἶχομεν τινὰς πρὸς οὓς ἐργα-
σόμεθα τὸ ἀγαθόν, διὰ τοῦτο ἀπὸ
τῶν συνδούλων αὐτοὺς καταδικά-
ζει, ὡς περ καὶ τὰς μωρὰς παρθέ-
ρους ἀπὸ τῶν φρονίμων παρθένων,
καὶ τὸν δοῦλον τὸν μεθύοντα ἀπὸ
τοῦ πιστοῦ δούλου, καὶ τὸν τὸ
τάλαντον καταχώσαντα ἀπὸ τῶν
διπλασιασάντων, καὶ ἕκαστον τῶν
ἀμαρτανόντων ἀπὸ τῶν κατωρθώ-
κόντων. καὶ γὰρ πλουσίους πλουσί-
οις, καὶ πένητας πένησι παραβάλλει.

Οὐκ εἶπε· λάβετε τὴν ἡτοιμασ-
μένην ὑμῖν βασιλείαν, ἀλλὰ «κλη-
ρονομήσατε». ἵνα δείξῃ τὴν ὑπερ-
βάλλουσαν τῆς χάριτος δωρεάν·
ὡς οἰκεῖα γὰρ φησιν, ὡς πατρῷα, ὡς
ὀμέτερα, ὡς ὑμῖν ἄνωθεν ὀφει-
λομένην, οὕτως αὐτὴν κληρονομή-
σατε· πρὶν γὰρ ὑμᾶς γενέσθαι,
ταῦτα ὑμῖν ἡτοιμάσται παρ' ἐμοῦ
καὶ ἡὐτρέπισται, ἐπεὶ δὴ ἤδειν τοι-
οῦτους ἐσομένους ὑμᾶς. σκοπήσω-
μεν δὲ ἀντὶ ποίων τοσαῦτα λαμ-
βάνουσιν, ἀντὶ στεγῆς, ἀντὶ ἱμα-
τίου, ἀντὶ ἄρτου, ἀντὶ ὕδατος ψυχ-
ροῦ, ἀντὶ ἐπισκέψεως, ἀντὶ εἰσόδου
τῆς εἰς τὸ δεσποτήριον.

Онѣмъ же рекъ «отидѣте отъ
мене проклѣтїи». не рече оцмъ
моимъ. не тѣ во я проклѣтѣ.
нз своа ихъ дѣла. нз ни сего
же рече вѣ огнь вѣчнѣи. оуго-
тованѣи вамъ. нз дїаволѣ и
анѣломъ юго. цѣство бо рече
вамъ оуготовахъ. и огнь не
нз дїаволѣ и анѣломъ
юго. понеже бо взи сами себе
взврьжете. зане нѣсте напѣтѣли.
ни оцѣли. ни постѣ-
тили. севѣ винѣ. напишете.

Оубоимъ сѣмъ възлѣбленіи. сѣ
сзвѣщаѣе. и разжмѣвѣше та-
ковъ. и толико блгъ оуготова-
ніе. и не сзтѣрѣнѣи и вѣчнѣ-
нѣи мжкѣи осжждѣніе. потѣ-
щимъ сѣмъ. богатѣи и чїстоѣ ¹¹⁾
милостїи. вѣчнѣи хъ и неиспо-
вѣдимъ блгъ наслѣдїици взити.
неконѣуаємъ хъ же мжкѣ. искѣ-
шенїа же ¹²⁾ не приѣти. аѣе
бо и не сзвѣдѣли взихомъ севѣ
грѣхъ. и тако не достоѣше
мждѣи совоѣи не творити ми-
лостїи. нз понеже оубо многомъ
потѣбимъ я отъ себе. поне иже
и држѣи хъ заповѣдїи. држа-
щесѣ. не мотѣмъ же млѣсти
єдинѣи надѣи щесѣ. вздатисѣ

¹¹⁾ чїстою и бгатою.¹²⁾ же отъ.

Ἐκεῖνοι δὲ εἰπὼν «πορεύεσθε
οἱ κατηραμένοι», οὐκ εἶπεν· ὑπὸ
τοῦ Πατρὸς μου· οὐ γὰρ αὐτοὺς
αὐτοὺς κατηράσατο, ἀλλὰ τὰ οἰ-
κεῖα ἔργα, ἀλλ' οὐδὲ τοῦτο εἶπεν,
εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον τὸ ἡτοι-
μασμένον ὑμῖν, ἀλλὰ «τῷ διαβόλῳ
καὶ τοῖς ἀγγέλοις αὐτοῦ». [τὴν
μεν γὰρ βασιλείαν, φησὶν, ὑμῖν
ἡτοίμασα, τὸ δὲ πῦρ οὐχ ὑμῖν,
ἀλλὰ τῷ διαβόλῳ καὶ τοῖς ἀγγέ-
λοις αὐτοῦ.] ἐπεὶ δὲ ὑμεῖς ἑαυ-
τοὺς ἐβάλετε, διὰ τοῦ μὴ θρέψαι
ἢ ποτίσαι, μὴδὲ ἐνδύσαι μὴδὲ
ἐπισκέφασθαι, ἑαυτοῖς τὴν αἰτίαν
λογίζεσθε.

Φοβηθῶμεν, ἀγαπητοί, ταῦτα
ἀκούοντες, καὶ ἐννοήσαντες τῶν
τοιούτων καὶ τοσούτων ἀγαθῶν
τὴν ἐτοιμασίαν, καὶ τῆς ἀφορήτου,
καὶ αἰωνίου κολάσεως τὴν κατὰ-
χρισιν· σπουδάσωμεν ἐν εἰλικρινεῖ
καὶ δαφιλεῖ συμπαθείᾳ, τῶν μὲν
αἰωνίων ἀγαθῶν καὶ ἀνεκδιηγήτων
κληρονόμοι γενέσθαι. τῶν δὲ
ἀτελευτήτων βασάνων, πείραν μὴ
λαβεῖν. εἰ γὰρ καὶ μὴ συνεγινώ-
σκομεν ἑαυτοῖς ἀμαρτίας. οὐδ'
οὕτως ἡμᾶς ἔδει τῆς εἰς ἀλλήλους
ἀμελεῖν συμπαθείας· εἰ δὲ πολ-
λῶν ἀμαρτιῶν ὑπάρχομεν ὑπεύθυ-
νοί, δι' ἐλεημοσύνης πολλῆς, ταύ-
τας ἐξαλείψωμεν προηγουμένως·
καὶ τῶν ἄλλων ἀρετῶν ἀντεχόμε-
νοι, καὶ μὴ τῇ ἐλεημοσύνῃ μόνῃ

пищи. и пианьствж. и любодѣ-
ниѣ. и лихонманиѣ. и гнѣводѣ-
жаниѣ. и зависти и клеветѣ. и
инѣмъ грѣхомъ. зане всемиѣ
великѣ свѣтѣми аглы ¹³⁾ оуучими
есмы повелѣни есмы блжсти.

θαρροῦντες, ἑαυτοὺς τρυφή καὶ
μέθῃ καὶ πορνείᾳ καὶ πλεονεξίᾳ
καὶ μνησικαλίᾳ καὶ φθόνῳ καὶ
καταλαλιᾷ, καὶ ἑτέραις ἁμαρτίαις
ἐκδότους ποιήσωμεν. διότι πάντα
ὅσα διὰ τῶν ἀγίων εὐαγγελίων
διδασκόμεθα τηρεῖν προσετάχθη-
μεν, οὐ τὰ μὲν καὶ τὰ δὲ, ἀλλὰ
πάντα ¹⁴⁾.

Тѣмъже и азъ наказанъ есмы оцѣмъ симъ. молю взѣ оци
и братиѣ и снѣвѣ. блждѣмъ заповѣди Бжїи. и не мозѣмъ
оунзѣти противъ имъ. заповѣди бо єго тѣмъжѣ не сжтѣ.
глѣть бо самъ. «иго мое помазано єсть. и вѣрѣ мое лѣзко
єсть». кѣмъ бо заповѣди вѣдѣть лѣжанишѣ ¹⁵⁾ сѣхъ. что бо
лѣжѣ ¹⁶⁾ посѣтитѣ волащааго. ли присѣтитѣ сжцаго въ тѣмни-
ци. что лѣжѣ ¹⁶⁾ сѣденъи водѣи подати. что лѣжѣ ¹⁶⁾ оукрѣхѣ
подати ли отъ избѣитѣмъ молѣвѣ одѣждю подати. како ли мо-
жемъсѣ ѡвити Хвїи оученици. заповѣди єго не хранишѣ. како ли
оуславишиши блгсловенъи гласъ правдѣникъ. како же ли вѣдемъ
наслѣдници. црѣства нѣснаго. не влѣдѣшѣ. ни дшѣ ни телесъ
своихъ. отъ свѣрѣнъ. сего ради оунишѣшѣ и дѣша и телеса. и
свѣсти наша отъ грѣхъ. истрѣвимъсѣ отъ всѣаго ¹⁷⁾ дѣла. да
свѣтли сѣрашѣмъ єго. єгда хошѣть сѣдѣти всенъ вселенѣи. сла-
вишѣ єдиноаго Бѣ. славиамаго въ Трѣци. Оца и Сна и Сѣго Дѣа.
нзѣнѣ и присно и вѣкѣи вѣкомъ аминѣ.

15.

Нѣ. сѣ. чтоѣ Златоустааго. сѣка. еѣа. ѣ Мѣ. Бесѣда
48-я (син. лл. 215 об.—220; пет. 144 об.—147 об.).

Взлюблении сѣ пакѣи праздѣникъ. сѣ пакѣи благовѣщеніе
дшѣмъ нашимъ. сѣ настаєтъ оунищеніе дшѣмъ нашимъ и тѣ-

¹³⁾ сѣ бѣмъ єѣгалнѣмъ.¹⁴⁾ Cramer... t. I, p. 211—213.¹⁵⁾ лѣгѣчанишѣ.¹⁶⁾ лѣгѣчѣ.¹⁷⁾ зѣла add.

ломъ. сѣ прѣходить теуеніе. подвижанѣмъсѣ дѣховнѣмъ по-
двигомъ. и сѣмотримъ испѣтно. промѣишлѣніе єже на насъ.
неизареуєнѣаго ѣлѣволюбѣи єго. ꙗко ¹⁾ въ мѣмошѣдѣшѣсѣ
неделю. ꙗко вѣкратѣцѣ. ходѣшѣи вѣити вѣселѣнѣскѣи сѣдѣ
прѣдѣставилъ намъ. и поносѣи сѣтворилъ. непослѣшавѣшѣмъ
сѣтыхъ заповѣди єго. ꙗко «понеже не сѣтвористѣ єдиноа
малѣхъ сѣхъ. ни мнѣ сѣтвористѣ». нзѣнѣ о отѣпѣщеніи грѣха
глѣть. нзѣ понѣже въ єѣнѣгѣли сѣ оученіе прѣдѣ ложѣть [sic] ²⁾.
оно же послѣди. никѣтоже заѣираи. ꙗко сѣце оци намъ прѣ-
даша. подобно дѣи. и оуученіе творѣшѣ. тѣмъ же и азъ дѣ
оумилѣнѣи. молюсѣмъ вамъ оци вѣрѣи и снѣвѣ. хошѣшѣ въ сѣ
дѣврѣи стаѣи поста вѣнѣти ³⁾. отѣпѣстѣмъ кѣждо искрѣнѣоумъ
своємъ. прѣгрѣшѣниа ихъ отъ дѣшѣ нашихъ. любѣ равѣ любѣ
свѣбѣдѣнъ. да наслѣдѣници црѣства Бжїи вѣдемъ. искрѣнѣаго бо
творѣть свѣтоє крышеніе. и приѣастѣе прѣѣнѣстѣ тѣнѣи. и сѣ
єсть ѣвѣ вѣдѣти сѣѣжѣ литѣргѣи. єгда бо сами сѣмъ вѣзлюбѣмъ.
и отѣпѣстѣмъ кѣждо искрѣнѣоумъ своємъ. тѣгда и овѣшѣнѣи.
прѣстѣи жѣрѣтѣи вѣдемъ. нзѣ о нѣмъ же вѣи сѣзѣвахѣмъ. Зѣла-
тоуста наставѣника по Бѣѣ прѣдѣ совоѣи поставѣшѣ. отѣнѣдѣ
же оувратѣхѣмъсѣ. вѣзвратѣмъсѣ єсть бо сѣце.

Рекъ бо овѣи Сѣсѣ «ѣѣ Вѣпѣи, «ѣѣν ἀφ᾽ ἡτέ τοῖς ἀνθρώ-
отѣстѣтѣ. чѣлѣкомъ прѣгрѣшѣ- ποῖς τὰ παραπτώματα αὐτῶν» καὶ
ниа ихъ» и проѣє. пакѣи и τὰ ἐξ᾽ ἡς, πάλιν καὶ διὰ τούτων ἐν-
сѣми посрамѣти хошѣтѣ послѣ- τρέφαι τὸν ἀχροατὴν βούλεται, [τοῦ]
шатѣмъ. Оца и сѣа ⁴⁾ помѣнѣвѣ. Πατὴρ καὶ [τῶν] οὐρανῶν μνημο-
сѣи бо такоа Оца сѣнъ. и на νεύσας. ὁ γὰρ τοιοῦτου Πατὴρ ὢν
нѣса вѣивъ зѣванъ ни вѣрѣсѣ ⁵⁾ υἱός, καὶ πρὸς τὸν οὐρανὸν κληθεῖς,
правѣдѣнъ оубѣ вѣдѣть. нѣ зѣмно οὔτε ἐκθηριοῦσθαι δίκαιος ἂν εἴη.
что мѣдарѣствѣи. нзѣ скоро сѣмѣ- οὔτε γῆινόν τι καὶ βιωτικὸν ἔχειν
ратѣсѣ кѣ сѣгрѣшѣнѣимъ. и φρόνημα, ἀλλὰ ταχέως διαλάττε-

¹⁾ сѣзѣаѣ вѣмъ. ꙗко.²⁾ лѣжитѣ.³⁾ ꙗкоже прѣдѣаши намъ кѣкѣишѣ испѣрка самѣкѣдѣи и сѣлѣгѣи сѣлѣсѣи
такѣ дѣжѣшѣ. да сѣкорѣмъ покѣлѣнѣи єѣсоко. помѣнѣ кѣсѣи дѣи кѣхѣдѣшѣ.
ꙗкоже рѣчѣ ѣпоѣстѣи и т. д. н. вѣмъ. тѣмъ—єѣнѣи.⁴⁾ и ꙗко вѣмъ. сѣа.⁵⁾ Нужно читатѣ: ни зѣкѣрѣсѣи.

лико подобаетъ миловати пав-
лають. рекъ не сѣкрѣивають.

Еще же и земнаго сѣкровища
врѣдъ глѣть. чѣрвьми и мольми
тылѣища. и татѣми подѣкапа-
ваемъ. и нѣсѣскаго пользъ.
не крадомъ прѣвѣиваища. и по-
неже идеже есть сѣкровище
ульвѣско. тѣ и сѣдце его. аще
во нижними. пригвожденъ воу-
деша рече. не малъ пакость
примеши. раба въ свѣбодѣ
мѣсто вѣиваи. и сѣ небеса ѿпа-
даи. оумови прилѣплени имѣ-
ниѣ. ꙗко пѣзъ гробѣ привѣ-
занъ всѣкомъ оужьмъ желѣзньмъ
лющеню. мжѣниемъ имениѣ. и
приходѣишѣхъ ламъ. ꙗдино се
дѣло имѣи вѣинно ⁸⁾. еже
имѣи храни имѣи. аще
ли се дѣло оставѣ. паѣе вѣиш-
ниимъ приуѣтеши подаиимъ.
великиѣ ти вѣдетъ приѣвѣишѣхъ и
негѣвѣимъ.

Слышасте ли силъ словеса. видѣсте ли оуѣение прѣмѣдро.
слышасте ли како ти велитъ поститѣсѣ. кто видѣ сицеѣо вѣиѣ.
кто ли слыша коли сицеѣо оуѣителѣ. не оставѣетъ ни ꙗдиноѣо

⁸⁾ У Златоуста (h. 20, n. 3, p. 263B): τάφρω = къ ямѣ.

⁹⁾ кыноу.

¹⁰⁾ Cramer... t. I, p. 46—47.—Греческій текстъ катенъ воспол-
ненъ вставками большею частію изъ cod. Bodl. (Cramer, I, 476);
ихъ источникъ — Joh. Chrysost. in Matth. h. 19, n. 7, hom. 20,
pp. 1. 2, pp. 255B. 259D. 260BC. 261.

καὶ πόσον ἐλεεῖν χρὴ δείχνουσιν],
εἰπὼν «μὴ θησαυρίζετε».

Ἔτι δὲ καὶ τοῦ ἐπιγείου θη-
σαυροῦ τὴν βλάβην λέγει, ὑπὸ
σητὸς καὶ βρώσεως ἀφανιζομένου
καὶ ὑπὸ κλεπτῶν διορτυττομένου,
καὶ τοῦ ἐπουρανίου τὴν ὠφέλειαν
ἀσύλου διαμένοντος. καὶ ἐπειδὴ-
περ ὅπου ὁ θησαυρὸς τοῦ ἀνθρώ-
που, ἔχει καὶ ἡ καρδία αὐτοῦ·
ἐὰν μὲν τοῖς κάτω προσηλωμένοις
ὑπάρχῃς, φησὶν, οὐ μικρὰν ὑπο-
στήσῃ βλάβην· δοῦλος ἀντ' ἐλευ-
θεροῦ γενόμενος, καὶ τῶν οὐρα-
νῶν ἐκπίπτων· τῆς διανοίας προ-
σηλωμένης τοῖς χρήμασιν, καὶ
ὥσπερ κύων τάφῳ ⁸⁾ προσδεδεμέ-
νος ἀπάσης ἀλύσεως* χαλεπώτε-
ρον τῇ τῶν χρημάτων τυραννίδι.
κατὰ τῶν προσιόντων καθυλακ-
τῶν, ἐν ἔργῳ ἔχων τοῦτο διηγε-
κῶς, τὸ τηρεῖν ἑτέροις τὰ κείμε-
να· ἐὰν δὲ τοῦτο τὸ ἔργον ἀφεί-
μαλλον τοῖς ἄνω χωρίοις συνάψῃς
τὸν νοῦν διὰ τῆς ἐπιδόσεως, μέγα
σοῦ ἔσται τὸ κέρδος καὶ ἀμείω-
τον ¹⁰⁾.

же пѣти пагѣвна. иже не сѣкажетъ намъ. да не ходѣмъ по
немъ. уоловѣколювьѣ бо. и мѣсразнъ. творѣць есть. и не
хощетъ сѣмѣрти грѣшныѣмъ. ꙗко ¹¹⁾ еже обратитсѣ и жити
немъ. милжите бо рѣ. нѣ не на лица. не ꙗдиноѣо оуѣедрити а
дрѣгаѣо ни. нѣ ꙗкоже самъ глѣть. всѣкомъ просѣишѣмъ оу
тебѣ даи. творѣи бо милость тѣшеславно. имѣниѣ погѣбитъ. и
мѣзди не имѣи. ꙗкоже бо раздаваи имениѣ свое. лѣсѣе же
не имѣи. мѣзди не имѣи. такоже и сѣ. оѣе бо тѣуно. тѣмъ
же о вратіѣ оубѣжимъ злаѣо сѣо коренѣ. вѣзвратѣи вѣспрь
горестъ. сѣпинаищаѣо шѣстиѣа наша ꙗже на бѣиѣ. злаѣо
сѣо чѣрви. грѣзѣищаѣо коренѣ а вѣрхѣи сѣища сѣтворимъ
сѣе дрѣгѣи. отъ мамонѣи неправѣди. сирѣѣи зѣмнѣимъ. име-
ниѣмъ. остаиѣиимъ и по сѣмѣрти. не мѣзѣмъ оставити ꙗго
на землі. идеже и томъ не вѣзвратимсѣ. нѣ на нѣсе ꙗкоже нѣи
вѣдетъ ити по облакомъ на сѣрѣтениѣ Господнѣ немѣже слава
сѣ Оѣемъ и Сѣымъ Дѣмъ нѣинѣ и присно и вѣкѣи вѣкомъ аминъ.

16.

Тогожде. Златоустаѣо. ꙗ. нѣ пѣ. сѣкѣ. еѣѣ. ѿ Иѣѣ.
Бесѣда 49-ѣ (син. лл. 220—224; пет. 177 об.—149 об.).

Чада възлюбленѣи. благо врѣмѣи нѣинѣ наста. възгласити
Павлова словеса къ вамъ и рѣци. раджитесѣ о Гѣи вѣсѣгда. и
гакѣи рекъ раджитесѣ. послѣшаниѣе вѣше познано вѣди всѣмъ
улькомъ. Гѣи близъ ниѣимъже пѣѣтесѣ. нѣ на милостѣиѣи. и
на послѣшаниѣе. и на постъ оупразнитесѣ. не на постъ вѣашнѣи.
нѣ на постъ всѣкомъ злоѣи глѣть Гѣи. Исаниѣмъ ¹⁾ пророкѣмъ.
ѣгда сѣ постиши. раздрѣиши всѣкѣи сѣжѣи неправѣднѣи. отъсѣиши.
сѣкрѣшенѣи на ѿпѣиѣиѣе. сирѣѣи свѣаѣи. сѣища оу тебѣ
работѣи даи алуѣишѣомъ хлѣѣи свѣи. ѿ дѣи своѣи. аще оузриши
наѣа одѣѣи странѣиѣиѣи бесѣровнѣи. възведи въ домъ свѣи. и ѿ
приснѣиѣи плѣменѣи твоѣи не прѣзри. аще сѣо всего не сѣтво-
риши. ни аще сѣлѣѣиши ²⁾ ꙗко и прѣтокъ вѣиѣи своѣи. и тако

¹¹⁾ паче.

¹⁾ Исѣи, 58, 5—7.

²⁾ нѣ аще сѣѣриши.

не приютѣнъ вѣдѣши мѣноу. гл҃ѣ Гб҃ Вседѣржитель. сица съвѣ-
дѣтельствѣ имѣѣе братіе отъ бѣдѣхуновѣннѣхъ книгѣ. постимсѣ
ѣкоже подобно и лѣпо естъ сѣимъ гл҃ѣ во самѣ. вѣдѣте сѣи.
ѣкоже азъ сѣи есмѣ. званіи нѣсѣскаго приуѣстни. идеже
житіе наше естъ. нѣ о нѣмѣже съворѣ вашъ сѣи съзвѣхомъ.
на то настѣпимъ естъ во сице Златоуѣстомъ съказѣмо.

Андрѣа оубо сазншавъ отъ
Прѣдзтеча. послѣдова Хѣи а
Петръ отъ Анздрѣа. Филипъ же
ни отакъждъ же. нъ се тѣхъ
рекшю Хѣи къ немъ. «послѣди
ми». тѣхъ вѣржъ авинѣ. и не отъ-
иде. нъ и проповѣдникъ проу-
имъ вѣдѣаетъ. тѣмъ бо къ На-
ѣанѣилю. «негоже напса рече
Шоси и прѣрѣци. овѣрѣтомъ».
първое же оубо. занѣ сздѣа въ
немъ нѣхъто Хѣвъ гла въторое
же занѣ прилежаниа многа имѣа-
ше оумнаа. и ѹмсто ѹтъзи книгъ
Шосѣовъ. ѹааше прѣшьствию³⁾
него. неже бо «овѣрѣтохомъ».
искъщинухъ несть образъ.

Глѣть же всѣ Филиповѣ еван-
гелистѣ, да оувѣмъ по нѣ симъ Хри-
сту. яко не имѣющимъ ни еди-
ного же плода, избѣраныхъ оуче-
никъ избѣралъ, къ Иосифови же
и пророкомъ Нафанаила посла
Филиппъ, да извѣстно сѣтворитъ
проповѣданіе. хитръ бо бѣ
Нафанаилъ, и все испитаѣ въ исти-
нѣ, якоже и Христъ сѣвѣдѣтельствова

3) ОУЧЕСТИНА.

Ὁ μὲν Ἀνδρέας ἀκούσας παρὰ τοῦ προδρόμου ἠκολούθησε τῷ Χριστῷ, καὶ ὁ Πέτρος παρὰ τοῦ Ἀνδρέα· ὁ δὲ Φίλιππος ὄθεν; παρ' οὐδενὸς μαθὼν οὐδὲν, ἀλλὰ τοῦτο μόνον* εἰπόντος τοῦ Χριστοῦ πρὸς αὐτόν, «ἀκολουθεῖ μοι», ἐπέσθη τε εὐθέως, καὶ οὐκ ἀνεχώρησεν, ἀλλὰ κήρυξ ἐτέροις γίνεται. Δραμὼν γὰρ ἐπὶ τὸν Ναθαναήλ, «ὄν ἔγραψε», φησί, «Μωυσῆς καὶ οἱ προφῆται, εὐρήκαμεν». Πρῶτον μὲν διὰ τὸ τὴν φωνὴν τοῦ Κυρίου ἐργάσασθαι τι ἐν αὐτῷ· ἔπειτα δὲ καὶ διὰ τὸ μεμεριμνημένην διάνοιαν ἔχειν, καὶ συνεχῶς μελετᾶν τὰ Μωυσέως, καὶ προσδοκᾶν τὴν παρουσίαν αὐτοῦ. καὶ γὰρ τὸ «εὐρήκαμεν» ζητούντων ἐστὶν αἶψι.

Δέγει δὲ καὶ τὴν κόμην τοῦ
Φιλίππου ὁ εὐαγγελιστής, ἵνα μά-
θωμεν κάντεῦθεν τὴν τοῦ Χριστοῦ
δύναμιν· ὅτι ἀπὸ τῆς οὐδένα φε-
ραύσης καρπὸν τοὺς τῶν μαθητῶν
ἐκκρίτους ἐξελέξατο. Ἐπὶ δὲ τὸν
Μωυσέα καὶ τοὺς προφῆτας τὸν
Ναθαναὴλ ὁ Φίλιππος παρέπεμ-
ψεν, ἵνα ἀξιόπιστον ποιήσῃ τὸ
κήρυγμα· καὶ γὰρ ἦν ἀκριβὴς καὶ
πάντα διεσκεμμένος ὁ Ναθαναὴλ

<p>него. и дѣло явило. «снѣ же Посифова» нарѣ. занѣ еше снѣ него мнимъ вѣ.</p>	<p>μετὰ ἀληθείας, ὡς καὶ ὁ Χριστὸς ἐμαρτύρησεν αὐτῷ, καὶ τὸ ἔργον ἔδειξεν. «Υἱόν» δὲ «τοῦ Ἰωσήφ» εἶπεν, ἐπεὶ δὴ τούτου τέως εἶναι παῖς ἐνομίζετο.</p>
--	---

Гл҃ѣть же «отъ Назареѡ
можетли ѹто добро вѣѣти». заніе
слыша ѿ книгъ. ꙗко отъ Фиѡлео-
ма подоваѣть Х҃ѣ прити. иже
«грѣди и виждь» рече Филиппъ
вѣѣаше во юже ꙗко не отвѣстѣ-
питъ. аще словесъ и оуѹенна
вѣжсѣтъ Х҃ѡва.

Хвалимъ же вѣваемъ Хмъ и
уѣдимъ. ꙗко вѣистинъ излитъ
ниъ лъсти не имъи. зане ни
уесо же на лица ни ласка из
дрече. не вѣшъ бо глѣ невѣ
ржища мжжъ. нъ нелицѣмѣрна.
тѣмъ же и волю ѣже имаше
о немъ. ꙗко нѣсть отъ Наза
реѣа. тж прѣвѣи имѣа. како же
него назарѣнина пррци наричѣтъ.
отъ възпитениѣ. и зане тж
живѣаше. а еже рече «отъкжѣ
мъ знаеши». ꙗко не ослабѣ
похвалениемъ. ни развеличасѣ⁴⁾
хвалами. нъ и еше. ищетъ и
тѣжетъ испитно. хотѣ нѣуто
мѣнѣе оувѣдѣти.

УѢТО НЕСТЬ «НЕЖЕ ПРѢЖДЕ ДА-
ЖЕ ТЕБЕ ФИЛИПЪ НЕ ВЪЗГЛАСИ.
4) ИИ РАЗЛОУЧАЕТЕ.

ПОДЪ СМОКОВНИЦЕЮ ВИДѢХУЗЪ ТѢ».
 НЕЖЕ ВЪ ТЪ УАСЪ. НЕГДА ПОДЪ СМО-
 КОВНИЦЕЮ. НИКОМЖЕ НЕ СЩЩ.
 ФИЛИПЪ СЪ НАФАНАЗЪМЪ. О ХѢ
 ВѢСѢДОВАШЕ. ДАЖЕ НЕ ПРИВЛИ-
 ЖИТСѦ РѢ. («⁵) СЕ МЖЖЪ ИЗЪЛІ-
 ТѢНИНЪ». ДА НЕ ЗАЗРАУНО БЖДЕТЬ
 СВѢДѢТЕЛЬСТВО, ЯКО ФИЛИПОВИ
 ПЪРВІЕ ВЪЗВѢЩЫШЪ ХВІ. О
 СМОКОВНИЦИ. И О НИХЪ ЖЕ ГЛА.
 ТѢМЪ ЖЕ ОНЪ. И ОТЪ ВРЕМѢ. И
 ОТЪ МѢСТА. И ОТЪ ДРѢВА. И ОТЪ
 ИСПЫТАНІЯ ВОЛЖЪ НЕГО СЪ ИСТИ-
 НОЮ. РАЗЖМѢВЪ КТО НЕСТЬ. ОТ-
 ВѢЩАВЪ РЕЧЕ РАВВИИ. ТЪІ ЕСИ
 СЪНЪ БОЖИИ. ТЪІ ЕСИ ЦЕСАРЬ ИЗ-
 ДРАИЛЕВЪ. СЕ ЖЕ МНОГОЖЪ РАДО-
 СТИЖЪ ИЗВѢЩА.

Достоинно же есть искати.
 чесо ради Сѣа Божия нарекз
 Наѣанаиль. и пръвѣе знамени.
 и пръвѣе оуучениа. не облаженз
 вѣистъ ѡкоже и Петрз. ѡко не
 тѣмъже оумомъ кѣждо изареуе
 словеса. Петрз оубо исповѣда
 Сѣа Божия. ѡко Бѣ истинѣ.
 Наѣанаиль. чоловѣка проста. и
 се ѡвѣ есть. имъ же реуе.
 «тѣи еси црь издранлевз». Сѣз
 же Бѣии. не излевз есть црь
 тѣуиѣ. нз и всеѣ вселензѣ.

5) 0 om.

». τὴν ὥραν, ὅτε ἐν τῇ συκῇ, οὐδε-
-νός παρόντος, μόνος ὁ Φίλιππος
κ. τῷ Ναθαναὴλ κατ' ἰδίαν περὶ τοῦ
τ. Χριστοῦ διελέγετο. Πρὸ τοῦ πλη-
-σιάσαι δὲ εἶπεν, «ἶδε ἀνὴρ Ἰσραη-
-λίτης, ἐν ᾧ δόλος οὐκ ἔστι» ὥστε
β. μὴ ὑποπτον γενέσθαι τὴν μαρτυ-
-ρίαν, ὡς τοῦ Φιλίππου προδιαλεχ-
-θέντος τῷ Χριστῷ περὶ τε τῆς
ο. συκῆς, περὶ ὧν τε ἐλάλησεν· ὁθεν
ν. ἐκεῖνος ἀπὸ τε τοῦ καιροῦ, ἀπὸ
ζ. τε τοῦ τόπου, ἀπὸ τε τοῦ δένδρου,
- ἀπὸ τε τοῦ τὴν γνώμην αὐτοῦ
- ἐξετάσαι μετὰ ἀκριβείας, συνιδῶν
ν. τίς ἐστιν, ἀποκριθεὶς εἶπε· «ῥαββί,
σὺ εἶ ὁ Υἱὸς τοῦ Θεοῦ. σὺ εἶ ὁ
β. βασιλεὺς τοῦ Ἰσραὴλ». Ταῦτα δὲ
ἀπὸ πολλῆς χαρᾶς ἐφθέγγεατο·
τοῦτ' ἔστι, σὺ εἶ, φησὶν, ἐκεῖνος
ὁ προσδοκώμενος, ὁ ζητούμενος.

11. Ἀξιὸν δὲ καὶ ζητῆσαι, τίνος
12. ἔνεκεν Υἱὸν Θεοῦ εἰπὼν ὁ Ναθαναὴλ,
13. καὶ πρὸ τῶν σημείων, καὶ
14. πρὸ τῆς διδασκαλίας, οὐκ ἔμακα-
15. ρίσθη καθάπερ καὶ ὁ Πέτρος; ὅτι
16. οὐ μετὰ τῆς αὐτῆς διανοίας ἐκά-
17. τερὸς τὰ αὐτὰ ἐφθέγγετο ῥήματα.
18. Ὁ μὲν γὰρ Πέτρος ὡμολόγησεν
19. Υἱὸν τοῦ Θεοῦ, ὡς Θεὸν ἀληθινόν,
20. ὁ δὲ Ναθαναὴλ, ὡς ἄνθρωπον
21. φιλόν· καὶ τοῦτο δῆλον ἐκ τοῦ
22. εἰπεῖν αὐτὸν, «σὺ εἶ ὁ βασιλεὺς
23. τοῦ Ἰσραὴλ». ὁ δὲ τοῦ Θεοῦ
24. Υἱὸς οὐ τοῦ Ἰσραὴλ ἐστὶ μόνον
25. βασιλεὺς, ἀλλὰ καὶ τῆς οἰκουμέ-
26. νης ἀπάσης.

И еже рече Хѣ. «оуже оузри-
те нѣо отвѣрсто». и проуче.
помалѣ възводити его отъ зем-
лѣ. и творить. да не мнить его
оуже чоловѣка проста. нѣ да
исповѣсть и. анѣломъ владѣкъ
сѣща. немѣже бо анѣли сѣжати
и къ немѣже анѣли възсѣдѣтъ
и низсѣдѣтъ. како тѣ вѣдѣтъ
чоловѣкъ проста. сѣмѣже сѣвѣ-
тисѣ еже о ⁶) анѣлѣ. еже о
распѣтїи о възнесении.

Διὰ δὲ τοῦ εἰπεῖν τὸν Χριστὸν.
 «ἀπάρτι ὄψεσθε τὸν οὐρανὸν ἀνε-
 ωγότα» καὶ τὰ ἐξῆς, ἀπὸ [τῆς
 γῆς] αὐτὸν κατὰ μικρὸν ἀνάγει,
 καὶ ποιεῖ μηκέτι φαντάζεσθαι
 αὐτὸν ἄνθρωπον ἀπλῶς, ἀλλὰ καὶ
 τῶν ἀγγέλων δεσπότην αὐτὸν ὁμο-
 λογῆσαι. ὅ γάρ ἄγγελοι διακονοῦσι,
 καὶ ἐφ' ὃν ἄγγελοι ἀναβαίνουνσι
 καὶ καταβαίνουνσι πῶς ἄνθρωπος
 οὗτος ἂν εἴη φίλος; Ταῦτα δὲ τὰ
 περὶ τῶν ἀγγέλων, ἐκβήσεσθαι
 ἔμελλεν ἐπὶ τοῦ σταυροῦ καὶ τῆς
 ἀναλήψεως ⁷).

Тѣмъже и мзи стѣзи свворе. проповѣдите Сѣна Бѣжиаго. истааго Бѣ сѣща. изъ нествѣта Бѣжиаго ишѣдѣша. тѣ во нзи призва к себѣ. званиѣмъ стѣзимъ. тѣмъже ходимъ подобо званиѣ. имъже звани вѣхѣомъ. не звани вѣхѣомъ на тѣниѣ. и на овѣниѣниѣ. нз на обновлѣниѣ оума нашего. отъложимъ оубо дѣла тѣмная. и овѣцѣмъ въ ороужіѣ свѣта. дондеже вѣрѣмъ имамъ тѣцѣмъ не стѣдѣсѣмъ⁸). пѣтъ во краткѣ. и отишѣе влизъ. трѣдъ вѣрѣмъ. а покои вѣуѣмъ вѣжѣмъ свѣтилиникѣ своѣмъ кѣмъ свѣтилиникѣ. дѣж наша глѣ. и мзи самѣ готови вѣдемъ да аще вѣзовѣтъ. ли вѣ полжнѣшѣ ли вѣ коуроглашениѣ. сѣрѣмъ и свѣтли. сѣмъ отътрѣсѣшѣ. и вѣнимъ ѣ нимъ вѣ уѣрѣтогъ. веселѣсѣмъ и цѣрѣствѣжѣ ѣ нимъ. славѣмъ прѣстѣжъ Троицъ. Оѣа и Сѣна и Сѣмътаго Дѣжѣ нѣмъ и присно и вѣ вѣкѣ вѣкомъ аминъ.

17.

НѢ. Ё. ПО. ТО ЗЛА^Т СЯКА^Я ЕВА^Т ѿ МА^А ЗА. Ё. ѿ Марка.
Бесѣда 50-я (син. лл. 224—231; пет. 150—154).

Братіє стаа сзмотримъ подылежащюа словє и слзшимъ како и страсти ищитають кз стзымъ оученікомъ. и апломъ своимъ.

⁶⁾ $\omega \Delta H \bar{\Gamma} \Lambda^B \chi_k n$. ⁷⁾ Cramer, t. II, pp. 195—197. ⁸⁾ НЕ ЦЕДЕЩЕ СЕБЕ.

овщини нашъ Бѣ Іс Хѣ. иже приѣхъ насъ ради. и нашего спсѣ-
 ния. да сзміритъ нзи сз Оцѣмъ. разоръ сръдѣниѣмъ стѣню прѣ-
 градъ. да познана вѣдетъ нзинѣ. зачалъми и властьюми. много-
 разлиунамъ Бжѣмъ прѣмъдрость кто смъ не убонть. кзто ли смъ не
 оустрашить. іако такъ страсти приѣхъ Бжѣмъ. оужасошасѣ
 небеса и сѣнце о семь. тѣмъ же и свѣтъ свои сѣкръзи. оустрашисѣ
 земля о томъжѣ. тѣмъ же и каменеи распадесѣ. кто слъзша
 ли кто видѣ. Бѣ за ѹлвкѣ страждѣща. мзи же не ѹлвкѣ ради
 страсти не приѣмаемъ нз ни себе же ради. постраждемъ вратиѣ
 мало да вѣуѣно поѹиѣмъ. да възвеселимъ сз наслѣдѣжѣшѣми
 вѣуѣниѣмъ блѣмъ. нѣско цесарѣствіѣ. не имъще коньца. іегоже
 око не видѣ. земляаго. ни оухо слъзша. ни на сръдце ѹлвкѣ не
 възидеть. възидеть. нз зане ¹⁾ же нзинѣ приѣхъше сѣдимъ на
 то възвратимъ.

Хотѣ Ісхъ кз градъ Іерлѣмъ. Мѣλλον ἀνιέναι εἰς Ἱεροσόλυ-
 приближитисѣ. о страсти своѣи ма... περὶ τοῦ πάθους διαλέγεται·
 кз оуѣеникомъ и вѣсѣдовашѣ. συνεχῶς δὲ περὶ τοῦτου αὐτοῖς
 ѹмсто же о семь глѣтъ. оувѣж- λέγει, ἐγγυμνάζων αὐτῶν τὴν διά-
 даи оумъ нхъ. ѹмстомъ възпо- νοиαν τῇ πυκνότητι τῆς ἀναμνη-
 минаниѣмъ. іединѣмъ же к нимъ σεως· ἅμα δὲ καὶ τὴν λύπην αὐ-
 глѣтъ. зане не достоише мно- τῶν ἀποτεμνόμενος τὴν περὶ τοῦ-
 гомъ слъзшати словесъ снхъ. του· κατ' ἰδίαν δὲ αὐτοῖς διαλέγε-
 тай, ἐπειδὴ οὐκ ἔδει εἰς πολλοὺς
 ἐξενεχθῆναι.

Испръва бо о сзмърти к нимъ. Ἐξ ἀρχῆς μὲν οὖν τὸν θάνα-
 глаголаше. нзинѣ же. и приложи- τον ἔλεγε μόνον· ὅτε δὲ περὶ
 глѣтъ. прѣдадѣтъ и рече нзыкомъ. тоῦτου ἐμελέτησεν καὶ ἐγυμνάσατο,
 и порѣгажтсѣмъ нѣмъ. и оуранѣтъ. τότε λοιπὸν καὶ τὰ ἄλλα προστί-
 и. іеще же и възкрѣсѣниѣ прире- θησιν· οἷον, ὅτι παραδώσουσι τοῖς
 ѹе. не рече же нмъ сего испръва. ἔθνεσιν· ὅτι ἐμπαίξουσιν καὶ μαсти-
 да не възмжтѣ нхъ. нз близъ γώσουσιν· ἔτι δὲ καὶ τὴν ἀνάστα-
 времеѣ того. да ни и тѣмъжѣ сѣ. σιν· οὔτε δὲ ἐκ προοιμίῶν τοῦτο
 не сзмжтѣ. нз іегда искжшѣниѣ εἶπεν, ἵνα μὴ διαταράξῃ αὐτούς·
 приѣша. силѣ іего. іегда велика οὔτε πρὸς αὐτῷ τῷ καιρῷ· ἵνα
 μὴ κἀντεῦθεν θορυβήσῃ· ἀλλ' ὅτε

¹⁾ на нѣже.

овѣтованіа дасть имъ о вѣуѣниѣ. πεῖραν αὐτοῦ τῆς δυνάμεως ἔλα-
 жизни. тзгда и о снхъ слово βον ἀρκοῦσαν, ὅτε μεγάλας ἔδωκε
 възмѣсилъ. τὰς ἐπαγγελίας περὶ τῆς ζωῆς
 τῆς αἰωνίου, τότε καὶ τὸν περὶ
 τούτων ἐνέβαλε λόγον·

Поуто же сзѣна Зеведеова. Διὰ τί οἱ υἱοὶ τοῦ Ζεβεδαίου
 пристѣписта кз нѣмъ. о прѣдѣ- προσῆλθον αὐτῷ, περὶ προεδρίας
 сѣданиѣ вѣсѣдѣюща. понеже іако- διαλεγόμενοι; ἐπειδὴ καθὼς φησιν
 же рече. Иоанъ ²⁾ еванѣгелистѣ. ἕτερος εὐαγγελιστῆς, διὰ τὸ ἐγγὺς
 близъ взѣти Іероусалима. и мѣнѣ- εἶναι Ἱερουσαλὴμ, καὶ δοκεῖν ὅτι ἡ
 стѣ іако црътво іего іестъ. іако βασιλεία αὐτοῦ ἤδη φαίνεται, ταῦ-
 ѹжвѣствіѣ іестъ. іако наслаждѣ- та ἦτουν· ἐνόμιζον γὰρ ὅτι ἐπὶ
 шасѣ нхъ же просита. ничѣсо же θύραις ἐστὶ, καὶ ὅτι αἰσθητὴ ὑπάρ-
 постражете пѣчальна. χει· καὶ ὅτι ἀπολαύσαντες ὧν
 ἦτουν, οὐδὲν ὑποστήσονται τῶν
 λυπῆρῶν, εἰ δὲ ὁ εὐαγγελιστῆς
 οὗτος περὶ τῆς μητρὸς αὐτῶν λέγει
 ὅτι αὐτὴ ἦτησε τοῦτο, ὡς ἀμφο-
 терῶν γενομένων τοῦτο εἶπεν τὴν
 μητέρα γὰρ συμπαρέλαβον, ὅπως
 вѣдетъ. и тѣмъ Гѣ оумолите. μείζονα τὴν ἰκεσίαν ποιήσονται,
 та бо іедина страмѣшѣтсѣ. καὶ ἐν τούτῳ Κύριον δυσωπήσω-
 пристѣпѣти кз нѣмъ о семь. σιν· αὐτοὶ γὰρ μόνοι προσελθεῖν
 ἤσχύοντο.

А іеже рече нма. «іако мо- Ὅπερ δὲ εἶπεν αὐτοῖς, «ὅτι
 жѣта ли пити ѹашъ іеже азъ δύνασθε πιεῖν τὸ ποτήριον ὃ ἐγὼ
 пию». вѣдѣи и все лютоіѣ. и πίνω»· τοὺς κινδύνους καὶ τὰ ἐσ-
 оуѣниѣниѣ ѣвлѣиѣтъ. не рече мо- χατα δεινὰ, καὶ τὰς σφαγὰς ση-
 жѣта ли оуѣниѣна взѣти. и своѣмъ μαίνει· οὐκ εἶπε δέ, δύνασθε σφα-
 крѣвь пролиѣти нз пити чашоу γῆναι, καὶ τὸ αἷμα ὑμῶν ἐκχεῖν,
 іеже азъ пию. іако да сѣмъ ἀλλὰ πιεῖν τὸ ποτήριον ὃ ἐγὼ
 привлеѣтъ нѣ. и оуѣниѣниѣмъ πίνω· ὅπως δὲ τούτων ἐφελκύση-
 іеже к нѣмъ. възделѣнѣиша вѣ- тай αὐτοῦς, καὶ τῇ πρὸς αὐτὸν
 деѣ. нариѣтъ же и крѣщѣниѣ. κοινωνία προθυμώτεροι γένωνται·
 ѣвлѣиѣа веселіѣ вѣдѣшѣниѣми. оуи- καλεῖ δὲ καὶ αὐτὸ βάπτισμα, δεικνὺς
 щѣниѣ вѣдѣшѣиѣ възселѣнѣи. μέγαν ἀπὸ τῶν ἐσομένων τὸν
 καθαρμὸν γινόμενον τῇ οἰκουμένῃ.

²⁾ ииѣ.³⁾ мѣлка.

Едина же поимѣша его про-
сите кромѣ оученика. стѣидѣша-
сѣ. и срамѣшасѣ. ꙗко похо-
тишѣ ѹлвѹьскошѣ. ꙗта възвѣща-
юще же не ꙗвѣ се вѣдѣть про-
чимѣ. възпрашають же что хо-
щета. не не вѣдѣши нѣ да по-
нѣждити ꙗ отвѣщати. и пока-
зати вѣрѣ. да потомѣ възло-
жити пластырь. рекшемаже има.
даждѣ нама да єдинѣ ѡдеснѣшѣ.
и єдинѣ ошѣишѣ сѣдѣть. онѣ
же отвѣщавѣ рѣ има. «не вѣста-
сѣ ꙗесо просѣща». сирѣчь. ни-
ꙗесоже дѣвна просита. аще ли
и о възшнии славѣ вѣста про-
сила. и тако не вѣста вѣдѣла
пакѣ ꙗесо просѣща. како єсть
дивнѣ како єсть величїе. како
прѣходити и възшнѣи силѣи
тѣщаже глѣте неже «рьци».

Сего ради прѣдвѣдѣниѣ. про-
шалаште приѣти понѣже слѣ-
шасте и рѣкша. ꙗко «на бѣ те
прѣстола сѣдѣте». не вѣдѣ-
щаже неже глѣте. рѣсте ꙗко
«можевѣ». ꙗѣща во ꙗко по-
сѣшана вѣдѣте о немѣже про-
сите. сѣ рѣсте. величїе же бл҃го
пророѹествовавѣ има. немѣже рѣ-
ѹе. ꙗко «пнѣта» и «крѣсти-
тасѣ». сирѣчь. сѣ имѣта приѣти.
неже и азѣ прирѣѹе. «а неже
сѣсти одеснѣшѣ и ошѣишѣ. нѣ

Кат' ιδίαν δὲ ἐκτὸς τῶν μαθη-
τῶν λαβόντες αὐτόν, τοῦτο ἡρώ-
τησαν· ἐρυθριῶντες καὶ αἰσχυρό-
μενοι, ὡς ὑπὸ πάθους ἀνθρωπί-
νου κατασχεθέντες· ἅμα δὲ καὶ
ᾧστε μὴ γενέσθαι τοῖς λοιποῖς
τοῦτο κατάδηλον· ἐρωτᾷ δὲ, «τί
θέλετε»; οὐκ ἀγνοῶν, ἀλλ' ἵνα
ἀναγκάσῃ αὐτοὺς ἀποκριθῆναι, καὶ
φανερώσῃ τὸ ἔλκος· ὅπως οὕτως
ἐπιθῇ τὸ φάρμακον.

Εἰπόντων δὲ αὐτῶν, ἵνα εἰς ἐκ
δεξιῶν, καὶ εἰς ἐξ εὐωνύμων καθε-
σῇ, αὐτὸς ἀποκριθεὶς, εἶπεν αὐτοῖς·
«οὐκ οἶδατε τί αἰτεῖσθε»· [δηλῶν, ὅτι
οὐδὲν πνευματικόν ἤτουν] ⁴⁾ εἰ δὲ
καὶ περὶ τῆς ἄνω δόξης ἤτουν.
οὐδὲ οὕτω πάλιν ἤδεσαν, ὅπερ
ἤτουν· πῶς θαυμάστον, πῶς μέγα,
πῶς ὑπερβαῖνον τὰς ἄνω δυνάμεις·
κατεπεύγοντες δὲ λέγουσι τὸ, εἶπέ.

Διὰ τοῦτο δὲ τὴν προεδρίαν
τῆς καθέδρας ἤτουν λαβεῖν, ἐπει-
δὴ ἤκουσαν εἰπόντος αὐτοῦ, ὅτι
«ἐπὶ δώδεκα θρόνους καθιεῖσθε»·
οὐκ εἰδότες δὲ ὅπερ λέγουσιν, εἶ-
πον ὅτι «δυνάμεθα». Προσδοκῶν-
τες δὲ ὅτι εἰσακουσθήσονται, περὶ
οὔ ἤτησαν, τοῦτο εἶπον· μεγάλη
οὖν προφητεύσας αὐτοῖς ἀγαθὰ
διὰ τοῦ εἰπεῖν, ὅτι «πίεσθε» καὶ
«βαπτισθήσεσθε», τούτεστι ταῦτα
παθεῖν μέλλετε, ἅπερ ἐγὼ, ἐπὶ ἡ-
γάγεν, «τὸ δὲ καθίσαι ἐκ δεξιῶν

⁴⁾ Joh. Chrysost. h. in Matth. 65 (66), 2, p. 646A. Этого допол-
ненія нѣтъ ни въ cod. Coisl., ни въ cod. Bodl. катенъ.

мнѣ дати. нѣ имѣ же оуготова-
но вѣсти»:

Съ глѣ двѣ питании. мно-
гымѣи прѣдлагають. єдино же
аще оуготовано вѣсти. комѣ
сѣсти одеснѣшѣ него. вѣторое
же. аще всѣхѣ глѣ. тѣмѣ имѣже
оуготовано вѣсти. нѣсть глѣ
дати. ѹбо єсть рѣши. аще
първое раздрѣшити тогда вѣто-
рое искѣсимѣ ⁵⁾ воудѣтъ нѣвѣ.

Никто же одеснѣю него сѣ-
дити. ни ошѣишѣ. не ходимѣ ⁶⁾
ниѣмѣ же прѣстола тѣ. ни
аѣлѣи тѣшнѣ рекѣ. нѣ ни възш-
нимѣи силѣи. тѣмѣже Павѣлѣ
глѣть. «кѣ кому же отѣ анѣлѣ
коли рѣѹе. сѣди одеснѣшѣ мене».
и проѹе. рѣѹе же «ꙗкоже сѣ-
сти одеснѣю мене. и ошѣишѣ.
нѣсть мнѣ дати». не ꙗко сѣшѣ
комѣ. немѣже вѣдѣтъ сѣсти. ни
оубо. нѣ противѣ мнѣшнѣ. отѣ-
вѣща възпрашаишѣишѣ. не вѣдѣ-
ашѣте во. ни възсокааго ⁷⁾ прѣ-
стола. и сѣдѣшнѣ. неже одеснѣшѣ
Оѣа. а не вѣдѣща. и мнѣшѣ
снѣхѣ. гласима по всѣ днѣи има
нѣ єдиногѣ тѣшнѣи искаашѣте.
неже старѣштво оулоѹити. и
неже славнѣма има вѣити оу него.
пѣѹе инѣхѣ.

⁵⁾ ипоушнѣмѣ.

⁶⁾ ко add.

⁷⁾ ни кысокааго того.

μου καὶ ἐξ εὐωνύμων», καὶ τὰ
ἐξῆς.

Τοῦτο δὲ τὸ ῥητὸν δύο ἡμῖν
ζητήματα παρὰ πολλῶν προστίθη-
σιν· ἐν μὲν, εἰ ἡτοίμασταί τινι τὸ
καθίσαι ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ· δεύτε-
ρον δὲ, εἰ ὁ πάντων Κύριος, ἐκεί-
νοις οἷς ἡτοίμασται, κύριος οὐκ
ἔστι παρασχεῖν*. Τί οὖν ἐστὶν
εἰπεῖν; ἂν τὸ πρότερον λύσωμεν,
τότε τὸ δεύτερον τοῖς ζητοῦσιν
ἔσται σαφέστερον.

Οὐδεὶς ἐκ δεξιῶν αὐτοῦ κάθη-
ται, οὐδὲ ἐξ εὐωνύμων, ἄβατος
ἄρ πάσιν ὁ θρόνος αὐτοῦ ἐκεῖνος,
οὐκ ἀποστόλοις λέγω, ἀλλὰ καὶ
πάσαις ταῖς ἄνω δυνάμεσιν· ὡς
ἄρ ἐξαίρετον τοῦ μονογενοῦς Υἱοῦ
τοῦ Θεοῦ, τίθησιν αὐτὸ ὁ Παῦλος
λέγων· «πρὸς τίνα δὲ τῶν ἀγγέ-
λων εἰρηκέ ποτε, κάθου ἐκ δεξι-
ῶν μου;» καὶ τὰ ἐξῆς· εἶπε δὲ
ὅτι «τὸ καθίσαι ἐκ δεξιῶν καὶ ἐξ
εὐωνύμων, οὐκ ἔστιν ἐμὸν δοῦναι»,
οὐχ ὡς ὄντων τινῶν τῶν μελλόν-
των καθέζεσθαι, ἅπαγε, ἀλλὰ
πρὸς τὴν ὑπόνοιαν ἀπεκρίθη τῶν
ἐρωτῶντων, συγκαταβαίνων αὐτῶν
τῇ διανοίᾳ. οὐδὲ γὰρ ἤδεσαν τὸν
ὑψηλὸν θρόνον ἐκεῖνον, καὶ τὴν
ἐκ δεξιῶν τοῦ Πατρὸς καθέδραν,
ὅπου γε καὶ τὰ πολλῶ τούτου
καταδεέστερα, καθ' ἡμέραν αὐτοῖς
ἐνηχούμενα ἠγνόουν, ἀλλ' ἐζήτουν
ἐν μόνον, τῶν πρωτείων ἀπολαῦ-
σαι, καὶ ἐνδοξότεροι τῶν ἄλλων
εἶναι παρ' αὐτῷ.

А о немъже рече. яко «нѣсть мнѣ дати. нз имъже оуготовано вѣсть». да мѣнѣе вѣдѣть. издрѣцѣмъ не притѣж. воле рѣцѣмъ. вѣди нѣкзто вѣнъцедатель. ете-рѣмъ стрѣпцемъ. хравзромъ многомъ. възходѣмъ на вранѣ. два же отъ нихъ прѣстоупльша. нже вѣсте. пауе прѣнѣишѣ. вѣнъцедателеви глѣте. яко сѣтво-ри наѣ да вѣнѣана вѣдѣвѣ. и проповѣдана. надѣющасѣ любвѣи его. онъ же к нима рече. нѣсть мнѣ дати. нз имъже оуготовано въ троудѣмъ. и потѣмъ. воле зазрѣти нѣмъ имамъ. яко немоушнѣ нѣсть. ни оубо. нз пауе похвалѣмъ правѣдѣ его. и нелицемѣриѣ.

Икоже во оногѣ. не речемъ немоушна сѣща. да мѣти вѣнѣцѣ пауе не хотѣща погжвити законъ подвижаниѣ врани. ни сѣмъжити уина. правѣдникъ. такожде оубо речемъ и Хѣ се рекша вселѣнскѣ. отъ того ѿгонѣ. да по Бжѣи вѣгодати. на явлѣние свонхъ исправлѣнии. надежда сѣсенѣи имѣти. сего ради рече. «имъ же оуготовано вѣсть». да аще явѣтѣ рече. оунѣише ваю и аще вѣще сѣдѣлають. мнѣта ли. занѣ ми вѣста оууе-ника. того ради старѣнство

Περὶ δὲ τοῦ εἰπεῖν ὅτι «οὐκ ἔστιν ἐμὸν δοῦναι, ἀλλ' οἷς ἡτοιμάσται», ἵνα σαφέστερον γένηται, ἐπὶ ὑποδείγματός αὐτὸ γυμνάσωμεν, καὶ ὑποδώμεθα εἶναι τινα ἀγωνοθέτην, εἶτα ἀθλητὰς ἀρίστους πολλοὺς εἰς τὸν ἀγῶνα εἰσ-ερχομένους τοῦτον· καὶ τινὰς δύο προσελθόντας τῶν ἀθλητῶν τῶν μάλιστα οἰκειωμένων τῷ ἀγωνο-θέτῃ λέγειν, ὅτι ποιήσον ἡμᾶς στεφανωθῆναι καὶ ἀνακηρυχθῆναι, θαρροῦντας τῇ πρὸς αὐτὸν εὐνοίᾳ καὶ φιλίᾳ· ἐκεῖνον δὲ πρὸς αὐτοὺς λέγειν, οὐκ ἔστιν ἐμὸν τοῦτο δοῦναι, ἀλλ' οἷς ἡτοιμάσται ἀπὸ τῶν πόνων καὶ τῶν ἰδρώτων. Ἄρα οὖν καταγνωσόμεθα αὐτοῦ ἀσθένειαν; οὐδαμῶς, ἀλλὰ μᾶλλον ἀποδεξόμε-θα αὐτοῦ τῆς δικαιοσύνης καὶ τοῦ ἀπροσωπολήπτου.

Ὡς περ οὖν ἐκεῖνον οὐκ ἂν φαίημεν ἀτονεῖν διδόναι τὸν στέ-φανον, ἀλλὰ μᾶλλον μὴ βούλεσθαι διαφθεῖραι τὸν νόμον τοῦ ἀγῶνος, μηδὲ συνταράξαι τοῦ δικαίου τὴν τάξιν· οὕτω δὲ καὶ τὸν Χριστὸν εἵπομεν ἂν τοῦτο εἰρηκέναι, παν-ταχόθεν αὐτοὺς ἐκ τούτου συν-ελαύνοντα, ὥστε, μετὰ τὴν τοῦ Θεοῦ χάριν, εἰς τὴν τῶν οἰκείων κατορθωμάτων ἐπίδειξιν τὰς ἐλπί-δας τῆς σωτηρίας καὶ τῆς εὐδοκί-μῆσεως ἔχειν· διὰ τοῦτο εἶπεν, «οἷς ἡτοιμάσται». τί γὰρ, φησὶν, ἐὰν ἑτεροὶ φανῶσιν ὑμῶν βελτίους; τί

прияти. аще сама не явитасѣ
достойна избрания.

А яко самъ нѣсть Гѣ всемъ.
явѣ нѣсть. имъ же всѣ сѣдѣ-
нимъ. Петрови во сице рече.
«азъ же ти дамъ. ключѣи нѣсѣ-
нѣи». и Павълъ се явлѣмъ глѣше
«то оуже лежить ми. правѣднѣи
вѣнѣцѣ. нже въздасть ми Гѣ.
и всѣмъ възлюблѣшимъ явле-
нѣи его». явлѣнѣи же Хѣо
вѣ а якоже прѣдъ Павълъмъ
никтоже не станѣтъ. вѣселѣнскѣ
явѣ нѣсть. аще ли самъ се
мѣнѣе ⁸⁾ издрече. не днѣмъсѣ.
сѣмъотриливѣно ⁹⁾ отъсылѣиетъ м.
да не вѣсѣиѣ и тѣще старѣи-
шинѣства просите. похотѣжъ во
уоловѣнѣскожъ. се страдаашете.
и не хотѣи оскжвити нѣжъ. не-
явлѣнѣиѣмъ овое исправитъ.

«Тѣгда во рече негодоваша
ѣ. ѣ в» ¹⁰⁾. «тогда». когда.
негда запрѣти има ѣсѣ. снѣма
Зоведеовѣма. глѣ. аще во и
мѣислѣжъ негодоваахъ ¹¹⁾. десѣтъ
и оуунѣтелева издречѣнѣиѣмъ жѣдаа-
хъ. тѣмъ же явѣ нѣсть. яко не

δὲ, ἂν μείζονα ἐργάσωνται; μὴ
γὰρ ἐπειδὴ μου μαθηταὶ γέγονατε,
νομίζετε διὰ τοῦτο τῶν πρωτείων
ἀπολαύσεσθαι, ἐὰν μὴ τῆς ἐκλο-
γῆς αὐτοὶ ἄξιοι φανῇτε;

Ὅτι γὰρ αὐτὸς κύριός ἐστι τοῦ
παντός, ὁ ἅλον, ἐξ ὧν αὐτὸς πᾶ-
σαν ἔχει τὴν κρίσιν· καὶ γὰρ τῷ
Πέτρῳ οὕτως εἶπεν, «ἐγὼ δέ σοι
δώσω τὰς κλεῖς τῶν οὐρανῶν».
καὶ ὁ Παῦλος δὲ τοῦτο δηλῶν
ἔλεγε, «λοιπὸν ἀπόκειται μοι ὁ
τῆς δικαιοσύνης στέφανος, ὃν ἀπο-
δώσει μοι ὁ Κύριος ἐν ἐκείνῃ τῇ
ἡμέρᾳ, καὶ πᾶσι τοῖς ἡγαπηκόσι
τὴν ἐπιφάνειαν αὐτοῦ»· ὅτι δὲ
τοῦ Παύλου οὐδεὶς στήσεται πρῶ-
τος, παντί που δῆλον εἰ δὲ ἀσα-
φέστερον ταῦτα αὐτὸς εἶρηκε, μὴ
θαυμάσωμεν· παραπεμπόμενος γὰρ
αὐτοὺς οἰκονομικῶς, ὥστε μὴ ὑπὲρ
πρωτείων ἐνοχλεῖν εἰκῇ καὶ μά-
την· καὶ γὰρ ἀπὸ πάνθους τοῦτο
ἐπάσχον ἀνθρωπίνου· καὶ μὴ λυ-
πῆσαι βουλόμενος αὐτοὺς, τῇ ἀσα-
φείᾳ ἀμφοτέρω ταῦτα κατορθοῖ.

«Тѣте», φησὶν, «ἡγανάκτησαν
οἱ δέκα περὶ τῶν δύο». «тѣте»,
пѣте; ѣте ἐπετѣмѣсен αὐτοῖς ѣ
ѣсоῦс, λέγω δὲ τοῖς υἱοῖς τοῦ
Зеведаίου· εἰ γὰρ καὶ κατὰ διά-
νοιαν ἡλγουν οἱ δέκα, ὅμως τὴν
τοῦ διδасκάλου ψῆφον ἀνέμενον,

⁸⁾ мѣнѣиѣ и вѣ и; нужно читать: не мѣнѣиѣиѣ.

⁹⁾ смотрѣлико ко. ¹⁰⁾ ѣ вѣдѣю.

¹¹⁾ нѣ негодоваахъ; нужно читать: не доугобѣахъ.

18.

НѢ. цвѣтѣ то Златоустаго. сказаніе. ева. ѿ Ивана.

Бесѣда 51-я (лл. 231—237 об.; пет. 154—158).

Се нзинѣ гѣскааго праздника прѣдзсигаетъ свѣтлость. се нзинѣ влѣзѣушнаго трѣжѣства. прѣдзходить проповѣданіе. се нзинѣ Ховааго възкрѣсеніа прѣдзварѣють слава. сего ради при-
дѣте въздраджимзѣ Гѣи. възкликнѣмз Бжѣ Спсж нашемз. варимз лице него исповѣданіемз. и въз псалмѣхз възкликнѣмз
немз. ꙗко изволихз спси родз ѹлвѣхз. ꙗко градеть сѣмьрти
разоритз ꙗко градеть испразнить адовьнзѣ храмз. изволихз
во дньсь на ѡрѣмьникз възсѣсти. да скотьскзѣ оумз низвѣр-
жеть. тѣмз же ꙗко повѣждашю. мжѹительство днаволю. сз
ванимз незловивзѣ дѣти сзрѣтошѣ него възпнѣща. «осана»
сирѣчь спси же «вѣгословленз градзи въз имѣ Гнѣ. осана въз
взшнѣхз». тѣмз же и мзи братіе въззпнѣмз. спси нзи хвалѣ
ти приносѣще. днѣ во видѣхомз величѣмз Бжѣ. днѣсь наслаж-
даніемз нѣскааго гласа. сего ради днѣ. и мзи възмзше
образз повѣдз грѣховьнзѣ. посажшамз еваѣлиста ѹто глѣеть
оцѣмз симъ ¹⁾).

«Прѣжде шести днѣ пасхѹи приде Ісз въз Рифанію. идеже вѣ Лазорѣ оумьрзи. неже възкрѣсі изъ мьртвѣхз». и про-
ѹе. ѹистааго възкрѣсеніа Ла- зорева. знаменіе показати хотѣ евангелистз рѣ. «а Лазорѣ єдиннѣ вѣ ѿ възлѣжащнѣхз снмъ». а неже рече. «Лазорѣ же сж- жааше» ꙗвилз. ꙗко въз домз нежъ веѹермз вѣ.

¹⁾ ꙗко извѣщаніе. соутъ ко add.

Не творить же овѣща слоуже-
ніа. Мария сестра Лазорева. нз Хжѣ єдиножъ творить ѹсть.
заніе прѣстѣпить кз немз. ꙗко кз члвкѣ. нз ꙗко кз Бжѣ.
мвро во сего ради възлѣ. и власзѣ главзѣ отьре. ꙗко не
имѣжши сжмьнѣніа о нѣмъ. ꙗко же мзносн. ꙗко о простѣ
ѹоловѣцѣ. нз ꙗко влѣцѣ и Гѣи.

Пюда же. ꙗкоже и образмъ говѣннѣ негоджеть. о възв-
шнмз глѣ. «поѹто се не про- дано възстѣ. на. тѣ. цвѣтз ²⁾ и
дано възстѣ нишнмз». нз не такожъ волюю. како же инз
єваѣлистз глѣ. ꙗко вси оуѹе- ници се рѣша. єи. вси же нз
и онз. нз они не такожъ волюю. не обливѣи же него авнѣ тѣгда
Хжѣ ни рече же нежъ сего неже і неѣалистз рѣ. ꙗко своенѣ ради
татѣвзѣ прѣщааше женѣ ꙗко не ³⁾ хотѣ него посрамнѣи мно-
гомъ дзломъ тѣрпѣніемъ.

Поѹто же тати сжшж раѹицю
ковѣѹежѣць пороѹѹи нишнѣхз. и строити повелѣ сзрѣвролювѣ-
цю. сжшж. да все непѣщеваніе него ѿсѣѹеть. да не въз реклѣ.
ꙗко именижъ хотѣ прѣдасть и. нбо довзлѣнѣ оутѣхж имѣаше

Οὐ ποιεῖται δὲ κοινὴν τὴν ὑπη-
ρείαν ἢ Μαρία ἡ ἀδελφὴ Λαζά-
ρου, ἀλλ' εἰς τὸν Χριστὸν μόνον
ὡς ἀνθρώπῳ πρόσκειται, ἀλλὰ ὡς
Θεῷ· τὸ γὰρ μῦρον διὰ τοῦτο
ἐξέχεεν καὶ ταῖς θριξὶ τῆς κεφα-
λῆς ἐξέμαξεν, ὡς οὐκ ἔχουσα περὶ
αὐτοῦ τοιαύτην ὑπόληψιν, οἷαν οἱ
πολλοὶ, ὡς περὶ φιλοῦ ἀνθρώπου,
ἀλλ' ὡς δεσπότου καὶ Κυρίου.

Ὁ δὲ Ἰούδας προσχῆματι μὲν
εὐλαβείας δῆθεν ἐπετίμα τῷ γε-
γονότι, λέγων, «διὰ τί οὐκ ἐπρά-
θη τοῦτο τριακοσίων δηναρῶν,
καὶ ἐδόθη πτωχοῖς;» οὐκ ἀπὸ
γνώμης δὲ τοιαύτης. πῶς δὲ ἄλ-
λος εὐαγγελιστὴς λέγει, ὅτι πάν-
τες οἱ μαθηταὶ τοῦτο εἶπον; ὅτι
καὶ πάντες μὲν, κακεῖνος δὲ, ἀλλ'
οἱ λοιποὶ οὐ τοιαύτη προαιρέσει·
οὐκ ἤλεγξε δὲ αὐτὸν εὐθέως τότε
ὁ Χριστός, οὐδὲ εἶπεν αὐτῷ τοῦ-
το, ὅπερ ὁ εὐαγγελιστὴς εἶπεν,
ὅτι διὰ τὴν οἰκείαν κλοπὴν ἐπε-
τίμα τῇ γυναικί, ὅτι τῇ πολλῇ
μακροθυμίᾳ ἐντρέψαι αὐτὸν οὐκ ³⁾
ἐβούλετο.

Τί δὴ ποτε δὲ κλέπτῃ ὄντ τὸ
γλωσσόχομον ἐνεχείρισεν τῶν πτω-
χῶν, καὶ οἰκονομεῖν ἐποίησε φι-
λάργυρον ὄντα; ἵνα πᾶσαν αὐτοῦ
ἐκκόψῃ πρόφασιν. Οὐ γὰρ εἶχεν
εἰπεῖν, ὅτι διὰ χρημάτων ἔρωτα
πrouδωκε· καὶ γὰρ ἱκανὴν μὲν

²⁾ цвѣтѣ.³⁾ не om.—Cod. Bodl. B. οὐκ om.

отъ кравиѣ. нѣ злобѣ ради
многѣмъ. ꙗже и въздержати хо-
тѣ Хѣ. многомъ сѣмѣреннѣмъ
сѣи противъ ꙗмъ.

Помнить же и погребеніѣ
глаголю. «въ днѣ погребеніѣ моего
сѣ сѣтвориша». и о сѣмъ прѣ-
дѣлѣ хотѣ посрамити. да
исправитсѣ. дозвѣно бѣ и при-
ричѣмое на милость ꙗго при-
ложити. рече бо. «нищѣи хъ оубо
всегда имамъ⁴⁾ сѣ собоѣ. мене
же не всегда имате». ꙗко же
бѣи глаголю. тѣмъ же вамъ ꙗсмъ.
нѣ пожди мало и отидѣ. сѣ
бо строяще имъ же глаголю «мене
же не всегда имате».

Показати же хотѣ евангѣ-
листъ. граждѣюще множество
жидовъ. сѣраво сѣще рече.
«разжмѣ народъ много отъ жи-
довъ. ꙗкоже възкрѣси измѣрт-
вѣхъ Лазора». тѣмъ же и чж-
до видѣвшѣ вѣроваша мнози.
образъ же фарисѣискъ. тольма
бѣ оубииствѣнъ. ꙗко не тѣю
Іса. нѣ и Лазарѣ сѣвѣшаша
оубити. сице бѣ образъ въ нихъ.
ꙗко и добро приѣмлюще. вина
бѣ завидѣи имъ. печални же
бѣшѣ зѣло. ꙗко праздниѣ

⁴⁾ имате.

ѣхен ѣх тоῦ γλωσσοκόμου τῆς ἐπι-
θυμίας παραμυθία, ἀλλὰ διὰ πο-
νηρίαν πολλήν, ἣν καὶ ἐβούλετο
κατέχειν ὁ Χριστός, πολλῇ συγ-
καταβάσει πρὸς αὐτὸν κεχρημέ-
νος.

Μέμνηται δὲ καὶ ἐνταφιασμοῦ
λέγων, «εἰς γὰρ τὴν ἡμέραν τοῦ
ἐνταφιασμοῦ μου τοῦτο ἐποίησε»,
καὶ ἐν τούτῳ τὸν προδότην ἐν-
τρέφει βουλόμενος πρὸς τὸ διορ-
θωθῆναι αὐτόν. ἰκανὸν δὲ ἦν καὶ
τὸ ἐπαγόμενον εἰς οἶκτον αὐτὸν
ἐμβαλεῖν. Φησὶ γὰρ, «ὅτι τοὺς
πτωχοὺς μὲν πάντοτε ἔχετε μεθ'
ἑαυτῶν, ἐμὲ δὲ οὐ πάντοτε ἔχετε».
ὥσαντι ἔλεγεν, ἐμπαθὴς εἰμι καὶ
φορτικός, ἀλλὰ ἀνάμεινον μικρὸν,
καὶ ἀπελεύσομαι. Τοῦτο γὰρ κα-
τεσκεύαζεν ἐν τῷ λέγειν, «ἐμὲ δὲ
οὐ πάντοτε ἔχετε»...

Δεῖξαι δὲ βουλόμενος ὁ εὐαγ-
γελιστὴς τὸ ἐρχόμενον τῶν ἰουδαί-
ων πληθος ὑγιαῖνον, φησὶν, «ἔγω
ὄχλος πολὺς ἐκ τῶν ἰουδαίων ὅτι
ἐκεῖ ἐστὶ, καὶ ἦλθον οὐ διὰ τὸν
Ἰησοῦν μόνον, ἀλλ' ἵνα καὶ τὸν
Δάζαρον ἴδωσιν, ὃν ἡγείρεν ἐκ
νεκρῶν». Διὸ καὶ τὸ θαῦμα θεα-
σάμενοι ἐπίστευσαν πολλοί· τῶν
δὲ φαρισαίων τοσοῦτος ἦν φονικός
ὁ τρόπος, ὅτι οὐ μόνον τὸν Ἰη-
σοῦν, ἀλλὰ καὶ τὸν Δάζαρον ἐβου-
λεύσαντο ἀποκτεῖναι· οὕτως ἐγκλη-
μα καὶ τὸ καλῶς παθεῖν παρ'
αὐτοῖς ἦν· ἔδρανε δὲ αὐτοὺς ἐκ

сѣшю⁵⁾. всѣи на ѡиѣаниѣ те-
ѣахъ. онъ же оугашъ ꙗрость
нхъ. ошѣстнѣмъ ꙗже въ пѣ-
стѣнхъ. пакѣи приде сѣ дрѣзно-
вѣннѣмъ.

Тѣмъ же и «народъ много». Диὸ καὶ «ὄχλος πολὺς ὁ ἐλθὼν
пришѣзѣи на праздниѣ. слы-
шавъше же ꙗко градеѣ въ
Иерлѣмъ. възѣшѣ ваниѣ финиѣ.
и изидошѣ на сѣрѣтѣниѣ ꙗго». εἰς τὴν ἐορτὴν ἀκούσαντες ὅτι ἔρ-
χεται εἰς Ἱεροσόλυμα, ἔλαβον τὰ
βαῖα τῶν φοινίκων, καὶ ἐξῆλθον
εἰς ἀπάντησιν αὐτοῦ. τοῦτο δὲ
сѣ же творѣахъ ꙗвляюще ꙗко
большоу ꙗже о нѣмъ славѣ
имѣахъ. неже о пророцѣ. тѣмъ-
же и глаголю. «осана блѣнхъ градѣи
вѣ имѣ Гнѣ. ѡрь излѣвѣ». ꙗже
знамениѣ бѣ вѣрѣѣниѣхъ. ꙗко
не бѣпротивникъ ꙗсть. нѣ ꙗко
Оцѣмъ посланъ вѣивъ приде.

Како оубо дрѣзѣи евангѣли-
сти рѣша. ꙗко и посла. и рече
раздрѣшѣте осьлѣнѣ и жребѣ.
сѣ же ниѣсѣже такоѣ. отѣнѣдѣ
не рече. нѣ ꙗко обрѣтѣ осьлѣ.
вѣсѣде на нѣ. сѣгда обоѣ вѣистѣ.
по раздрѣшеніи ꙗмъ оубѣниѣ.
обрѣтѣ ꙗ вѣсѣде на нѣ.

Се же творѣше пророѣство.
ово образѣи ово же конѣѣаѣмъ.
тоѣде. овомъ же вѣистѣ на-
ѣатѣкѣ. овомъ же конѣѣнна.
ꙗже во ꙗсть «радоуѣтсѣ⁶⁾».

⁵⁾ настоѣщѣю вѣ. сѣшю.

⁶⁾ радѣѣиѣ.

яко цесарь твои градеть». сзкон-
уавающю вѣ пророуство а еже
на осьла възсѣсти. бжжщю
вещь проображааше. яко не-
уистъ родъ языкъ. подъ роукою
его вѣ взити.

Убо же есть «не вонса дщи
Синова». зане вси ѿри ихъ
неправдани вѣша и лихонмате-
лю. и народъ развращающе. и
врагомъ прѣдающе. дързанъ рече.
съ не тако. нъ кроткъ и по-
сншъливъ. и мѣтъ есть. нмъже
мздити на осьласте. не вои во
повѣдѣ вода възиде. нъ на
осьласте мзда.

Не стѣидиже сѣ премоудрзи
евангелистъ. предънее неразумие
апѣла овлиуша. «снхъ во рече
не разумѣша оученици его
пръвѣе. нъ югда Іс прославленъ
взистъ. тѣгда помануша. яко
си вѣша о немъ писана». вѣ-
дѣху бо. яко псана вѣша. нъ
не вѣдаху яко о нѣмъ. сзблз-
нили бо сѣ възша. яко црѣ сзи
такова имать приати.

А еже «послоушьстваше на-
родъ. яко възскрѣси Лазаръ
изъ мъртвыхъ» и проуче мѣ-
лаиеть. яко не взи толико сѣ
обратило люди възнепаоу. аще
не възша тѣмъ знаменемъ вѣ-
рзи или.

ται», προφητείαν πληροῦντος ἡν-
τὸ δὲ ὄνον καθίσαι, μέλλον πρᾶγ-
μα προανατυποῦντος, ὅτι τὸ ἀκά-
θαρτον τῶν ἐθνῶν γένος ἔμελλεν
ὑποχείριον ἔχειν.

Τί δέ ἐστι, «μὴ φοβοῦ, θυγα-
τερ Σιών» ἐπειδὴ πάντες αὐτῶν
οἱ βασιλεῖς ὡς ἐπὶ τὸ πολὺ ἄδι-
κοί τινες ἦσαν καὶ πλεονέκται,
καὶ τὸ πλῆθος διαστρέφοντες, καὶ
τοῖς ἐχθροῖς παραδιδόντες, θάρρει,
φησὶν, οὗτος οὐ τοιοῦτος, ἀλλὰ
πρᾶος καὶ ἐπιεικής· καὶ δείκνυται
ἀπὸ τοῦ ὄνου. Οὐ γὰρ στρατόπε-
δον ἐπισυρόμενος* εἰσῆλθεν, ἀλλ'
ὄνῳ ἐποχοούμενος.

Οὐκ ἐπαισχύνεται δὲ ὁ πάνσο-
φος εὐαγγελιστὴς τὴν προτέραν
ἄγνοίαν τῶν ἀποστόλων ἐκπομπεῦ-
σαι «ταῦτα γάρ», φησὶν, «οὐκ
ἔγνωσαν οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ τὸ πρό-
τερον, ἀλλ' ὅτε Ἰησοῦς ἐδοξάσθη,
τότε ἐμνήσθησαν, ὅτι ταῦτα ἦν
ἐπ' αὐτῷ γεγραμμένα». ὅτι μὲν
γὰρ ἐγέγραπτο ἦδεσαν, ὅτι δὲ ἐπ'
αὐτῷ ἐγέγραπτο, οὐκ ἦδεσαν· καὶ
γὰρ ἂν ἐσκανδάλισεν αὐτοὺς, εἶγε
βασιλεὺς ὢν τοιαῦτα μέλλει πάσ-
χειν.

Τὸ δὲ «ἐμαρτύρει ὁ ὄχλος ὅτε
ἀνέστησε τὸν Λάζαρον ἐκ νεκρῶν»,
καὶ τὰ ἐξῆς· τοῦτο δηλοῖ, ὅτι
οὐκ ἂν* τοσοῦτοι ἐξαίφνης μετέ-
θεντο, εἰ μὴ ἐπίστευσαν τῷ ση-
μείῳ.

Подобаетъ же вѣдѣти яко
рекзшеи жидове кз себе. «ви-
дите ли яко не оуспѣють ниу-
сже. сѣ весь миръ по немъ
градеть». Ѿ вѣровавшихъ вѣ-
ша. не сзмѣюшемъ же дръзо-
ватисѣ.

Мира же съде глеть народа.
вѣдѣтъ бо кзнигы миръ. и творъ-
ца⁷⁾ нарицати. ажеже югда
глеть. «износѣи по числу миръ
свои» пакзи. живущимъ вѣ-
лоукавствин ажеже югда глеть.
«весь миръ васъ не ненавидитъ.
мене же ненавидѣтъ».

Сица юдеса сзвѣшавше възлюблени. доухъмъ⁸⁾ Гмъ бывъ-
ша. сзтворимъ себе достоинзи да възскрѣснѣи нзи ото гробъ
грѣховьнзихъ. и Ѿ пленицъ безаконьнзихъ. да раздрѣшити нзи.
да и мзи сз моудрими дѣтьми сзрѣшемъ его. ванѣ добрзи
дѣтели държаше. и възпиюще юмоу. осана спси нзи. хвалоу ти
приносѣше. тѣмъже братые сзконьѣвшѣ теуенье сѣ. пристоу-
пимъ кз нему славѣше юго. да иже аще сздѣлазъ отъ пръваго
часа. приди веселъ. прими мздажъ своѣ. иже ли трѣдилзѣ Ѿ
третняго часа. не стѣидѣ приди възати напѣж¹⁰⁾. иже ли
призванъ взи въз шестзи часъ. не посрамлѣнѣ възати овѣща-
ниѣ. иже ли пакзи въз ѿ тзи часъ приде. не сжмѣнѣнѣ пристѣпи
възати по цаѣ¹¹⁾. иже ли послѣжде въз. аи. пристѣпилъ. хвалѣ
податѣлѣ възми оброкъ свои. уловѣколюбъцъ бо есть. а не
завидѣливъ. и троужьшѣгосѣ испърва милоуѣть. и пристоупль-
шѣго послѣже не ѿвѣржеть. Кзи же соутъ мздази и напѣзи¹²⁾.
и въздааныѣ. не приуштыѣ ли стѣихъ таинъ. тѣмъ бо достоинно
приушщѣшѣсѣ овѣщѣни възиваемъ юмъ. трѣпѣза бо есть ви-

⁷⁾ творца и н.⁸⁾ Cramer, t. II, pp. 321—325. 443.⁹⁾ хмъ.¹⁰⁾ набоу.¹¹⁾ цаѣ.¹²⁾ набы.

димо. нѣ жертва дѣховна разумно. аще и хлѣвъ есть видимо. нѣ тѣло снѣ и агньца бжїи. вземлющаго грѣхы всего міра. и нѣгда узриши роукоу простираемоу. ли ѣппа ли попа. нѣ мѣни ꙗко тѣ свѣщають предзлѣжащїе. нѣ самого хѣ подавшѣаго. и рекзша оученикомъ. и апломъ своимъ. «примѣте и идите и пите. се есть тѣло и кровъ моя. ломимое и проливаемое за вы. на отъпущенїе грѣховъ». нѣ мозѣмъ братїе ꙗко пѣси грызѣюще другъ. приступить къ жертвѣ. нѣ мозѣмъ клеветою и завидою и гневодръжаньемъ. и величаньемъ части другъ друга. нѣ мозѣмъ свѣдоуеще грѣхы себе. приступить къ трапезѣ снѣ. да не грѣхъ себе ѣмъ и пьемъ. глѣть во Павлы. «ѣдѣи во и пиѣи недостоинно грѣхъ себе ѣсть и пьеть». нѣ враждьница во трапеза есть. нѣ мирна. сзмотри. ꙗко не агнь лежитъ скоты. нѣ сзвнъ бжїи. сзмотри ꙗко не овѣмъ закалѣемо есть. нѣ възмѣи на ramo свое овѣмъ. и оцѣви своему донесъ. нѣ мози гнѣва дръжѣ приступить къ нему. глѣть во самъ. «нѣгда принесеши даръ свои на оltарь. и помѣнеши тоу. ꙗко имать братъ твои нѣуѣто на тѣ. остави тоу даръ свои. и шѣдъ прѣвѣе сзмирисѣ сз братѣмъ своимъ. и тѣгда принесеши даръ свои».

Кѣто видѣ или кто слѣзѣи коли сице милованье на ѣловѣцѣхъ. кто слѣзѣи коли сице оученїе. видиши ли како хощеть. да не въ нѣродѣ живемъ. видиши ли како сѣдѣи рѣцѣ простѣрѣ. тѣ во есть. примѣи. и охуупавѣи заблужьшаго снѣ. покамѣвшѣсѣ. тѣ во есть не ѣврыгѣи влоудьница молѣщѣсѣ нему. тѣ есть обѣщавѣи породоу развоинику. молѣщѣсѣ память нему имѣти. тѣ есть рекзѣи. «не придоу правѣднѣхъ звѣтѣ нѣ грѣшнѣхъ на покаанье». кѣ тому приступимъ не соумѣнѣсѣсѣ. да нѣи помилуѣть. тѣ во есть бжїи нашѣ. пострадавѣи за весь миръ распѣть. и възкрѣсѣ изъ мѣртвѣхъ. и давѣ животъ. и не истѣлѣнѣе въсѣмъ. немѣуже падовѣють слава дръжѣва ѣсть и покланѣнѣе сз оцѣмъ и сз сѣтѣмъ дѣхъмъ. нѣзна и присно и въ вѣкѣи вѣкомъ аминь.

19.

Исидора Пилоусинскаго. сказанїе въ пѣ нѣ. кн. по всѣхъ стѣхъ а ѣ доу. і. (Лук. 19, 12—28) ¹⁾.

Текстъ пет. рук.

Братїе нѣи подобно намъ
есть аплское слово. съ сладостїю выпїюще рѣши. рѣвитесе во Гѣ всегѣ. и пакзѣ рекоу роуитесе. се во варѣють ꙗко днѣ ница прѣдѣтекоушиѣ. свѣтлостъ сего днѣ. постѣныхъ днѣи зарю прѣдѣвъзвѣщае намъ. и стѣнию ихъ красѣютьсѣ. сѣуѣнѣи шѣи сѣмысломъ просѣщае. дѣховныи же словесы и нѣуѣлиа сего го мравъ ѣгонитѣ грѣховны. поутъ приготавлиеть възводи на нѣса пощенїемъ хѣте въсакъ сѣблазнь нашѣ потрѣвити. да не оустрашимсѣ брѣе. постѣнынѣхъ днѣи слышасте приближенїе вес тѣхъ во не възможъ но есть сѣсѣненїе непокавшѣхъ по крѣщенїи въ тѣмѣни грѣховъ нѣамъ. да ꙗкоже трѣвоуемъ водыи на шмвѣненїе сквѣрни. такоже и постѣна шѣищенїа доуши. тѣмже подобно расмо-

Текстъ моск. рук.

Радоунтесѣи ш Гѣи въсѣгда рѣе прѣсловѣи Павлы. такожѣи азъ възлюбленїи. кѣ вамъ глѣю. радоунтесѣи ш Гѣи въсѣгда. богатѣство во шѣи свѣтѣи кѣнигѣи приношю. нѣ не боудѣмъ тѣжъ кѣ вамъ. по въсѣи нѣдѣламъ глаголѣ. псано во есть. настоянѣи възблагѣрѣмъ. и безвѣрѣменѣ. пользна во соутъ словеса снѣ. не моя нѣ оца сего. паѣе же хѣи. не тѣкѣма же оучимѣи поутъ приготавлиеть възводи на пользаща. нѣи насъ оучѣи нѣса глаголетъ во прѣмоудрѣи боломонъ. снѣ аще прѣмоудро боудѣтъ сѣце твоѣ. възвесѣлиши мое сѣрдѣце. тѣмъ же молю възѣ. послоушаите глаголѣи нѣхъ. нѣи прѣмоудри боудѣте. не на лоукавѣство. нѣи разѣумѣи хѣи стѣи словеса. не воспольза во. не безѣума во соутъ рѣѣнаѣ. нѣи на сѣпасѣненїе. и слѣишѣи нѣи творѣи нѣи. рѣе во истѣи

¹⁾ Настоящая бесѣда печатается по петербургскому списку бесѣды Константина (лл. 158 об.—161) съ указанїемъ лексїческихъ варїантовъ изъ московской рукописи (лл. 206—210), вступленїе же къ бесѣдѣ печатается параллельно по обоимъ спискамъ—главнымъ образомъ въ виду тѣхъ весьма замѣтныхъ отличїй, какїя существуютъ между ними въ этой части бесѣды и которыя можетъ быть внушили изслѣдователю петербургской рукописи г. Ягичу (Starine, кн. V, стр. 30) нѣкоторое сомнѣнїе въ тождествѣ настоящей бесѣды обѣихъ рукописей.

тримь. прѣтѣю сего юѣлана. каци дарове въ нѣмь лежеть. творещимь смощрение его. каци ли моукы ѿрекшемьсе. и неприемшемь своего ѿси- телю. нѣ дѣла ѿ нѣсь въ своемь пришѣша. ꙗкоже подылежешенъ писание самоу истинноу. юѣли- стомь наказане изрече.

И ꙗвлане намь ꙗсно оумь сене прѣтѣ. въкратцѣ сказане силоу смотрениа словесе Бжнмаго вывшааго на нѣ ²⁾. таиноу вывшую испрѣва до конца ꙗвлане. Бж-тѣ бо члвкъ Бж-тѣ си- нѣ ³⁾ слово. тогоже ради и равь наречесе. нѣ вѣ и истѣвомь до- вородань и неизреченомь рождѣ- ствомь неже ѿ ѿца. сконьчав- же съ плѣтскымь смотрениемь таиноу. въ славоу соущоу въ нѣмь истѣствомь възиде. а ꙗко- же ѿиде въ страну далече. страна бо ⁴⁾ ина кромѣ землѣ юсть нѣбо ⁵⁾.

Възиде же приѣти себѣ црство. ꙗкоже црствоуеи всѣми съ ѿцемь възиде к нѣмоу приѣ- ти себѣ црство. ꙗвѣ юсть. ꙗко въчлвчюуеи снѣоу и сѣ даютъ

слово. слышан словеса моя. и творима. подобны юсть члвкоу сзвдавшюуемь храминоу своѣ на кеме. сзвждаѣмь храмнизи своимь на камене вѣрзи. да аще и колн приде дѣждь безбожнѣ. ли ютерзиѣ напасти. того ради ѿвѣжжхомь длзготу вѣсѣзи. а хотѣше паѣе прострѣти слово. нѣ о немьже съ сзвбрахомь. на то пакзи възвратимьсѣ юсть бо сице.

‘Ο σκοπὸς τῆς προκειμένης πα- ραβολῆς ὅλην ὡς ἐν βραχέσι πα- ριστᾷ τῆς ἐφ’ ἡμῖν γενομένης οἰ- κονομίας τοῦ Θεοῦ Λόγου τὴν δύναμιν, καὶ τοῦ κατ’ αὐτὸν μυ- στηρίου τὰ ἀπαρχῆς μέχρι τέλους. γέγονε μὲν γὰρ ἄνθρωπος Θεὸς ὢν ὁ Λόγος, κεχρημάτισε δὲ διὰ τοῦτο καὶ δοῦλος, ἀλλ’ ἦν καὶ ἔστιν εὐγενής, κατὰ γὰρ τὴν ἐκ Πατρὸς ἀρρητον γέννησιν. ἀποπε- ράνας δὲ τῆς μετὰ σαρκὸς οἰκono- μίας τὸ μυστήριον, εἰς τὴν ἐνοῦ- σαν αὐτῷ κατὰ φύσιν ἀναπεφοί- τηκε δόξαν, καὶ οἷον ἀποδεδήμη- κεν εἰς χώραν μακράν· χώρα γὰρ ἑτέρα παρὰ τὴν γῆν ὁ οὐρανός.

Ἀνέβη δὲ λαβεῖν ἐαυτῷ βασι- λείαν. πῶς δὲ ὁ τῶν ὅλων βασι- λεύων μετὰ τοῦ Πατρὸς ἀνεισι- πρὸς αὐτὸν, ληφόμενος βασιλείαν; δηλονότι ἐνανθρωπήσαντι τῷ Υἱῷ

²⁾ и add. м.³⁾ и om. м.⁴⁾ же м. в.м. бо.⁵⁾ юсть Бж-тѣ м. в.м. юсть и бо.

нѣмоу ѿць. въшѣ бо на нѣбо сѣде ѿдесноую величѣствити на- высокихъ. проуааго жьды. дон- дѣже положены боудутъ врази него подь ногама него.

Кто соутъ же граждане ⁶⁾ него ненавидѣшен него. жидове. ѿ нихъ же соутъ ⁷⁾. «и ꙗко видѣше и възненавидѣше и мене и ѿца моего». и не хотѣше въѣритисе нѣмоу на нихъ. тѣмже и глаголю- къ Филатю ⁸⁾ ѿмѣтающеи црства него. «не имамь црѣ тѣмьмо кесарѣ». нѣо Захарии прѣркоу выпниущоу. «рѣчѣсе льши сиѣ- ва. ꙗко сѣ црѣ твой гредеть ти праведань и спсѣане». такоже же ⁹⁾ Исани. «се же црѣ пра- ведникъ въѣрѣтисе. и кнезы съ соудомь ѿбладанеть» ¹⁰⁾. юще же и прѣрка дѣда ѿ самомь Хѣ глю- ша. «азь же поставленъ юсмь» ¹¹⁾ црѣ имь».

Кые же равь призвавъ. раз- дана имь. ꙗ. манасъ. съврѣше- ние нравомь. имже подобанеть и крѣпко брашно. вѣдоущимь правѣ творити ¹²⁾. и на всакоу добродѣтель себе и инѣхъ оупре- мѣшемь ¹³⁾. сиѣ оубо оучеи

καὶ τοῦτο δίδωσιν ὁ Πατήρ. Ἀνα- φοιτήσας γὰρ εἰς οὐρανὸν, κεκάθι- κεν ἐν δεξιᾷ τῆς μεγαλοσύνης ἐν ὑψηλοῖς, τὸ λοιπὸν ἐκδεχόμενος ἕως οὗ τεθῶσιν οἱ ἐχθροὶ αὐτοῦ ὑπὸ τοὺς πόδας αὐτοῦ.

Τίνες δὲ εἰσιν οἱ πολῖται αὐτοῦ οἱ μισοῦντες αὐτόν; οἱ ἰουδαῖοι, περὶ ὧν φησὶν, «ὅτι καὶ ἐωράκα- σι καὶ μεμισήκασι καὶ ἐμὲ καὶ τὸν Πατέρα μου», καὶ οὐκ ἠθέ- λησαν αὐτὸν ἐπ’ αὐτοὺς βασιλεῦ- σαι. διὸ καὶ ἔλεγον πρὸς Πιλάτον него. «не имамъ црѣ тѣмьмо кесарѣ». нѣо Захарии прѣркоу «οὐκ ἔχομεν βασιλέα εἰ μὴ Καί- σαρα», καίτοι Ζαχαρίου τοῦ προ- φῆτου βῶντος, «χαῖρε σφόδρα, τίς πρᾶγμα Σιών, ὅτι ἰδοὺ ὁ βασι- λεὺς σου ἔρχεται σοι δίκαιος καὶ σώζων». ὁμοίως καὶ Ἡσαίου, «ἰδοὺ δὴ βασιλεὺς δίκαιος βασιλεύ- σει, καὶ ἄρχοντες μετὰ κρίσεως ἄρξουσιν». ἔτι δὲ καὶ τοῦ προφή- του Δαβὶδ περὶ αὐτοῦ τοῦ Χρι- στοῦ λέγοντος· «ἐγὼ δὲ κατεστά- θην βασιλεὺς ὑπ’ αὐτοῦ*».

Ποίους δὲ δούλους καλέσας τοῦτοις διένειμε τὰς δέκα μνᾶς; τοὺς τελείους τὴν ἑξίν, οἷς ἂν πρέπη καὶ ἡ στερεὰ τροφή, τοὺς μυσταγωγεῖν εἰδότες ὀρθῶς, καὶ πρὸς ἁπᾶσαν ἀρετὴν ἐαυτοὺς τε καὶ ἑτέρους ἀπευθύνοντας. οὗτοι

⁶⁾ краждане м.⁷⁾ рече м. в.м. соутъ.⁸⁾ Пилатю м.⁹⁾ и add. м.¹⁰⁾ окладотъ м.¹¹⁾ кыхъ м. в.м. юсмь.¹²⁾ оучити м. в.м. творити.¹³⁾ оупремѣшемъ м.

люди соушеиє подѣ ними приѣ-
лають даными ¹⁴⁾. и подобь-
нѣ ¹⁵⁾ сѣхъ жарѣви пришврѣ-
шоуть.

възвращаюуе приѣмшоу црѣ-
ство члвкоу добродородномуу. и вѣ-
же иєсть ꙗко Хѣу Нѣу нашемоу
въ второѣ пришествіе его. при-
моути тии ¹⁶⁾ хвалы и вышнѣ
уѣсти спѣветьсе. десеторивше
во и петоривше данныє мана-
сы ¹⁷⁾. зане пришврѣтоше мно-
гы надѣ. ꙗ. ю или петію градъ
воудоути. сирѣчь власти въ-
уноути пакыи. не имиже вла-
доше прѣвѣиє ¹⁸⁾ тѣнию. нѣ
ниѣми иєще многы.

Безуѣстнє же воудетъ швлѣн-
шимсе. скривы во ¹⁹⁾ въ оуброу-
ци мѣнасоу. вѣданъ вѣ таково-
моу соуду. вѣща ²⁰⁾ во «воухъ-
се тебе ꙗко уѣвкъ ꙗръ иєси.
жѣниєші идѣже не сѣдѣвъ. и сѣви-
раиєши иєгоже не раздаѣвъ. тѣмъ-
же сѣкрихъ твою манасъ. и се
имаши свое».

Ѧвѣщавъ иємоу црѣ рѣ. «вѣ-
дѣаше ме ꙗко жѣнию идѣже не

γάρ νουθετοῦντες* τοὺς ὑπὸ χεῖρα
λαοὺς προσεργάζονται τοῖς δοθεῖσι
καὶ τὸν τοῖς ἁγίοις πρέποντα κερ-
δαίνουσι κλῆρον. ὑποστρέψαντος
γὰρ μετὰ τὸ λαβεῖν τὴν βασιλεί-
αν τοῦ ἀνθρώπου τοῦ εὐγενοῦς,
ὁ ἄλλος δὲ ὅτι Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ
ἡμῶν, ἐν δευτέρᾳ αὐτοῦ παρουσίᾳ
τεύξονται καὶ ἐπαίνων, καὶ ταῖς
ἀνωτάτω τιμαῖς ἐντροφῆσουσι. δε-
καπλασιάσαντες γὰρ καὶ πενταπ-
λασιάσαντες τὰ δοθέντα διὰ τοῦ
κερδαίνειν πολλοὺς, ἐπάνω δέκα
πόλεων ἢ πέντε γενήσονται, του-
τέστιν ἄρξουσι πάλιν, οὐχ ὧν
ἤρξαν πρὸ τούτου μόνων, ἀλλὰ
γὰρ καὶ ἐτέρων ἔτι πολλῶν. Ἀτι-
μία δὲ ἔσται τοῖς ὀκνω νενικημέ-
νοις· ὁ γὰρ τοι κατακρύψας σου-
δαρίῳ τὴν μνᾶν, ὑπενήνεχται τῇ
τοιᾷδε δίκῃ.

Εἰ γὰρ «αὐστηρὸς εἰμι», φησί,
«θερίζων ὅπου οὐκ ἔσπειρα», διὰ

¹⁴⁾ данниими м.

¹⁵⁾ и подокких м.

¹⁶⁾ и add. м.

¹⁷⁾ манасы от. м.

¹⁸⁾ сего add. м.

¹⁹⁾ оуко м.

²⁰⁾ лице ко людемъ иємъ рече и т. д. (евангельскій текстъ кратко)
add. м.

сѣхъ. поуто даныє ти бл҃гдѣти
иєже иѣ манасъ. не дасть трѣжъ-
никомъ». сирѣчь. поуто не прѣ-
ложи ²¹⁾ на наслѣждениє. свѣ-
доушимъ добрѣ смотрити ²²⁾
гліємыхъ тобою. азъ во пришьдѣ
сѣдѣаль вѣ имъ ²³⁾. сирѣчь про-
силъ вѣмъ ²⁴⁾ своего сѣ лихвою.

Оучителемъ во иѣ иєже сѣяти
въ послушающихъ. пользно и
спѣсно слово слышешимъ ²⁵⁾ иѣ.
не тѣнию. всака влоусти бескрѣпни
нѣ и всакоу добродѣтель при-
дѣлати тѣмъ.
имже ²⁶⁾ лѣнивъ рабъ нагъ иєсть.
ходещиє же по лоушѣшюмоу
поути въ приложениі Бжїи да-
ровъ воудоути.

Не хотѣвшиє же жидове
выѣритисе въ нихъ добродородно-
моу члвкоу. повиєны выше ²⁷⁾
рѣ. иєже не постраѣше нѣна вси.
нѣнци Ѧ ни хъ ѡ ²⁸⁾ прѣиєти
и плѣниєнии иєрлѣмовѣ постраѣ-
ше соути ²⁹⁾. въ второѣ же
пришествіе Хѣ и ³⁰⁾ истовааго
Бѣ нашего. вси ³¹⁾ на оубиє-
ниє бесконѣуѣнѣи моуцѣ прѣдани
воудоути.

τί μὴ τὴν δοθεῖσάν σοι χάριν,
τοῦτο γὰρ ἐστὶν ἡ μνᾶ, δέδωκας
τοῖς траπεζίταις, τουτέστι, προϋ-
θηκας εἰς ἀπόλαυσιν τοῖς εὖ εἰδό-
σι δοκιμάζειν τὰ παρὰ σοῦ. Ἐγὼ
γὰρ ἐλθὼν ἔπραξα ἀν' τουτέστιν,
ἀπῆτησα τὸ ἐμὸν σὺν τόκῳ.

Τῶν μὲν γὰρ διδασκάλων ἐστὶ
τὸ κατασπεῖρειν τοῖς ἀκρωμένοις
τὸν ἐπωφελεῖ καὶ σωτήριον λόγον,
τοῖς ἀκρωμένοις δὲ οὐ μόνον τὰ
καταβληθέντα τηρεῖν ἀμείωτα,
ἀλλὰ καὶ πᾶσαν ἀρετὴν προσερ-
γάζασθαι. Διόπερ ὁ μὲν ὀκνηρὸς
οἰκέτης γυμνὸς καὶ τοῦ δοθέντος
ἔσται χαρίσματος, οἱ δὲ τὴν ἀμεί-
νω βαδίζοντες ὁδὸν, ἐν προσθήκῃ
θειῶν χαρισμάτων γενήσονται· ἔτι
δὲ καὶ τῶν αἰώνιων ἀγαθῶν ἀπο-
λάουσιν.

Οἱ δὲ μὴ θελήσαντες ἰουδαῖοι ἐπ'
αὐτοὺς βασιλεῦσαι τὸν ἄνθρωπον τὸν
εὐγενῆ, κατεσφάγησαν ἔμπροσθεν
αὐτοῦ, φησί. Καὶ γὰρ ἔπαθον καὶ
νῦν τοῦτο τινες ἐξ αὐτῶν ἐπὶ τῇ
τῶν Ἱεροσολύμων ἀλώσει. ἐν δὲ
τῇ δευτέρᾳ παρουσίᾳ Χριστοῦ τοῦ
ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν, πάντες
οὗτοι ὥσπερ ἐν σφαγῇ τῇ ἀτε-
λευτήτῳ κολάσει [παρα]δοθήσον-
ται ³²⁾.

²¹⁾ прѣдложи м. ²²⁾ разсмотрити м. ²³⁾ быхъ м. вѣ. ки имъ.

²⁴⁾ быхъ м. вѣ. ки имъ.

²⁵⁾ же add м.

²⁶⁾ тѣмъ же м. вѣ. тѣмъ. имже.

²⁷⁾ прѣдъ нимъ add м.

²⁸⁾ и сѣ иєтери отъ ни хъ по м. вѣ. ки—Ѧ ни хъ ѡ.

²⁹⁾ соути от м.

³⁰⁾ и от м.

³¹⁾ ꙗко add м.

³²⁾ Cramer, t. II, pp. 138—140. 428.

Слышасте ли колико възмъздіе лежитъ. распложъшииъ даны ѿ Бѣ даръ. слышасте ли пакы коліка моука оуготовисе шблѣн-шоумоусе и ꙗкоже въ земли въ зависти скрившоумоу блѣтъ. тѣмъже не шблѣнимсе подати братин данноюу намъ ѿ Бѣ влагдѣтъ. ꙗкоже кждо ѿ Хѣ приеъ ѿ. глѣтъ во самъ «тоуніе приеъте тоуніе дааіте». ꙗкоже во аще дамо ³³⁾ десоторицею примемо. и аще ли не дамо то истовое ꙗже имамъ погоубимъ. почто брате не даси ꙗже ꙗси приеъ не да скривши во дастьтисе ³⁴⁾ нъ да расплодиши. не ѿ блѣти туню глѣю. нъ и ѿ имѣни. что во ꙗмоу ꙗси даъ да те шбогатишь. аще ти ви и ѿ себе богатство то было. то и тако не достояше ти не подати ꙗго. нъ понеже все ѿ Бѣ ꙗсть и ѿ него подано бѣ. не мозѣмъ неподати ви быти. да не скончуетьсе на насъ вышереуенное слово. ꙗко «възмѣте ѿ него манасоу. и дадите ꙗмоушоумоу. ꙗ. манасъ». нъ да оуслышимъ блѣныи тѣ глѣглющи «благы рабе и вѣрныи. ѿ малѣ бѣ вѣрнъ надъ многими те поставлю вниди въ радость Гѣ твоего». ктомуу припадаѣмъ и томоу въспомъ славеше ³⁵⁾ ꙗго съ Оцѣмъ и съ Сѣмъ Дѣомъ нѣмъ и прѣ и вѣвѣ вѣмъ. аминь.

IV. Мѣсто Учительнаго Евангелія епископа Константина въ исторіи славяно-русскаго проповѣдничества.

Изъ предложеннаго параллельнаго сопоставленія подлиннаго текста изъяснительной части бесѣды Константина Болгарскаго съ греческимъ ихъ оригиналомъ ясно открывается, что всѣ его бесѣды, за исключеніемъ вступленій и заключеній, составляютъ дословный переводъ съ греческаго. Но къ этому необходимо еще прибавить, что и въ принадлежащихъ нашему проповѣднику частяхъ его бесѣды, т. е. во вступленіяхъ и заключеніяхъ, авторская его самостоятельность только относительная.

³³⁾ дама м. ³⁴⁾ бо дастьтисе ом. м.

³⁵⁾ далѣе м: Оца ꙗ Сѣа и Сѣго Дѣа нѣмъ и прино и кз кѣкзи кѣкомз аминь.

Часто и здѣсь онъ буквально же повторяетъ мысли греческихъ источниковъ, что впрочемъ было естественно и неизбежно. Занимаясь чтеніемъ греческихъ толкованій и переводомъ изъ нихъ для своихъ проповѣдей изъясненій тѣхъ евангельскихъ сказаній, которыя по уставу читались въ дни воскресные, онъ весь проникался содержаніемъ этихъ изъясненій, его мысль вращалась въ одной специальной области и при своемъ внѣшнемъ выраженіи должна была нерѣдко облекаться въ однѣ и тѣже формулы. Этимъ объясняются встрѣчающіяся иногда въ его бесѣдахъ буквальные повторенія однѣхъ и тѣхъ же мыслей: переведенное въ одномъ мѣстѣ съ греческаго въ другомъ передавалось какъ собственная мысль самого проповѣдника. Впрочемъ примѣровъ такихъ повтореній не много, если судить объ этомъ на основаніи того количества бесѣдъ, которое нами напечатано. Приводимъ здѣсь эти примѣры. Въ изъяснительной части бесѣды въ недѣлю мясопустную находится слѣдующее наставленіе: «подобаетъ же съмотрити и льготы заповѣди. не рече бо ꙗко въ тѣмници бѣхъ и не избависте мене. боль бѣхъ и не исцѣлисте мене. нъ ꙗко не посѣтисте мене. нъ не придосте ко мнѣ» и пр. Таже самая мысль, только впрочемъ въ иныхъ словахъ, выражена въ заключеніи 33-й бесѣды: «ничьсоже бо велика просить Богъ отъ насъ. не просить нищаго обогатити. не глаголетъ. болящаго исцѣлѣти. не бѣдитъ исъ тѣмница избавити. нъ напитѣти отъ избытка нашего. напоити аще инѣмъ ничимъже не можемъ. поне водою стоуденою». Въ переводной части той же бесѣды въ недѣлю мясопустную говорится, что «брата творить крещение. и причастіе святыхъ таинъ». Это же самое изреченіе буквально повторяется въ приступѣ бесѣды 48-й. Въ изъяснительной—переводной части 33-й бесѣды читаемъ: «свой градъ в се мѣсто нарече. Капернаоума глаголетъ. Виф-

леомъ бо роди. а Назарефъ въскърми. Капернаоумъ же имѣаше живоуща въ себѣ. подобашеть же смотрити и кротость Владычня. и невеличества. якоже въ корабль влѣзъ преходяше. могый пѣшь преити. и гадаряньми отгнать бывъ не противися. отъиде же оубо. инѣде далече». Все это мѣсто буквально повторено въ приступѣ бесѣды 14-й. Такимъ образомъ и во вступленіяхъ и въ заключеніяхъ къ своимъ бесѣдамъ епископъ Константинъ не вездѣ и не всегда былъ самостоятеленъ и свободенъ отъ вліянія греческихъ же источниковъ.

Но если въ бесѣдахъ его, взятыхъ самихъ въ себѣ, мало самостоятельнаго, авторскаго элемента, зато самый составъ Учительнаго Евангелія, разсматриваемаго въ цѣломъ его видѣ, планъ его, цѣль и самая мысль для удовлетворенія существенныхъ потребностей своей паствы составить сборникъ поученій на всѣ воскресные дни года составляютъ безспорно плодъ самостоятельныхъ, личныхъ воззрѣній нашего проповѣдника на задачи и цѣли церковнаго собесѣдованія. По просьбѣ нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ людей, въ особенности же старца Наума, единого отъ св. седмичисленниковъ болгарскихъ, епископъ Константинъ, какъ самъ онъ выражается въ прологѣ къ сборнику своихъ бесѣдъ, понуждался перевести съ греческаго языка на славянскій толкованіе всего Евангелія, въ томъ конечно видѣ, какъ оно составлено было позднѣе въ Болгаріи же архіепископомъ Теофилактомъ. Такая обширная работа показалась ему трудною, и онъ вмѣсто этого остановился на весьма похвальной мысли перевести только краткія толкованія уставныхъ воскресныхъ евангелій, каковыя толкованія онъ и предлагалъ своимъ новопросвѣщеннымъ слушателямъ съ церковной кафедры въ формѣ бесѣдъ, снабдивъ греческія толкованія евангельскаго текста сво-

ими вступленіями и заключеніями и расположивъ свои бесѣды въ порядкѣ годового богослужебнаго круга недѣль, начиная съ недѣли Пасхи. Такъ составилось Константиново Учительное Евангеліе.

Чтобы вполне оцѣнить все значеніе этого перваго на славянскомъ языкѣ систематическаго проповѣдника сборника, надобно принять во вниманіе общее направленіе греческой церковной проповѣди того времени, религіозныя потребности новопросвѣщеннаго болгарскаго народа и наконецъ направленіе и общій ходъ развитія древняго славяно-русскаго церковнаго проповѣдничества вообще.

Выше (стр. 148 и 163) говорено уже было, что въ современной епископу Константину греческой проповѣди господствовалъ такъ называемый похвально-торжественный родъ краснорѣчія, отличавшійся риторствомъ, или, какъ удачно выразился нашъ проповѣдникъ, «связаніемъ вѣтиискѣмъ и плотоньскими словесы» ¹⁾. Изъяснительная же форма церковнаго собесѣдованія (гомилія), основывающаяся исключительно на толкованіи Священнаго Писанія, была въ то время оставлена, была не въ ходу и не въ модѣ. Образцы такого собесѣдованія давали епископу Константину только проповѣдническія произведенія великихъ отцовъ, проповѣдниковъ третьяго и четвертаго вѣка, гомилетическую методу которыхъ онъ усвоилъ для своего церковно-общественнаго учительства, безъ сомнѣнія, съ яснымъ сознаніемъ ея наибольшей для сего дѣла пригодности и цѣлесообразности. Каждому извѣстно, какъ всеильна всякая, а равно и литературная мода, какъ она подчиняетъ себѣ даже и не заурядныхъ людей. Чтобы идти въ этомъ дѣлѣ своимъ излюбленнымъ путемъ, не взирая на моду, нужны сво-

¹⁾ Горскій и Невоструевъ, стр. 426.

его рода мужество и смѣлость, потребны силы крупныя, недюжинныя. Ясно, что если епископъ Константинъ, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, рѣшился возстановить для своего времени и для своего народа вышедшую изъ употребленія древнюю проповѣдническую методу, не имѣя для себя руководства въ такомъ направленіи въ современной ему гомилетической литературѣ греческой, то такая рѣшимость его свидѣтельствуется конечно о высокомъ развитіи и твердости его мысли, умѣвшей руководиться въ приложеніи къ пастырски-учительной его дѣятельности не случайною литературною модою, а яснымъ пониманіемъ религіозныхъ нуждъ и потребностей своего народа. Знаніе Евангелія, правильное разумѣніе его смысла и направленіе самой жизни согласно основнымъ заповѣдямъ евангельскимъ должно составлять альфу и омегу, начало и конецъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія христіанина. Поэтому изученіе Священнаго Писанія и изъясненіе его въ приложеніи къ христіанской жизни въ проповѣднической дѣятельности пастырей Церкви Христовой должно всегда занимать самое выдающееся положеніе. Епископъ Константинъ ясно сознавалъ это, понималъ и религіозныя потребности новопросвѣщеннаго болгарскаго народа, требовавшаго не ораторскихъ рѣчей, а простыхъ уроковъ и оглашеній въ истинахъ вѣры, каковой цѣли и должно было удовлетворять составленное имъ Учительное Евангеліе. Оно служило естественнымъ дополненіемъ проповѣдническихъ трудовъ знаменитаго современника Константина, епископа Климента. Этотъ послѣдній, по достовѣрному сказанію житія его, составилъ поучительныя слова, простыя и ясныя, на всѣ праздники года, а также слова похвальныя во славу пречистыя Божія Матери, въ честь Іоанна Крестителя и многихъ святыхъ (гл. 22). Знаніе важнѣйшихъ событій въ

исторіи Церкви христіанской, приобрѣтеніе котораго имѣли въ виду составленныя Климентомъ похвалы апостоламъ и пророкамъ, мученикамъ и святымъ, несомнѣнно составляетъ также важнѣйшій предметъ въ дѣлѣ религіознаго назиданія и христіанскаго просвѣщенія народа. Такимъ образомъ дѣло церковной проповѣди въ юной Болгаріи съ самаго же начала получило вполне правильную и прочную постановку. Оно поставлено было здѣсь такъ цѣлесообразно и широко, что лучшаго нельзя было желать и требовать. Достойные ученики Меодія, просвѣтителі болгарскаго народа, старались давать ему духовную пищу самую разнообразную и питательную. Они назидали своихъ слушателей и изъясненіемъ Евангелій и поучительными словами, приносившими къ празднествамъ. Въ этомъ отношеніи Болгарія была счастливѣе древней Россіи, въ которой самостоятельная, живая церковная проповѣдь не получила широкаго развитія, но заявивъ себя съ самаго начала въ немногихъ, но впрочемъ прекрасныхъ образцахъ (митр. Иларіонъ, Кирилль Туровскій), скоро замѣнилась обыкновенными уставными чтеніями. Первый же оригинальный систематическій сборникъ поученій на всѣ воскресные дни года въ Россіи появился только уже въ XVII в.

Такимъ образомъ, если не по содержанію, то по замыслу и по формѣ Учительное Евангеліе епископа Константина было дѣломъ вполне оригинальнымъ, и въ исторіи славяно-русской проповѣднической литературы за епископомъ Константиномъ должна быть признана честь составителя перваго систематическаго проповѣдническаго сборника на славянскомъ языкѣ.

III.

изъ исторіи древне-русской проповѣди.

Такъ называемыя поученія Θεодосія Печерскаго къ народу русскому ¹⁾).

Литературныя произведенія Θεодосія Печерскаго сдѣлались извѣстными не особенно давно. Изъ нихъ нѣкоторыя дѣйствительно могутъ ему принадлежать, другія только ему приписаны ²⁾, а инныя мы знаемъ только по имени.

Въ біографіи Θεодосія, составленной Несторомъ, разсказывается, что когда Святославъ изгналъ изъ Кіева старшаго брата своего Изяслава и восшелъ на престолъ его, то Θεодосій «обличалъ его, иногда посылая къ нему *на письмъ посланіе*, а иногда предъ приходящими къ нему вельможами обличалъ несправедливость изгнанія брата, приказывая передать то Святославу. Впослѣдствіи *написалъ* къ нему *весьма обширное посланіе*, гдѣ такъ обличалъ его: Гласъ крови брата твоего вопіетъ на тебя къ Богу, подобно Авелевой на Каина. Приводилъ въ примѣръ и многихъ другихъ древнихъ гонителей, братоубійцъ и ненавистниковъ, и притчами обличалъ его поступокъ. Все это *на письмъ* послалъ къ нему» ³⁾. Посланія эти очевидно вышли за тѣсныя предѣлы частной переписки. По крайней мѣрѣ одно изъ нихъ, *посланіе*

¹⁾ Напечат. въ Православн. Собесѣдн. 1876 г., т. 3.

²⁾ Дѣйствительно могущими принадлежать Θεодосію Печерскому изъ круга его *поученій* мы считаемъ пять поученій къ инокамъ и одно къ келарю; четыре такъ называемыхъ отрывка его поученій мы не признаемъ въ собственномъ смыслѣ литературными памятниками, два поученія къ народу русскому считаемъ не принадлежащими ему.

³⁾ Учен. Зап. 2 отд. Имп. Ак. Н., кн. 2, вып. 2, стр. 176.

обширное, несомнѣнно было извѣстно во времена Нестора, который зналъ его содержаніе. По всей вѣроятности оно и начиналось этими именно словами: «Гласъ крови брата твоего вопіетъ на тебя къ Богу» и пр., которыя передаетъ намъ Несторъ. Къ сожалѣнію эти единственно несомнѣнныя литературныя произведенія Θεодосія Печерскаго не дошли до насъ и доселѣ остаются извѣстными только по имени.

Жизнеописатель не указываетъ намъ еще другихъ случаевъ письменнаго изложенія Θεодосіемъ своихъ мыслей, хотя и говоритъ о широкомъ примѣненіи его нравственной и религіозно-просвѣтительной дѣятельности. Преподобный Θεодосій, по Нестору, часто поучалъ «отъ святыхъ книгъ» и князей, и бояръ, и народъ, за что и пользовался отъ всѣхъ величайшею любовію и почетомъ, хотя по внѣшнему своему виду и одѣянію походилъ на самаго послѣдняго нищаго. «Его почитали, говорится въ біографіи, не за нарядное платье, или свѣтлыя одежды, или за большое его имѣніе, но за чистое житіе и свѣтлую душу, и за многія его поученія, проникнутыя силою Духа Святаго» ¹⁾. Но поученія эти не были общественныя, облакаемыя въ извѣстную литературную форму и передаваемыя въ связномъ цѣломъ, а имѣли характеръ назидательнаго разговора, частной бесѣды, домашнихъ наставленій. Притомъ ни откуда не видно, чтобы и въ этомъ видѣ они гдѣ нибудь, когда нибудь и кѣмъ нибудь были записаны и сохранились бы такимъ образомъ для послѣдующихъ поколѣній.

Кромѣ князей, бояръ и народа Θεодосій поучалъ и братію, иноковъ Печерскаго монастыря, которые составляли главный центръ всѣхъ его заботъ и преимущественный предметъ его пастырско-учительной дѣятельности. Поуче-

¹⁾ Тамъ же, стр. 180.

нія его къ инокамъ имѣли и частный и общественный характеръ. Θεодосій тщательно слѣдилъ за нравственнымъ развитіемъ каждаго инока. Ходилъ по кельямъ, даже и ночью наблюдалъ, кто изъ нихъ какъ проводитъ время. И когда замѣчалъ въ комъ какія либо качества, не соотвѣтствовавшія иноческому идеалу жизни, тотчасъ стремился исправлять и искоренять ихъ путемъ частныхъ, домашнихъ наставленій. Но ими одними преподобный Θεодосій конечно не могъ ограничиться. Общежительный характеръ монастыря, придававшій общинѣ монаховъ видъ единой нераздѣльной семьи подъ главнымъ водительствою одного отца, игумена монастыря, соединявшее членовъ его единство идеала и всѣхъ конечныхъ цѣлей и стремленій жизни, необходимо должны были вызывать настоятеля и на публичныя поученія. Жизнеописатель, подробно рассказывая намъ о многихъ случаяхъ перваго рода наставленій, весьма ясно говоритъ и о послѣднихъ. Θεодосій, по его словамъ, «иногда самъ поучалъ братію *въ церкви духовными словами*, а иногда приказывалъ великому Никону, который, читая книги, поучалъ братію» ¹⁾. Нельзя не обратить здѣсь вниманія на способъ слововыраженій жизнеописателя. О Никонѣ онъ говоритъ, что «онъ поучалъ братію, читая книги», т. е. чтеніемъ книгъ; говорилъ не отъ себя, а читалъ книжныя поученія. О Θεодосіи этого не сказано. Слѣдовательно его «духовныя слова», говоренныя имъ братіи въ церкви, были произведеніями самостоятельными, а не книжными, составляли плодъ его собственнаго умственнаго сокровища и были выраженіемъ его личныхъ воззрѣній и убѣжденій. Записанныя самимъ ли авторомъ, или съ его словъ кѣмъ либо другимъ, слова эти такъ же, какъ и посланія къ Свято-

¹⁾ Учен. Зап. 2 отд. Имп. Ак. Н., кн. 2, вып. 2, стр. 155.

славу, имѣли бы полное право на литературное значеніе. Но опять, къ сожалѣнію, мы ничего подобнаго не знаемъ ни изъ лѣтописи, ни изъ біографіи. Несторъ не упоминаетъ даже, сохранились ли эти «духовныя слова» Θεодосія Печерскаго и для его времени.

Впрочемъ въ житіи и въ лѣтописи влагаются въ уста Θεодосію нѣкоторыя поучительныя наставленія, которыя русская литература давно уже записала, какъ отрывки изъ поученій Θεодосія къ братіи. Митрополитъ Евгеній, указывая на то, что «житіе Θεодосія, обстоятельно описанное преподобнымъ Несторомъ, помѣщено въ Патерикѣ печерскомъ», прибавляетъ, что «тамъ (въ житіи) находятся многія его поучительныя слова братіи. А одно его поученіе пространнѣе напечатано въ 1 части русскаго Временника»¹⁾. Подъ послѣднимъ разумѣются обращенныя къ братіи поучительныя наставленія о постѣ, влагаемая въ уста Θεодосію лѣтописцемъ²⁾. Максимовичъ говоритъ, что «до насъ дошло нѣсколько поученій Θεодосія къ братіи», имѣя въ виду конечно упомянутыя поучительныя наставленія, потому что въ его время другія поученія Θεодосія къ братіи были еще неизвѣстны³⁾. Шевыревъ стремится опредѣлить уже количество поученій Θεодосія, записанныхъ въ житіи и насчитываетъ ихъ два: о покаяніи и противъ стяжаній⁴⁾. Преосвященный Макарій насчиталъ ихъ три, а всего съ лѣтописнымъ четыре, которыя и издалъ, какъ отрывки изъ поученій Θεодосія къ братіи вмѣстѣ съ другими его сочиненіями⁵⁾. Вотъ все, что исторія нашей древней литературы могла извлечь для себя изъ житія и лѣтописи подъ име-

¹⁾ Историч. слов. о писателяхъ дух. чина, т. 2, стр. 283—284, 2-е изд.

²⁾ Лѣтопись по Лавр. списку, стр. 178—180, изд. 1872 г.

³⁾ Истор. древн. русск. слов., кн. 1, стр. 80.

⁴⁾ Истор. русск. слов. преим. древн., вып. 2, стр. 46. Изд. 1-е.

⁵⁾ Учен. Зап. 2 отд. Имп. Ак. Н., кн. 2, вып. 2, стр. 200—203.

немъ отрывковъ изъ поученій Θεодосія, какъ памятниковъ древней російской словесности¹⁾.

Но можно ли эти такъ называемые «отрывки» считать въ строгомъ смыслѣ литературными памятниками? Очевидно нѣтъ. Несторъ при составленіи «житія» Θεодосія пользовался совсѣмъ не тѣми приѣмами, какіе употребляютъ современные историки и біографы, вооруженные документами и источниками, провѣренными по всѣмъ правиламъ безпристрастной исторической критики. Онъ не былъ и въ счастливомъ положеніи современника, лично наблюдавшаго жизнь и дѣятельность великаго печерскаго игумена. «О томъ, говоритъ онъ въ концѣ біографіи, что относилось до блаженнаго великаго отца нашего Θεодосія, я, испытывая, слышалъ отъ старшихъ меня отцевъ,.... и такимъ образомъ я, грѣшный Несторъ, написалъ; будучи меньшимъ всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго отца Θεодосія»²⁾. Итакъ, Несторъ передавалъ въ своемъ «житіи» только слышанное отъ другихъ, составлялъ его по преданію. Это конечно не уничтожаетъ несомнѣнной достовѣрности фактической стороны житія, потому что преданіе было слишкомъ свѣжо; оно получалось изъ устъ очевидцевъ, современниковъ Θεодосія, но отнимаетъ возможность придавать упомянутымъ «отрывкамъ» значеніе литературныхъ памятниковъ. Передаваемые также по преданію, они, понятно, совсѣмъ не имѣютъ документальнаго характера. Въ нихъ, быть можетъ, мысли Θεодосія сообщаются и вполнѣ вѣрно, но зато все остальное: планъ ихъ расположенія, способъ выраженія и вся вообще литературная форма принадлежатъ Нестору. Мыслямъ Θεодосія онъ придалъ свою

¹⁾ Шевыревъ сдѣлалъ предположеніе, что «Θεодосію можетъ быть приписано слово о крещеніи св. Владиміра, вставленное Несторомъ въ лѣтопись» (Ист. русск. слов. 2, 45—46), но предположеніе это осталось недоказаннымъ.

²⁾ Учен. Зап. 2 отд. Имп. Ак. Н., кн. 2, вып. 2, стр. 187.

собственную редакцію, сообразно личному своему вкусу и свойству своего ума. И если преосвященный Макарій нашелъ нужнымъ исключить изъ своего обозрѣнія литературныхъ произведеній Θεодосія Печерскаго молитвы, передаваемыя Несторомъ въ житіи, какъ «не написанныя самимъ Θεодосіемъ»¹⁾, то на этомъ же самомъ основаніи, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ исключить изъ числа литературныхъ произведеній Θεодосія и эти такъ называемые «отрывки» его поученій къ братіи, сообщаемые въ житіи и въ лѣтописи²⁾.

Такимъ образомъ изъ житія Θεодосія мы узнаемъ только, что Несторъ читалъ одно изъ письменныхъ произведеній Θεодосія, его «весьма обширное посланіе» къ Святославу, что онъ зналъ о другихъ посланіяхъ его къ тому же князю, и что онъ совсѣмъ не зналъ о существованіи въ его время другихъ какихъ либо литературныхъ произведеній Θεодосія Печерскаго.

Между тѣмъ, благодаря возникшему въ первой четверти нынѣшняго столѣтія особенно сильному стремленію русскихъ ученыхъ къ изученію древнихъ памятниковъ отечественной литературы, въ старинныхъ нашихъ рукописяхъ найдены были нѣкоторыя поученія, надписываемыя то именемъ преподобнаго Θεодосія, игумена печерскаго, то просто именемъ св. Θεодосія. Понятно, что при отсутствіи въ житіи Θεодосія прямыхъ и ясныхъ указаній, кромѣ посланій къ Святославу, на существованіе другихъ его литературныхъ произведеній, къ этимъ рукописнымъ показаніямъ слѣдуетъ относиться съ крайнею осторожностью. Но, какъ увидимъ, осторожность эта наблюдалась мало и потому Θεодосію приписали нѣкоторыя поученія, которыя не могутъ ему принадле-

¹⁾ Ист. русск. ц., т. 2, стр. 105. Спб. 1857.

²⁾ Въ обзорѣ духовной литературы Филарета «отрывки» эти не упоминаются въ числѣ сочиненій Θεодосія.

жать. Первое извѣстіе о существованіи въ нашихъ рукописяхъ поученій съ именемъ Θεодосія Печерскаго сообщаетъ митрополитъ Евгеній. Онъ утверждаетъ, что «въ древлеписменныхъ славенскихъ прологахъ есть поученіе Θεодосія о казняхъ Божіихъ»¹⁾. Поученіе это въ настоящее время извѣстно по списку одного Торжественника XV вѣка, найденное А. Х. Востоковымъ при описаніи имъ рукописей Румянцевскаго музеума. Востоковъ кромѣ того готовъ былъ приписать Θεодосію Печерскому нѣкоторыя поученія изъ Соборника XV же вѣка, надписываемыя именемъ Θεодора Студійскаго, а иныя и безыменныя²⁾. Въ этомъ же Соборникѣ находятся еще пять великопостныхъ поученій къ монастырской братіи съ именемъ святаго Θεодосія, но какого не показано. А. Х. Востоковъ съ своей стороны относительно истиннаго ихъ автора не предлагаетъ никакихъ рѣшительныхъ заключеній³⁾. Шевыревъ, указывая на всѣ эти поученія, какъ уже на поученія Θεодосія Печерскаго, присоединяетъ къ нимъ еще два: поученіе о тропарныхъ чашахъ изъ книги Женчюгъ и Матица Златая и другое, непосредственно слѣдующее за нимъ, слово о пьянствѣ, изъ которыхъ онъ извлекаетъ отрывки. Послѣднее впрочемъ не надписывается именемъ Θεодосія, и потому Шевыревъ приписываетъ его Θεодосію Печерскому только съ вѣроятностію⁴⁾. Преосвященный Макарій совершенно отвергъ его⁵⁾, но призналъ несомнѣнно принадлежащими Θεодосію Печерскому почти всѣ остальные поученія, а именно: поученіе о казняхъ Божіихъ, пять поученій великопостныхъ къ братіи

¹⁾ Ист. слов. о писат. дух. чина, т. 2, стр. 284, изд. 2-е.

²⁾ Описан. рукоп. Румянц. музеума, стр. 615.

³⁾ Тамъ же, стр. 616.

⁴⁾ Истор. русск. слов. преим. древн., вып. 3, стр. 46—47, и прим. 21 на стр. 59.

⁵⁾ Истор. русск. церкви, т. 2, стр. 293, прим. 205.

и поученіе о тропарныхъ чашахъ, которыя онъ и издалъ въ Ученыхъ Запискахъ 2 отд. Имп. Академіи Наукъ (кн. 2, вып. 2). Во второмъ томѣ своей церковной исторіи онъ издалъ еще одно поученіе къ келарю, надписанное именемъ «святаго Θεодосія, игумена печерскаго монастыря въ Кыевѣ» ¹⁾, и раздѣлилъ всѣ собранныя такимъ образомъ поученія Θεодосія на два разряда: на поученія, обращенныя вообще къ народу русскому и на поученія къ братіи ²⁾.

На изданіи поученія къ келарю остановился пока рядъ открытій и изданій поученій Θεодосія Печерскаго, но вопросъ о подлинности ихъ доселѣ еще остается не вполне рѣшеннымъ. Онъ касается главнымъ образомъ такъ называемыхъ поученій Θεодосія къ народу русскому, т. е. поученія о казняхъ Божіихъ и поученія о тропарныхъ чашахъ. Первое изъ нихъ въ рукописи имѣетъ слѣдующее надписаніе: «поученіе блаженнаго Θεодосія, игумена печерскаго, о казняхъ Божіихъ» ³⁾. Но несмотря на такое весьма ясное надписаніе, подлинность его подверглась сильному сомнѣнію. Первымъ и главнымъ основаніемъ для сего послужило почти буквальное сходство первой половины поученія съ размышленіемъ о казняхъ Божіихъ, находящимся въ лѣтописи по Лаврентьевскому списку ⁴⁾. Какъ объяснить это сходство?

Если выходить изъ той мысли, что показаніе рукописи объ авторѣ поученія не можетъ подлежать сомнѣнію, въ такомъ случаѣ лѣтописное размышленіе о казняхъ Божіихъ нужно будетъ признать заимствованнымъ изъ поученія и вставленнымъ въ лѣтопись. Но можно предполагать и совершенно наоборотъ. Въ первомъ смыслѣ

¹⁾ Тамъ же, стр. 294, прим. 218.

²⁾ Тамъ же, стр. 83.

³⁾ Опис. рукоп. Румянц. муз., стр. 686.

⁴⁾ Лѣт. по Лавр. списку, стр. 163—166. Изд. 1872 г.

положительно высказался преосвященный Макарій. Онъ указываетъ и поводъ, по которому Θεодосій могъ написать свое поученіе о казняхъ Божіихъ, считая, съ вѣроятностію, таковымъ нашествіе половцевъ на русскую землю въ 1067 году, потому что при разсказѣ объ этомъ самомъ событіи и о пораженіи русскихъ князей «погаными», лѣтописецъ вставилъ упомянутое размышленіе ¹⁾. Заключенія свои преосвященный Макарій подтверждаетъ слѣдующими соображеніями: «что Несторъ пользовался, при составленіи своей лѣтописи, сочиненіями другихъ и даже заимствовалъ изъ нихъ цѣлыя отрывки, это не подлежитъ сомнѣнію. Что онъ могъ воспользоваться, описывая бѣдственное нашествіе половцевъ на землю русскую въ 1067 году, отрывкомъ изъ поученія, сказаннаго по сему самому случаю достоуважаемымъ игуменомъ печерскимъ, это очень естественно. И если поученіе существовало въ спискахъ съ именемъ Θεодосія и было общеизвѣстно, то лѣтописцу и не нужно было упоминать этого имени». Рядомъ съ этою, такъ рѣшительно высказанною, мыслию онъ допускаетъ впрочемъ возможность и другого предположенія, хотя и считаетъ его не имѣющимъ основанія. «Предполагать же, будто кто-либо впослѣдствіи выписалъ изъ лѣтописи Несторовой размышленіе о казняхъ Божіихъ, придѣлалъ къ нему другую, значительнѣйшую половину поученія и приписалъ все поученіе преп. Θεодосію Печерскому, по крайней мѣрѣ *нѣтъ никакого основанія*» ²⁾. На самомъ же дѣлѣ, для этого предположенія гораздо больше основаній, чѣмъ для перваго, особенно если мы примемъ во вниманіе съ одной

¹⁾ Истор. русск. церкви, т. 2, стр. 84. По изданію археограф. ком. 1872 г. разсказъ объ этомъ событіи и самое размышленіе помѣщены въ лѣтописи подъ 1068 годомъ.

²⁾ Ист. русск. церкви, т. 2, стр. 292, прим. 203.

стороны то, что показанія нашихъ рукописей объ авторахъ не всегда надежны, а съ другой то, что, какъ мы уже замѣтили, по отношенію къ имени Θεодосія Печерскаго къ этимъ показаніямъ нужно относиться съ особенною осторожностію; въ данномъ же случаѣ тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ показаніе одной только рукописи. Поэтому-то, конечно, еще Востоковъ замѣтно склонялся къ послѣднему предположенію. Онъ первый указалъ и на сходство половины поученія съ лѣтописнымъ размышленіемъ о казняхъ Божіихъ и замѣтилъ по этому поводу слѣдующее: «начало сего сочиненія, гдѣ говорится о казняхъ, насылаемыхъ Богомъ,... и о суевѣріяхъ того времени,... *взято почти отъ слова до слова изъ Несторова Временника* по Лаврентьевскому списку. *Можетъ быть самъ Несторъ* передаетъ намъ въ сихъ мѣстахъ своей лѣтописи *слова* благочестиваго наставника своего Θεодосія, *вперившіяся въ его памяти*» ¹⁾. Вторая половина замѣтки очевидно не имѣетъ полного соответствія съ первой. Тамъ сравниваются два документа, а здѣсь документъ и слова, вперившіяся въ памяти, такъ что изъ всей замѣтки нельзя вывести яснаго и опредѣленнаго заключенія ни объ авторѣ поученія, ни о происхожденіи его. Ясно только одно, что Востокову болѣе вѣроятною казалась возможность заимствованія поученія изъ лѣтописи, а не наоборотъ. Въ первомъ случаѣ онъ говоритъ тономъ положительнымъ, а въ послѣднемъ весьма нерѣшительно и притомъ неопредѣленно. Академикъ И. И. Срезневскій высказался объ этомъ предметѣ въ направленіи, противоположномъ преосвященному Макарію, уже прямо и положительно. Онъ указываетъ на то, во-первыхъ, что въ поученіи по лѣтописной редакціи встрѣчаются

¹⁾ Описан. рукоп. Румянц. муз., стр. 686.

выраженія, могущія дать основаніе для мысли, что «или все поученіе, въ которомъ имъ дано мѣсто, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя части его взяты съ греческаго: довольно припомнить слово *единецъ*, явившееся въ славянскомъ языкѣ въ значеніи кабана, очевидно, какъ переводъ греческаго *μόνος*». Обращаясь затѣмъ къ сборнику, въ которомъ поученіе это помѣщено подъ названіемъ поученія Θεодосія Печерскаго, онъ, во-вторыхъ, относится съ полнымъ недоумѣніемъ къ этому рукописному показанію. Поученіе заняло мѣсто въ Торжественникѣ подъ 3-мъ мая, когда празднуется память преподобнаго Θεодосія и могло быть названо его поученіемъ такъ же простодушно, какъ подъ 9-мъ мая въ томъ же сборникѣ поученіе въ день празднованія перенесенія мощей святителя Николая названо «словомъ иже во святыхъ отца нашего Николы на пренесеніе честныхъ его мощей» ¹⁾. Но всего этого, по его мнѣнію, мало для того, чтобы выбросить поученіе о казняхъ Божіихъ изъ числа произведеній Θεодосія Печерскаго. Для этого нужно было бы съ точностію рѣшить вопросъ: гдѣ искать древнѣйшаго вида этого поученія, въ лѣтописи или въ сборникѣ, говоря иначе, лѣтописецъ ли заимствовалъ его изъ произведеній Θεодосія, или мнимый Θεодосій изъ лѣтописи?.. Вопросъ этотъ Срезневскій старается рѣшить указаніемъ источника, изъ котораго, по его мнѣнію, поученіе занято частію дословно, частію съ пропусками и дополненіями. Источникъ этотъ—находящееся въ Симеоновскомъ Златоструѣ «слово о ведрѣ и о казняхъ Божіихъ». Изъ сравненія этого слова съ поученіемъ о казняхъ Божіихъ онъ выводитъ заключеніе, что «поученіе сохранилось въ лѣтописи въ болѣе древнемъ видѣ, чѣмъ въ сборникѣ» ²⁾,

¹⁾ См. опис. рукоп. Рум. муз., стр. 686, 2-й столб.

²⁾ Свѣд. и замѣтки о неизв. и малозв. памятн., № 24. См. Записки Имп. Ак. Н., т. IX, кн. 2.

т. е. поученіе сборника древнѣйшую свою редакцію имѣетъ въ лѣтописи и слѣдовательно приписано Θεодосію Печерскому невѣрно.

Принимая этотъ послѣдній выводъ безъ всякаго ограниченія, во всей его цѣлости, мы съ своей стороны имѣемъ въ виду сообщить еще нѣкоторыя данныя, могущія способствовать къ окончательному уясненію вопроса о происхожденіи поученія о казняхъ Божіихъ. Разумѣемъ третью редакцію этого поученія, находящуюся въ концѣ бесѣды митрополита Фотія въ недѣлю мясопустную.

Предлагаемъ здѣсь текстъ этой редакціи въ параллели съ текстомъ лѣтописнымъ.

ТЕКСТЪ ЛѢТОПИСИ.

.... Земли согрѣшивши которѣй любо, казнить Богъ смертию, ли голодомъ, ли наведеніемъ поганныхъ, ли ведромъ, ли гусѣницею, ли инѣми казнями, аще ли покаившися будемъ, в немже ны Богъ велитъ жити, глаголетъ бо пророкомъ намъ: обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ. Да аще сие створимъ, всѣхъ грѣхъ прощени будемъ: но мы на злое възираемъ, акы свинья в калѣ грѣховнѣмъ присно валяющася, и тако пребываемъ. Тѣмже пророкомъ намъ глаголетъ: разумѣхъ, рече, яко жестоки еси, и шия желѣзная твоя,

ТЕКСТЪ ФОТІЯ.

..... Земли которѣй согрѣшившей, и по гнѣву своему наводитъ Богъ таковыя казни, ли смертию, ли голодомъ, ли попущеніемъ нещаднымъ поганныхъ, ли ведромъ, ли гусеницею, ли инѣми всяко казнями, аще ли покаившися будемъ въ немъ же ны Богъ велитъ быти, якоже глаголетъ къ намъ пророкомъ: обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ. И аще сие таковаа створимъ не-возвратно пакы на лукаваа, и всѣхъ грѣхъ прощени будемъ и милосердію всякому и милости отъ своего владыки будемъ довольни. Аще

того ради удержихъ отъ васъ дождь, предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, ише, поразихъ вы зноемъ и различными казнями; то и тако не обратитесь ко мнѣ. Сего ради винограды вашѣ, и смоковье ваше, нивы и дубравы ваша истрохъ, глаголетъ Господь, а злобъ вашихъ не могохъ истерти, послахъ на вы различныя болѣзни и смерти тяжкия, и на скоты казнь свою послахъ, то и ту не обратитесь, но рѣстѣ: мужаемся. Доколь не насытитесь злобъ вашихъ? Вы бо уклонистесь отъ пути моего, глаголетъ Господь, и соблазните многы; сего ради буду свѣдѣтель скоръ на противныя, и на прелюбодѣица, и на кленущаяся именемъ моимъ во лжю, и на лишающая мзды наймика, насильствующая сиротѣ и вдовици, и на уклоняющая судъ кривѣ. Почто не воздержастесь въ грѣсѣхъ вашихъ, но уклонисте законы моя и не сохранили ихъ? Обратитесь ко мнѣ, и обращуся къ вамъ, глаголетъ Господь, и

ли же кающася и на злая пакы възвращающася будемъ, акы свинья въ калѣ грѣховнѣ валяющася, и тѣмъ же о семъ сего ради пророкомъ пакы глаголетъ: вразумѣхъ, рече, яко жестоки есте, и шия и выа ваша яко желѣзныя, того ради удержихъ отъ васъ дождь, предѣлъ единъ одождихъ, а другаго не одождихъ, и поразихъ зноемъ и неплодіемъ нивы ваша, и самѣхъ же поразихъ вы различными казнями, и то тако не обратитесь ко мнѣ, и сего ради и винограды ваши и смовіе и нивы и дубравы ваша истрохъ, глаголетъ Господь, а злобъ вашихъ не могохъ стерти. И сего ради послахъ на вы различныя болѣзни и смерти тяжкия, и на скотѣхъ вашихъ казнь свою послахъ, и тако не обратитесь ко мнѣ, но яко рѣстѣ: мужаемся, насыщающася ласкосердствъ нашихъ до сытости. И вы убо уклонистесь отъ путей моихъ, глаголетъ Господь, и законы моя сами не сохранили, но и соблазните многы, и кленущася именемъ моимъ

азъ отверзу вамъ хлябія небесныя и отвращу отъ васъ гнѣвъ мой, дондеже все обилуетъ вамъ, и не имутъ изнемощи виногради ваши, ни нивы. Но вы отяжасте на мя словеса ваша, глаголюще: суетенъ работай Богъ. Усты чтутъ мя, а сердце ихъ далече отстоятъ отъ мене; сего ради, ихже просимъ, не приедемъ: будетъ бо, рече, егда призовете мя, азъ же не послушаю васъ, взыщете мене зли, и не обрящете; не всхотѣша бо ходити по путемъ моимъ, да того ради затворяется небо, ово ли злѣ отверзается, градъ въ дождя мѣсто пуская, ово ли мразомъ плоды узнабляя и землю зноемъ томя, нашихъ ради злобъ. Аще ли ся покаемъ отъ злобъ нашихъ, то акы чадомъ своимъ дастъ намъ вся прошенія, и одождитъ намъ дождь ранъ и поздень, и наполнятся гумна ваша пшеницѣ, пролѣются точила винная и масляная, и въздамъ вамъ за лѣта, яже пояша пружи, и хростове и гусениця; сила моя великая, юже

во лжу, и лишаяще мзды наемника, и насилствуа сирю и вдовици, и уклоняюще истинныхъ путей моихъ и судъ въ неправду възложисте, и усты же токмо есте чтуще, глаголетъ Господь, а сердце ваше далече отстоитъ отъ мене. И того бо ради, егда призовете мя, и азъ не послушаю васъ и егда взыщете мене и не обрящете, не възхотѣстѣ бо ходити въ путехъ моихъ, глаголетъ Господь, да того ради отъ злобъ вашихъ, живущихъ на земли и самая та земля вся ми не потребна сущи бысть, и затворяется имъ небо, ово ли и небо отверзается, но злѣ на вашу пагубу. И сего же ради глаголетъ Господь пророкомъ велегласнѣ: отъ всѣхъ злобъ вашихъ обратитесь ко мнѣ, и азъ обращуся къ вамъ, и возвращу отъ васъ гнѣвъ мой и отверзу вы хляби небесныя и не имутъ изнемощи отъ обилія винограды и нивы ваша, и подамъ вся прошенія ваша, и прославлю вы паки и възвелечу вы, и одождю

послахъ на вы, глаголетъ Господь Вседержитель. Си слышаще, възстѣмъ на добро, взыщѣте суда, избавите обидимаго, на покаяныя придемъ, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету, но любовію прилѣпимся Господи Божѣ нашемъ, постомъ, и рыданьемъ, слезами омывающе вся прегрѣшенія, не словомъ нарицающесе хрестіани, а поганьскы живуще» ¹⁾.

дождь рано и позднѣ, во время его, и наполнятся точилія винная и масляная, и въздамъ вамъ за лѣта оскудѣнія вся изобильная. Сила моя великая, юже послалъ на вы, глаголетъ Господь Вседержитель. И сіа вся любиміи слышаще, молю вы, възстѣмъ себѣ на вся благая дѣтели и спасительныя. Припадемъ же всяко на покааніе, не въздающе никому же зла за зло, но любовію прилѣпимся вси о Господѣ Божѣ нашемъ, постомъ и рыданіемъ и слезами омывающе вся прегрѣшенія наша, не словомъ нарицающесе хрестіане, но дѣлы всяко» ²⁾.

Оба эти текста, за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ разностей, весьма сходны между собою. Для объясненія этого сходства надобно имѣть въ виду, что обѣ эти редакціи существуютъ, конечно, совершенно независимо одна отъ другой. Мы не можемъ допустить мысли, чтобы Фотій заимствовалъ разсужденія о казняхъ Божіихъ изъ лѣтописи. Онъ былъ грекъ и плохо зналъ славянскій языкъ. Поэтому, если бы даже по какому нибудь обстоятельству онъ и вздумалъ воспользоваться славянскимъ источникомъ, то воспользовался бы имъ до буквальной точности, безъ вся-

¹⁾ Лѣт. по Лавр. списку, стр. 163—165. Изд. 1872 г.

²⁾ Прав. Собес. 1860 г., т. 3, стр. 109—112.

азъ отверзу вамъ хлябія небесныя и отвращу отвасъ гнѣвъ мой, дондеже все обилуетъ вамъ, и не имутъ изнемощи виногради ваши, ни нивы. Но вы отяжасте на мя словеса ваша, глаголюще: суетенъ работаяй Богу. Усты чтутъ мя, а сердце ихъ далече отстоитъ отъ мене; сего ради, ихже просимъ, не приѣмлемъ: будетъ бо, рече, егда призовете мя, азъ же не послушаю васъ, взищете мене зли, и не обрящете; не всхотѣша бо ходити по путемъ моимъ, да того ради затворяется небо, ово ли злѣ отверзается, градъ въ дождя мѣсто пуская, ово ли мразомъ плоды узнабляя и землю зноемъ томя, нашихъ ради злобъ. Аще ли ся покаемъ отъ злобъ нашихъ, то акы чадомъ своимъ дастъ намъ вся прошенья, и отложитъ намъ дождь ранъ и поздень, и наполнятся гумна ваша пшеницѣ, пролѣются точила винная и масляная, и въздамъ вамъ за лѣта, яже пояша пружи, и хрустове и гусениця; сила моя великая, юже

во лжу, и лишаяюще мзды наемника, и насилствуа сирю и вдовици, и уклоняюще истинныхъ путей моихъ и судъ въ неправду възложисте, и усты же токмо есте чтуще, глаголетъ Господь, а сердце ваше далече отстоитъ отъ мене. И того бо ради, егда призовете мя, и азъ не послушаю васъ и егда взищете мене и не обрящете, не възхотѣстѣ бо ходити въ путехъ моихъ, глаголетъ Господь, да того ради отъ злобъ вашихъ, живущихъ на земли и самая та земля вся ми непотребна сущи бысть, и затворяется имъ небо, ово ли и небо отверзается, но злѣ на вашу пагубу. И сего же ради глаголетъ Господь пророкомъ велегласнѣ: отъ всѣхъ злобъ вашихъ обратитесь ко мнѣ, и азъ обращуся къ вамъ, и возвращу отъ васъ гнѣвъ мой и отверзу вы хляби небесныя и не имутъ изнемощи отъ обилія винограды и нивы ваша, и подамъ вся прошенія ваша, и прославлю вы пакы и възвеличу вы, и одождю

послахъ на вы, глаголетъ Господь Вседержитель. Си слышаше, възстѣнемъся на добро, взищѣте суда, избавите обидимаго, на покаянье придемъ, не въздающе зла за зло, ни клеветы за клевету, но любовью прилѣпимся Господи Божѣ нашемъ, постомъ, и рыданьемъ, слезами омывающе вся прегрѣшенья, не словомъ нарицающесе хрестьяни, а поганьскы живуще» ¹⁾.

дождь рано и позднѣ, во время его, и наполнятся точилія винная и масляная, и въздамъ вамъ за лѣта оскудѣнія вся изобильная. Сила моя великаа, юже послыхъ на вы, глаголетъ Господь Вседержитель. И сіа вся любиміи слышаше, молю вы, възстѣнемъ себѣ на вся благыя дѣтели и спасительныя. Припадемъ же всяко на покааніе, не въздающе никому же зла за зло, но любовію прилѣпимся вси о Господѣ Божѣ нашемъ, постомъ и рыданіемъ и слезами омывающе вся прегрѣшенія наша, не словомъ нарицающесе хрестіане, но дѣлы всяко» ²⁾.

Оба эти текста, за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ разностей, весьма сходны между собою. Для объясненія этого сходства надобно имѣть въ виду, что обѣ эти редакціи существуютъ, конечно, совершенно независимо одна отъ другой. Мы не можемъ допустить мысли, чтобы Фотій заимствовалъ разсужденія о казняхъ Божіихъ изъ лѣтописи. Онъ былъ грекъ и плохо зналъ славянскій языкъ. Поэтому, если бы даже по какому нибудь обстоятельству онъ и вздумалъ воспользоваться славянскимъ источникомъ, то воспользовался бы имъ до буквальной точности, безъ вся-

¹⁾ Лѣт. по Лавр. списку, стр. 163—165. Изд. 1872 г.

²⁾ Прав. Собес. 1860 г., т. 3, стр. 109—112.

кихъ варіацій, а этого въ данномъ случаѣ мы не видимъ. Кромѣ того, какъ человѣкъ, принадлежавшій къ народу, который долженъ былъ, особенно въ то время, считать себя представителемъ и носителемъ высшей культуры, на языкѣ котораго были блестящія творенія философіи и литературы, не только языческой, но и христіанской, Фотій не могъ быть чуждымъ того высококультурнаго отношенія къ варварамъ вообще и ихъ литературѣ, какое присуще было греку византійской имперіи. Какъ представитель такой націи и притомъ облеченный саномъ первосвятителя русской земли, онъ явился конечно въ Русь съ цѣлію внести свѣтъ въ темную массу русскаго народа, просвѣщать его, а не просвѣщаться, учить его, а не учиться у него. Ему ли, воспитавшемуся на великихъ твореніяхъ Василиевъ, Григоріевъ и Златоустовъ, было читать произведенія бѣдной тогдашней русской литературы, питавшейся по бѣльшей части крупницами, падавшими съ роскошнаго стола этихъ же самыхъ писателей? Мы знаемъ, кромѣ того, что въ своихъ собственныхъ поученіяхъ къ русскому народу митрополитъ Фотій являлся бѣльшею частію простымъ переводчикомъ своихъ греческихъ учителей¹⁾. Поэтому мы думаемъ, что источникъ приведенныхъ разсужденій Фотія о казняхъ Божіихъ былъ греческій, и притомъ не подлинникъ златоустоевскаго поученія, а какой либо другой болѣе близкій. Разсужденія о казняхъ Божіихъ по всѣмъ тремъ нашимъ редакціямъ состоятъ главнымъ образомъ въ подборѣ и сочетаніи, взятыхъ изъ разныхъ мѣстъ, текстовъ священнаго Писанія. Въ златоустоевскомъ поученіи всѣ эти тексты дѣйствительно есть и расположены въ томъ же самомъ порядкѣ, только по мѣстамъ разбиты и раздѣлены между собою разными вставками, состоящими изъ моральныхъ наставленій. По нашимъ

¹⁾ См. ниже статью о поученіяхъ Фотія.

редакціямъ вставки эти опущены, и тексты соединяются почти непосредственно. При существованіи прежнихъ двухъ редакцій, изъ которыхъ одна была первичною, прототипомъ другой, это полное сходство, это однообразное исключеніе однѣхъ и тѣхъ же вставокъ первоисточника понятно. Но при имѣніи двухъ независимыхъ редакцій, каковы лѣтописная и Фотіева, это сходство и однообразіе, при данномъ первоисточникѣ, трудно объяснить. Сверхъ сего въ златоустоевскомъ поученіи нѣтъ одного изъ самыхъ существенныхъ мѣстъ лѣтописнаго размышленія о казняхъ Божіихъ: «се бо не погански ли живемъ, аще усрѣсти вѣрующе? Аще бо кто усрящеть черноризца, то възвращается, ли единецъ, ли свинью, то не поганьскы ли се есть? Се бо по дьяволу наученію кобъ сию держать; друзии же и закиханью вѣрують, еже бываетъ на здравье главѣ». По Срезневскому это вставка. Между тѣмъ въ этой самой вставкѣ, въ словѣ *единецъ*, онъ указываетъ, какъ мы видѣли, одно изъ главныхъ оснований, дававшихъ поводъ къ заключеніямъ о греческомъ происхожденіи *всего* размышленія. Не лучше ли поэтому предположить существованіе такого источника, котораго лѣтописное размышленіе представляетъ дословный переводъ? Указанная нами редакція Фотіева даетъ, по крайней мѣрѣ, по нашему мнѣнію, для такого заключенія полное основаніе. Разности же между лѣтописною и Фотіевою редакціями легко объясняются различіемъ переводчиковъ. Фотій, плохо владѣя славянскимъ языкомъ, передаетъ подлинникъ не всегда и не вездѣ точно.

Что касается до второй половины поученія о казняхъ Божіихъ, приписаннаго Теодосію Печерскому, то она, очевидно, къ первой придѣлана. Вся она состоитъ изъ отрывочныхъ наставленій: о благоговѣнномъ стояніи въ церкви и о молитвѣ, о провозженіи постныхъ и

праздничныхъ дней и о воздержаніи отъ пьянства, которыя съ главною темою поученія не имѣютъ никакой связи. Всѣ они по частямъ заимствованы изъ разныхъ древнихъ поученій. Такъ послѣднее наставленіе, наставленіе о воздержаніи отъ пьянства, встрѣчается, какъ часть, въ одномъ изъ древнихъ русскихъ поученій, извѣстномъ подъ названіемъ «слова св. отецъ о пьянствѣ», откуда оно и могло быть заимствовано.

Сообщаемъ текстъ этой части, въ параллели съ отрывкомъ нашего поученія, по рукописи Соловецкой бібліотеки.

изъ слова о пьянствѣ.

.... Стерезите молитвы часть, въ онъже Богу молитесь: вечеръ, утро и полудне, трезвымъ умомъ, а не піанствомъ, якоже Петръ апостолъ глаголетъ: братіе, будете трезви, а не пьяни, яко суть супостатъ вашъ діаволъ ищетъ піаныхъ, да пожретъ. О горе піанымъ! Како ся хоронити, а лежащимъ яко мертвымъ и отъ Бога отбѣгша піанства ради, и удалившимся отъ Святаго Духа смрада ради пьянственнаго, и слова Божія не имущимъ во устѣхъ своихъ гнили ради пьянственныя, и ангелу хранителю отбѣгшу и плачущися пьянства ради! Бѣсомъ же веселящимся о

изъ поученія о казняхъ божіихъ.

На праздники великія пировъ не творити, піанства бѣгати, испити мало и блюсти душа своя, и стиречи часа, въ онъже молиться Богу трезвымъ умомъ, а не пьянымъ, якоже Петръ апостолъ рече: братія, будите трезви, яко супостатъ вашъ діаволъ ищетъ піаныхъ, да я пожретъ. О горе, паки реку, о горе пребывающимъ въ піанствѣ! Піанствомъ ангела хранителя своего отгонимъ отъ себе и злаго бѣса привлечимъ къ себѣ и Святаго Духа далече есмы піанства ради, а близъ ада, и слова Божія не имуще во устѣхъ своихъ, гнили ради піанственныя. Бѣси бо ради

пьяницахъ и радующеся приносятъ жрѣтвы піанственныя къ діаволу отъ піаницъ. Дьяволъ, радуясь, глаголетъ: яко николиже тако веселюся и радуюся о жрѣтва поганныхъ чловѣкъ, якоже о піанствѣ крестіаныхъ, въ піаницахъ бо вся дѣла моего хотѣнія суть, и лучши ми суть піаницы запоицы отъ крестіанъ, неже отъ поганныхъ идоломолецъ, яко и поганыя Богъ соблюдаетъ, а пьяницъ же ненавидитъ и гнушается ихъ. Азъ же радуюся о нихъ, яко мои суть піаницы, а трезви Божіи. Рече бѣсомъ: идете, поучайте на пьянство крестіане и на всяку дѣтель хотѣнія моего. Ангели же Господни приходяще повѣдаютъ святымъ отцемъ съ великою печалію о томъ, да бы ся крестіане отъ піанства отлучили и запоиства злаго, а не отъ питія, иже въ подобно время. Святіи же отци написаша святое се и честное ученіе и предаша крестіаномъ на провозеніе жизни сея, да аще кто послушаетъ прави-

бываютъ о нашемъ піанствѣ и радующеся приносятъ къ діаволу жертву пьянственную отъ пьяницъ; діаволъ же, радуясь, глаголетъ: яко николиже тако веселюся и радуюся о жертвахъ поганныхъ языкъ якоже о пьянствѣ хрестіаныхъ; всяка бо дѣла моего хотѣнія въ пьяницахъ суть. Писано бо есть: яко и поганыя набдитъ Богъ, а пьяницъ ненавидитъ и отвращается отъ нихъ. Но толико супостатъ нашъ радуется о нашемъ пьянствѣ, а искони бо не хочетъ добра роду чловѣчу и глаголетъ: яко мои суть пьяни, а трезви суть Божіи. И посылаетъ діаволъ бѣсы, рекъ: идѣте, поучайте хрестіаны на піанство и на всяку дѣтель моего хотѣнія. Ангели же святіи, приходяще, повѣдали се святымъ отцамъ съ печалію великою, да быша писаніемъ отлучили хрестіанъ отъ піанства, а не отъ питья: ино бо пьянство есть злое, а ино питье въ мѣру, и въ законъ, и въ подобно время, и въ славу Божію. Святіи же отци,

ло се, и поживетъ во страстѣ Божіи и наслѣдитъ небесное царство. А иже святыхъ отецъ ученія не слушаетъ, той осуженъ будетъ съ бѣсы въ вѣчную муку. Да то слышавше, братія и сестры, подшимся сотворити заповѣди Господня, трезвымъ умомъ славяще его съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣкъ ¹⁾).

написавши честное се и святое правовѣрное ученіе, предаша христіаномъ, на провозеженіе жизни сеа, и на причастіе вѣчна жизни, да кто послушаетъ сего правила святыхъ отецъ и поживетъ лѣта своа, творя волю Божію: житель будетъ вѣчна жизни; не послушавшей сихъ книгъ осуженъ будетъ съ діаволомъ въ муку вѣчную. Се слышаще, братіе, подвигнемся работати Господеви и заповѣди его творити, и въ законѣ его поживемъ вся дни живота нашего, о Христѣ Іисусѣ, ему же слава съ Отцемъ и Св. Духомъ и нынѣ и присно ²⁾).

Поученіе о тропарныхъ чашахъ безусловно приписывается Θεодосію Печерскому, хотя для этого имѣется основаній гораздо меньше, чѣмъ для присвоенія ему поученія о казняхъ Божіихъ. Поученіе о тропарныхъ чашахъ нигдѣ даже и не надписывается именемъ Θεодосія Печерскаго. Въ книгѣ Женчюгъ и Матица Златая оно надписывается такъ: «слово писано святымъ Θεодосіемъ мнихомъ». На этомъ основаніи Шевыревъ въ своихъ чтеніяхъ представилъ изъ него выдержки, какъ изъ

¹⁾ Измарагдъ конц. XV или нач. XVI в. Солов. библ. каз. дух. ак. № 270, л. 21 и 22.

²⁾ Учен. Зап. 2 отд. Имп. Ак. Н. кн. 2, стр. 196—197.

поученія Θεодосія Печерскаго ¹⁾). Преосвященный Макарій издалъ его въ числѣ поученій Θεодосія Печерскаго по двумъ редакціямъ: по тексту указанной книги и по харатейному сборн. новгор. Соф. библ. XV в. Въ этомъ послѣднемъ сборникѣ оно озаглавляется такъ: *поученіе святаго Панкратія... списано Θεодосіемъ худымъ мнихомъ*. По этому поводу преосвященный Макарій говоритъ: Въ числѣ святыхъ извѣстны только два Панкратія, священномученикъ Панкратій, жившій въ первомъ вѣкѣ и не оставившій никакого писанія, и препод. Панкратій киевопечерскій, извѣстный по одному имени. Поэтому выраженіе: «поученіе св. Панкратія» можно считать выдумкою или ошибкою писца, а самое поученіе приписать тому, о комъ сказано: «списано Θεодосіемъ худымъ мнихомъ» и кому оно приписывается дѣйствительно въ другомъ списокѣ ²⁾). Между тѣмъ по многимъ, извѣстнымъ намъ, спискамъ Измарагда поученіе это вездѣ надписывается именемъ священномученика Панкратія ³⁾). Если дѣйствительно нѣтъ писателя съ этимъ именемъ, то во всякомъ случаѣ это единогласное свидѣтельство нѣсколькихъ рукописей не говоритъ ли ясно, что поученіе это не можетъ быть приписано Θεодосію Печерскому? Не резоннѣ ли показаніе Матицы Златой «слово *писано* св. Θεодосіемъ мнихомъ» понимать не въ значеніи показанія *писателя*,

¹⁾ Истор. русск. слов. прим. древн., т. 2, стр. 46. Изд. 1-е.

²⁾ Учен. Зап. 2 отд. Имп. Ак. Н., кн. 2, вып. 2, прим. на стр. 198—199.

³⁾ По Измарагдамъ Солов. библиот. №№ 270 и 272 оно съ именемъ Панкратія помѣщено подъ 94 №. Съ этихъ списковъ оно напечатано въ Прав. Соб. 1858 г., т. 3, также подъ именемъ поученія Θεодосія Печерскаго. Въ Измарагдѣ синодальной библ. № 230, также съ именемъ Панкратія, на л. 194. Въ Измарагдѣ библ. Царскаго—тоже, № 142, л. 221. По показанію Горскаго и Невоструева съ синодальнымъ спискомъ Измарагда сходенъ совершенно и списокъ м. д. академіи. См. Описаніе рукопис. синод. библ. 2-го отдѣла, часть 3-я (Прибавленіе), стр. 81.

а въ значеніи *списателя*, какъ это и обозначено въ указанной преосвященнымъ Макаріемъ редакціи: «списано Θεодосіемъ худымъ мнихомъ?» По нашему мнѣнію такъ понимать больше основаній, чѣмъ наоборотъ. Кто же авторъ поученія о тропарныхъ чашахъ, священномученикъ ли Панкратій, или кто другой, мы не знаемъ, только во всякомъ случаѣ ни Θεодосій Печерскій, ни Θεодосій «худой мнихъ». Въ объясненіе же происхожденія этого поученія сошлемся на слѣдующія указанія покойныхъ Горскаго и Невоструева:

«Слово подѣ именемъ священномученика Панкратія, вѣроятно, заимствовано изъ книги, гдѣ помѣщено было житіе его, какъ извѣстно, переведенное въ глубокой древности, по повелѣнію Іоанна, архіепископа болгарскаго. Названіе Пресвятой Богородицы: *Дѣва Марія* даетъ поводъ думать, что слово это и описываемые въ немъ обычаи не русскіе, но южныхъ славянъ». Передавая затѣмъ содержаніе поученія, почтенные ученые прибавляютъ: «Изъ сего видно, что съ произнесеніемъ тропарей или славословій соединялось угощеніе чашами (примѣры такихъ угощеній указаны въ Jahrbüch. für slaw. Litterat. 1845. S. 386. 387) ¹⁾».

Итакъ, ни поученіе о казняхъ Божіихъ, ни поученіе о тропарныхъ чашахъ Θεодосію Печерскому принадлежать не могутъ ²⁾.

¹⁾ Описан. слав. рукоп. синод. библ. 2-го отд. часть 3-я (Прибавленіе), стр. 67—68.

²⁾ Дальнѣйшія разъясненія вопроса о происхожденіи этихъ поученій см. въ слѣдующей статьѣ: «Древне-русская проповѣдь и проповѣдники въ періодъ до-монгольскій».

Древне-русская проповѣдь и проповѣдники въ періодъ до-монгольскій ¹⁾.

(Критическая замѣтка).

Несмотря на то, что разработка памятниковъ древне-русской литературы началась не со вчерашняго дня, а продолжается уже цѣлые десятки лѣтъ, относительно многихъ писателей нашей старины мы не имѣемъ еще твердо установившихся взглядовъ и такихъ незыблемыхъ положеній, послѣ которыхъ немислимы были бы уже никакіе споры и не возбуждались бы никакія сомнѣнія. Такое положеніе дѣла зависитъ частію отъ того, что далеко еще не полно и не особенно основательно наше знакомство съ древне-русскою рукописною литературою и ея источниками, отчасти же и отъ того, что мы не выработали еще ни твердыхъ началъ для правильной оцѣнки и характеристики той или другой отрасли древней письменности, ни безспорныхъ критеріевъ для опредѣленія принадлежности литературныхъ памятниковъ тому или другому писателю. Вслѣдствіе сего каждый изслѣдователь въ этомъ дѣлѣ дѣйствуетъ по своему личному усмотрѣнію, полагается на свой собственный вкусъ, отъ чего и происходитъ разногласіе мнѣній. Это общее замѣчаніе имѣетъ особенную силу и значеніе въ отношеніи къ древне-русской проповѣднической письменности. Здѣсь разногласіе мнѣній и не установившіеся взгляды встрѣчаютъ насъ съ самаго же начала, съ самаго перваго знакомства съ нею. Разногласія эти касаются какъ общей характеристики того или другого проповѣдника, такъ и болѣе частнаго во-

¹⁾ Напечат. въ Православн. Обозр. 1881 г., т. 3.

проса о достоинствахъ того или другого проповѣдническаго памятника и о подлинности его, т. е. принадлежности извѣстному писателю. Такъ Кирилль Туровскій, какъ проповѣдникъ, имѣеть, можно сказать, столько же различныхъ характеристикъ, сколько лицъ брались за изслѣдованіе его произведеній. Самая классификація и дѣленіе проповѣдей его на подлинныя и сомнительныя не у всѣхъ одинаковы: одни признають извѣстное его слово подлиннымъ, другіе тоже самое считаютъ сомнительнымъ и т. п. О поученіяхъ Θεодосія Печерскаго тоже идутъ споры, касающіеся специально вопроса о подлинности нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ виду этого мы съ сильно возбужденнымъ любопытствомъ взяли за чтеніе новаго солиднаго ученаго труда, принадлежащаго авторитетному человѣку, въ которомъ значительная доля посвящена обзору древне-русской проповѣднической письменности до-монгольскаго періода, надѣясь найти въ немъ рѣшеніе всѣхъ споровъ и разногласій. Разумѣемъ «Исторію русской церкви» (т. I) профес. Голубинскаго. Но надежды наши, къ крайнему сожалѣнію, не оправдались. Названное сочиненіе не только не полагаетъ конца спорамъ, но еще и усиливаетъ ихъ. Съ цѣлію отчасти посильнаго разъясненія дѣла и изъ желанія вызвать на рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ болѣе компетентныхъ людей, отчасти же и съ специальною задачею сдѣлать нѣсколько возраженій профессору Голубинскому и написана настоящая замѣтка.

Какъ древне-русская книжная письменность вообще, такъ и въ частности церковная проповѣдь развивались подъ вліяніемъ византійской литературы. Это фактъ безспорный и въ отношеніи къ нѣкоторымъ родамъ нашей древней письменности достаточно уже уясненный. Но нельзя того же сказать относительно литературы проповѣднической. Здѣсь указаніе на византійское

вліяніе болѣею частію голословное: византійская мертвенность, холодная риторика, не хотящая знать запросовъ и потребностей жизни, искусственные литературные приемы, состоящіе въ символизмѣ, драматизмѣ, аллегоризмѣ, въ разныхъ риторическихъ тропахъ и фигурахъ и т. п., такова обычная формула, въ которой характеризуется древне-русская церковная проповѣдь, развивавшаяся подъ вліяніемъ византійскимъ. Но какое реальное содержаніе кроется подъ этой формулой, какъ фактически обосновать всѣ эти чисто выводныя ея выраженія, на это не даютъ намъ отвѣта общепринятая характеристики. Притомъ здѣсь указываются болѣе частныя черты, а не рисуется типъ цѣлаго проповѣдническаго направленія съ его существенными свойствами. Такія же частныя черты, и даже еще въ болѣе развитіи, можно указывать и находить и въ другомъ направленіи русской проповѣди, возникшемъ въ XVII в., подъ латинопольскимъ вліяніемъ. Здѣсь также господство риторики, символизмъ, аллегоризмъ, драматизмъ и пр. составляютъ одну изъ особенностей этого направленія. Въ первомъ случаѣ эти же характерныя черты объясняются вліяніемъ византійскимъ, а въ последнемъ—схоластическимъ, и въ обоихъ случаяхъ эти частныя черты указываются болѣею частію вѣрно. Можно пожалуй подумать, что оба эти направленія русской проповѣди совершенно одинаковы, однакожь всякому извѣстно, что они существенно различаются между собою. Уже это сопоставленіе ясно показываетъ, что одно только, и притомъ голословное, указаніе частныхъ чертъ извѣстнаго литературно-проповѣдническаго направленія для правильной и точной характеристики его недостаточно. Правда, для уясненія особенностей древне-русской проповѣди византійскаго типа въ томъ видѣ, какъ онъ выразился въ словахъ Кирилла Туровскаго,

мы имѣемъ прекрасную статью Сухомлинова (Рук. гр. Уварова, т. II, предисл.), въ которой всѣ частныя черты этой проповѣди разобраны въ параллели съ греческими образцами, генетически указано происхожденіе той или другой ея особенности; но статья эта, объясняющая тоже только частности и притомъ преслѣдующая общелитературныя цѣли, не можетъ имѣть вполнѣ руководящаго значенія для правильной критической оцѣнки проповѣди, какъ особаго литературнаго типа. Оттого до сихъ поръ въ общей характеристикѣ древне-русской проповѣди названнаго направленія, за исключеніемъ вѣрно указываемыхъ частныхъ, допускаются, по нашему мнѣнію, существенныя ошибки, которыя проф. Голубинскій не только не сгладилъ, но даже усилилъ и довелъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ.

Обыкновенно въ числѣ общихъ недостатковъ древне-русской проповѣди, развивавшейся подъ вліяніемъ византійскимъ, выставляются отсутствіе въ ней назиданія, назидательности, приспособленія къ современнымъ ей потребностямъ и нуждамъ слушателей, для которыхъ она въ силу этого была будто бы бесполезна и бесплодна и потому, какъ неудовлетворяющая существенной цѣли проповѣди, могла имѣть интересъ только съ риторической и піитической точки зрѣнія, а отнюдь не исторической и даже гомилетической. Заключение, по нашему мнѣнію, совершенно несправедливое. Въ немъ сказывается крайняя односторонность, слишкомъ суживающая понятіе о назидательности и зависящая отъ того, что эту точку зрѣнія установили историки. Имъ во всякомъ литературномъ памятникѣ дорого только указаніе на какое нибудь жизненное, историческое явленіе. Проповѣдь же имѣетъ и многія другія свойства, которыя необходимо принимать во вниманіе при критической ея оцѣнкѣ и указаніи ея достоинствъ и недостатковъ, и

которыя историками оставляются безъ вниманія, какъ для нихъ ненужныя. Эта историческая точка зрѣнія, подъ вліяніемъ общаго реального направленія современной литературной критики, получила господство въ критикѣ проповѣдничества, такъ что въ настоящее время ¹⁾ съ особеннымъ сочувствіемъ привѣтствуются проповѣди, отличающіяся большимъ или меньшимъ присутствіемъ въ нихъ такъ называемаго публицистическаго элемента. Находя такую критику невѣрною и слишкомъ одностороннею, не будемъ входить въ разборъ ея. Знающими людьми была уже подмѣчена и указана односторонность ея для оцѣнки современной проповѣди. А къ древне-русской проповѣди она тѣмъ болѣе неприменима. По современнымъ критическимъ теоріямъ, будь онѣ даже и вѣрныя, незаконно судить о литературныхъ произведеніяхъ, явившихся въ другое время, въ иныхъ условіяхъ и при другихъ точкахъ зрѣнія на задачи и цѣли литературной дѣятельности. Какъ историкъ, Голубинскій стоитъ конечно въ своей оцѣнкѣ византійскаго типа проповѣди на этой исторической точкѣ зрѣнія, но онъ ее утрируетъ и доводитъ до невозможныхъ границъ. Именно онъ утверждаетъ, что эта проповѣдь даже и не имѣла въ виду цѣлей назиданія, а спеціальной задачей своей поставляла только услажденіе слушателей. «Всякій знаетъ, говоритъ онъ, что въ позднѣйшее время искусство церковнаго ораторства у грековъ представляло собою далеко не то, что оно было во времена древнѣйшія. Послѣ истиннаго и одушевленнаго ораторства настало господство холодной риторики, бездушнаго набора громкихъ фразъ и риторическихъ фигуръ. вмѣсто живого существа ораторство стало мертвой, размалеванной и разряженной куклой. Оставивъ свою истинную цѣль убѣждать, дѣйствовать на сердца и на чувство людей, рас-

¹⁾ Разумѣется то время, когда была писана замѣтка (1881 г.).

полагая ихъ посредствомъ живыхъ и одушевленныхъ изображеній достойнаго и недостойнаго, полезнаго и вреднаго, стремиться къ одному и удаляться другого, церковное проповѣдничество начало преслѣдовать другую цѣль—улаживать и тѣшить воображенія и слухи затѣйливыми, но ни къ чему не служащими картинами, громкими, но ничего не говорящими фразами, однимъ словомъ, превратилось въ мимолетную и не имѣющую дальнѣйшаго смысла словесную забаву (т. I, ч. 1, стр. 659). Характеристика энергичная, рѣзкая, но, какъ покажемъ ниже, несправедливая, не соотвѣтствующая дѣйствительному направленію византійскаго церковнаго ораторства «позднѣйшаго времени» и не основанная на всестороннемъ изученіи предмета... Такъ какъ типическимъ выразителемъ древне-русской проповѣди византійскаго стиля въ періодъ до-монгольскій считается Кириллъ Туровскій, то обыкновенно общія характеристики византійскаго проповѣдничества цѣликомъ прилагаются и къ характеристикѣ проповѣдей Кирилла Туровскаго. Проф. Голубинскій также подводитъ его подъ общую свою характеристику во всей ея полнотѣ. Кириллъ Туровскій, по его словамъ, тоже имѣлъ цѣлю своихъ проповѣдей не назиданіе, а заниманіе, вслѣдствіе чего и его слова главнымъ образомъ для слуховъ и воображенія слушателей, и весьма мало и почти нисколько для ихъ сердца» (стр. 662). Сказать о какомънибудь проповѣдникѣ, что цѣль его слова не назиданіе, а заниманіе, улаживание слушателей, значитъ взвести на него самое тяжкое обвиненіе. На языкѣ пастырско-гомилетическомъ такой проповѣдникъ называется корчемникомъ и прелюбодѣемъ слова Божія. Конечно въ исторіи проповѣдничества отдѣльныя личности, достойныя такого осужденія, встрѣчаются, но Кириллъ Туровскій былъ не изъ тѣхъ, которые заносятся на черныя страницы исторіи.

Что же всего болѣе странно, такъ это то, что такое обвиненіе возводится на цѣлое и особое проповѣдническое направленіе, въ числѣ представителей котораго встрѣчаются имена лучшихъ проповѣдниковъ христіанской церкви. Въ отношеніи собственно къ Кириллу Туровскому проф. Голубинскій не хочетъ быть голословнымъ, но старается доказать, что и самъ онъ такъ понималъ и опредѣлялъ задачи и цѣли своей проповѣди. «Что назиданіе слушателей, говоритъ профессоръ, и не лежало на сердцѣ Кирилла Туровскаго, какъ одна изъ его проповѣдническихъ обязанностей, это онъ самъ даетъ ясно знать въ словѣ на недѣлю пятую, въ которомъ обличаетъ слушателей за нехождение въ церковь для слушанія его проповѣдей. Онъ не говоритъ, что я васъ учу тому-то и тому-то, а вы не хотите слушать, а нѣчто другое, именно, что они не хотятъ вкушать меда ученія, который онъ имъ предлагалъ. Въ смыслѣ скоропреходящей занимательности, въ смыслѣ минутнаго улаженія для слуха, слова его дѣйствительно были медомъ ученія» (ibid.). Остановимся на этомъ доказательствѣ. Проф. Голубинскому конечно весьма хорошо извѣстно, что нѣтъ никакихъ основаній, нѣтъ даже никакой возможности считать слово въ недѣлю пятую по пасхѣ подлиннымъ произведеніемъ Кирилла Туровскаго, но онъ нашелъ нужнымъ признать его подлиннымъ по своему только личному, ничѣмъ не мотивированному усмотрѣнію, подъ названіемъ слова «къ другимъ дополнительнаго» (стр. 660). Зачѣмъ? Думаемъ, что съ явною преднамѣренностію. Ему нужно было это слово просто изъ-за одной фразы «медъ ученія», показавшейся ему весьма удачною для оправданія сдѣланной имъ характеристики. Но пусть бы и дѣйствительно сказалъ это Кириллъ Туровскій, во всякомъ случаѣ въ этихъ метафорическихъ словахъ нельзя видѣть указанія на особую форму на-

ученія, имѣющую значеніе «скоропреходящаго услажденія, словесной забавы». Въ подлинникѣ указанное выраженіе читается такъ: «нынѣ же словеса Божія раздаваю лучша паче злата и каменія драгаго; и слажша паче меда и сота...» Выраженіе это взято изъ псалма Давидова. Когда же псалмопѣвецъ говорилъ, что словеса Господни паче меда сладки устомъ его, неужели онъ этою метафорическою фразою хотѣлъ сказать, что слово Божіе составляетъ для него «скоропреходящую усладу и мимолетную словесную забаву», какъ угодно толковать эту метафору профессору Голубинскому?

Будучи неназидательными, бездушными, размалеванной куклой и словесной забавой, проповѣди Кирилла Туровскаго, по заключительному мнѣнію Голубинскаго, «не имѣли никакого соотвѣтствія по своему характеру съ тѣми слушателями, для которыхъ онъ ихъ писалъ и которымъ сказывалъ... Читая краснорѣчивыя слова Кирилла Туровскаго, говоренныя имъ къ совершенно необразованной паствѣ XII в., невольно припоминаешь тѣхъ сельскихъ священниковъ, которые рѣшаются сказывать своимъ прихожанамъ слова покойнаго митрополита Филарета» (стр. 665). Такое опредѣленіе отношенія проповѣдей Кирилла Туровскаго къ современнымъ ему слушателямъ встрѣчается не у одного Голубинскаго, но доказать справедливость сего, кромѣ личныхъ вкусовъ и кабинетныхъ соображеній цѣнителей, ничѣмъ нельзя. Противъ всѣхъ такихъ соображеній краснорѣчивѣе всякихъ словъ говоритъ тотъ фактъ, что проповѣди Кирилла Туровскаго въ древней Россіи были весьма популярны. Онѣ съ усердіемъ читались и переписывались, встрѣчаются во всѣхъ проповѣдническихъ сборникахъ, старѣйшій изъ которыхъ относится къ XIV в. (Опис. рук. Троицк. Серг. лавры, № 9), съ открытіемъ книгопечатанія внесены въ печатный Со-

борникъ, и во всякомъ случаѣ имѣли неизмѣримо бѣльшую распространенность, чѣмъ проповѣди лучшихъ съ нашей точки зрѣнія проповѣдниковъ древней Руси: митрополита Иларіона и Серапіона Владимірскаго. Мы видимъ въ этомъ не случайное явленіе, а сознательное выраженіе литературно-проповѣдническихъ вкусовъ нашихъ предковъ, которое доказывается еще другимъ замѣчательнымъ фактомъ. Съ Кирилломъ Туровскимъ совершенно сходенъ по характеру своихъ проповѣдей Григорій Цамблакъ, проповѣдникъ XV в. Несмотря на то, что дѣятельность его принадлежала Литовской Руси, что онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ виновникомъ раскола по вопросу о нераздѣльности русской митрополіи и не долженъ былъ бы повидимому считаться въ московской Руси человѣкомъ достойнымъ уваженія, несмотря на все это проповѣди его быстро распространились въ этой послѣдней. Бѣльшая часть изъ нихъ встрѣчается уже въ проповѣдническихъ сборникахъ XVI в. Ясное дѣло, что такія, по нынѣшнему нашему воззрѣнію, состоящія изъ бездушнаго набора громкихъ и безплодныхъ фразъ проповѣди охотно читались нашими предками, и притомъ въ богослужебныхъ собраніяхъ, и слѣдовательно вполне отвѣчали и развитію, и потребностямъ и запросамъ ихъ въ отношеніи къ религіозному учительству. Отсюда мы о Кириллѣ Туровскомъ заключаемъ, что духовная пища, предлагавшаяся въ его проповѣдяхъ, не была непосильною и неудобоваримою для его слушателей, какъ должны быть непосильны проповѣди покойнаго Филарета для крестьянъ, что они находили въ нихъ не мимолетное услажденіе, не словесную забаву, которой наши серьезные предки не любили, а дѣйствительное, отъ божественныхъ писаній, назиданіе, удовлетворявшее потребностямъ ихъ религіозной любознательности.

Что же должно сказать, съ нашей точки зрѣнія, о проповѣдяхъ Кирилла Туровскаго и о томъ литературно-проповѣдническомъ направленіи, къ которому примыкаютъ онѣ по своимъ основнымъ свойствамъ?

Церковная проповѣдь въ сферѣ произведеній словесности представляетъ собою особый литературный типъ, имѣющій свои спеціальныя задачи и цѣли и подчиняющійся своимъ собственнымъ законамъ внутренняго развитія и художественнаго творчества. И если каждая спеціальная литературная отрасль, философская, художественная, историческая, кромѣ общихъ требованій отъ всякаго словеснаго произведенія имѣетъ еще свою специфическую мѣрку, съ которой только возможна правильная критическая оцѣнка ея, то справедливость требуетъ, чтобы и проповѣдь оцѣнивалась съ точки зрѣнія ей только присущихъ литературныхъ особенностей, ея внутреннихъ свойствъ, задачъ и цѣлей, которыя неодинаковы въ разныхъ родахъ проповѣднической литературы. А для сего возможно точнѣе нужно опредѣлить эти задачи и цѣли. Между различными видами словесныхъ произведеній проповѣдь имѣетъ ближайшее отношеніе и родство съ такъ называемымъ ораторскимъ родомъ словесности, который, какъ и проповѣдь, всегда предполагаетъ живое и непосредственное отношеніе говорящаго къ слушающимъ. Этотъ родъ словесности, по своимъ богатымъ практическимъ примѣненіямъ, пользовался особымъ уваженіемъ въ греко-римскомъ мірѣ, имѣлъ свою вполне выработанную теорію, служилъ предметомъ самаго тщательнаго изученія и извѣстенъ былъ подъ общимъ именемъ краснорѣчія, которое дѣлилось на три рода: родъ краснорѣчія политическій, или совѣщательный (*genus deliberativum*), родъ торжественный, или панегирический (*genus demonstrativum*) и родъ судебный (*genus judiciale*). Къ первому относились рѣчи обществен-

но-политическія, произносившіяся въ народныхъ собраніяхъ, ко второму—рѣчи похвальные, говорившіяся или въ честь какого-либо замѣчательнаго общественнаго дѣятеля, или въ воспоминаніе важнаго историческаго событія, къ третьему роду приурочивались спеціально рѣчи судебныя. Каждый изъ этихъ родовъ имѣлъ свои особыя теоретическія правила, которымъ строго подчинялся; каждый изъ нихъ могъ видоизмѣняться въ приемахъ ораторскихъ сообразно той или другой цѣли краснорѣчія, которая также была троякая: учить, нравиться, убѣждать (*docere, delectare, movere*), въ соотвѣтствіи съ чѣмъ выработано было ученіе и о троякомъ слогѣ: простомъ, среднемъ и высокомъ и т. д. Проповѣдь, какъ краснорѣчіе духовное, церковное, имѣя многія соприснобвенныя черты съ краснорѣчіемъ свѣтскимъ, естественно должна была подчиниться въ своемъ развитіи основнымъ его законамъ и правиламъ, вліявшимъ на проповѣдь сначала только въ практикѣ, а потомъ усвоеннымъ и ея теоріею. Знаменитѣйшіе отцы Церкви, проповѣдники четвертаго вѣка, получавшіе свое общечеловѣческое, гуманное образованіе въ тогдашнихъ языческихъ школахъ, гдѣ краснорѣчіе составляло важнѣйшій предметъ изученія, весьма замѣтно пользовались правилами его въ своей проповѣднической практикѣ. Въ ихъ проповѣдяхъ можно находить образцы всѣхъ трехъ родовъ краснорѣчія, вліяніе его сказывалось въ ихъ ораторски-проповѣдническихъ приемахъ, въ развитіи и расположеніи мыслей и доказательствъ, въ украшеніяхъ рѣчи, въ разности слога соотвѣтственно разности цѣли словъ, предназначавшихся или для простаго наученія, или для убѣжденія воли, или для прославленія праздника и восхваленія памяти святыхъ и т. под. Хотя вліяніе это становится особенно замѣтнымъ съ четвертаго вѣка, но первоначальные слѣды его встрѣчаются гораздо ранѣе,

въ самыхъ первыхъ памятникахъ проповѣднической литературы, относящихся къ третьему вѣку. Слѣды эти сказываются главнымъ образомъ на замѣтномъ отличіи по своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ свойствамъ разныхъ направленій и родовъ проповѣди, возникшихъ конечно подъ вліяніемъ различныхъ родовъ краснорѣчія, изъ которыхъ въ примѣненіи къ проповѣди особенное значеніе получили роды совѣщательный и торжественный. Съ самаго перваго момента въ исторіи церковнаго краснорѣчія мы одновременно встрѣчаемъ два параллельныхъ литературно-проповѣдническихъ теченія: учительное [совѣщательное] и торжественное, которыя тянутся чрезъ всю исторію древней греческой проповѣди. Иногда получало преобладаніе одно направленіе, иногда другое, но никогда одно другое не уничтожало. До пятаго вѣка преобладающее значеніе имѣлъ родъ проповѣди учительный, съ пятаго вѣка получаетъ господство родъ торжественный, который усиливался и пріобрѣталъ бѣльшее и бѣльшее развитіе по мѣрѣ того, какъ увеличивался въ христіанской Церкви кругъ праздничныхъ торжествъ. Въ этомъ только и состоитъ, по нашему пониманію, существенное различіе между такъ называемыми древнѣйшимъ и позднѣйшимъ періодами въ исторіи греческой проповѣди, а такого времени, когда бы утратилось истинное и правильное понятіе о существенныхъ задачахъ и цѣляхъ проповѣди и она замѣнилась бы надутымъ фразерствомъ и словесной забавой, мы здѣсь не знаемъ и не находимъ. Между тѣмъ и другимъ родомъ проповѣди существуетъ замѣтное различіе, каждый изъ нихъ находился подъ вліяніемъ особой теоріи, съ точки зрѣнія которой и можетъ быть только правильно оцѣниваемъ. Между тѣмъ при критикѣ и оцѣнкѣ памятниковъ проповѣднической литературы это совсѣмъ не принимается во вниманіе. А на сколько та или другая теорія замѣтно вліяетъ на

складъ и характеръ проповѣдей, удобнѣе всего изучать на произведеніяхъ одного и того же проповѣдника. Инымъ характеромъ напр. запечатлѣны слова Григорія Богослова, гдѣ онъ просто чему нибудь учить (оглашенія), другимъ—гдѣ старается воздѣйствовать на волю слушателей и инымъ—слова, въ которыхъ прославляется лице или праздникъ. Вслѣдствіе этого каждое изъ указанныхъ направленій проповѣди имѣетъ свой специальный кругъ проповѣдническихъ произведеній. Огласительныя поученія, изъяснительныя бесѣды, или гомиліи, слова правоучительныя относятся къ роду совѣщательному, или учительному, цѣль котораго наученіе вообще и направленіе воли къ извѣстной дѣятельности. Слова же похвальные на праздники Господскіе и Богородичныя и въ честь святыхъ относятся къ роду торжественному, цѣль котораго прославленіе событія или лица, воспѣваніе величія и милостей Божіихъ, явленныхъ роду человѣческому. Область перваго—умъ и воля, область втораго—чувство и воображеніе. Первый есть какъ бы проповѣдническая проза, второй—проповѣдническая поэзія, основные элементы которой драма и лирика. Съ этими основными своими свойствами торжественный родъ проповѣди является съ самаго начала своего возникновенія, съ ними же оставался онъ и въ позднѣйшее время, въ періодъ развитія самостоятельной славянской и русской проповѣди. По существеннымъ своимъ особенностямъ онъ имѣетъ ближайшую связь и родство съ церковными пѣснопѣніями и въ лучшихъ своихъ представителяхъ такъ же прекрасенъ и высокохудожественъ, какъ и эти послѣдніе. Оттого торжественныя проповѣди часто давали обильный матеріалъ для церковныхъ пѣснопѣній. Праздничныя напр. слова Григорія Богослова отрывками во многихъ случаяхъ входятъ въ праздничные каноны Іоанна Да-

маскина, и вообще изъ числа лучшихъ проповѣдниковъ этого рода мы имѣемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первоклассныхъ церковныхъ пѣснописцевъ, каковы напр. Андрей Критскій, Іоаннъ Дамаскинъ и др. Само собою понятно, что этотъ родъ проповѣди, какъ и церковныя пѣснопѣнія, требуетъ высокаго художественнаго таланта проповѣдника, тѣмъ лучше его торжественныя проповѣди, и наоборотъ. Въ рукахъ людей, не одаренныхъ такимъ талантомъ, подобная проповѣдь конечно можетъ превратиться въ пустое фразерство и холодный риторизмъ, но по дурнымъ образцамъ характеризовать цѣлое проповѣдничество такъ же не законно и не справедливо, какъ если бы кто по таковымъ же сталъ оцѣнивать образовательное значеніе художественной литературы вообще и на основаніи ихъ отрицать это значеніе.

Оба указанная направленія проповѣди, учительное и торжественное, почти одновременно появились и параллельно развивались и въ древней Руси. Представителями нравоучительнаго рода были: Θεодосій Печерскій, митрополитъ Никифоръ, Серапіонъ Владимірскій и др. Изъ проповѣдническихъ сборниковъ сюда относятся Златоструи, Измарагды и Златоусты. Главные и лучшіе представители торжественнаго рода проповѣди: Кирилль Туровскій и Григорій Цамблакъ. Между проповѣдническими сборниками проповѣдями этого рода преимущественно богаты такъ называемые торжественники, отъ торжественнаго рода церковнаго краснорѣчія и получившіе свое спеціальное названіе. Они состоятъ главнымъ образомъ изъ похвальныхъ словъ греческихъ отцовъ-проповѣдниковъ на праздники и дни святыхъ и содержатъ въ себѣ богатый матеріалъ для изученія особенностей торжественнаго рода проповѣди. И то и дру-

гое проповѣдничество направленіе одинаково находилось и развивалось подъ вліяніемъ византійскимъ. Первое, учительное, было по преимуществу компилятивное, и византійская проповѣдь вліяла на него главнымъ образомъ матеріально, служа для него часто просто оригиналомъ. Второе, торжественное, было болѣе самостоятельное; здѣсь вліяніе византійское сказывалось не столько въ содержаніи, сколько въ формѣ. А форма эта была одинакова какъ до пятого, такъ и послѣ пятого вѣка, т. е. какъ въ древнѣйшее, такъ и въ позднѣйшее время. Это различіе родовъ церковнаго краснорѣчія необходимо принимать во вниманіе при характеристикѣ византійскаго проповѣдничества, подъ вліяніемъ котораго развивалась древне-русская проповѣдь, чтобы избѣжать односторонности при сужденіи объ этомъ вліяніи. Подъ характеристику этого проповѣдничества, сдѣланную проф. Голубинскимъ, будь даже она и справедливая, Θεодосій Печерскій напр. совсѣмъ не подходитъ, а между тѣмъ онъ находился подъ вліяніемъ греческаго проповѣдника тоже «позднѣйшаго» времени. Кромѣ того это различіе нужно имѣть въ виду и при критической оцѣнкѣ проповѣдническихъ памятниковъ древне-русской письменности, чтобы не переносить законовъ и цѣлей одного рода проповѣди на другой. Характеристика проф. Голубинскаго относится конечно къ торжественному роду проповѣди, потому что въ «позднѣйшее» время онъ имѣлъ, какъ мы сказали, преобладающее значеніе въ исторіи греческаго проповѣдничества. Но такъ какъ это проповѣдничество по своимъ существеннымъ свойствамъ было одинаково какъ въ цвѣтущее время христіанскаго краснорѣчія, такъ и въ позднѣйшее, то само собою понятно, что рѣзко разграничивать между собою періоды въ исторіи греческой проповѣди и утверждать, что проповѣдь въ позднѣйшее время уклонилась

отъ существенной своей задачи убѣждать и учить, замѣнивъ ее простымъ стремленіемъ услаждать, нѣтъ никакого историческаго основанія.

Но быть можетъ дѣйствительно торжественное церковное краснорѣчіе только услаждаетъ и «тѣшитъ воображеніе и слухи», но не назидаетъ? На это также можно отвѣчать вопросомъ: церковныя пѣснопѣнія назидательны или нѣтъ? Книга псалмовъ, къ нѣкоторымъ частямъ Священнаго Писанія относящаяся такъ же, какъ торжественный родъ проповѣди относится къ роду учительному, назидаетъ или только услаждаетъ? Полагаемъ, что какъ о псалмахъ, такъ и о церковныхъ пѣснопѣніяхъ слѣдуетъ сказать, что они и назидаютъ и услаждаютъ, т. е. дѣйствуютъ сильнѣе, чѣмъ простое, спокойное прозаическое наставленіе. Многія же первоклассныя пѣснопѣнія и молитвословія напоминаютъ собою торжественныя проповѣди, драматическія и лирическія, которыхъ они служатъ какъ бы сокращеніями, таковы напр.: Придите ублажимъ, Совѣтъ превѣчный, Днесь Владыка твари и другія стихиры кресту, акаѣисты и пр. Возбуждаемое ими чувство религіознаго умиленія и восторга, возносящее человека надъ всею житейскою суетою и исполняющее его духомъ примиренія, любви и всепрощенія, неужели не оставляетъ въ душѣ вѣрующаго никакого слѣда, кромѣ минутной, мимолетной услады? Думаемъ, никто не отвѣтитъ на это отрицательно. То же самое нужно сказать и о назидательности торжественной проповѣди. Члены Церкви Христовой должны назидаться по Апостолу и назидаются не однимъ только прозаическимъ учительствомъ. «Когда вы сходитесь, братія, говоритъ Апостолъ, и у cadaго изъ васъ есть псаломъ, есть поученіе, есть языкъ, есть откровеніе, есть истолкованіе, все сіе да будетъ къ назиданію» (1 Кор. XIV, 26). Не случайно, думается намъ, Апо-

столь поставилъ на первомъ мѣстѣ псаломъ, а потомъ поученіе. Въ примѣненіи къ проповѣди это должно означать то, что торжественный родъ проповѣди, близко граничащій съ пѣснопѣніями, въ отношеніи къ степени назидательности преимуществуетъ предъ родомъ учительнымъ, какъ захватывающій болѣе большую область внутренней жизни человека и дающій болѣе полное удовлетвореніе его религіозной алчбѣ и жаждѣ. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что древне-русскій человекъ, изъ всѣхъ книгъ Священнаго Писанія болѣе всего любившій назидать себя псалмами, отдалъ также предпочтеніе торжественному роду проповѣди, съ болѣе большимъ удовольствіемъ назидаясь твореніями Кирилла Туровскаго и Григорія Цамблака, чѣмъ поученіями Θεодосія и Серапіона. Художественныя, поэтическія произведенія всегда вообще имѣютъ болѣе широкій кругъ читателей и слѣдовательно болѣе широкій кругъ вліянія, чѣмъ сочиненія прозаическія. Кириллу же Туровскому въ высокомъ художественномъ талантѣ никто отказать не можетъ: онъ и одушевленный ораторъ и замѣчательный творецъ церковныхъ пѣснопѣній и молитвословій. Съ этими послѣдними его проповѣди имѣютъ близкое родство, на что уже и было указано нѣкоторыми изслѣдователями (Соловьевъ, Самаринъ). Но при этомъ нѣкоторые выражаются о Кириллѣ, что онъ не столько проповѣдникъ, сколько религіозный поэтъ, чѣмъ какъ бы заявляется отрицаніе умѣстности поэтическаго элемента въ проповѣди. По нашему мнѣнію правильнѣе назвать его проповѣдникомъ-поэтомъ, что будетъ указывать на особенность формы его наученія. Кромѣ тѣхъ общихъ соображеній, которыя представлены нами для доказательства назидательности торжественнаго рода проповѣди, мы должны указать еще на одинъ изъ элементовъ этой проповѣди, драматизмъ, который въ изобиліи даетъ то, что въ прямомъ и непо-

средственномъ смыслѣ называется наученіемъ, назиданіемъ. Драматизмъ всегда почти, за весьма немногими исключеніями, вытекаетъ изъ такихъ евангельскихъ чтеній, которыя сами по себѣ заключаютъ зачатки его, выражая дѣйствіе въ краткомъ разговорѣ между извѣстными лицами, и по самому существу своему онъ такимъ образомъ представляетъ анализъ евангельскаго чтенія, евангельскаго рассказа. Распространяя краткія евангельскія рѣчи, проповѣдникъ-художникъ этимъ самымъ конечно уясняетъ своимъ слушателямъ смыслъ евангельскаго рассказа, ярко обрисовывая предъ ними тотъ психологическій процессъ, который переживало какое-либо лицо въ бесѣдѣ съ Господомъ Иисусомъ. Возьмемъ, напр. рассказъ о невѣрномъ Өомѣ, весьма краткій по евангельской редакціи и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма богатый и обширный по внутреннему смыслу. Думается намъ, что весьма много поучительнаго и назидательнаго вынесъ бы для себя слушатель, выслушавъ такого проповѣдника, который бы въ формѣ распространеннаго разговора между Спасителемъ и апостоломъ Өомою выяснилъ тотъ душевный процессъ, который переживалъ невѣрный Апостолъ, переходя отъ тяжелыхъ мукъ сомнѣнія и невѣрія къ полной вѣрѣ, выразившейся въ радостномъ возгласѣ: Господь мой и Богъ мой. Такое же назиданіе даетъ торжественная проповѣдь, когда въ ней преобладаетъ даже и чистый лиризмъ. Изліяніе внутреннихъ чувствъ, религіозный восторгъ въ этомъ случаѣ находятъ въ непосредственной связи съ указаніемъ тѣхъ благодѣяній Божіихъ къ роду человѣческому, какія проявились въ томъ или другомъ празднуемомъ событіи. Рассказъ о событіи составляетъ основную канву такихъ проповѣдей, но онъ такъ сказать аккомпанируется внутренними чувствами проповѣдника. А чувства умиленія и удивленія къ подвигамъ святыхъ и благодарности къ

Богу, вызываемыя у слушателей, развѣ не достаточное свидѣтельство высокой назидательности такихъ проповѣдей?.. Мы поэтому рѣшительно не согласны съ тѣмъ положеніемъ, что послѣ четвертаго вѣка греческая проповѣдь превратилась въ пустую словесную забаву. Пусть всякій познакомится съ проповѣдями греческихъ отцовъ проповѣдниковъ, представителей торжественнаго церковнаго краснорѣчія изъ «позднѣйшаго времени», напр. Григорія Антіохійскаго, Андрея Критскаго, Іоанна Дамаскина, патріарха Германа, Георгія Никомидійскаго и др. и скажетъ: можно ли ихъ слова назвать мертвыми и бездушными, размалеванной куклой, словесной забавой, доставляющей мимолетную усладу? Увѣрены, что въ утвердительномъ смыслѣ не скажетъ. А къ нимъ и по складу своего таланта и по характеру своихъ проповѣдей ближайшимъ образомъ примыкаетъ и Кириллъ Туровскій, любимѣйшій проповѣдникъ древне-русскаго народа, преслѣдовавшій въ своихъ проповѣдяхъ цѣли назиданія, а не «заниманія». Если назиданіе понимать въ самомъ узкомъ смыслѣ, въ смыслѣ особыхъ нравственныхъ приложеній, и притомъ съ указаніемъ на какія-либо современные черты, то таковыхъ, соглашаемся, въ проповѣдяхъ Кирилла нѣтъ. Но поставлять это на видъ, какъ существенный и важнѣйшій ихъ недостатокъ, съ низведеніемъ самого проповѣдника на степень говорящаго для забавы паяца, значитъ оцѣнивать ихъ не съ литературно-гомилетической точки зрѣнія, а съ какой-то другой.

Остановимся теперь на классификаціи проповѣдей Кирилла Туровскаго, сдѣланной проф. Голубинскимъ. Мы выше уже упоминали, что онъ совершенно несправедливо отнесъ къ числу подлинныхъ проповѣдей Кирилла слово въ пятую недѣлю по Пасхѣ, и притомъ безъ всякихъ замѣчаній по поводу тѣхъ разногласій, которыя суще-

ствуютъ въ нашей литературѣ касательно сего слова, что тѣмъ болѣе странно, что въ другихъ случаяхъ онъ постоянно мотивируетъ такъ или иначе свои собственные соображенія относительно того или другого литературнаго памятника. Это-то и даетъ намъ основаніе по-дозрѣвать здѣсь преднамѣренное молчаніе изъ-за указанныхъ выше цѣлей. Для того, чтобы приписать какой-либо литературный памятникъ извѣстному писателю, требуются ясныя внѣшнія указанія, а за отсутствіемъ ихъ можно руководиться такъ называемыми внутренними признаками чрезъ сравненіе сомнительнаго литературнаго памятника съ извѣстными уже произведеніями того или другого писателя. Ни тѣхъ, ни другихъ основаній для приписанія сего слова Кириллу Туровскому нѣтъ. Если же и существуетъ вопросъ о подлинности его и нѣкоторыхъ другихъ поученій, то потому только, что Калайдовичъ помѣстилъ ихъ въ числѣ твореній Кирилла Туровскаго, обставивъ это помѣщеніе нѣкоторыми доводами. Но преосвященный Макарій представилъ противъ нихъ такія основательныя возраженія, что не согласиться съ нимъ невозможно. Слово въ пятую недѣлю такого содержанія, что его правильно въ качествѣ проповѣди нельзя приурочить ни къ одной недѣлѣ въ году. Оттого оно и помѣщается въ проповѣдническихъ сборникахъ не въ одно и то же время, а какъ случится. Именемъ Кирилла Туровскаго оно нигдѣ не надписывается, чаще встрѣчается съ именемъ Златоуста, съ каковымъ вошло и въ печатный Прологъ, подъ заглавіемъ, усвояемымъ ему и въ рукописяхъ: «слово Іоанна Златоуста, яко подобаетъ оставить дѣло и ити къ церкви христіаномъ, егда время пріспѣетъ» (Прол. 24 апрѣля), и составляетъ одну изъ тѣхъ безчисленныхъ компиляцій изъ Златоуста, непосредственный источникъ которыхъ невозможно указать, потому что онѣ состояются изъ отдѣльныхъ и отрыв-

вочныхъ мыслей, взятыхъ изъ разныхъ его сочиненій. Употребленное напр. здѣсь сравненіе слова Божія и царской грамоты, для указанія той степени вниманія, съ которымъ должно слушать первое, встрѣчается въ заключеніи первой бесѣды Златоуста на Матѳея. Кириллъ же Туровскій не былъ изъ числа такихъ компиляторовъ, и притомъ всѣ его проповѣди совершенно другого типа. Если бы онъ дѣйствительно написалъ слово въ недѣлю о Самарянынахъ, то оно было бы непременно драматическаго характера, состояло бы изъ длинныхъ рѣчей, потому что для такой формы евангельское чтеніе въ эту недѣлю одно изъ самыхъ благодарныхъ. Между тѣмъ указанное слово принадлежитъ къ учительному роду древне-русской компилятивной проповѣди, и его безъ всякаго колебанія, если бы были какія-либо основанія, можно было бы приписать Θεодосію Печерскому, или кому-либо изъ подобныхъ ему, но никакъ не Кириллу Туровскому. Кромѣ слова въ пятую недѣлю по Пасхѣ Калайдовичъ приписалъ ему еще два, совершенно съ нимъ сходныя по своему характеру, именно: слово въ недѣлю Пятидесятницы и слово о премудрости. И эти послѣднія также именемъ Кирилла Туровскаго не надписываются, такъ что все, что можно сказать противъ подлинности слова въ пятую недѣлю, то цѣликомъ приложимо и къ нимъ, и наоборотъ. Если уже проф. Голубинскій призналъ подлиннымъ первое, то долженъ былъ бы, чтобы быть послѣдовательнымъ, признать за таковыя и послѣднія. Между тѣмъ относительно слова въ недѣлю Пятидесятницы онъ замѣчаетъ: «Усвояютъ еще Кириллу Туровскому поученіе въ недѣлю пятидесятную или на пянтикостію. Но мы того рѣшительнаго мнѣнія, что это краткое поученіе, ни слова не говорящее о праздникѣ, а увѣщающее слушателей отстать отъ пьянства и вообще подвизающее ихъ (кратко) добрая дѣла стяжати и творити, не при-

надлежитъ Кириллу» (примѣч. на стр. 659). О словѣ о премудрости также говоритъ: «Усвоятъ Кириллу Туровскому такую легкую и безцвѣтную вещь, мало напоминающую краснорѣчиваго и любящаго краснорѣчіе проповѣдника, представляется намъ какъ-то сомнительнымъ... Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ списковъ слово и не надписывается именемъ Кирилла, а усвояется ему только на томъ основаніи, что помѣщается въ рукописяхъ между его сочиненіями» (стр. 666, текстъ и примѣч. 1). Все, что сказано имъ объ этихъ словахъ, точъ въ точъ слѣдуетъ сказать и о словѣ въ пятую недѣлю по Пасхѣ: какимъ же образомъ и на какомъ основаніи попало оно въ число подлинныхъ словъ Кирилла Туровскаго, отвѣта не находимъ.

Далѣе, проф. Голубинскій исключилъ изъ числа проповѣдей Кирилла Туровскаго приточное слово о хромцѣ и слѣпцѣ, отнесши его къ разряду нравоучительныхъ сочиненій Кирилла, предназначавшихся имъ не для произношенія съ церковной кафедры, а для домашняго чтенія. Не беремъ на себя смѣлости предрѣшать, какое назначеніе далъ сему слову самъ авторъ. Но читателями его оно издревле отнесено къ числу проповѣдническихъ произведеній, и читалось въ церкви въ среду пятой недѣли великаго поста, въ каковой день помѣщено и въ печатномъ Соборникѣ. Принимая вообще во вниманіе любовь нашихъ предковъ къ притчамъ и иносказаніямъ, мы не находимъ ничего страннаго въ томъ, что притчи, приточныя наставленія вообще предлагались имъ и съ церковной кафедры, и притомъ притчи, взятые не изъ Евангелія. Источникъ такихъ притчей былъ несомнѣнно византійскій, византійское вліяніе сказалося и здѣсь. Къ сожалѣнію мы не знаемъ, насколько развита была въ Византіи таковая форма приточныхъ наставленій. Изъ отцовъ церкви притчу мы встрѣчаемъ только

въ нѣкоторыхъ поучительныхъ наставленіяхъ Ефрема Сирина. Кромѣ того намъ извѣстно еще одно приточное слово, весьма распространенное въ древне-русскихъ проповѣдническихъ сборникахъ, встрѣчающееся и въ старѣйшемъ изъ нихъ, Златоструѣ, именно слово о дворѣ и о змѣ. Въ греческихъ изданіяхъ оно приписывается Христофору Александрійскому, а въ древне-русскихъ сборникахъ постоянно надписывается именемъ Златоуста, какъ и въ нѣкоторыхъ греческихъ манускриптахъ (Опис. рук. Солов. библ. т. I, стр. 587—588). Слово это такъ же, какъ и Кириллово, читалось въ церкви, какъ проповѣдь, помѣщено въ печатномъ Соборникѣ и отнесено тоже къ пятой недѣлѣ великаго поста. Въ древнѣйшихъ поученіяхъ на св. четырехдесятницу (о нихъ ст. А. В. Горскаго въ Приб. къ Твор. св. отц. ч. 17), предназначавшихся для церковнаго употребленія, поученіе въ первую недѣлю поста основано также на изъясненіи не-евангельскаго происхожденія притчи о царѣ, имѣвшемъ семь дочерей (напеч. Горскимъ тамъ же). Поученіе это встрѣчается въ эту недѣлю рѣшительно во всѣхъ почти спискахъ Златоустниковъ, извѣстныхъ доселѣ, и послужило для Горскаго однимъ изъ основаній признать поученія на четырехдесятницу за очень древнія. Онъ говоритъ слѣдующее: «Можно еще указать на употребленіе проповѣдниковъ приточной рѣчи для убѣдительнѣйшаго раскрытія своихъ мыслей: способъ изъясненія, довольно часто встрѣчающійся у нашихъ древнихъ проповѣдниковъ и соотвѣтствовавшій потребностямъ первоначальнаго умственнаго развитія народа» (тамъ же, стр. 36). Послѣдними словами вѣроятно сдѣлано указаніе на нѣсколько приточныхъ поученій Измарагда, заимствованныхъ изъ житія Варлаама и Іоасафа (другихъ мы не знаемъ), которыя, будучи внесены въ Прологъ, также читались вѣроятно въ церквахъ вмѣстѣ съ другими про-

ложными поученіями. На основаніи всѣхъ изложенныхъ указаній мы не находимъ никакого препятствія къ отнесенію приточнаго сказанія о хромѣ и слѣпцѣ къ числу проповѣдей Кирилла Туровскаго, какъ это и сдѣлалъ преосв. Макарій, представившій вообще самую вѣрную, по нашему мнѣнію, классификацію проповѣдей Кирилла.

Наконецъ мы не можемъ не выразить сожалѣнія, что проф. Голубинскій не представилъ никакихъ соображеній объ авторѣ связанныхъ съ именемъ Кирилла Туровскаго словъ «о мытарствахъ» и «о небесныхъ силахъ», ограничившись только простымъ заявленіемъ, что эти поученія суть обращенныя въ особыя слова двѣ части одного слова, которое надписывается такъ: «слово о небесныхъ силахъ и чесо ради созданъ бысть человекъ и о исходѣ души» и которое онъ склоненъ вмѣстѣ съ Шевыревымъ усвоить Авраамію Смоленскому (примѣч. на стр. 666). Совершенно согласны съ тѣмъ, что поученія эти суть обращенныя въ особыя слова двѣ части одного слова, заглавіе котораго выписано, но не склоняется къ мысли приписать его Авраамію Смоленскому, именемъ котораго оно надписывается въ одной только рукописи, и притомъ въ приступѣ и этого слова, какъ и другихъ, содержаніе его приписывается тоже Кириллу Философу. Во всѣхъ же другихъ извѣстныхъ доселѣ рукописяхъ оно почти постоянно надписывается именемъ Кирилла Философа. Это надписаніе сохраняется и во всѣхъ сокращеніяхъ сего слова. Въ рукописяхъ и въ печатныхъ изданіяхъ, кромѣ упомянутыхъ, извѣстны еще два краткихъ поученія: «о небесныхъ силахъ» и «о первозданномъ», которыя суть не что иное какъ двѣ части слова «о небесныхъ силахъ» (ср. это послѣднее по изд. Сухомлинова въ Рук. гр. Уварова, т. II, № 19, съ первыми въ Правосл. Собесѣдн. 1859 г., т. I) и которыя въ надписаніи также удерживаютъ имя Кирилла. Слѣдова-

тельно авторъ первообраза всѣхъ этихъ поученій долженъ быть непременно какой нибудь Кириллъ, но какой? Такъ какъ кромѣ Кирилла Философа, просвѣтителя славянъ, было нѣсколько епископовъ и въ Россіи, носившихъ имя Кирилла, то слово это и въ цѣломъ видѣ и въ сокращеніяхъ разными изслѣдователями приписывается разнымъ Кирилламъ, то Кириллу Туровскому, то митрополиту Кириллу второму, то Кириллу, епископу ростовскому. Всѣ эти отдѣльныя мнѣнія существуютъ совершенно изолированно и доселѣ не приведены ни къ какому одному знаменателю; между тѣмъ полезно было бы хотя условно присвоить это слово одному какому-либо писателю, потому что при существующемъ разногласіи людьми незнакомыми близко съ симъ дѣломъ оно съ его сокращеніями легко можетъ быть принято за разные, совершенно независимые литературные памятники, какъ и принимается нѣкоторыми. Такъ въ очень серьезномъ даже изслѣдованіи Д. Дубакина «О вліяніи христіанства на семейный бытъ русскаго общества въ періодъ до времени появленія Домостроя», мы встрѣчаемъ курьезную страницу, на которой авторъ изображаетъ послѣдовательно развитіе въ русскомъ обществѣ идеи о наступленіи кончины міра послѣ семитысячелѣтняго существованія его. Здѣсь говорится, что идея эта въ первый разъ встрѣчается въ сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго, потомъ въ словѣ на день архистратига Михаила митрополита Кирилла II, далѣе она находится въ поученіяхъ Кирилла Ростовскаго (Христіанск. Чт. 1880 г., июль—августъ, стр. 16) и т. д. Указанія эти сопровождаются приличными къ дѣлу историко-философскими размышленіями. Очевидно авторъ не зналъ, что онъ имѣетъ дѣло въ сущности съ однимъ и тѣмъ же литературнымъ памятникомъ. Если бы попало ему изданіе сего слова съ именемъ Авраамія Смоленскаго, то конечно ученая

страница украсилась бы еще одною лишнею цитатою... Поэтому-то естественно выразить сожалѣніе, что такой авторитетный ученый, какъ Голубинскій, не сдѣлалъ попытки къ какому-либо соглашенію указанныхъ разногласій. Но почему названное слово, приписываемое разнымъ русскимъ Кирилламъ, совсѣмъ не приписывается Кириллу Философу, просвѣтителю славянъ, когда оно такъ ясно во всѣхъ почти рукописяхъ надписывается его именемъ, которое въ приступѣ его упоминается вездѣ? Определенно на этотъ вопросъ отвѣтить не можемъ. Но, кажется, исключительно потому, что такое надписаніе въ рукописяхъ думаютъ объяснить упоминаніемъ имени Кирилла Философа въ приступѣ, самому же славянскому апостолу хотятъ приписать только нѣсколько начальныхъ словъ, а все остальное содержаніе слова считаютъ принадлежащимъ какому-либо русскому книжнику. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же связывать его происхожденіе непременно съ именемъ Кирилловъ, и почему слово въ день архистратига Михаила и пр., изданное Розовымъ (въ Чтен. Общ. Истор. и Др. 1847 г., № 8) и совсѣмъ не имѣющее означеннаго приступа, тоже надписывается именемъ иже во святыхъ отца нашего Кирилла Философа? Мы съ своей стороны держимся того мнѣнія, что имя Кирилла Философа въ приступахъ словъ о небесныхъ силахъ и о мытарствахъ связывается со всѣмъ содержаніемъ этихъ словъ, за первообразъ же ихъ считаемъ упомянутое слово въ день архистратига Михаила, на что указываетъ отсутствіе въ немъ приступа съ упоминаніемъ Кирилла, который умѣстенъ только въ его сокращеніяхъ и передѣлкахъ. Жаль только, что слово это извѣстно пока въ крайне испорченной редакціи. Мы думаемъ, что слова приступа указанныхъ словъ, приводимая какъ слова славянскаго первосвятителя—якоже Кириллъ Философъ рече—именно: «не того ради створени

быхомъ, да ямы и піемъ, и въ одежи многоразличныя облачимся, но да угодимъ Господеви и будущая благая получимъ; но понеже не пытаемъ божественныхъ писаній, сего ради заблудихомъ отъ истиннаго пути, ни помышляемъ, како ны есть почтить Богъ и создалъ въ утробѣ матернѣ и душу вложилъ и паки ны оттуду изведе» въ оригинальномъ первообразѣ должны были имѣть мѣсто въ текстѣ послѣ словъ: «яже обнажаютъ всю непріязненную лестъ». Въ приведенныхъ словахъ двѣ основныя мысли: а) Богъ не для того насъ создалъ, чтобы мы ѣли и пили, но чтобы творили дѣла богоугодныя; б) но по невниманію къ изученію божественныхъ писаній мы заблудились съ истиннаго пути и не помышляемъ ни о достоинствѣ нашей природы и цѣли нашего бытія, ни о тайнѣ рожденія. Мысли эти служатъ естественнымъ дополненіемъ послѣднихъ словъ поученія о небесныхъ силахъ, составляющаго первую половину слова въ день архистратига Михаила, и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне логичнымъ переходомъ ко второй части: «когда (по рожденіи) младенецъ крещаемъ бываетъ» и пр. Послѣднія же слова первой половины слѣдующія: «и созда Богъ человѣка и дастъ ему законъ и понеже нанъ діаволь сѣти постави, и Богъ... подастъ намъ... на сѣти его помощь святыхъ книги, яже обнажаютъ всю непріязненную лестъ». Не очевидная ли связь между сими словами о созданіи человѣка и дарованіи ему святыхъ книгъ съ словами приступа о цѣли созданія и о невниманіи къ испытанію божественныхъ писаній съ происходящимъ отсюда невѣдѣніемъ о назначеніи человѣка? Для насъ по крайней мѣрѣ она кажется очевидною и мы хотимъ вѣрить, что приведенныя слова приступа имѣли дѣйствительно мѣсто въ текстѣ оригинальнаго первообраза упомянутыхъ словъ. Мы полагаемъ далѣе, что прежде всего изъ цѣлаго выдѣлена была вторая половина, заклю-

чающая ученіе о судьбѣ человѣка со дня его крещенія, посмертной его участи и послѣднемъ судѣ, именно со словъ: «не того ради створени быхомъ» и пр. Предметы эти для новопросвѣщенныхъ русскихъ христіанъ не только должны были быть интересными, но и казаться поразительною новостію и какою-то тайною, не для всѣхъ людей постижимою. И такъ какъ наши предки считали конечно авторомъ слова въ день архистратига Михаила Кирилла Философа, то естественно при выдѣленіи указанной половины изъ цѣлаго нужно было указать на первоначальный источникъ этой, не для всѣхъ доступной тайны, отчего и долженъ былъ явиться извѣстный приступъ: «Понеже тайна сія не всѣмъ откровенна бысть и многими человѣки несвѣдома...» Отъ кого же она сдѣлалась извѣстной? Отъ Кирилла Философа: якоже рече Кирилль Философъ, или какъ въ другихъ спискахъ: сію намъ Кирилль Философъ повѣда. Понятное дѣло, что такъ могли говорить христіане только славянскаго племени, для которыхъ Кирилль Философъ былъ идеальный мудрецъ, знавшій даже и то, что для другихъ недомыслимо. Климентъ Болгарскій въ своемъ похвальномъ словѣ Кириллу такъ характеризуетъ его высокую мудрость: «всѣмъ языкомъ съкровенныя тайны въ извитіихъ словѣсныхъ разумно исповѣдая сказа овому писмены, овому ученіемъ... Блажу богодвижныя твоя прѣсты, имиже написася утаена отъ многъ Божиа премудрость, открываючи богоразумныя тайны» (Свѣд. и Замѣтк. Срезневскаго, № XXXVII). Такимъ образомъ въ общемъ сознаніи славянъ Кирилль Философъ былъ носителемъ, сказателемъ и провозвѣстникомъ высшихъ тайнъ, не для всѣхъ доступныхъ. Если думать, что Кириллу Философу принадлежать только нѣсколько словъ приступа, то самый приступъ будетъ лишенъ смысла. Какая же тайна, не для всѣхъ довѣдомая въ этихъ немногихъ словахъ?..

Но онъ имѣетъ смыслъ въ отношеніи къ цѣлому ученію о подробностяхъ посмертной участи человѣка. Что касается до первой половины слова, то она, допускаемъ, въ отдѣльномъ видѣ стала писаться послѣ второй и къ ней сталъ прикладываться указанный приступъ только для указанія источника, откуда взята часть, хотя въ отношеніи къ этой первой половинѣ приступъ этотъ не такъ естественъ, какъ въ отношеніи ко второй. Обращаясь къ цѣлому содержанію слова, мы должны замѣтить, что оно имѣетъ характеръ огласительнаго наставленія новопросвѣщенныхъ христіанъ и могло служить естественнымъ дополненіемъ къ Исповѣданію вѣры Кирилла и Меодія. Здѣсь, въ Исповѣданіи, предлагается сумма христіанскихъ догматовъ въ краткой, сжатой формѣ въ тѣхъ границахъ, какъ она могла выразиться послѣ эпохи вселенскихъ соборовъ; тамъ, въ словѣ, изображается вся исторія домостроительства божественнаго о мірѣ и человѣкѣ, изложенная тоже кратко и весьма систематично. Оно начинается съ повѣствованія о сотвореніи ангеловъ и человѣка и заключаетъ въ себѣ указаніе на важнѣйшіе факты прошедшей и будущей судьбы міра и человѣка, словомъ, написано по программѣ оглашеній, издавна практиковавшейся въ христіанской церкви. Блаженный Августинъ въ сочиненіи *De catechizandis rudibus* (сар. III) совѣтуетъ начинать дѣло оглашенія съ изложенія первыхъ словъ Библии: «въ началѣ сотвори Богъ небо и землю», останавливаясь при этомъ изъясненіи только на важнѣйшихъ фактахъ исторіи домостроительства божественнаго о спасеніи человѣка. Слово Кирилла Философа въ день архистратига Михаила вполне отвѣчаетъ своимъ содержаніемъ такой программѣ. Нѣкоторыя подробности его, каковы ученіе о семитысячелѣтнемъ существованіи міра и подробное раскрытіе ученія о мытарствахъ, къ девятому вѣку конечно уже были ясно

формулированы въ греческой богословской литературѣ. Ученіе о воскресеніи Христа въ день осьмой, т. е. слѣдовавшій за седьмымъ—субботою, какъ прообразъ общаго воскресенія и упокоенія людей въ вѣкъ осьмой, въ довольно ясной формѣ существовало уже въ IV вѣкѣ. Ученіе о мытарствахъ въ общемъ смыслѣ, безъ раздѣленія на виды, встрѣчается въ твореніяхъ Ефрема Сирина, а въ пятомъ вѣкѣ существовала уже подробная ихъ классификація. Кириллъ Александрійскій въ словѣ объ исходѣ души, начавъ перечисленіе мытарствъ, не довелъ его до конца, замѣтивъ, что объ этомъ поговорить онъ при другомъ случаѣ. Нельзя сомнѣваться поэтому въ томъ, что къ девятому вѣку все это ученіе было уже точно формулировано. Такимъ образомъ Кириллу Философу была полная возможность познакомить съ подробностями загробной жизни до всеобщаго воскресенія новопросвѣщенныхъ славянъ, и это таинственное ученіе, первоначальныхъ источниковъ котораго они не могли знать, должно было казаться имъ тайною, доступною только такому мудрецу, какъ Кириллъ, ихъ апостолъ, передавшій имъ это ученіе. Какое же препятствіе считать рассматриваемое слово принадлежащимъ славянскому первоучителю Кириллу Философу, когда оно ясно надписывается его именемъ, когда въ содержаніи его нѣтъ ничего такого, что могло бы помѣшать отнести появленіе его къ IX вѣку, и когда нѣтъ никакихъ твердыхъ основаній приписать его и усвоить какому-либо русскому Кириллу? Опять повторимъ, что не знаемъ, и поэтому желали бы, чтобы кто-либо изъ знатоковъ древне-славянской и древне-русской литературы задался цѣлію разрѣшить запутанный вопросъ объ авторѣ сего слова.

Кромѣ проповѣдей Кирилла Туровскаго изъ періода до-монгольскаго въ нашей литературѣ возникли еще споры изъ-за поученій Θεодосія Печерскаго. Здѣсь дѣло

состоить исключительно въ вопросѣ о подлинности двухъ поученій его къ мірянамъ, именно: о казняхъ Божіихъ и о пѣніи тропарей при чашахъ. Относительно принадлежности перваго изъ нихъ Θεодосію Печерскому сильныя возраженія сдѣлалъ Срезневскій (Свѣд. и Замѣтк. № XXIV), сомнѣнія же въ подлинности обоихъ этихъ поученій выразили мы въ своей статьѣ: «Такъ называемыя поученія Θεодосія Печерскаго къ народу русскому» (напечатана выше). Проф. Голубинскій, указавъ на то, что «въ недавнее время заявлено рѣшительное сомнѣніе въ принадлежности двухъ поученій къ мірянамъ Θεодосію Печерскому», съ своей стороны замѣчаетъ, что онъ «пока не можетъ присоединиться къ числу сомнѣвающихся» (прим. 2 на стр. 676). Это «пока» даетъ понять, что увѣренность его въ данномъ случаѣ колебалась, и что основанія «возраженій и сомнѣній» недостаточно еще тверды и требуютъ дальнѣйшихъ подтвержденій. Такъ какъ со времени напечатанія указанной статьи наши сомнѣнія въ вопросѣ о подлинности названныхъ поученій не только не уменьшились, но еще болѣе увеличились, то мы считаемъ себя обязанными сдѣлать нѣкоторыя дополненія къ прежде выраженнымъ основаніямъ своихъ сомнѣній.

Принявъ во вниманіе третью редакцію размышленія о казняхъ Божіихъ, указанную нами въ заключеніи бесѣды митрополита Фотія въ недѣлю мясопустную, и имѣя въ виду, что этотъ послѣдній составлялъ свои поученія на основаніи греческихъ источниковъ (см. ниже статью о поученіяхъ Фотія), мы въ своей статьѣ о поученіяхъ Θεодосія высказали съ увѣренностію предположеніе, что Фотій взялъ это размышленіе изъ греческихъ книгъ, а не изъ славянскихъ. Такъ какъ Фотій былъ не столько компиляторомъ своихъ проповѣдей,

сколько простымъ переводчикомъ ихъ, то въ названномъ предположеніи мы въ настоящее время совершенно утвердились. Греческимъ источникомъ его проповѣдей было главнымъ образомъ Учительное Евангеліе константинопольскаго патріарха Филофея. Считаемъ лишнимъ дѣлать подробныя указанія и сравненіе текстовъ; для этого потребовалось бы выписывать цѣликомъ нѣсколько поученій. Любителямъ же древне-русской письменности рекомендуемъ сравнить слѣдующія слова Фотія и Учительнаго Евангелія: въ недѣлю православія, въ недѣлю мясопустную, въ недѣлю блуднаго сына и въ одиннадцатую недѣлю по Пятидесятницѣ. Изъ словъ Фотія къ этой послѣдней недѣлѣ должно быть отнесено слово о бездождіи, первая половина котораго, объясняющая евангельское чтеніе о человѣкѣ должномъ тмоу талантъ, взята изъ Учительнаго Евангелія. Вторая же имѣетъ значеніе части прикладной, трактации на современные темы. Фотій въ прикладныхъ частяхъ своихъ проповѣдей любилъ разсуждать по поводу современныхъ ему бѣдствій народныхъ: голода, засухи и моровой язвы. Въ настоящемъ же случаѣ, желая поподробнѣе развить мысли о причинахъ бѣдствій, онъ и перевелъ цѣликомъ слово Василия Великаго «во время голода и засухи». Въ смыслѣ такой же прикладной части, приложенія, внесено имъ въ заключеніе слова въ недѣлю мясопустную и размышленіе о казняхъ Божіихъ. Откуда онъ его взялъ? Перевелъ ли съ греческаго или выписалъ изъ славянскихъ рукописей? Мы увѣрены, что перевелъ съ греческаго. Если бы онъ выписалъ его изъ лѣтописи, или съ мнимаго поученія Θεодосія, то, при своемъ плохомъ знаніи славянскаго языка, взялъ бы его отсюда дословно, безъ всякихъ варіацій. Но его размышленіе отъ другихъ двухъ редакцій имѣетъ нѣкоторыя отличія, которыя легко объяснимы при одномъ

греческомъ источникѣ разностию переводовъ. Да и странно было бы, зная, что онъ переводилъ свои поученія съ греческаго языка, допустить возможность заимствованія имъ такого незначительнаго отрывка изъ славянскихъ источниковъ, къ которымъ ему и не было нужды обращаться при имѣніи обильныхъ источниковъ греческихъ. Хотя Учительное Евангеліе Филофея было уже во времена Фотія переведено на славянскій языкъ (перев. его относ. къ 1407 г.), но онъ самъ несомнѣнно переводилъ свои поученія прямо съ греческаго, потому что его переводъ совершенно иной, чѣмъ бывший тогда въ Россіи. Кромѣ того извѣстно, что перевода слова Василия Великаго во время голода и засухи никѣмъ сдѣлано не было, потому что слова этого мы не встрѣчали ни въ одной изъ извѣстныхъ доселѣ старинныхъ рукописей славянскихъ, слѣдовательно Фотій прямо перевелъ его съ греческаго. Не вправѣ ли мы послѣ этого думать, что размышленіе о казняхъ Божіихъ есть дословный переводъ съ ненайденнаго пока еще никѣмъ греческаго же текста? Не вправѣ ли вмѣстѣ съ тѣмъ выражать полное сомнѣніе и въ принадлежности его Θεодосію Печерскому? Мы тѣмъ болѣе утверждаемся въ своей мысли, что Фотій, не богатый идеями, въ нѣсколькихъ мысляхъ, взятыхъ изъ греческихъ книгъ, вращался постоянно, какъ въ какомъ-то заколдованномъ кругу. Сколько разъ повторялъ онъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ почти одними и тѣми же словами наставленія священникамъ, князьямъ, боярамъ и всѣмъ христіанамъ, сколько разъ предлагалъ объясненіе притчи о человѣкѣ должномъ тмоу талантъ, на какіе разные лады варьировалъ слово Василия Великаго о бездождіи?... Такимъ рабомъ былъ онъ греческихъ книгъ, что боялся на шагъ отступить отъ нихъ! Какъ же не вѣрить и не думать, повторимъ опять, что и размышленіе

о казняхъ Божіихъ перевелъ онъ дословно съ греческаго?... Конечно, чтобы считать вопросъ вполне рѣшеннымъ, нужно отыскать греческій подлинникъ, тогда и споры бы прекратились, но и достаточно мотивированное сомнѣніе пролагаетъ дорогу къ истинѣ. Будемъ надѣяться, ждать и искать. *Quaere et invenies.*

Если сомнѣніе наше въ принадлежности Θεодосію Печерскому поученія о казняхъ Божіихъ возрасло въ насъ почти до полной увѣренности, то относительно другого его поученія о пѣнии тропарей при чашахъ мы положительно утверждаемъ, что нѣтъ никакихъ оснований приписывать его Θεодосію. Прямо именемъ Θεодосія оно нигдѣ не надписывается. Обычная формула его надписанія, съ которою встрѣчается оно во всѣхъ рукописяхъ, слѣдующая: слово священномученика Панкратія. Въ двухъ рукописяхъ къ этому надписанію находимъ слѣдующую прибавку: списано Θεодосіемъ худымъ мнихомъ, именно: въ Сборникѣ новгородск. Соф. библ. XV в. (Уч. Зап. 2-го отд. А. Н. II, 2, стр. 198, примѣч.) и въ Сборникѣ той же библіотеки XVI—XVII в. (Свѣд. и Замѣтки Срезневск. № XL, стр. 99), и затѣмъ разъ только оно встрѣчается безъ имени Панкратія съ такимъ надписаніемъ: слово писано святымъ Θεодосіемъ мнихомъ (Ист. Р. Ц. преосв. Макарія, т. II, стр. 88, изд. 1857 г.). Это послѣднее надписаніе и дало исходный пунктъ для приписанія сего поученія Θεодосію Печерскому, а относительно выраженія: слово св. Панкратія, преосв. Макарій замѣтилъ съ рѣшительностію, что это выдумка или ошибка писца (см. выше ст. о поуч. Θεодосія, стр. 295). Между тѣмъ во всѣхъ извѣстныхъ доселѣ спискахъ Измарагда поученіе это постоянно надписывается именемъ священномученика Панкратія. Какимъ же образомъ случайная ошибка могла распространиться на всѣ списки? Кромѣ того выраже-

ніе: «писано Θεодосіемъ» нельзя понимать въ значеніи указанія на писателя, на автора, оно равносильно другому: «списано»... Обычная и постоянная формула усвоенія какого-либо поученія автору въ нашихъ рукописяхъ слѣдующая: иже во святыхъ отца нашего слово... Святаго отца... слово и проч. А термины «писано, писалъ» постоянно означаютъ то же, что по нынѣшнему словоупотребленію списано, списалъ, переписалъ: писана сія книга тамъ-то, и писалъ ее такой-то, таковы обычные приписки писцовъ въ рукописяхъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ нѣсколько поученій съ надписаніемъ: слово священ. Панкратія, указывающимъ на лице, писавшее поученіе, и два списка съ указаніями и на автора Панкратія, и на переписчика монаха Θεодосія. Слѣдуетъ рѣшить, кто же такой авторъ слова Панкратій, и кто списатель его, называемый монахомъ Θεодосіемъ. Писателя съ именемъ Панкратія мы не знаемъ, но объясненіе происхожденія этого надписанія мы имѣемъ въ весьма основательной догадкѣ покойныхъ Горскаго и Невоструева. «Слово подъ именемъ священномученика Панкратія, замѣчаютъ они, вѣроятно заимствовано изъ книги, гдѣ помѣщено было житіе его, какъ извѣстно, переведенное въ глубокой древности по повелѣнію Іоанна, архіеп. болгарскаго» (Опис. рук. Син. библ. II, 3, стр. 67). Какимъ же Θεодосіемъ оно заимствовано, списано изъ житія? Въ отвѣтъ на это мы выпишемъ то, что нами указано было въ описаніи рукописей Солов. библіотеки. «Списателемъ сего поученія былъ, безъ сомнѣнія, печерскій монахъ Θεодосій (XII в.), занимавшійся списываніемъ книгъ и переводомъ съ греческаго при князѣ Николаѣ Святошѣ (Святославѣ), мірское христіанское имя котораго было Панкратій (Бодянский, Чт. Общ. Ист. и Др. Рос. 1848 г. предисл. 2-го отд. стр. XVIII—XXII). Весьма естественно было ему списать

поученіе изъ книги житія и съ именемъ того святаго, которое носилъ въ мірѣ его патронъ. И такъ какъ, по Горскому и Невоструеву, «слово это и описываемые въ немъ обычаи не русскіе, но южныхъ славянъ» (Опис. II, 3, стр. 68), то его слѣдуетъ считать памятникомъ не русской, но болгарской письменности, т. е. ни въ какомъ случаѣ не могущимъ принадлежать Θεодосію Печерскому» (Опис. рук. Сол. библ. т. I, стр. 579).

Заканчивая настоящую замѣтку, не можемъ умолчать объ одной безспорной ошибкѣ, допущенной проф. Голубинскимъ. Онъ продолжаетъ приписывать вмѣстѣ съ преосв. Филаретомъ (Гумилевскимъ) Іоанну, экзарху болгарскому, слово о погребаящихся въ церкви. Подъ такимъ заглавіемъ съ надписаніемъ Іоанна экзарха помѣщается въ Четви-минейхъ и Прологахъ (16 января) рассказъ изъ діалоговъ Григорія Двоеслова (кн. IV, гл. 52), на что указалъ еще въ 1875 г. профессоръ Петровъ въ своемъ изслѣдованіи «О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго Пролога» (стр. 293). Пора уже освободить знаменитаго болгарскаго дѣятеля отъ произведенія напрасно ему приписаннаго.

О поученіяхъ Фотія, митрополита кievскаго и всея Руси ¹⁾.

Пастырская дѣятельность митрополита Фотія относится къ первой половинѣ XV вѣка и обнимаетъ собою промежутокъ времени почти въ двадцать два года, именно: съ 1-го сентября 1409 по 1-е іюля 1431 года ²⁾. Россія переживала въ это время трудные и тяжелые для

¹⁾ Напечат. въ Православн. Собесѣдн. 1875 г., т. I и III. При этой статьѣ было издано третье поученіе Фотія о казняхъ Божіихъ.

²⁾ Фотій рукоположенъ былъ въ митрополита всея Руси 2 сентября 1408 г., прибылъ въ Кіевъ 1 сентября 1409 и въ Москву въ апрѣль 1410 года. См. Прибавл. къ Твор. св. от. 1852 г., ч. XI, стр. 210 и 213.

нея годы. Кромѣ продолжавшихся еще внутреннихъ междоусобицъ и опустошительныхъ набѣговъ татаръ, она много пострадала тогда отъ голода, засухи и моровой язвы. Подъ каждымъ почти годомъ русской лѣтописи того времени встрѣчаются извѣстія о какомъ-либо изъ названныхъ народныхъ бѣдствій. «Въ 1409 году, читаемъ на страницахъ исторіи, множество людей померло отъ голоду; въ 1412 дороговизна въ Нижнемъ Новгородѣ; въ 1418 году снѣгъ выпалъ 15 сентября, шелъ трое сутокъ и покрылъ всю землю на четыре пяди, пошли морозы; но потомъ стало тепло, снѣгъ сошелъ, но хлѣба сжали мало послѣ снѣга, и начался голодъ по всей русской землѣ. Въ 1421 году свирѣпствовалъ голодъ въ Новгородѣ и по всей русской землѣ, много людей померло съ голоду, другіе ушли въ Литву, иные померзли на дорогѣ, потому что зима была очень холодна... Осенью 1429 года земля и лѣса горѣли, дымъ стлался по воздуху, съ трудомъ можно было видѣть другъ друга, отъ дыму умирала рыба и птица; слѣдствіемъ такой погоды былъ голодъ сильный по всей землѣ русской» ¹⁾. Еще чаще попадаются извѣстія о моровой язвѣ. Въ 1409 году моръ съ кровяною харкотю свирѣпствовалъ въ волостяхъ ржевскихъ, можайскихъ, дмитровскихъ, звенигородскихъ, переяславскихъ, владимірскихъ, юрьевскихъ, рязанскихъ и торусскихъ, показывался и въ нѣкоторыхъ московскихъ волостяхъ; первый признакъ: у больного руки и ноги прикорчить, шею скривить, зубы скрежещутъ, кости хрустятъ, всѣ суставы трещать, кричить, вопить; у иныхъ и мысль измѣнится, умъ отнимется; иные, одинъ день поболѣвши, умирали, другіе полтора дня, нѣкоторые два дня, а иные, поболѣвши три или четыре дня, выздоравливали; въ 1414 году была болѣзнь тяжкая по всей рус-

¹⁾ Истор. Росс. Соловьева, т. IV, стр. 246.

ской землѣ, костоломъ; въ 1417 моръ съ кровохарканіемъ и желѣзою опустошилъ Новгородъ, Ладогу, Руссу, Порховъ, Псковъ, Торжокъ, Дмитровъ и Тверь... Подъ 1419 годомъ упоминается моръ въ Кіевѣ и другихъ юго-западныхъ странахъ, въ слѣдующемъ году моръ началъ опустошать сѣверо-восточную полосу, Кострому, Ярославль, Юрьевъ, Владиміръ, Суздаль, Переяславль, Галичъ, Ростовъ: хлѣбъ стоялъ на нивахъ, жать было некому; потомъ моръ, вмѣстѣ съ голодомъ, опустошилъ Новгородъ и Псковъ; въ 1423 году моръ съ желѣзою и кровохарканіемъ въ Новгородѣ, Корелѣ и по всей русской землѣ; въ 1425 моръ былъ въ Галичѣ, а съ Троицына дня въ Москвѣ и по другимъ областямъ, продолжался и въ слѣдующихъ годахъ; явился новый признакъ, прыщъ; если будетъ прыщъ синій, то чело-вѣкъ на третій день умираетъ, если же красный, то выгнивалъ и больной выздоравливалъ» ¹⁾...

И теперь тяжело читать эту страшную запись почти ежегодныхъ народныхъ бѣдствій; современники же, очевидцы, подъ тяжелымъ давленіемъ ихъ должны были испытывать разнообразныя чувства: и страхъ, и отчаяніе, и уныніе. Иные, настроенные идеальнымъ образомъ, стремились въ монастыри, чтобы тамъ постомъ и покаяніемъ загладить грѣхи свои и потомъ безбоязненно ожидать смерти; другіе же, болѣе грубые и чувственные, старались въ дикомъ и широкомъ разгулѣ потопить свое горе и залить свой страхъ. Эти «нечувственные», по словамъ современника, люди, не страшась гнѣва Божія, тѣмъ болѣе могли предаваться пьянству, что тогда за смертію достоянія многихъ оставались безъ призранія. И не только запасы меду, но и одежды, и скоть, и богатство, все было оставляемо на распутіяхъ ²⁾.

¹⁾ Истор. Росс. Соловьева, т. IV, стр. 249.

²⁾ Приб. къ Тв. св. от. 1852 г., ч. XI, стр. 261—262.

Въ эту-то тяжелую и страшную для тогдашней Руси пору, среди ужасовъ повальной смерти, прибылъ въ Москву новый митрополитъ Фотій. Чтобы понять тѣ чувства, которыя онъ долженъ былъ пережить при видѣ этихъ всенародныхъ бѣдствій, нужно вспомнить, что онъ перенесенъ былъ на почву русской жизни совершенно изъ другой обстановки. Фотій съ юности жилъ и воспитывался въ пустыни, подъ руководствомъ опытнаго и благочестиваго старца Акакія, котораго весьма уважали даже цари и патріархи ¹⁾. Слѣдовательно онъ долженъ былъ привыкнуть и даже сродниться съ тихой и безмятежной обстановкой пустынной жизни. Картина же многообразныхъ колебаній и неровностей жизни общественной, а тѣмъ болѣе страшныхъ народныхъ бѣдствій, если и была ему знакома, то могла быть извѣстна ему только по книгамъ. Когда же въ Россіи ему пришлось встрѣтиться со всѣми этими ужасными бѣдствіями лицомъ къ лицу, и увидѣть самому страданія человѣческія, тогда, понятно, душу его, идеальнаго пустынника, долженъ былъ охватить ужасъ. Все, что до сихъ поръ могъ онъ знать изъ книгъ и по рассказамъ другихъ людей о бѣдствіяхъ человѣческихъ, должно было показаться ему блѣднымъ и ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ увидѣлъ въ странѣ, которая должна была сдѣлаться вторымъ его отечествомъ, и въ которой ему суждено было занять высшій постъ іерархической власти и стать такимъ образомъ нравственнымъ руководителемъ и духовнымъ отцемъ бѣдствующаго народа. «Якоже слышахъ, говорилъ онъ впослѣдствіи въ одномъ изъ своихъ поученій русской паствѣ, плѣномъ отъ поганныхъ плѣнени быстѣ, посемъ же страшными и нужными повсюдѣ болѣзнями, и голодомъ и моромъ... Ради же всяческихъ нашихъ неисправленій праведное

¹⁾ Тамъ же, стр. 211.

на ны нещаденіе бысть страшныя и ужасоисполненныя многоразличныя язвы и болѣзни горькія коркотныя, тѣлесе изможденіа и сокрушеніа, и жилъ стрѣзаніа и скращеніа и всего изможденіа плотей и самыхъ костей, и всего погубленіа и ума, и напраснаго и гърькаго и нужнаго отъ сего житіа человѣкомъ разлученіа, *и ни въ писаніи убо, чада моя, толики нужны казни обрѣтохомъ, ниже прежде и инде гдѣ слышахомъ въ Божіихъ казньхъ таковую нужную казнь, каковаа же вся си грѣхъ ради нашихъ намъ надлежаша Божіа казнь всямо бывающая бысть*¹⁾.

Но это еще не все, что на первыхъ же порахъ должно было поразить новаго митрополита. Кромѣ все-народныхъ бѣдствій, голода и моровой язвы, Фотію съ самаго же начала его пребыванія въ Россіи случилось быть близкимъ свидѣтелемъ той жестокости и страшнаго варварства, какими сопровождались междоусобныя войны русскихъ князей того времени. Въ 1411 году нижегородскій князь Даніиль Борисовичъ, враждовавшій противъ великаго князя московскаго, послалъ къ Владимиру тайно лѣсомъ вмѣстѣ съ татарскимъ царевичемъ Талычемъ боярина своего Семена Карамышева съ дружиной. Татары и дружина Даніилова напали на Владимиръ въ полдень, когда всѣ жители его, по старинному русскому обычаю, послѣ обѣда спали, захватили городское стадо, взяли посады и пожгли ихъ и побили множество людей. Соборную церковь Богоматери ограбили и ключаря ея, грека Патрикія, прибывшаго въ Россію вмѣстѣ съ Фотіемъ, подвергли жестокимъ истязаніямъ за то, что онъ не хотѣлъ сказать имъ, куда спряталъ церковную казну. Несчастнаго священника ставили на горячую сковороду, втыкали щепы за ногти, драли кожу, и наконецъ, когда онъ, несмотря на всѣ эти истязанія,

¹⁾ См. Прав. Собес. 1861 г., т. II.

не сказалъ ни слова, его привязали за ноги къ лошадиному хвосту и такимъ образомъ умертвили. Весь городъ былъ пожженъ и пограбленъ, жителей повели въ плѣнъ; колокола растопились отъ пожара, городъ и окрестности наполнились трупами. Самъ Фотій, находившійся въ этотъ разъ неподалеку отъ Владимира, въ пустыни Святозерской, былъ въ опасности, потому что и его самого искали захватить грабители¹⁾.

Безпорядки жизни общественной и борьба князей не могли не отразиться и на дѣлахъ церковныхъ. По пріѣздѣ своемъ въ Москву Фотій нашелъ большіе безпорядки по управленію имѣніями митрополіи; при немъ же было и временное отдѣленіе митрополіи кіевской отъ московской, въ лицѣ Григорія Цамблака. Духовенство какъ въ умственномъ, такъ и въ религіозно-нравственномъ отношеніи стояло низко и вліяніе его на народъ было слабое. Антиерархическая ересь стригольниковъ, вызванная отчасти поведеніемъ духовенства, продолжала еще нарушать миръ церковный въ Псковѣ. Народъ былъ грубъ и развратенъ; церковныя законоположенія не соблюдались. Многіе произвольно расторгали бракъ и брали другихъ женъ, иные вступали въ сожитіе съ женщинами безъ церковнаго благословенія, нѣкоторые вступали въ четвертый бракъ и далѣе²⁾. Не могло не поразить Фотія и постоянное употребленіе русскими сквернословія. Увѣщевая духовенство удерживать народъ отъ такой дурной привычки, онъ замѣчаетъ, что этого зла въ такой степени не встрѣчалъ онъ ни въ одномъ христіанскомъ народѣ³⁾.

Такова была, въ общихъ чертахъ, обстановка той

¹⁾ Истор. Росс. Соловьева, т. IV, стр. 8. Ср. Прибавл. къ Тв. св. отц. 1852 г., ч. XI, стр. 226—228.

²⁾ Дополн. къ акт. ист. т. I, № 181, стр. 328—329.

³⁾ Прибавл. къ Тв. св. отц. 1852 г., ч. XI, стр. 218.

жизни, въ которой Фотій долженъ былъ жить и дѣйствовать, какъ первосвятитель церкви русской. Нужно было имѣть много силы, мужества и энергіи, чтобы успѣвать отвѣчать на всѣ запросы и задачи, предлагавшіяся жизни, нужна была многосторонняя практическая опытность и достаточная теоретическая подготовка для того, чтобы съ честію носить первосвятительскій жезлъ въ такую многотрудную эпоху. Фотій дѣйствительно оказался человѣкомъ весьма энергичнымъ: всѣ болѣе или менѣе крупныя явленія современной жизни находили въ немъ живой отголосокъ. Онъ устрояетъ дѣла митрополичьяго дома, умиротворяетъ раздоръ церковный, предупреждаетъ междоусобія князей ¹⁾; послѣ его энергическихъ посланій противъ стригольниковъ ересь эта болѣе не упоминается въ лѣтописяхъ русскихъ ²⁾. Онъ выражаетъ самое живое сочувствіе къ бѣдствіямъ народнымъ въ своихъ поученіяхъ, словомъ, онъ обнаружилъ въ своей дѣятельности, по выраженію Шевырева, «несокрушимую силу воли, готовой страдать, молиться и дѣйствовать» ³⁾. Свидѣтельствомъ такой многосторонней и широкой его дѣятельности могутъ служить для насъ его литературныя произведенія. Съ име-

¹⁾ По смерти Василя Дмитріевича князь Юрій не хотѣлъ признать великимъ княземъ малолѣтнаго Василя Васильевича. Начались смуты. Юрій удалился въ Галичъ и сталъ собирать войско. Въ Москвѣ сдѣлали тоже. До междоусобія не дошло, но и вѣчнаго мира не хотѣлъ заключать князь Юрій съ своимъ малолѣтнимъ племянникомъ. Фотій самъ рѣшился отправиться въ Галичъ съ цѣлію уговорить Юрія къ вѣчному миру. Юрій не хотѣлъ и слышать объ немъ. Тогда Фотій разсердился и выѣхалъ изъ Галича, не благословивъ ни князя, ни городъ, и вдругъ послѣ его отбѣзда открылся моръ въ Галичѣ. Юрій испугался, поскакалъ самъ за митрополитомъ и умолялъ его возвратиться. Фотій воротился, благословилъ народъ, и моръ сталъ прекращаться. Тогда Юрій заключилъ миръ съ московскимъ княземъ впредъ до рѣшенія дѣла ханомъ. Ист. Росс. Солов. т. IV, стр. 54.

²⁾ Прибавл. къ Тв. св. отц. 1852 г., ч. XI, стр. 258.

³⁾ Истор. Русск. Слов. т. III, стр. 315.

немъ Фотія извѣстны: восемь словъ, или поученій, двадцать шесть посланій, три граматы и духовное завѣщаніе.

О сочиненіяхъ митрополита Фотія въ русской литературѣ имѣются два изслѣдованія. Одно изъ нихъ принадлежитъ профессору Шевыреву ¹⁾, другое преосвященному Макарію ²⁾. Въ конечныхъ своихъ выводахъ изслѣдованія эти рѣзко расходятся между собою. Шевыревъ заканчиваетъ свое обзорѣніе сочиненій Фотія слѣдующею общеою ихъ характеристикой: «вникнувъ во все содержаніе поученій Фотіевыхъ, мы можемъ теперь оправдать свидѣтельство лѣтописи, которая говоритъ, что «онъ всѣхъ, отъ малыхъ до великихъ, поучалъ словами благочестія, поученіями отъ божественныхъ писаній, какъ соблюдать заповѣди Христовы, отвращаться отъ злыхъ и пребывать во благихъ». «Глубины богословскія были открыты ему, какъ христіанскому проповѣднику, но силу своего слова заимствовалъ онъ преимущественно *въ примѣненіи христіанской истины къ народной жизни той земли, гдѣ дѣйствовалъ*. И пороки и бѣдствія русскаго народа были близки его пастырскому сердцу. Цвѣтистая реторика школъ греческихъ не погубила жизни этого слова; онъ съумѣлъ даже побѣждать и препятствія языка, ему чуждаго. Сила дѣятельной мысли, и еще болѣе сила любящаго сердца торжествовали надъ этими оковами, и проповѣдь достигала иногда цѣли, переходя изъ міра слова въ дѣло жизни» ³⁾. Такимъ образомъ, по Шевыреву, сочиненія Фотія обладаютъ слѣдующими достоинствами: въ нихъ христіанская истина раскрывается въ примѣненіи къ народной жизни, жизни его слова не погубила даже цвѣтистая реторика школъ греческихъ, т. е. они *народны, жиз-*

¹⁾ Тамъ же, стр. 313—342.

²⁾ Духов. Вѣстн. 1862 г., т. I, стр. 147—170.

³⁾ Истор. Русск. Слов. т. III, стр. 341—342.

ненны и современны. Отзывъ преосвященнаго Макарія совершенно иного рода. По его словамъ, «сочиненія Фотія лишены силы и жизни, вялы и скучны... Большая часть изъ нихъ скудны содержаніемъ. Мысли изложены въ нихъ крайне растянута и многорѣчиво, часто безъ связи и послѣдовательности, и перепутаны вводными предложеніями. Авторъ нерѣдко повторяется и въ одномъ и томъ же, и въ разныхъ своихъ писаніяхъ... Слогъ его сочиненій какой-то странный и неправильный, представляетъ не мало словъ, а еще болѣе сочетаній словъ, въ которыхъ трудно добиться смысла... Драгоценны они, какъ памятникъ пастырской дѣятельности, но имѣютъ мало цѣны, какъ памятникъ литературный»¹⁾. Характеристика эта въ существенной своей части совершенно противоположна предъидущей. По Шевыреву сочиненія Фотія жизненны и народны, и слѣдовательно имѣютъ полный литературный интересъ, по преосвященному же Макарію они лишены силы и жизни, и въ литературномъ отношеніи имѣютъ мало цѣны. Такая разность возрѣній на одинъ и тотъ же предметъ конечно должна имѣть свои причины, источникъ которыхъ заключается, безъ сомнѣнія, въ самыхъ сочиненіяхъ митрополита Фотія. По своей разнохарактерности они дѣйствительно даютъ полное основаніе для той и другой характеристики. Эту разнохарактерность сочиненій митрополита Фотія съ полною отчетливостію и ясностію можно прослѣдить и въ церковныхъ его поученіяхъ.

Всѣ поученія Фотія по характеру своему и содержанію могутъ быть раздѣлены на три класса. Къ первому относятся его слова на праздники: на Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, на Срѣтеніе Господне и въ недѣлю Православія. Ко второму классу слѣдуетъ отнести двѣ его бесѣды на воскресныя евангельскія

¹⁾ Дух. Вѣстн. 1862 г., т. I, стр. 169—170.

чтенія, бесѣды въ недѣлю мясопустную и въ недѣлю блуднаго сына. Третій классъ его проповѣдей составляютъ три поученія о казняхъ Божіихъ, написанныя по случаю современныхъ проповѣднику народныхъ бѣдствій. Каждый изъ этихъ трехъ классовъ имѣетъ свои спеціальныя отличительныя черты, по которымъ одинъ классъ совсѣмъ не похожъ на другой. Если бы всѣ эти поученія не надписывались именемъ митрополита Фотія, то трудно было бы, на основаніи только ихъ свойствъ, приписать ихъ одному и тому же автору: такъ они разнятся другъ отъ друга. Первые три поученія относятся къ типу торжественнаго рода проповѣдей не очень высокой пробы. Къ современной жизни проповѣдника они не имѣютъ почти никакого отношенія, нѣтъ въ нихъ и живого, согрѣтаго теплымъ чувствомъ назиданія. Поученія же въ недѣлю мясопустную и въ недѣлю блуднаго сына напоминаютъ собою гомиліи древней христіанской церкви. Къ современной жизни проповѣдника хотя они также имѣютъ мало отношенія, но въ нихъ много теплаго и живого чувства, есть отдѣльныя превосходныя мѣста, назиданія и наставленія въ нихъ весьма естественны и просты, словомъ, въ этихъ двухъ поученіяхъ проповѣдникъ живой человѣкъ, а не напыщенный риторъ, какъ въ предъидущихъ. Наконецъ поученія по случаю народныхъ бѣдствій, по своему ближайшему отношенію къ современной жизни проповѣдника, по живымъ и художественнымъ картинамъ, встрѣчающимся

¹⁾ Слово на Благовѣщеніе напечатано въ I-мъ томѣ Дополн. къ акт. истор. подъ № 182. Поученія же на Срѣтеніе Господне, въ недѣлю Православія, въ недѣлю блуднаго сына, въ недѣлю мясопустную и два поученія о казняхъ Божіихъ напечатаны въ Православномъ Собесѣдникѣ. См. Прав. Собесѣдн. 1862 г., т. II, стр. 457—473, т. III, стр. 97, 222, 357 и 481. 1861 г., т. II, стр. 181 и 303. Третье поученіе о казняхъ Божіихъ.

въ нихъ, могутъ быть причислены къ образцовымъ произведеніямъ въ области проповѣднической литературы.

Причины этой разнохарактерности поученій Фотія будутъ указаны въ настоящемъ изслѣдованіи.

I.

Всѣ слова митрополита Фотія на праздники въ своемъ родѣ произведенія цѣльныя, до конца выдержанныя. Какъ въ цѣломъ своемъ составѣ, такъ и въ частяхъ они обладаютъ однѣми и тѣми же характерными особенностями. Въ цѣломъ это скучныя, вялыя и безжизненные произведенія, обличающія въ авторѣ человѣка, не привыкшаго къ самостоятельному мышленію, а также и къ систематическому изложенію своихъ мыслей. Каждое изъ этихъ поученій не есть органически развитое цѣлое, проникнутое и осмысленное одною общою идеею, а представляетъ собою рядъ общихъ мѣстъ, нанизанныхъ одно на другое и связанныхъ между собою чисто механическимъ образомъ. Этотъ общій характеръ выдержанъ во всѣхъ частностяхъ. Каждое слово и каждая высказываемая въ нихъ мысль не есть выраженіе внутренняго убѣжденія, запечатлѣннаго личностію автора, не плодъ долгаго и труднаго процесса самостоятельнаго мышленія, а являются всегда какъ что-то автору чуждое и постороннее, болѣею частію мало относящееся даже къ тому обстоятельству или къ предмету, къ которымъ они приурочиваются. Эта всепроникающая праздничная слова безжизненность дѣлаетъ ихъ весьма тяжелыми для чтенія, послѣ котораго не остается почти никакого опредѣленнаго впечатлѣнія. А механическая подтасовка однихъ общихъ мѣстъ, отличающая собою всѣ эти три поученія, низводитъ ихъ въ разрядъ простыхъ компиляцій и притомъ весьма невысокаго качества. Особенно выдаются въ этомъ отношеніи слова на Благовѣщеніе

и въ недѣлю Православія, преимущественно же первое ¹⁾. Что касается до поученія на Срѣтеніе Господне, то его можно признать счастливымъ исключеніемъ между ними. Въ немъ, сравнительно, больше простоты и естественности. Содержаніе его непосредственно основывается на дневномъ евангельскомъ чтеніи и расположеніе мыслей въ немъ имѣетъ нѣкоторый видъ порядка и системы. А между тѣмъ и въ этомъ словѣ не видно самостоятельнаго живого анализа предмета; напротивъ, повсюду замѣтна одна только механическая работа, повсюду натяжки и стремленіе поскорѣе перейти въ излюбленную область общихъ мѣстъ. Интересно слѣдить за этою кропотливою работою механическаго подбора мыслей. Начало слова весьма естественно. Послѣ краткаго приступа проповѣдникъ дѣлаетъ анализъ евангельскаго чтенія. Но этотъ анализъ продолжается недолго и занимаетъ всего одну только страницу. Послѣ краткаго замѣчанія по поводу словъ Симеона къ Богородице: *се лежитъ сей на паденіе и на востаніе многимъ во Израили*

¹⁾ Содержаніе слова на Благовѣщеніе слѣдующее: сначала проповѣдникъ изображаетъ торжественность праздника: «днесь богоразумныя силы небесныя съ небесе преклонишася, съ нами земными невидимо спразднуютъ сего четвероконечнаго праздника... днесь раздрѣшися преднее Еввино осужденіе, и преста прочее праматернее ненавистное осужденіе и униженіе; днесь горній чиновъ должимъ съликовствуемъ и весь міръ всесвѣтлымъ свѣтомъ просвѣщается» и т. д.; потомъ приглашаетъ прославлять Богородицу и при этомъ рассказываетъ о событіи, вовсе не относящемся къ празднику Благовѣщенія, именно о чудѣ ея, послужившемъ поводомъ къ составленію ей акаѣиста. Далѣе, по поводу происходившаго въ тотъ день освященія походной церкви, устроенной для православныхъ воиновъ в. к. Витовтомъ, проповѣдникъ дѣлаетъ наставленія, сначала всѣмъ христіанамъ, какъ имъ вести себя въ храмѣ, потомъ священникамъ новой церкви и воинамъ, напоминаетъ имъ объ обѣтахъ крещенія, и такъ какъ храмъ былъ созданъ во имя Креста Господня, то проповѣдникъ считаетъ своимъ долгомъ рассказать по этому случаю своимъ слушателямъ о громоносномъ легіонѣ христіанъ, по молитвамъ котораго въ дни Марка Аврелія одержана была побѣда надъ варварами, а также и о явленіи креста Константину Великому.

и въ знаменіе пререкаемо проповѣдникъ оставляетъ евангельское чтеніе и спѣшитъ положить начало прославленію праздника, дѣлая неожиданный переходъ отъ тона поучительнаго, собесѣдовательнаго, къ похвальному, торжественному, который совершенно былъ несроденъ лишенной всякаго поэтическаго дара натурѣ проповѣдника. Переходъ этотъ связываетъ рядъ слѣдующихъ за нимъ похвальныхъ возгласеній съ предшествовавшимъ содержаніемъ слова чисто механически. «И кто изглаголетъ силы Господня, такъ начинается переходъ отъ поученія къ похвалѣ, и услышаны сѣтворитъ вся хвалы его? Здержай землю горстію на руку вмѣщается, и носится носай всяческая глаголы устъ своихъ. Да радуется днесь Адамъ по естеству нашему, съ Симеономъ ко Христу глаголя: нынѣ отпускаеши раба твоего Владыко... Днесь Симеонъ всѣмъ языкомъ... велегласно гласомъ о немъ воззва, глаголя: сый и прежде сый и присно съ Отцемъ съединосущенъ, безначаленъ и несозданенъ сый, источникъ живота отъ источника жизни, отъ источника отъ Отца жизнь происходя». И начинается такимъ образомъ цѣлый рядъ похвальныхъ предложеній, простирающійся на нѣсколько страницъ. «Се отроча, продолжаетъ проповѣдникъ мнимую рѣчь Симеона, о немъ же Исаіа возгласи, глаголя: яко отроча родися намъ, сынъ и дасться намъ... Се отроча, рече Давидъ, явится Богъ богомъ въ Сіонѣ. О семъ отрочати вопіетъ Иереміа: яко Богъ на земли явился и съ человѣкы поживе. Се отроча есть, иже море древле Израилю предѣли и Фараона погрузи и законъ дастъ. Сіе отроча Моисеа египтяномъ губителя сѣтвори и сорокъ лѣтъ наставника устрои, и днесь же въ днешній день въ земный іерусалимъ вниде... И сіе отроча вси пророцы не убо бывшаа преди вся произвѣстиша; яко сіе отроча поютъ ангели, сего трепещутъ власти, сего славятъ силы, сему работаетъ солнце, сему

служить луна... и сіе отроча видѣвъше, двери адовы затворишася, и небесныя же двери отверзошася. Сіе отроча адъ видѣвъ, вѣстрепета, смерть упраздни, діавола посрами, клятву разруши,... лукавое рукописаніе раздра, грѣхъ попра, леть упраздни, тварь возстави, праотца нашего спасе, Евву назда, языки призва, міръ просвѣти...» Само собою понятно, что весь этотъ длинный рядъ предложеній не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ празднику Срѣтенія Господня, и можетъ быть съ одинаковымъ удобствомъ употребленъ и въ проповѣди на Рождество Христово, на Обрѣзаніе и вообще на всякій Господскій праздникъ. Подобною же общностію отличается въ этомъ словѣ и изображеніе личности Симеона Богопріимца. «Сей бѣше, говоритъ проповѣдникъ, Божій блаженный человѣкъ Симеонъ, повидимому яко бѣше человѣкъ, но по разумѣваемому же яко паче человѣка бѣше; человѣкъ бо существомъ и достоинствомъ многимъ посредѣ человѣкъ предлежа, человѣкъ естествомъ, но добродѣтелию ангель; человѣкъ чувственно убо пребываніе въ дольнемъ іерусалимѣ имѣа, мысленно же въ вышнемъ іерусалимѣ; человѣкъ съ человѣкы убо плотию пребываа, съ ангелы же духомъ ликовствуа; паче же яко ангелъ Симеонъ превыси, паче же бо онѣхъ невидимаго той видѣти сподобися, и не видѣти токмо, но и еже сего вящшее бѣ и преславнѣе, и на рукахъ въспріать. И человѣкъ той праведенъ, отдааше бо коемуждо достойное въ послушаніе Христово божественнаго разума силу исполняти» и т. д.¹⁾ Такими-то общими мѣстами, къ предмету непосредственно не относящимися, и притомъ почти ничего не говорящими ни сердцу, ни уму слушателей, наполнена бѣлая часть слова.

Этой общей безхарактерности и такъ сказать безлич-

¹⁾ См. Православн. Собесѣд. 1860 г., т. II, стр. 456 — 460. 463—464.

ности содержанія разсматриваемыхъ поученій соотвѣтствуетъ и языкъ ихъ, болѣею частію темный и неопредѣленный. Конструкція его ближе подходитъ къ конструкціи греческаго языка, чѣмъ славянскаго, что въ Фотіи, какъ грекъ, конечно отчасти и естественно ¹⁾. Но не въ этомъ только одномъ обнаруживается греческое, византійское вліяніе на эти поученія Фотія; оно замѣтно на всемъ вообще литературномъ ихъ характерѣ. Въ нихъ встрѣчается весьма много мѣстъ, по своей формѣ и приѣмамъ изложенія характеризующихъ собою общій типъ древне-русскихъ литературныхъ произведеній византійскаго типа. Хотя рѣчь Фотія не пересыпана символами и аллегоріями, какъ рѣчь напр. проповѣдей Кирилла Туровскаго, но у него въ особенности часто встрѣчаются любимыя также древне-русскими писателями византійскаго направленія фигуры вопрошенія, единоначатія и противоположенія. Образцы этихъ фигуръ можно видѣть и въ приведенныхъ выше отрывкахъ, можно указать ихъ и еще нѣсколько, таковы напр. изъ слова на Срѣтеніе Господне: «всеи убо языцы въсплещите руками,... всяко дыханіе да хвалить Господа,... языкъ да похвалитъ и поетъ и славословитъ отроча Бога четырехднєвна и превѣчна, отроча младо и ветхо дєньми, отроча ссущее и вѣкомъ творецъ, младенецъ зримъ и Богъ познаваемъ, младенецъ ссущъ и міръ напитающе, младенецъ видимъ отъ Виелеома въ Іерусалимъ входящъ и вышняго Іерусалима никакоже отлученъ, той на руку

¹⁾ Греческая конструкція сочиненій Фотія дала основаніе Шевыреву предполагать, что онъ писалъ свои сочиненія предварительно по гречески, и потомъ уже переводилъ на языкъ славянскій (Ист. русск. слов. т. III, стр. 320). Но такое предположеніе совсѣмъ излишне. Гораздо вѣрнѣе на основаніи внимательнаго изученія поученій Фотія сказать, что онъ или компилировалъ, или просто дословно переводилъ свои поученія съ готовыхъ греческихъ подлинниковъ, и притомъ не своихъ, а чужихъ.

старчу зримъ, тойже на престолѣхъ херувимскихъ боголѣпноносимъ» ¹⁾... Изъ слова на Благовѣщеніе: «днесъ... свѣтъ Христова пришествія вѣрныя просвѣтляетъ; днесъ тихаа намъ весна Христосъ праведное солнце... вѣрныхъ мысли просвѣщаетъ;... днесъ преславное и несказанное таинство... явѣ намъ возвѣщаетъ; днесъ Гавріиль къ Дѣвѣ чистѣй приходитъ;... днесъ богоразумныя силы небесныя съ нами невидимо съпразднуютъ сего четвероконечнаго праздника;... днесъ раздрѣшися преднее Еввино осужденіе;... днесъ царіе земстїи и вси людїе непорочную Царицу Богоматерь въспоминаньми и похвалами царскими ублажающе, торжествуютъ» ²⁾... Изъ слова въ недѣлю Православія: «постъ есть возлюбленїи, яко нѣкая намъ лѣствица предлежитъ на степень высоту добродѣтели возводящи. Постъ есть поновленіе души и житїю цѣломудріе. Постъ убо хранитъ младенца и цѣломудритъ юныя и благоукрашенна творитъ старца. Постъ очищеніе и освященіе души и тѣлу. Постъ къ Богу присвоеніе и ангельскому съликоствоанію вводитель» ³⁾... и т. д.

По внѣшнему своему характеру слова Фотія на праздники принадлежатъ къ типу такъ называемыхъ посланій. Съ этой стороны они такъ же, какъ и во всемъ остальномъ, весьма похожи другъ на друга. Въ каждомъ изъ нихъ рѣзко выдѣляются двѣ половины: общія разсужденія, вызванныя празднуемымъ событіемъ, и частныя наставленія «священникамъ, благороднымъ и благовѣрнымъ княземъ и всему христоименитому исполненію святаго людства». Подобно посланіямъ они также конечно назначались для общаго назиданія всѣхъ хри-

¹⁾ Прав. Собес. 1860 г., т. II, стр. 460—461.

²⁾ Дополн. къ акт. истор. т. I, № 182, стр. 332.

³⁾ Прав. Собес. 1860 г., т. III, стр. 233. Параллельное этому мѣсто см. у Василія Вел. т. IV, стр. 23, слово 2-ое о постѣ.

стіанъ и читались по всей вѣроятности во всѣхъ церквахъ. Изъ нихъ самымъ Фотіемъ несомнѣнно произнесено только слово на Благовѣщеніе, сказанное при освященіи имъ самимъ церкви. Объ остальныхъ этого утверждать нельзя. Напротивъ содержаніе ихъ даетъ основаніе думать, что они составлялись авторомъ не для личнаго ихъ произношенія, а скорѣе именно для всенароднаго ихъ чтенія по церквамъ русской митрополіи. Въ своихъ наставленіяхъ онъ выражается бѣльшею частію «сіе пишу вамъ», а не «говорю вамъ» ¹⁾. Понятно, что при личномъ произношеніи проповѣди самымъ проповѣдникомъ подобная форма рѣчи не могла бы имѣть мѣста.

Съ характеромъ общихъ разсужденій разсматриваемыхъ поученій митрополита Фотія мы познакомились достаточно. Что касается до частныхъ его наставленій, то они весьма интересны, и не столько по своему содержанію, сколько по способу изложенія, который даетъ намъ ключъ для вѣрнаго пониманія и оцѣнки литературнаго достоинства всѣхъ поученій митрополита Фотія. Въ наставленіяхъ этихъ особенно видное и выдающееся по своей обширности мѣсто занимаютъ наставленія чину священническому. Наставленія же князьямъ и боярамъ и «всему христоименитому исполненію святаго людства» занимаютъ сравнительно немного мѣста. Замѣчательно, что наставленія эти каждый разъ выражаются буквально одними и тѣми же словами. Это дословное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же мыслей въ особенности бросается въ глаза въ наставленіяхъ чину священническому, прототипомъ которыхъ служитъ поученіе Фотія

¹⁾ Прав. Собесѣдн. 1860 г., т. II, стр. 465 (слово на Срѣт. Госп.) и т. III, стр. 231 и 364 (слово въ нед. Правосл.). Замѣчаніе это слѣдуетъ впрочемъ распространить на всѣ поученія Фотія. Всѣ они несомнѣнно читались по церквамъ, что можно видѣть и изъ надписанія ихъ, но содержаніе ихъ не даетъ права утверждать, что всѣ они непремѣнно произнесены были въ церкви самимъ Фотіемъ.

«къ священническому всему и иночьскому чину о великомъ Божіемъ священствѣ» ¹⁾. Съ небольшими пропусками оно почти цѣликомъ все повторяется въ словѣ на недѣлю Православія и въ сокращенномъ видѣ въ словахъ на Благовѣщеніе и на Срѣтеніе Господне. Эти повторенія и обращаютъ на себя особенное вниманіе. На основаніи ихъ можно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: или у Фотія былъ подъ руками какой-либо общій источникъ всѣхъ его наставленій чину священническому, которымъ онъ и пользовался во всѣхъ случаяхъ, съ небольшими только измѣненіями, почти всегда буквально; или онъ самъ составилъ предварительно свое поученіе «о великомъ Божіемъ священствѣ» и затѣмъ во всѣхъ другихъ случаяхъ слѣдовалъ этой первоначальной редакціи, подвергая ее только, смотря по надобности, или сокращенію, или простой перестановкѣ мыслей. Въ такомъ случаѣ поученіе это было для Фотія какъ бы стереотипною формою всѣхъ его разсужденій о священствѣ и обязанностяхъ пастырскаго служенія. Первое изъ указанныхъ предположеній вѣроятнѣе, но за недостаткомъ положительныхъ указаній, утверждать это воздерживаемся. Остается такимъ образомъ второе. Но и при немъ возникаетъ вопросъ: было ли поученіе о священствѣ вполнѣ самостоятельнымъ произведеніемъ Фотія? Компильтивный характеръ поученій Фотіевыхъ съ одной, и это дословное повтореніе однѣхъ и тѣхъ же мыслей и словъ съ другой стороны дѣлаютъ труднымъ отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно. Рабское, буквально воспроизведеніе въ нѣсколькихъ случаяхъ ²⁾ одного и того же образца, хотя бы и своего собственнаго, во всякомъ случаѣ сви-

¹⁾ Напечатано въ I-мъ томѣ Доп. къ акт. ист. подъ № 181.

²⁾ Наставленія священникамъ воспроизводятся и въ послѣднихъ двухъ поученіяхъ о казняхъ Божіихъ.

дѣлствуетъ о недостаточности развитія, объ ограниченности круга идей писателя, а также и о невычкѣ его къ свободной и самостоятельной работѣ мысли.

Такимъ образомъ обзорѣніе поученій Фотія на праздники даетъ намъ слѣдующіе результаты: поученія эти имѣютъ характеръ компилятивный; при составленіи ихъ авторъ ихъ старался имѣть подъ руками готовые образцы, которыми и пользовался, гдѣ нужно, до буквальной точности. Выводы эти, давая намъ полное право заподозрить авторскую самостоятельность митрополита Фотія по отношенію къ этимъ поученіямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаютъ и дальнѣйшему изслѣдованію и изученію его проповѣдей ясную и опредѣленную задачу, именно: попытаться найти и указать первоисточники его поученій и такимъ образомъ подтвердить несомнѣнными доказательствами сдѣланное предположеніе объ отсутствіи въ немъ авторской самостоятельности.

II.

Второй разрядъ проповѣдей митрополита Фотія составляютъ два поученія его на воскресныя евангельскія чтенія, именно: въ недѣлю мясопустную и въ недѣлю блуднаго сына. Какъ по внѣшнимъ своимъ качествамъ, такъ и по внутреннему характеру поученія эти рѣзко отличаются отъ предъидущихъ. Тамъ отсутствіе живой мысли и общія мѣста, здѣсь ихъ почти вовсе нѣтъ. Тамъ мысли нанизываются одна на другую безъ внутренней связи, здѣсь они развиваются органически и текутъ легко и плавно, какъ выраженіе личныхъ убѣжденій и воззрѣній ихъ автора. Оттого тамъ все въ высшей степени натянуто, здѣсь все естественно. Нѣтъ въ тѣхъ словахъ и объединяющаго начала, здѣсь же такимъ началомъ служатъ дневныя евангельскія чтенія. На нихъ непосредственно основывается содержаніе по-

ученій, ими же обусловливается какъ общій ихъ планъ, такъ и расположеніе отдѣльныхъ частей. Все это сообщаетъ рассматриваемымъ поученіямъ характеръ простоты и безыскусственности и приближаетъ ихъ къ типу гомилій древней христіанской церкви ¹⁾. Такому общему характеру этихъ поученій соотвѣтствуютъ и частности. Здѣсь встрѣчаешь уже не сухія и безсодержательныя фразы, какъ въ словахъ предъидущихъ, но ясный и отчетливый анализъ мысли, живое чувство и глубокое проникновеніе въ смыслъ Св. Писанія. Въ соотвѣтствіе этому и языкъ ихъ отличается наибольшою силою, ясностію и опредѣленностію, и не лишень по мѣстамъ даже нѣкоторой живости, картинности и художественности въ изображеніи священныхъ событій. Таково на примѣръ изображеніе картины страшнаго суда изъ поученія въ недѣлю мясопустную: «о страшный день онъ втораго пришествія Христова и будущаго суда! и ужасно намъ оно судище и словоположеніе грознѣйшее, егда престолы поставлены будутъ, и книги разгнуты, и судіа сядетъ нелицемѣренъ и тмы тмами ангелъ дориносимъ; тогда трубы возгласятъ великимъ гласомъ, отъ святыхъ ангелъ вдохновенни бывше, тогда небеса погнѣнутъ и състави (стихія) вси изгораемы изстають, и будетъ небо ново и земля нова, и вся земная обновятся и единѣмъ возрастомъ вси будутъ, и все естество человѣчье об-

¹⁾ Вотъ для примѣра общій планъ поученія въ недѣлю блуднаго сына. Поученію предпосылается приступъ, въ которомъ проповѣдникъ разсуждаетъ о томъ, какъ Богъ долготерпѣливъ и многомилостивъ ко всѣмъ людямъ, въ особенности къ грѣшникамъ, какъ онъ щадитъ иногда предковъ, ради имѣющихъ провозйти отъ нихъ потомковъ и т. п. Послѣ приступа слѣдуетъ изъясненіе по порядку евангельской притчи о блудномъ сынѣ. Общая мысль поученія формулируется такъ: «сія притча указываетъ и являетъ силу покаанія грѣшникомъ и величество человеколюбія Божіа... Человѣка убо нарицающа и глаголюща человеколюбца Отца и Бога, два же сына двою чинъ человѣческихъ, праведныя и грѣшныя». Соотвѣтственно этой главной мысли сдѣланы и частнѣйшія изъясненія подробностей притчи.

наженс, и нелицемѣрному судіи предстанеть, и ангели его окрестъ престола страшнаго со страхомъ и трепетомъ стояще, пламенни по видѣнію, огнемъ мучительнымъ блистающе, огонь зряще, огонь испускающе, огонь дышуще; и къ симъ вся тварь земнаа и небеснаа; и къ симъ всѣхъ насъ дѣланія обнажатся и съкровеннаа вся наша открыются, якоже всѣмъ намъ не знати другъ другу грѣхы, якоже каждый своя книги совѣсти своей прочитати. Но кто истерпѣти можетъ страшную ону и праведную судіи тяготу, полну сущу гнѣву и ярости, исполнь плача и вопля и кричанія и горести и ужаса и страха и трепета и терзанія. Тогда бо вся видимыхъ тварь колеблющися будетъ. Страшенъ бо, рече, день Господень, горекъ и жестокъ день гнѣва онъ, день скорби и нужди, день тмѣ и невѣдѣнія, день трубный и вопля, и оскорбляеми челоуѣци изыдутъ, якоже слѣпѣи, понеже Господеви согрѣшиша, и въ огни его изжжена будетъ вся земля; яко скончаніе сѣтворитъ Господь вседержитель на вся живущаа на земли. И чтоже сѣворимъ тогда, иже въ многѣхъ грѣсѣхъ повинни челоуѣци, и гдѣ избѣжимъ мукъ братіе? Тамо бо тма кромѣшнаа, и скрежетъ зубный и юзы нерѣшимыа, червь неусыпающъ и огонь неугасимый, скорбь и тѣснота, горестъ и болѣзнь и въздыханіе едино токмо; тамо языкомъ пряженіе и тамо стражи и муки вѣчныа» и пр. ¹⁾.

Такія свойства этихъ поученій митрополита Фотія, столь рѣзко отличающія ихъ отъ предыдущихъ, усиливаютъ сдѣланное нами предположеніе объ отсутствіи въ немъ авторской самостоятельности. Въ самомъ дѣлѣ, если тѣ поученія служатъ типическимъ выраженіемъ его авторскихъ пріемовъ, въ такомъ случаѣ этихъ ему приписать нельзя, и наоборотъ. Если же извѣстно, что тѣ

¹⁾ Прав. Собес. 1860 г., т. III, стр. 98—100.

и другія принадлежать одному и тому же автору, то чѣмъ же объяснить такъ рѣзко бросающееся въ глаза ихъ различіе между собою и по содержанію и по формѣ? При неувѣренности въ самостоятельности ихъ автора, различіе это, конечно, проще всего и естественнѣе объяснить различіемъ тѣхъ источниковъ, которыми въ данномъ случаѣ онъ пользовался. Остается только подтвердить это заключеніе положительными и несомнѣнными указаніями. Гдѣ же искать этихъ указаній?

Самый характеръ разсматриваемыхъ поученій, приближающій ихъ къ типу гомилій древней христіанской церкви, уже ясно указываетъ на тѣ источники, которыми могъ пользоваться нашъ проповѣдникъ: ихъ надобно искать въ проповѣдническихъ и истолковательныхъ произведеніяхъ отцевъ церкви. Дѣйствительно разсматриваемыя поученія Фотія носятъ на себѣ слѣды вліянія толкованій Златоуста, главнымъ же образомъ Теофилакта Болгарскаго, которому онъ не только подражаетъ въ порядкѣ расположенія мыслей, но даже повторяетъ его и въ частностяхъ, и болѣею частію буквально. Оба эти поученія, за исключеніемъ приступа и нравственныхъ приложеній, почти буквально сходны съ толкованіями Теофилакта ¹⁾. По всей вѣроятности

¹⁾ Не измѣняя почти совсѣмъ текста настоящаго изслѣдованія и оставляя его въ его первоначальномъ видѣ, здѣсь я долженъ сдѣлать поправку. Когда, послѣ напечатанія этого изслѣдованія въ академическомъ журналѣ, я впоследствии болѣе ознакомился съ древне-русскою проповѣдническою литературою, то узналъ, что первоисточникомъ для Фотія былъ не Благовѣстникъ, но Учительное Евангеліе константинопольскаго патріарха Филоея, въ славянскомъ переводѣ извѣстное болѣе подъ названіемъ воскреснаго толковаго Евангелія. Поученія въ недѣлю мясопустную и въ недѣлю блуднаго сына, а также и поученіе въ недѣлю Православія, первоисточника котораго при написаніи настоящей статьи я совсѣмъ не могъ указать, переведены всѣ, съ болѣшими или меньшими измѣненіями и отступленіями отъ подлинника изъ названнаго Учительнаго Евангелія патріарха Филоея. Отступленія есть и въ приступахъ, но преимущественно въ заключеніяхъ. Но и эти отступленія у проповѣдника болѣею частію также

Фотій пользовался при этомъ греческимъ подлинникомъ, потому что славянскіе списки переводовъ Благовѣстника не восходятъ раньше XVI вѣка ¹⁾; притомъ же для него, при его плохомъ знаніи славянскаго языка, удобнѣе было пользоваться текстомъ подлинника. Проповѣдникъ не всегда въ точности слѣдуетъ подлиннику, но дѣлаетъ по мѣстамъ отступленія отъ него. Но отступленія эти—иногда простая перефразировка, а иногда—также заимствованія изъ другихъ подходящихъ сочиненій. Такъ въ недѣлю мясопустную рядомъ съ заимствованиями изъ Благовѣстника встрѣчаются параллельныя мѣста и изъ бесѣдъ Златоуста. Поелику самый Благовѣстникъ въ большинствѣ случаевъ составляетъ сокращеніе толкованій Златоуста, то Фотій, естественно, могъ пополнять его его же первоисточникомъ. Что касается до поученія въ недѣлю блуднаго сына, то оно больше сокращаетъ подлинникъ, чѣмъ пополняетъ его. Объясненіе притчи о блудномъ сынѣ у Теофилакта заключаетъ въ себѣ по мѣстамъ отвлеченно-философскія разсужденія. Всѣ такія разсужденія въ своемъ поученіи Фотій опускаетъ, вѣроятно, потому, что считалъ ихъ неудобными для предложенія народу съ церковной кафедры. Такъ, напр., объясняя вмѣстѣ съ Теофилактомъ слова притчи: *отъиде во страну далече и ту расточи имѣніе свое, живый блудно*, въ томъ смыслѣ, что удаленіе отъ Бога приводитъ человѣка къ гибели, митрополитъ Фотій непосредственно послѣ этого переходитъ къ объясненію дальнѣйшихъ словъ притчи. Между тѣмъ въ Благовѣстникѣ упомянутая мысль изъясняется еще въ

не свои. Въ текстѣ статьи я не измѣняю здѣсь ничего въ виду того, что Благовѣстникъ былъ первоисточникомъ для Филоея, такъ что все то, что говорится тамъ въ примѣненіи къ Фотію, можетъ быть отнесено къ Филоею.

¹⁾ См. предисловіе къ 1-му тому Благовѣстника. Казань. 1855 г., стр. 34.

слѣдующихъ подробностяхъ: «итакъ неудивительно, что онъ расточилъ имѣніе. Ибо добродѣтель имѣетъ одинъ предѣлъ и есть нѣчто единое, а злоба многочастна и производитъ много соблазна. Напримѣръ, для мужества одинъ предѣлъ, именно, какъ, когда и на кого должно употреблять гнѣвъ; а злобы два вида: страхъ и дерзость. Видишь ли, расточается разумъ и единство добродѣтели погибаетъ? Когда это имѣніе расточено, и человѣкъ не живетъ ни по разуму, то есть, по естественному закону, ни послѣдуетъ закону писанному, и пророковъ не слушаетъ, тогда наступаетъ для него голодъ сильный, не голодъ хлѣба, но голодъ слышанія слова Божія (Амос. VIII, 11). И онъ начинаетъ лишаться» ¹⁾... Всѣ такія подробности Фотій оставляетъ, и вообще, не расходясь съ Теофилактомъ въ общемъ толкованіи смысла притчи, замѣтно стремится по мѣстамъ къ тому, чтобы упростить его толкованія и сдѣлать ихъ болѣе удобными и легкими для усвоенія. Эта разность пріемовъ легко объясняется разнообразными цѣлями того и другого. Фотій имѣетъ въ виду главнымъ образомъ назиданіе слушателей и сообразно съ этою цѣлію развиваетъ свои мысли. Теофилактъ же наблюдаетъ преимущественно систематичность и послѣдовательность изложенія. Оттого случается, что первый развиваетъ иногда подробно ту мысль, которая у послѣдняго только кратко указывается. Такъ Теофилактъ выражаетъ мысль, что когда грѣшникъ, удалившійся отъ Бога въ дальнюю сторону, расточаетъ имѣніе свое, т. е. добродѣтель, тогда наступаетъ для него голодъ духовный. Фотій развиваетъ эту послѣднюю мысль нѣсколько полнѣе и подробнѣе, а не довольствуется только простымъ указаніемъ ея, какъ Теофилактъ. Онъ говоритъ:

¹⁾ Благов. т. III, стр. 254—255.

«идѣже страха и закона Божія нѣсть, тамо гладъ великъ... Идѣже милость любви и правды нѣсть, тамо гладъ крѣпокъ. Идѣже цѣломудрія пшеница и чистотѣ грозды не ражаются, тамо гладъ крѣпокъ. Идѣже изобиліе дѣланіемъ лукавымъ, тамо оскудство и нищета добродѣтелей и благыхъ дѣлъ...» Потомъ проповѣдникъ дѣлаетъ практическое приложеніе этой мысли, приглашая своихъ слушателей къ покаянію, «яко да не гладъ постигнетъ и умертвитъ нашихъ душъ» ¹⁾. Дальнѣйшія изъясненія Фотія, отличаясь въ своемъ подробномъ раскрытіи отъ толкованій Теофилакта, въ сущности все же вполне сходятся съ ними. По тому и другому толкованію жители страны той, т. е. отдаленной отъ Бога, суть бѣсы, свиньи означаютъ разнообразныя пороки: блудъ, чревоугодіе, лихоимство, пьянство и т. п.; рожецъ, производящій на вкусъ ощущеніе горькаго и сладкаго, есть грѣхъ, который на время услаждаетъ, а потомъ мучитъ на вѣки, или какъ выражается Фотій: «рождемъ нарицается всякъ грѣхъ, сладость имущи и неудобное нѣкое прожреніе сухотства, сладитъ бо временнѣ и мучитъ вѣчно» ²⁾ и т. д.

Такимъ образомъ въ разсматриваемыхъ поученіяхъ для современниковъ Фотія на русской церковной каедрѣ возродился въ собственномъ смыслѣ духъ Златоуста и другихъ древнихъ отцевъ церкви. Ближайшимъ посредникомъ и проводникомъ этого духа въ поученіяхъ Фотія былъ блаженный Теофилактъ Болгарскій. Было бы впрочемъ несправедливо совершенно отрицать всякое личное участіе нашего проповѣдника въ этихъ поученіяхъ, несправедливо обезличивать его, какъ автора. Всѣ нравственныя приложенія, какъ въ поученіи въ недѣлю мясопустную, такъ и въ поученіи на недѣлю блуднаго

¹⁾ Прав. Собес. 1860 г., т. III, стр. 487—488.

²⁾ Тамъ же, стр. 489.

сына, запечатлѣны характеромъ современности и личныхъ убѣжденій митрополита Фотія, какъ человѣка извѣстной эпохи. Митрополитъ Фотій жилъ въ послѣднемъ столѣтіи седьмой тысячи отъ сотворенія міра. По всеобщему вѣрованію тогдашняго времени, съ окончаніемъ роковой седьмой тысячи, должна была послѣдовать кончина міра, а съ нею и страшный судъ. Наравнѣ со всѣми своими современниками въ эту близость кончины міра и страшнаго суда вѣровалъ и митрополитъ Фотій ¹⁾, что отразилось и на этихъ его поученіяхъ. Съ этой точки зрѣнія самый выборъ для всенародной бесѣды евангельскаго чтенія въ недѣлю мясопустную, повѣствующаго о страшномъ судѣ, могъ быть преднамѣреннымъ, такъ какъ отвѣчалъ интересамъ и запросамъ времени. Вслѣдствіе этого, конечно, поученіе въ недѣлю мясопустную пользовалось наибольшимъ почетомъ и уваженіемъ у современниковъ, и въ эту недѣлю читалось неоднократно въ церквахъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ надписанія ея, въ которомъ говорится: «Фотіа, митрополита кіевскаго и всея Руси, поученіе души полезно, еже *почитаемо* есть въ недѣлю мясопустную, благороднымъ и благовѣрнымъ княземъ» ²⁾ и пр. Кромѣ того, почти все нравственное приложеніе поученія въ недѣлю блуднаго сына, состоящее въ призываніи слушателей къ покаянію, мотивируется главнымъ образомъ также мыслию о близкой кончинѣ міра. Здѣсь проповѣдникъ время свое называетъ днями послѣдними ³⁾. «Се любиміи, говоритъ

¹⁾ Въ одномъ изъ своихъ поученій онъ говоритъ: сей вѣкъ мало-временный преходитъ, грядетъ ночь, житія нашего престаніе, когда никто уже не можетъ дѣлать. Седьмая тысяча совершается, осьмая приходитъ, и не преминетъ и уже никакъ не пройдетъ. Блаженъ, кто уготовалъ себя къ осьмой тысячѣ будущей и безконечной... См. Истор. русск. слов. Шевырева, т. III, стр. 339.

²⁾ Прав. Соб. 1860 г., т. III, стр. 97.

³⁾ По времени сему послѣднему... о нынѣшнихъ послѣднихъ днѣхъ и

онъ, яко конецъ лѣтомъ приближаяйся бѣ живота чело-
вѣческаго, яко сѣни преходящая и день послѣдній при-
спѣваяй, и аще яко конецъ покаяніемъ о всемъ чистымъ
и цѣломудреннымъ не обратимся, и посемъ что отвѣ-
щаемъ грозному и страшному и немздоимному судіи,
иже во злѣ и небреженіи жизнь проводившей, и Бо-
жіихъ наказаній всяческихъ не внимающе?.. *И по по-
слѣднему сему времени зрите знаменія послѣднихъ дній:*
встанетъ, рече, языкъ на языкъ, и царство на цар-
ство, и домъ на домъ и будутъ трусы на земли, и зна-
менія въ лунѣ и въ солнцѣ и въ звѣздахъ. И рече бо
самая истина Христосъ, предрекъ о нынѣшнихъ сихъ
послѣднихъ дній» ¹⁾. Современные проповѣднику на-
родныя бѣдствія еще болѣе утверждали его въ этой
вѣрѣ въ близость кончины міра. Почти постоянно смѣ-
нявшіе другъ друга голодъ, моровыя язвы, междоусоб-
ныя войны, набѣги татаръ должны были положить пре-
дѣлъ всякимъ сомнѣніямъ и невѣрію. Подобное несчаст-
ное стеченіе обстоятельствъ и во всѣ времена обра-
щало обыкновенно мысль христіанскихъ народовъ къ
представленіямъ о близости страшнаго суда, здѣсь же
они совпадали еще съ роковою седьмою тысячею, что
давало возможность нашему проповѣднику съ непоколе-
бимою увѣренностію утверждать, что міръ доживаетъ
послѣдніе свои дни: *«самая истина Христосъ пред-
рекъ о нынѣшнихъ сихъ послѣднихъ дній»*, и въ не-
счастливыхъ обстоятельствахъ времени видѣтъ исполненіе
предреченныхъ Господомъ *знаменій послѣднихъ дній*.
Тѣже самыя бѣдствія подають ему поводъ къ нравствен-
нымъ наставленіямъ и въ поученіи въ недѣлю мясопуст-
ную. Только здѣсь они разсматриваются не какъ зна-

т. п. фразы часто употребляются Фотіемъ. Онѣ встрѣчаются и въ по-
ученіяхъ его на праздники.

¹⁾ Прав. Соб. 1860 г., т. III, стр. 496—497.

менія послѣднихъ дней, а какъ наказаніе Божіе за грѣхи.
Изобразивши страшную участь, ожидающую грѣшни-
ковъ на послѣднемъ судѣ, митрополитъ Фотій, какъ и
въ поученіи на недѣлю блуднаго сына, призываетъ сво-
ихъ слушателей къ очищенію грѣховъ посредствомъ по-
каянія, и при этомъ указываетъ на современныя бѣд-
ствія, какъ на неоспоримое доказательство ихъ грѣхов-
ности. «И молю вы, говоритъ онъ, и о сихъ всѣхъ, о
еже бывшихъ належащихъ на ны Божіихъ прещеній и
яроги, предваримъ нынѣ въ исповѣданіи страшнаго
того судіи покаяніемъ и всяческими благими дѣтелями;
поне бо тое надлежащее на ны Божіе наказаніе бывшее
не новоявленно бысть, но отъ древняго начальства (на-
чала) челоувѣческаго рода тако бывающе бысть. Земли убо
которѣй согрѣшившей, и по гнѣву своему наводитъ Богъ
таковыя казни, ли смертію, ли голодомъ, ли попущеніемъ
нещаднымъ поганныхъ, ли вредомъ, ли гусеницею, или
иными всяко казнями» ¹⁾. Подобныя наставленія, вызы-
вавшіяся дѣйствительными событіями и отвѣчавшія при-
томъ внутреннему душевному настроенію слушателей,
несомнѣнно должны были производить сильное впечат-
лѣніе на современниковъ.

III.

Въ бесѣдахъ на воскресныя евангельскія чтенія жи-
вое отношеніе митрополита Фотія къ потребностямъ вре-
мени сказалось въ отрывочныхъ наставленіяхъ по слу-
чаю современныхъ ему народныхъ бѣдствій. Но этимъ
однимъ не могло ограничиться выраженіе его живой
связи съ своею паствою. Бѣдствія народа были часты

¹⁾ Прав. Соб. 1860 г., стр. 109. Въ этомъ заключеніи по-
ученія со словъ: «земли убо» повторяется лѣтописное размышленіе о
казняхъ Божіихъ. См. выше, стр. 286—289.

и ужасны; нравственное настроеніе общества и самого проповѣдника было тревожное; состояніе умовъ было таково, что всѣ, даже и самъ митрополитъ, видѣли въ несчастныхъ обстоятельствахъ времени «знаменія послѣднихъ дней». Было бы въ высшей степени странно, если бы при такихъ обстоятельствахъ первенствующій пастырь церкви, нравственный вождь и руководитель народа, закрылъ уста свои, чтобы не говорить. Странно было бы, если бы онъ ограничился въ этомъ случаѣ и одними отрывочными наставленіями. Митрополитъ Фотій дѣйствительно не ограничился этимъ однимъ; онъ не остался глухъ и нѣмъ при видѣ бѣдствій и страданій народа. Дошедшія до насъ его три поученія «о казняхъ Божіихъ» служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ его живого и сочувственнаго отношенія къ нуждамъ и страданіямъ своей паствы съ одной стороны, и отраженіемъ его вполне правильнаго пониманія своихъ обязанностей пастыря-учителя съ другой ¹⁾. Поученія эти, существенно отличаясь отъ предъидущихъ, составляютъ третій классъ проповѣдей митрополита Фотія.

Главною чертою, отличающею эти поученія отъ разсмотрѣнныхъ нами прежде, служить ближайшее и непосредственное отношеніе ихъ содержанія къ запросамъ и потребностямъ времени. Это отличительная особенность поученій Фотія о казняхъ Божіихъ, которой нѣтъ ни въ словахъ его на праздники, ни въ бесѣдахъ на воскресныя евангельскія чтенія. Мы видѣли, что въ первыхъ нѣтъ почти никакихъ указаній на современную проповѣднику жизнь, въ послѣднихъ же хотя и встрѣ-

¹⁾ На тему о казняхъ Божіихъ написано также посланіе м. Фотія къ литовскому народу, напечатанное въ I т. Дополн. къ акт. ист. подъ № 183. По содержанію своему оно весьма сходно, во многихъ мѣстахъ даже и буквально, съ поученіями о казняхъ Божіихъ.

чаются такія указанія, но только отчасти. Вслѣдствіе этого поученія о казняхъ Божіихъ, сравнительно съ тѣми, имѣютъ больше интереса, и не только съ литературной, но даже и съ исторической стороны. Въ нихъ, какъ и во всѣхъ, запечатлѣнныхъ жизненнымъ характеромъ произведеніяхъ, встрѣчается не мало краснорѣчивыхъ описаній и художественныхъ картинъ. Бичъ времени—голодъ, засуха и моровыя язвы — проходитъ здѣсь предъ взорами читателя въ яркихъ и живописныхъ образахъ. Самъ проповѣдникъ является человѣкомъ живымъ, съ душою поэтически нѣжною, способною къ благороднымъ, человѣчнымъ движеніямъ. Онъ глубоко пораженъ несчастіями времени, страдаетъ вмѣстѣ съ своею паствою и горько оплакиваетъ постигшія ее ужасныя бѣдствія. Все это, естественно, кладетъ неотразимую печать вліянія и на самыя литературныя достоинства этихъ поученій. Они отличаются цѣльностью и законченностію содержанія, ихъ проникаетъ одна общая идея, написаны они языкомъ сильнымъ и энергичнымъ; такъ что при чтеніи ихъ невольно уносишься мыслию къ временамъ древнимъ, къ временамъ могучаго слова знаменитыхъ отцевъ-проповѣдниковъ четвертаго вѣка. Такое впечатлѣніе въ особенности производитъ поученіе о бездождіи. Это произведеніе образцовое въ области проповѣднической литературы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по своимъ непосредственнымъ отношеніямъ къ современной жизни, оно можетъ служить и драгоцѣннымъ памятникомъ для исторіи. Не даромъ профессоръ Шевыревъ въ изслѣдованіи своемъ о литературныхъ произведеніяхъ митрополита Фотія увлекся этимъ поученіемъ. Онъ посвящаетъ разсмотрѣнію его нѣсколько страницъ, передаетъ почти все его содержаніе, выписываетъ изъ него всѣ мѣста, наиболѣе отмѣченныя, по его мнѣнію, печатью времени, и, указывая на встрѣчающіяся въ немъ

художественныя картины ¹⁾), видитъ въ этой художественности и пластичности образовъ несомнѣнное доказательство того, что Фотій былъ очевидцемъ описываемыхъ имъ событій ²⁾). Весьма понятно это увлеченіе живымъ литературнымъ памятникомъ, *приписываемымъ* русскому святителю, въ изслѣдователѣ родной литературы. Для Шевырева же поученіе о бездождіи было истиннымъ сокровищемъ и по другимъ причинамъ. Въ немъ онъ болѣе, чѣмъ въ другихъ поученіяхъ и посланіяхъ митрополита Фотія, могъ находить опоры для своего симпатичнаго и похвальнаго отзыва о достоинствахъ его литературныхъ произведеній.

Для такого отзыва это поученіе представляетъ дѣйствительно много данныхъ. И Шевыревъ былъ вполнѣ правъ, восторгаясь его литературными достоинствами; онъ былъ правъ, относясь съ полною симпатіею и къ автору его. Но онъ ошибался, считая это поученіе принадлежащимъ Фотію, какъ автору. Его восторгъ и симпатія относилась къ автору *мнимому*, а не къ дѣйствительному. Если бы это поученіе было плодомъ самостоятельной авторской работы нашего проповѣдника, оно могло бы служить украшеніемъ нашей бѣдной древнерусской проповѣднической литературы. Оно занесло бы и имя Фотія въ рядъ замѣчательныхъ и первостепенныхъ именъ въ исторіи древне-русскаго проповѣдничества, если бы дѣйствительно принадлежало ему. На самомъ же дѣлѣ поученіе это въ главной и существенной своей части не произведеніе Фотія, а простой дословный переводъ съ греческаго подлинника; а истинный авторъ его св. Василій Великій. Оригиналomъ для нашего по-

¹⁾ Таковы напр. описанія обнаженнаго поля, не имѣющаго колосьевъ, описанія страданій земледѣльца, горько сѣтующаго при видѣ этого поля съ одной, и своего голоднаго семейства съ другой стороны.

²⁾ Ист. русск. слов. т. III, стр. 335—337.

ученія послужило одно изъ замѣчательнѣйшихъ его проповѣдническихъ произведеній, слово во время голода и засухи. Такимъ образомъ о всѣхъ лучшихъ поученіяхъ нашего проповѣдника можно сказать, что они не только *по духу*, но въ бѣльшей части и *по буквѣ* поученія строго святоотеческія. Въ бесѣдахъ въ недѣлю мясопустную и недѣлю блуднаго сына онъ предлагалъ своимъ слушателямъ св. Златоуста и главнымъ образомъ блаженнаго Теофилакта Болгарскаго ¹⁾), здѣсь, въ поученіи о бездождіи, онъ учитъ ихъ подлинными словами великаго кесарійскаго проповѣдника. Но какъ въ тѣхъ поученіяхъ ему принадлежала нѣкоторая доля своей компилятивной работы, такъ и здѣсь онъ заявляетъ также и о своемъ участіи въ составленіи поученія. Тамъ только это участіе было болѣе или менѣе удачное, здѣсь же оно сказалось вовсе не къ чести нашего проповѣдника.

Изъ подъ редакціи митрополита Фотія поученіе о бездождіи вышло какимъ-то двухсоставнымъ произведеніемъ. Представьте себѣ прекрасное зданіе, математически правильное, цѣльное, изящной архитектуры, зданіе совсѣмъ законченное, и на верху его совершенно не кстати поставленное другое, тоже цѣльное, зданіе, архитектуры самой простой и незатѣйливой, и вы будете имѣть самый вѣрный образъ поученія Фотія о бездождіи. Цѣльному и прекрасному оригиналу, принадлежащему къ типу такъ называемыхъ ораторскихъ словъ, онъ почему-то нашелъ нужнымъ предпослать совершенно къ нему не относящееся, и тоже въ себѣ самомъ цѣлое, изъясненіе евангельской притчи о челоуѣкѣ, *должномъ тмоу талантъ* (Матѣ. XVIII, 23—35), изъясненіе, по характеру своему принадлежащее къ типу гомилиі.

¹⁾ Златоустомъ и Теофилактомъ онъ пользовался здѣсь не непосредственно, но чрезъ Учит. Евангеліе Филовея. См. выше, стр. 328.

Такимъ образомъ поученіе о бездождіи по редакціи Фотія состоитъ изъ двухъ разнородныхъ, и не имѣющихъ между собою никакой связи, частей. Первую часть составляетъ указанное нами изъясненіе евангельской притчи, а вторую переводъ слова св. Василия Великаго во время голода и засухи. Первая часть также не имѣетъ самостоятельнаго характера. Она составляетъ переводъ бесѣды въ одиннадцатую недѣлю по Пятидесятницѣ изъ Учительнаго Евангелія патріарха Филовея ¹⁾, на что уже было указано выше (см. стр. 328).

Что касается до самаго перевода слова св. Василия, то онъ бѣльшею частію буквально повторяетъ свой подлинникъ, съ сохраненіемъ даже самой конструкции греческаго языка. Вотъ для примѣра небольшой отрывокъ подлинника и перевода:

Οὐρανὸν ὀρώμεν, ἀδελφοί, στε-
γανὸν, γυμνὸν καὶ ἀνέφελον, στυ-
γνὴν ἐμποιοῦντα τὴν αἰθρίαν ταύ-
την, καὶ καταλυποῦντα τῇ κα-
θαρότητι, ἣν λίαν ἐπιθυμοῦμεν
τὸ πρῶτον, ἥνικα ἂν ἐπὶ πολὺ σκε-
πασθῇς τοῖς νέφεσι, ζοφώδεις
ἡμᾶς καὶ ἀνηλίους εἰργάσατο. Γῆ
δὲ καταξηρανθεῖσα εἰς ἄκρον ἀηδὴς
μὲν ἐστὶν ὀφθῆναι, εἰς σχίσματα
διαρρήχθεισα, καὶ εἰς τὸ βάθος δε-

Небо зримъ, чада моа,
крѣпко сгустившееся, наго же
и безоблачно, дряхло творя-
ще воздуха сего и ведро-
стію что покрываемою и
желѣзо *желающе* *преже* ²⁾,
еже на многѣ помрачившуся
облаками, темны насъ и не-
свѣтлы содѣла. Земля же
иссохши въ конецъ, нена-
видна есть и измѣнена отъ

¹⁾ Евангеліе это въ концѣ XIV или началѣ XV вѣка было переве-
дено на славянскій языкъ. См. объ этомъ Евангеліи въ Описан. ркп.
Соловецкой библиот. т. I, стр. 695, 696 и 700. Казань. 1881.

²⁾ Здѣсь выходитъ безъ смысла. Смыслъ можно возстановить
только при помощи подлинника. Слѣдуетъ читать: юже зѣло желающе
преже. Переписчикъ переставилъ буквы з и л одну на мѣсто другой
и вышло и желѣзо желающе.

χομένην καταλυποῦσαν τὴν ἀκ-
τῖνα ¹⁾...

своеа красоты, неплодна су-
щи и *зальтъвниа* ²⁾ и изъ-
сохши разсѣдается и въ глу-
бину ея сіаніе солнечное вхо-
димо есть ³⁾...

Стремясь буквально повторять подлинникъ, нашъ проповѣдникъ, какъ показываетъ и приведенный отрывокъ, не всегда вѣрно передаетъ мысль его, что могло зависѣть главнымъ образомъ отъ его плохого знанія славянскаго языка. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ онъ позволяетъ себѣ иногда передѣлки, а иногда и сокращенія подлинника. Такъ поступаетъ онъ въ тѣхъ случаяхъ, когда картины жизни и собственныхъ отношеній проповѣдника по подлиннику оказывались неприложимыми къ его личной обстановкѣ, а также и къ обстановкѣ русской жизни. Такъ напр. св. Василиій Великій, богатый проповѣдническими трудами, могъ сказать своимъ слушателямъ: «дѣти мои, которыхъ родилъ я благовожденіемъ, которыхъ повилъ благословеніемъ своихъ рукъ» и пр. Митрополитъ Фотій видоизмѣнилъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: «чада моа, ихже ради Евангелія (т. е. чрезъ благовожденіе, διὰ τοῦ εὐαγγελίου, по подлиннику) породила ихже преже мене бывшей святіи величїи святителе они и ради благословенія (διὰ τῆς εὐλογίας) рукъ ихъ пеленами обвѣени бысте отъ нихъ». Нѣкоторыя картины, не соотвѣтствовавшія русской дѣйствительности, онъ совсѣмъ опускаетъ. Такъ опущены у него слѣдующія слова: «обильные и неизсыхающіе

¹⁾ Migne, Patrol. curs. compl., ser. graeca, saec. IV, t. XXXI, p. 305.

²⁾ Въ поученіи «рыданномъ» въ параллельномъ мѣстѣ читается такъ: неплодна сущи и зальдѣвающи, т. е. заростающая дикими травами. См. Прав. Собес. 1861 г., т. II, стр. 307.

³⁾ Прав. Собес. 1861 г., т. II, стр. 190.

источники у насъ оскудѣли, потоки большихъ рѣкъ до того изсякли, что малыя дѣти переходятъ ихъ на своихъ ногахъ, и женщины переправляются чрезъ нихъ съ ношами. Многимъ изъ насъ нечего пить, терпимъ недостатокъ въ самомъ необходимомъ для жизни. Мы новые израильтяне; намъ нуженъ новый Моисей и его чудодѣйственный жезлъ, чтобъ и нынѣ ударяемые камни удовлетворили потребности жаждущаго народа, чтобы чудныя облака источили людямъ необычайную пищу—манну» ¹⁾. За исключеніемъ этихъ весьма незначительныхъ измѣненій, во всемъ остальномъ поученіе о бездождіи неуклонно слѣдуетъ своему подлиннику.

Другія два поученія о казняхъ Божіихъ, весьма сходныя между собою, во многомъ сходны и съ поученіемъ о бездождіи. Во всѣхъ трехъ поученіяхъ начало составляетъ изъясненіе евангельской притчи о челоуѣкѣ, должномъ тмоу талантъ. Затѣмъ дѣлается переходъ къ обзорѣнію современныхъ бѣдствій, которыя изображаются бѣльшею частію словами поученія о бездождіи. Тема во всѣхъ одна и таже: изслѣдованіе причинъ повсюдной безурядицы и страшнаго разстройства: «Что убо бысть смущенія сего вина? Испытаемъ себѣ о семъ умъ имуще и яко словесни обыщемся», повторяютъ всѣ три поученія.

Теперь относительно главной и существенной задачи нашего изслѣдованія мы можемъ дать ясное и вполне отчетливое рѣшеніе. Причина разнохарактерности поученій митрополита Фотія лежитъ въ его авторскомъ безличіи. Смотря по тому, какимъ писателемъ пользовался онъ при составленіи того или другаго поученія, самое поученіе его принимало такую или иную фізіономію. Къ самостоятельнымъ работамъ онъ не

¹⁾ Твор. Вас. Вел. т. IV, стр. 122—123.

былъ подготовленъ. Изъ его біографіи не видно, чтобы онъ получилъ гдѣ нибудь систематическое образованіе. Все его умственное сокровище могло состоять только въ богословской начитанности; всѣ его знанія накаплились въ немъ такъ сказать путемъ наслоенія, не перерабатываясь въ его умственную плоть и кровь. Поэтому по своему развитію онъ стоялъ не выше простаго начетчика. Начитанность же его была обширная. Въ его поученіяхъ цитуются: Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Лѣствичникъ, Діонисій Ареопагитъ и др. Несомнѣнно, что его натура была живая и впечатлительная. Всѣ событія и обстоятельства времени находили откликъ въ его душѣ, и онъ спѣшилъ такъ или иначе отвѣчать на нихъ своимъ пастырскимъ словомъ. Каково было это слово, мы видѣли. Какъ слово чужое, оно теряетъ, по отношенію къ митрополиту Фотію, свое литературное и историческое значеніе, т. е. не можетъ служить памятникомъ времени; но при всемъ томъ оно всегда останется свидѣтельствомъ его пастырской ревности и заботливости.

Гомилетика Іоанникія Голятовскаго, въ связи съ характеристикой южно-русской схоластической проповѣди ¹⁾.

Русская гомилетика въ первый разъ появилась на югѣ Россіи и вызвана была тамъ особенными историческими обстоятельствами, въ которыхъ южная Русь находилась въ XVI и XVII вв. Послѣ татарскаго погрома, который произвелъ одинаковыя опустошительныя дѣйствія какъ въ сѣверо-восточной, такъ и въ юго-западной Руси, эта послѣдняя скорѣе и легче освободи-

¹⁾ Пробная лекція, читанная въ присутствіи профессоровъ и студентовъ Казанской духовной академіи 14 октября 1870 года.

лась отъ татарскаго владычества; но за то она подпала болѣе тяжкому, продолжительному и несносному владычеству литовско-польскаго католическаго государства. Тогда какъ на сѣверѣ Руси подъ владычествомъ татаръ православіе могло существовать и распространяться спокойно, не встрѣчаясь съ татарскою пропагандою, на югѣ оно, естественно, должно было войти въ столкновение съ западнымъ католицизмомъ, составившимъ господствующую религію въ литовско-польскомъ государствѣ. Католицизмъ, какъ доказываетъ вся исторія его, не мыслимъ безъ притѣсненія другихъ вѣроисповѣданій, безъ фанатической пропаганды, безъ упорнаго стремленія подчинить иновѣрныхъ лицъ духовному владычеству папы, если есть къ тому хотя малѣйшая возможность. Не остались свободными отъ католической пропаганды и православные сыны южной Россіи. Пропаганда эта стала особенно сильною и энергичною съ тѣхъ поръ, какъ водворились въ Польшѣ ревностные слуги папы, іезуиты. Вызванные въ 1564 году кардиналомъ Станиславомъ Гозыушемъ въ Брунсбергъ, они чрезъ пять лѣтъ открыли здѣсь первую свою школу ¹⁾ и скоро послѣ того одержали рѣшительный перевѣсъ надъ туземными учителями; и Рѣчь Посполитая, отказавъ имъ въ 1635 году въ учрежденіи школы въ Краковѣ, гдѣ уже существовалъ старѣйшій изъ польскихъ университетовъ, въ то же время не только подтвердила всѣ прочія іезуитскія школы въ Польшѣ и Литвѣ, но и приняла ихъ подъ особенное свое покровительство. Этого только и нужно было іезуитамъ, такъ какъ подобное постановленіе предавало въ ихъ руки все просвѣщеніе страны ²⁾, которымъ они владѣли очень долго. Вызванные въ Польшу съ единственною цѣлію

¹⁾ Отечеств. Зап. 1862 г. т. I, стр. 555.

²⁾ Ibid.

противодѣйствовать распространенію реформаціонныхъ идей, они, какъ истые сыны католицизма, не могли не простирать своихъ видовъ и на православныхъ сыновъ Россіи, бывшихъ въ польскомъ подданствѣ, стараясь или привлечь ихъ къ католичеству, или по крайней мѣрѣ къ пресловутой уніи. Завладѣвши для достиженія своихъ цѣлей столь могущественнымъ орудіемъ, каково воспитаніе юношества, іезуиты дѣйствительно стали въ скоромъ времени пріобрѣтать довольно значительные успѣхи. Отсутствіе учебныхъ заведеній въ юго-западной Россіи (школы при православныхъ братствахъ были плохи, да и притомъ имѣли специальное назначеніе готовить изъ воспитанниковъ церковнослужителей), необходимость для польскаго подданнаго въ знаніи латинскаго языка, наконецъ мода въ Польшѣ посылать своихъ дѣтей непременно въ іезуитскія школы, все это было причиною того, что шляхтичи изъ православныхъ стали отдавать своихъ дѣтей къ отцамъ іезуитамъ и не много прошло съ того времени, какъ большая часть молодого поколѣнія русской шляхты перешла въ католичество. Одинъ изъ современныхъ свидѣтелей успѣховъ іезуитовъ, сначала самъ православный, потомъ уніатъ, а подъ конецъ и рьяный католикъ, Кассіанъ Саковичъ, обстоятельно описываетъ причины переходовъ своихъ собратовъ въ папство: «дѣти русской шляхты, говоритъ онъ, учась въ школахъ, академіяхъ и коллегіяхъ католическихъ, привыкаютъ къ церковнымъ обрядамъ римской церкви, а вышедши изъ школы или опредѣляются въ военную службу, или поступаютъ во дворъ какого нибудь католическаго пана, и въ послѣднемъ случаѣ должны ходить съ паномъ въ костель; въ военной же службѣ принуждены участвовать съ товарищами и въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ, и въ ѣдѣ, а потомъ, привыкнувъ къ католическимъ

обрядамъ, отстаютъ отъ своихъ русскихъ и, вообще, на дворѣ ли у пана, въ военной ли службѣ, уже не любятъ, чтобъ ихъ называли русскими, такъ что имъ, по необходимости, надобно приставать къ католичеству. А еще когда кто изъ нихъ возьметъ себѣ жену польку, тогда самая разность въ постахъ и праздникахъ принуждаетъ русскаго до соединенія съ женою въ вѣрѣ, чему помогаетъ и ксензъ, навѣщающій свою овечку. Быть можетъ, на тотъ часъ случится и попъ, тогда ему, *простаку*, задается какой нибудь вопросъ, и попъ или не сѹмѣетъ на него возразить, а если и отвѣтитъ, то какой нибудь безсмыслицей, и попъ и панъ смущаются, а послѣдній, оглядѣвшись, дѣлается католикомъ, чему такъ много примѣровъ» ¹⁾. Такое положеніе дѣлъ не могло не тревожить ревностныхъ приверженцевъ православія. Со стороны ихъ является стремленіе, если не прямо противодѣйствовать, то по крайней мѣрѣ хотя ограждать православіе отъ вреднаго іезуитскаго вліянія. Таковыми ревнителями православія были Константинъ Острожскій, на собственныхъ сыновьяхъ своихъ испытавшій всю ловкость іезуитскаго ордена, и князь Курбскій. Послѣдній старался о распространеніи между православными твореній св. отцовъ восточной церкви и самъ перевелъ на русскій языкъ творенія Іоанна Дамаскина; совѣтывалъ православнымъ не слушать католическихъ проповѣдниковъ, избѣгать богословскихъ споровъ съ католиками, болѣе образованными, чѣмъ русскіе, не отдавать дѣтей въ училища, которыми завѣдывали іезуиты. Когда же возникшая унія (1596) оправдала предвидѣніе людей, подобныхъ Курбскому, тогда, съ усиленіемъ опасности для православія, необходимо было принять рѣшительныя мѣры къ противодѣйствию.

Мы уже говорили, что дѣти православныхъ шлях-

¹⁾ Отечест. Зап. 1862 г. т. I, стр. 265.

тичей, отдаваемые въ іезуитскія школы, очень легко дѣлались ренегатами. Но не одни только шляхтичи были увлекаемы въ папство въ юго-западной Руси XVII вѣка. Тѣ изъ немногихъ ученыхъ, которые тамъ отъ времени до времени рѣшались вступать въ литературную полемику съ іезуитами и считались потому подпорою православія, подъ конецъ стали измѣнять ему, каковъ напр. былъ полоцкій епископъ Мелетій Смотрицкій. Католики видѣли въ этомъ свое торжество и уже думали, что дѣло ихъ выиграно, но напрасно. Они никакъ не могли угадать, чтобы переходъ на ихъ сторону людей ученѣйшихъ и способнѣйшихъ изъ православныхъ, побудилъ послѣднихъ къ болѣе напряженной дѣятельности, къ новымъ усиліямъ противопоставить все болѣе и болѣе усиливающейся при посредствѣ іезуитскихъ школъ пропагандѣ свои собственныя училища, и такимъ образомъ воздвигнуть нравственный оплотъ, который могъ бы удержать вторженіе папства. Заведеніе училищъ и сопряженное съ нимъ распространеніе просвѣщенія являлись тѣмъ болѣе необходимыми, что враги православія въ своихъ нападкахъ на него касались болѣе всего недостаточности просвѣщенія въ юго-западной Руси и невѣжества тамошнихъ ученыхъ. Вышеприведенная выписка изъ Саковича показала намъ, до какой наглої откровенности доходили насмѣшки надъ русскимъ *попомъ-простакомъ*. Но мы встрѣчаемся еще съ болѣе ѣдкими и рѣзкими насмѣшками въ «Екзетезисѣ» Мелетія Смотрицкаго, направленномъ противъ «Антидота» Мужиловскаго ¹⁾. «Говоришь о своихъ, нишетъ Смотрицкій, обращаясь къ Мужиловскому, развѣ

¹⁾ Мелетій Смотрицкій, сначала ревнитель православія, сдѣлался потомъ противникомъ его. Въ своемъ сочиненіи «Апология» онъ впервые высказался уніатомъ. Противъ этой апологіи Андрей Мужиловскій написалъ «Антидотъ», на который Мелетій отвѣчалъ Екзетезисомъ, или расправою между апологіею и антидотомъ.

не имѣемъ также людей мудрыхъ и способныхъ? Знаю хорошо и безъ твоей, антидотистъ, похвальбы, что у васъ мудрыхъ людей и ученыхъ даже съ излишкомъ, только съ ихъ заботами, знаніями и мудростію народъ такъ тученъ отъ хлѣба Слова Божія, что едва въ силахъ пошевелиться для спасенія своей души. О несчастный, мудрый наставникъ! Гдѣ же слѣды мудрости вашей нынѣ и предковъ вашихъ въ прежнія времена? Чѣмъ хвалишься? Кѣмъ превозносишься? То-то мудрые твои проповѣдники народили тебѣ еретическихъ заблужденій! Еслибъ не римскія поученія, то не поспѣшилъ бы на каѳедру ораторъ и не имѣлъ бы чѣмъ разудивить всѣхъ софистъ. Цѣлуй Бессія, который научаетъ тебя произносить съ каѳедры: хорошо мнѣ извѣстно, что безъ него скрипѣли бы твои колеса, какъ у возницы безъ мазницы, а ты все-таки мудрецъ, да и твои всѣ. Одинъ на каѳедру съ Оссоріемъ, другой съ Фабриціемъ, третій съ Скаргою, а иные и съ другими проповѣдниками римской церкви, безъ которыхъ вы ни шагу, а все-таки, по вашему, эти наставники еретики, вы же, которые не можете безъ нихъ имѣть собственныхъ проповѣдей, вы православные!!..» и пр. ¹⁾ Замѣчательно, что люди, подобные Смотрицкому, видѣли причину невѣжества русскихъ именно въ православіи, смотрѣли на отсутствіе у нихъ образованности, какъ на Божіе недопущеніе. «Посмотри, пишетъ онъ въ томъ же Екзетезисѣ, что толку въ увеличеніи твоей іерархіи? Ничего, все по старому, нѣтъ ни школъ, ни порядку... Московскій монархъ также размножилъ свою іерархію, а какое отъ того нравственное улучшение? Никакого... Было изобиліе въ нашемъ русскомъ народѣ, есть оно и теперь въ московскомъ государствѣ, однако учрежденія школъ Господь Богъ не допускаетъ ни у васъ, ни въ Москвѣ, а

¹⁾ Отечеств. Зап. 1862 г. т. I, стр. 572.

если и завелись кое-гдѣ такія, то дымятъ онѣ, а не горятъ. Тамъ дѣти получаютъ только ту пользу, что изъ телятъ дѣлаются волами» ¹⁾). Понятно, что православные не могли оставаться равнодушными, слушая подобныя до дерзости насмѣшливыя нападенія, не могли оставаться бездѣтельными и не принимать мѣръ къ тому, чтобы уничтожить эти нападки въ самомъ ихъ основаніи. Вслѣдствіе этого явилась усиленная дѣятельность въ пользу учрежденія школъ и collegій и распространенія просвѣщенія между русскими, чтобы приобрѣсти такимъ образомъ крѣпкое оружіе для борьбы со врагомъ и защиты православія. Для этой цѣли братства устроили училища; въ храмахъ стало раздаваться живое слово церковной проповѣди. Вотъ напр. какія правила предлагаетъ подчиненному духовенству митр. кіевскій Іовъ Борецкій въ своемъ совѣтованіи о благочестіи (1621 г.): «возбуждать и готовить къ св. мученичеству какъ самихъ себя, такъ и сердца народа... Писать и печатать въ защиту благочестія книги... Въ церквахъ каждый воскресный и праздничный день должна быть проповѣдь. Учреждать по городамъ школы и пр.» ²⁾). Исторія показываетъ, что таковыя правила не оставались только на бумагѣ, но осуществлялись и въ жизни. Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ изданія Екзетезиса, самаго сильнаго изъ сочиненій Смотрицкаго по своимъ нападкамъ на недостатокъ просвѣщенія въ юго-западной Россіи, Петръ Могила (15 іюня 1631 г.) составилъ актъ, въ которомъ говоритъ: «видя въ православной церкви, по причинѣ неучености духовенства и необученія юношества, великій ущербъ для человѣческихъ душъ, и желая, по милости Божіей, съ Божіею помощію, по собственной моей волѣ отвратить такой великій ущербъ и

¹⁾ Ibid.

²⁾ Обзор. русск. дух. лит. Филар. стр. 255.

возвратить православію заблудшихся, я вознамѣрился завести школы для того, чтобы юношество было наставляемо во всякомъ благочестіи, благихъ нравахъ и свободныхъ наукахъ» ¹⁾).

Такимъ образомъ борьба съ католицизмомъ произвела въ юго-западной Руси благоприятныя слѣдствія, возбудивъ стремленіе къ распространенію просвѣщенія и заведенію школъ. Изъ этихъ-то школъ выходили сильные борцы и защитники православія противъ притязаній папства. По своему устройству и организаци, а также и по постановкѣ онѣ, особенно могилянскія, были настолько совершенны, что даже такой противникъ православія, каковъ былъ Кассіанъ Саковичъ, о школахъ, заведенныхъ Петромъ Могилою въ Кіевѣ и Гушчѣ, далъ такой отзывъ: «школы эти, если бы въ нихъ не преподавалось еретическихъ наукъ и отщепенства, со временемъ имѣли бы чѣмъ утѣшить Русь» ²⁾. Въ этихъ школахъ обучали языкамъ латинскому, славянскому и греческому, катихизису, арифметикѣ, пѣтикѣ, риторикѣ, философіи и богословію. Направление наукъ богословскихъ, по самому ходу историческихъ обстоятельствъ, должно было принять тамъ и дѣйствительно получило характеръ историко-полемиическій, который, естественно, вызывался настоятельною необходимостію со стороны православныхъ защищать свое дѣло и ученіе.

Но съ развитіемъ богословской полемики въ юго-западной Руси соединено было и развитіе проповѣди. Оба эти вида духовной словесности, появившись почти одновременно, имѣли одну и ту же цѣль: укрѣплять преданность православію и противодѣйствовать католикамъ. По словамъ Голятовскаго, поученія слагались столько же во славу Бо-

¹⁾ Отеч. Зап. 1862 г. т. I, стр. 578—579.

²⁾ Отеч. Зап. 1862 г. т. I, стр. 590.

жію и на спасеніе души, сколько на устроеніе вѣрныхъ и отпоръ еретикамъ. Лазарь Барановичъ назвалъ одинъ сборникъ своихъ проповѣдей «Мечемъ духовнымъ», «еже есть глаголѣ Божій на помощь церкви воюющей, изъ устъ Христовыхъ поданный». О проповѣди, какъ орудіи для защиты и нападенія, заботились въ самыхъ школахъ; наставникамъ кіевской коллегіи вмѣнено было въ обязанность заниматься по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ катихизическими бесѣдами и произнесеніемъ проповѣдей, для слушанія которыхъ собирались не одни воспитанники, но и посторонніе; риторика, послѣ богословія и философіи, пользовалась наибольшимъ почетомъ; правила сочинять духовныя поученія образовали особую науку—гомилетику. Возникла и особая должность «проповѣдниковъ», которую отправляли при соборахъ, монастыряхъ и братствахъ духовныя лица, получившія высшее образованіе. Они гордились этимъ названіемъ, какъ почетнымъ титуломъ, и выставляли его на изданіяхъ своихъ сочиненій. Многіе изъ нихъ пріобрѣли себѣ большую извѣстность: города и монастыри приглашали ихъ къ себѣ для проповѣдыванія. Всѣ почти лица, занимавшія высокія іерархическія мѣста, какъ напр. Стефанъ Яворскій и св. Димитрій Ростовскій, съ этого начинали свое поприще ¹⁾).

Итакъ, борьба съ іезуитами пробудила въ русскихъ желаніе устроить свои собственныя школы. Но школы эти не могли все-таки освободиться отъ польско-католическаго вліянія. Самое ихъ устройство, распорядокъ классовъ, кругъ преподаванія предметовъ, все это носило на себѣ слѣды чуждаго вліянія. Отсюда само собою ясно, что и направленіе южно-русской проповѣди должно было подчиниться также вліянію проповѣди

¹⁾ Истор. русск. слов. Галахова т. I, стр. 181.

польско-католической, противъ чего въ послѣдствіи сильно возставалъ Теофанъ Прокоповичъ. «Весьма ложное, говоритъ онъ, обуяло насъ мнѣніе, поелику мы нелѣпѣйшимъ образомъ думаемъ, что если не пойдемъ въ польскія гимназіи, т. е. въ фабрики испорченнаго краснорѣчія, то будто бы не можемъ приобрѣсть науки краснорѣчія» ¹⁾. Подобнымъ же образомъ въ Духовномъ Регламентѣ, излагая правила проповѣдникамъ Слова Божія, онъ, между прочимъ, совѣтуетъ изучать творенія Златоуста, какъ наилучшее руководство къ составленію чистѣйшихъ и яснѣйшихъ поученій, и затѣмъ прибавляетъ: «а кознодѣшниковъ легкомысленныхъ, каковыя наипаче польскіе бывають, не читать». Впрочемъ подобная зависимость южно-русской проповѣди отъ польско-католической была весьма естественна и, пожалуй, неизбѣжна. Доканчивая образованіе свое въ польскихъ іезуитскихъ школахъ, кіевскіе ученые невольно проникались тѣмъ духомъ, какой царилъ въ этихъ школахъ. Они слушали здѣсь уроки, приносили отсюда учебники и гомилетическія правила. Поелику же въ рассматриваемое нами время въ католическихъ школахъ былъ въ полной силѣ схоластицизмъ, то и южно-русская проповѣдь приняла направленіе схоластическое, отвлеченное и чуждое жизни. Въ основаніи большей части проповѣдей лежатъ такъ называемые *loci topici*. При построеніи ихъ авторъ обыкновенно отрѣшался отъ исторической и всякой живой дѣйствительности и крѣпко держался только за голыя логическія схемы и отвлеченныя логическіе приемы, разлагая общее понятіе, находящееся въ темѣ, на частныя и видовыя. Составленная такимъ образомъ проповѣдь могла быть произнесена съ небольшими измѣненіями въ какой угодно день и праздникъ. Доказатель-

¹⁾ Труд. Кіев. дух. ак. 1866 г. т. I, стр. 102—103.

ства этого мы сейчасъ увидимъ въ «наукѣ о зложеніи казаня» Голятовскаго.

«Наука албо способъ зложеня казаня» Іоанникія Голятовскаго составляетъ приложеніе къ сборнику его поученій, названному авторомъ «Ключъ разумѣнія». Книга названа «ключемъ», потому что ею отворяются, какъ говорится въ предисловіи, двери священникамъ къ поученію паствы, а посредствомъ поученій двери небесныя всѣмъ христіанамъ. Въ ней обстоятельно изложены правила касательно выбора темы, дѣленія слова на части, приисканія матеріала. Латинскіе термины показываютъ, что этотъ своего рода учебникъ составленъ по схоластическимъ руководствамъ, принявшимъ въ основаніе Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана.

«Наука о зложеніи казаня» раздѣляется на двѣ части: теоретическую и практическую. Въ первой, къ которой относятся также правила о составленіи проповѣдей надъ умершими, излагаются общія правила составленія проповѣдей. Во второй заключаются указанія, какъ пользоваться собственными проповѣдями Голятовскаго, находящимися въ «Ключѣ разумѣнія». Обѣ части равно интересны, а потому мы постараемся ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. «Кто хочетъ казанье учинити, говорится въ первой части, тотъ прежде всего долженъ выбрать изъ Свящ. Писанія еему, которая есть фундаментомъ всего казаня, потому что сообразно съ еемою, располагается все казанье, въ которомъ находятся три части: первая часть екзордіумъ, початокъ, въ которомъ казнодѣя, т. е. проповѣдникъ, дѣлаетъ приступъ къ тому, о чемъ хочетъ говорить, обозначаетъ слушателямъ предметъ своей проповѣди, или, по Голятовскому, пропозицію, т. е. предложеніе, и проситъ Бога и пречистую Дѣву о помощи и людей о слуханьѣ. Другая часть наррація, повѣсть; въ этой части проповѣдникъ говоритъ

людямъ о томъ, о чемъ общалъ говорить. Эта часть самая большая; въ ней заключается вся проповѣдь и всѣ остальные части къ ней стягиваются. Третья часть конклюдія, заключеніе. Здѣсь проповѣдникъ припоминаетъ то, о чемъ говорилъ въ narraціи и увѣщаетъ слушателей, чтобы они исполняли сказанное имъ. Всѣ эти части должны вытекать изъ темы и сливаться съ нею подобно рѣкѣ, сливающейся съ своимъ источникомъ, изъ котораго она беретъ свое начало.

Предложенный способъ зложенія казанія, говоритъ далѣе Голятовскій, найдешь во всѣхъ моихъ казаніяхъ, потому что каждое мое казаніе написано сообразно съ еемою; что есть въ еемѣ, то найдешь въ екзордіумѣ, и въ narraціи и въ конклюдіи, и въ каждомъ моемъ казаніи narraція согласна съ пропозиціею: что въ пропозиціи общалемъ мовити и показати, то въ narraціи мовилемъ и показалемъ».

Далѣе идутъ частнѣйшія наставленія о томъ, какіе приемы долженъ употреблять проповѣдникъ для легчайшаго составленія той или другой части проповѣди, для привлеченія слушателей къ проповѣди и т. п., при чемъ Голятовскій постоянно ссылается на свои проповѣди. «Если хочешь, можешь екзордіумъ учинити изъ примѣра или подобія; конклюдію также можешь учинити изъ подобенства якого, albo зъ прикладу. Екзордіумъ можешь часомъ написати, приписывая себѣ слабость и неумѣніе, когда собираешься говорить о чемъ нибудь великомъ, или хвалить кого великаго.

Есть и другій способъ зложенія казанія, треба роздѣлити еему на части въ narraціи, и каждую часть еемы особно повѣдати; такое у мене казане знайдется на воскресеніе Христова, въ которомъ еема: солнце возсіяетъ въ нощи, и луна трыщи на день, и каплетъ кровь отъ древа и камень дастъ гласъ свой. Тую всю

еому я раздѣлилъ на части въ narraціи, и каждую часть особно повѣдалемъ.

Если въ свято схочешь казаніе повѣдати, на томъ казаніи хвали того святаго, котораго въ той день празднують, припоминай его добрыя учинки, которые онъ мѣлъ живучи на свѣтѣ, якъ служилъ Богу и Церкви святой, що за Христа терпѣлъ, якіе чинилъ чуда, и теперъ якіе чинить» и пр.

Что касается до привлеченія людей къ слушанію, то Голятовскій совѣтуетъ общать показывать имъ въ проповѣди какую нибудь новую и дивную рѣчь. «Можешь такъ же, говоритъ онъ далѣе, привлечь людей до слуханья, толкуя какое нибудь имя, и можешь цѣлое казаніе изъ имени учинити; напр. въ день недѣльный прилично повѣдати, что Творецъ міра называется Богомъ или отъ богатства милосердія по слову апостола Павла: Богъ богатъ сый въ милости, или отъ богатства мудрости, по слову того же апостола: о глубина богатства премудрости и разума Божія. Слово «недѣля» происходитъ отъ «недѣланія», ибо воскресные дни нужно посвящать Богу, а не работѣ. Тотъ же способъ пригоденъ въ проповѣдяхъ на праздникъ какого либо святаго; напр. на св. Владиміра можешь сказать, что Владиміромъ онъ названъ потому, что владнулъ міромъ, свѣтомъ. Христофоръ значитъ Христоносецъ, потому что онъ постоянно носилъ Христа въ сердцѣ своемъ; на св. Василия можемъ сказать, что Василій значитъ царь; такъ какъ онъ въ своей земной жизни царствовалъ надъ страстями, а теперъ царствуетъ въ небесахъ. Николай—побѣдитель; такъ какъ онъ одержалъ побѣду надъ тремя врагами души: міромъ, тѣломъ и діаволомъ, и послѣ такой побѣды въ небѣ триумфуетъ». Послѣ такихъ и подобныхъ наставленій проповѣднику вмѣняется въ обязанность писать и говорить проповѣди такъ, чтобы

его всѣ понимали, чтобы элементъ научный въ проповѣди согласовался съ наукою Христовою, апостольскою, святыхъ отецъ и всей православной церкви.

Особенно любопытны наставленія о томъ, какъ привлекать и заохочивать людей къ слушанію проповѣди, которую проповѣдникъ предполагаетъ говорить въ будущій воскресный день или праздникъ. «Нужно знать, говоритъ Голятовскій, что проповѣдники, окончивъ проповѣдь, иногда имѣютъ обычай съ каѳедры приглашать людей на будущую проповѣдь, и обозначать при этомъ свои пропозиціи мудрыя и дивныя, иногда веселыя, иногда печальныя. Этимъ можно чрезвычайно пріохотить слушателей къ проповѣдямъ. Напр., если ты проповѣдывалъ на цвѣтную недѣлю и хочешь еще проповѣдывать на страсти Христовы, то, окончивши свою проповѣдь на цвѣтную недѣлю, скажи такъ: православные христіане! прошу и увѣщаю васъ, чтобы вы были благочестивы, въ церковь ходили, Богу молились, потому что на слѣдующей недѣлѣ будетъ страшный судъ. Сказавъ это, сойди съ каѳедры. А когда придутъ страсти Христовы, то на проповѣди положи ома такое: *Пилатъ же слышавъ се слово изведе вонъ Иисуса и спде на судищи.* Изъ этой омы учини казанье такое: православные христіане! въ цвѣтную недѣлю я сказалъ, что на сей недѣлѣ будетъ страшный судъ; а вотъ теперь и есть страшный судъ; потому что Пилатъ понтійскій и жида судятъ и готовятъ на смерть Христа Спасителя нашего. Страшный судъ будетъ въ послѣдній день, когда Христосъ Богъ будетъ судить всѣхъ людей; но и теперь тоже страшный судъ, потому что судить и осуждаетъ на смерть слуга Господина, твореніе Создателя, человѣкъ Бога и проч. А вотъ и другой примѣръ. Если бы ты говорилъ проповѣдь въ недѣлю XIV по Пятдесятницѣ, имѣя въ виду проповѣ-

дывать и въ недѣлю XV, то, окончивши первую проповѣдь, скажи: православные христіане! приглашаю вашу милость на слѣдующую недѣлю въ церковь; буду раздавать вамъ одежды, чтобы вы были охотны къ благочестію и къ слушанію Слова Божія. Сказавъ это, сойди съ каѳедры. А когда придетъ недѣля XV, положи на проповѣди ома такое: *друзе, како вшелъ еси стмо, не имый одѣянїя брачна,* и говори такъ: православные христіане! обѣщалъ я вамъ сегодня раздавать одежды; исполняю свое обѣщаніе; даю каждому изъ васъ одежду брачную, безъ которой никто не можетъ войти на бракъ небесный, упоминаемый у евангелиста Матѳея. Потомъ въ нарраціи добрыя дѣла называй брачною одеждою, и кто имѣетъ одежду изъ добрыхъ дѣлъ, тотъ можетъ дойти до неба и тамъ вѣчно веселиться со Христомъ»¹⁾ и проч. Пришедши на проповѣдь, составленную по такому рецепту, простосердечные слушатели, повѣрившіе на слово проповѣднику, разумѣется, должны были чувствовать себя очень обманутыми въ своихъ надеждахъ, получивъ вмѣсто одежды дѣйствительной одежду аллегорическую.

Кромѣ всѣхъ указанныхъ наставленій, проповѣднику рекомендуется еще принаравливать къ случайнымъ обстоятельствамъ времени, мѣста и пр. Особенно богатъ подобнаго рода указаніями отдѣлъ гомилетики, гдѣ трактуется о проповѣдяхъ надъ умершими. «Въ надгробныхъ проповѣдяхъ, совѣтуетъ проповѣднику Голятовскій, обращай вниманіе на гербъ умершаго. Если на гербѣ напр. есть врата, то говори о двухъ евангельскихъ вратахъ, широкихъ и узкихъ, и о томъ, что покойный шелъ узкими вратами, потому что любилъ добрыя дѣла, и такимъ образомъ достигъ неба. Обращай вниманіе и на

¹⁾ Ключ. разум. част. 1, лист. 241—246. Изд. Киевопечерской лавры 1659 г.

фамилію. Если напр. фамилія покойнаго Любомирскій, то можешь сказать, что онъ такъ назывался потому, что любилъ миръ, и другихъ склонялъ къ примиренію, слушающая словъ Христовыхъ: *блаженни миротворцы*. Обращай вниманіе и на имя, возрастъ, званіе и состояніе. Надъ священникомъ положи тему: *священники его облещу во спасеніе*; надъ воиномъ: *до смерти подвизайся по истинѣ, и Господь Богъ поборетъ по тебѣ*; надъ женщиною: *жена разумна блаженна есть*; надъ дѣвицею: *возлюби царь дѣвицу очима своими и обратитъ милость предъ нимъ*. Читай въ книгахъ и замѣчай себѣ: какъ долженъ жить священникъ? какъ воинъ? какъ женщина? какъ дѣвица? и доказывай, что покойники именно то соблюдали и исполняли, что требовалось ихъ званіемъ и состояніемъ. Обращай вниманіе на время кончины. Если кто умеръ въ понедѣльникъ, то говори, что Богъ для того взялъ его со свѣта въ понедѣльникъ, чтобы душу его проводили до неба ангелы, потому что понедѣльникъ есть день ангельскій. Обращай вниманіе и на мѣсто погребенія. Если тѣло умершаго погребается при церкви апп. Петра и Павла, то можешь говорить такъ: счастливъ умершій, что тѣло его погребено при церкви апп. Петра и Павла, потому что ап. Павелъ душу его на мытарствахъ освободить отъ злыхъ духовъ мечемъ, съ которымъ онъ изображается, а ап. Петръ отомкнетъ ему двери небесныя ключами, которые получилъ отъ Христа» и пр. ¹⁾.

Приведемъ еще разсужденія Голятовскаго объ источникахъ проповѣди. «Можетъ кто спросить, говоритъ онъ, гдѣ взять матеріалъ для составленія проповѣди, отвѣчаю: треба читати Библію, животы святыхъ, треба читати учителей церковныхъ, Василія Великаго, Григорія

¹⁾ Ключ. разум. I, 247—252.

Богослова, Іоанна Златоустаго, Аѳанасія, Теодорита, Іоанна Дамаскина, Ефрема и иныхъ учителей церковныхъ, треба читати гисторіи и хроники, треба читати книги о звѣрохъ, птахахъ, гадахъ, рыбахъ, деревьяхъ, травахъ, каменьяхъ и о различныхъ водахъ, которыя въ мори, рѣкахъ, источникахъ» и проч. ¹⁾.

Обращаясь къ проповѣдямъ Голятовскаго и другихъ южно-русскихъ проповѣдниковъ, мы дѣйствительно находимъ, что разныя хроники, бестіаріи, громовники и астрологическія басни весьма темнаго происхожденія доставляли значительный матеріалъ для проповѣдниковъ, любившихъ часто употреблять аллегоріи и разныя принаровленія и приспособленія. Возьмемъ для примѣра второе казанье Голятовскаго на Покровъ Пресвятыя Богородицы. Здѣсь авторъ изъ текста: *даны быша женѣ двѣ крыль* выводитъ такую пропозицію: «на тымъ казанью покажу пюра (перья), зъ которыхъ пречистая Дѣва крыла собѣ учинила, и оными до неба залетѣла», и затѣмъ перечисляетъ различныхъ птицъ, которыя по своимъ качествамъ достойны послужить своими перьями для крыль Богоматери. Такихъ птицъ насчитывается проповѣдникомъ 12: *орелъ*, о которомъ разсказывается, что онъ занесъ Авреліана изъ колыбели въ капище и положилъ на алтарѣ; *грибъ*, спереди подобный орлови, а стылу львови, и Пресвятая Дѣва имѣетъ двоякую натуру, материнскую и дѣвическую; *лебедь*, предъ смертію своею жалостно поющій, и пресвятая Дѣва предъ смертію была жалостною; *журавль*, чуткій, чтобы не предаться сну стоящій на одной ногѣ, а въ другой держащій камень и стерегущій своихъ товарищей; *бояцано* (утка), отличающаяся благодарностію своимъ родичамъ; *фениксъ*, воскресающій изъ мертвыхъ; *голубь*,

¹⁾ Ibid. л. 246 на обор.

вѣстникъ мира; *ласточка*, умѣющая находить зелье *хелдонъ*, которымъ открываетъ очи слѣпымъ своимъ дѣтямъ; *моноцодиатъ*, никогда не сажающийся на землю за неимѣніемъ ногъ, но прицѣпляющийся къ деревьямъ спиною; *алціонъ*, вьющій себѣ гнѣздо на морѣ и тамъ же выводящій дѣтей безъ всякаго вреда; *порфирионъ*, египетская домашняя птица, перестающая ѣсть и умирающая, какъ скоро совершается въ домѣ какойнибудь тяжкій грѣхъ; *харадрій*, птица, узнающая и своимъ видомъ дающая знать, выздоровѣетъ или умретъ больной человекъ ¹⁾. Въ проведеніи параллели между указанными качествами всѣхъ этихъ птицъ и добродѣтелями Богоматери и состоитъ вся проповѣдь. Любопытно наблюдать искусство, съ какимъ иногда проповѣдникъ дѣлаетъ эти принаровленія и приспособленія, приводящія иногда къ натяжкамъ весьма неестественнымъ и даже парадоксальнымъ. Напримѣръ, Антоній Радивилевскій въ первомъ своемъ словѣ на Воскресеніе Христово, проводя параллель и отыскивая аналогію между свойствами льва и свойствами Іисуса Христа, припоминаетъ басню объ ослѣ, львѣ и лисицѣ. Оселъ, хотѣвшій приравнять себя со львомъ, былъ имъ растерзанъ, а умная лисица, отдѣливши себѣ весьма немного, получаетъ похвалу отъ него; такъ, говоритъ проповѣдникъ, и Христосъ Спаситель гордыхъ наказываетъ, а смиренныхъ и любящихъ его награждаетъ ²⁾. И выходитъ такъ, что гордость нашла себѣ олицетвореніе въ ослѣ, а смиреніе, какъ христіанская добродѣтель, въ лисицѣ.

Представленное нами слово Голятовскаго показываетъ, что оно настолько же прилично можетъ быть произнесено на Покровъ Пресвятыя Богородицы, какъ во всякой другой Богородичный праздникъ. Оно могло

¹⁾ Ключ. раз. I, 189—197.

²⁾ Вѣнец. Христ. л. 4 и на обор.

быть произнесено и въ день какого угодно святаго. Для этого стоитъ только положенную въ немъ тему принаровить къ тому или иному святому. Подобнымъ характеромъ отличаются всѣ его проповѣди; во всѣхъ ихъ форма преобладаетъ надъ содержаніемъ; оттого они мертвы и безжизненны. Такую пригодность своихъ проповѣдей для всякаго случая признавалъ и самъ Голятовскій, какъ это видно изъ его наставленій, находящихся въ практической части его Гомилетики. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ. «Оба мои казанія на св. Георгія, говоритъ онъ, если хочешь, можешь сказать и въ день другого какого либо мученика; нехай будетъ таяжъ оема, тоежъ экзордіумъ, таяжъ наррація, таяжъ и конклюдія, только въ тымъ нехай будетъ одмѣна, гдѣ я припоминаю св. великомученика Георгія, тамъ ты припоминай св. Димитрія, албо св. Прокопія, албо св. Евстаѳія, албо иного мученика, котораго выхваляешь. Можешь также первое мое слово на св. великомученика Георгія сказать и въ недѣлю 13 по Пятдесятницѣ». Предложеніе въ этой проповѣди такое: отчего злые люди ненавидятъ добрыхъ. Чтобы принаровиться къ этому предложенію, онъ совѣтуетъ взять изъ Евангелія такой текстъ: *Емше дѣлатели рабы его оваго убо биша, оваго же убиша, оваго же каменіемъ побиха*. «Въ нарраціи повѣдай причины, для которыхъ злые люди добрыхъ ненавидятъ, для тыхъ же причинъ слугъ Божіихъ, апостоловъ, пророковъ и самого Христа Сына Божія ненавидѣли и забили. Экзордіумъ если хочъ мое и конклюдію мою, а если хочъ свое экзордіумъ учини и конклюдію свою придай своему казанію; тылко ужъ Георгія святаго минай, а що въ Евангеліи недѣльнымъ написано, тое повѣдай. Казанія на праздники Господскіе и Богородичные можешь одмѣнивши повѣдати въ день святаго якого. Напримѣръ, во второмъ моемъ казаніи на Срѣтеніе Господне

исчисляются разныя дорогія каменья, которымъ можно уподобить Христа; изъ тыхъ каменій дорогихъ можешь ты святому Николаю корону архіерейскую учинити. Ома нехай будетъ: *положилъ еси на главъ его вѣнецъ отъ каменни честна*. Въ narraции выличай тыи дорогіи каменѣ: карбункулъ, яспись, сафиръ, хризолитъ, берилль, ага-токъ, аметистъ, смарагдъ, топазій, магнитъ и натуру каждого камене аппликуй до св. Николая такъ, якъ я до Христа аппликовалемъ. Такъ же въ первомъ моемъ казанью на Успеніе исчисляются нитки, зъ которыхъ собѣ Пресвятая Дѣва шату (одежду) уткала; зъ тыхъ нитокъ можешь ты учинити шату святому Онуфрію, котораго нагого малюють. Ома положи такое: *Аще видѣши нага, одѣй*. Въ narraции выличай тыи нитки, лняную, шерстяную, шелковую и золотую, зъ которыхъ святой Онуфрій уткалъ себѣ шату и свойства каждой нитки такъ аппликуй до св. Онуфрія, якъ я до Пречистой Дѣвы аппликовалемъ» ¹⁾. Разумѣется, не всѣ же проповѣди были настолько общи и отвлеченны, чтобы могли быть произнесены во всякое время. Въ этомъ случаѣ Голятовскій совѣтуетъ проповѣднику принаровить его къ извѣстному случаю хотя бы сильными натяжками. «Казане въ день апостола якого, албо пророка, если можешь и въ день иного апостола, албо пророка повѣдати, повѣдай, но если тое казане другому апостолови, албо пророкови не квадруетъ, натягни его тамъ силою» ²⁾ и проч. Подобнаго рода наставленіями, какъ передѣлывать и принаравливать на разные случаи его проповѣди, наполнена вся вторая часть Гомилетики Іоанникія Голятовскаго.

Уже изъ однихъ этихъ наставленій, которыя могли имѣть значеніе только при схоластическомъ способѣ

¹⁾ Ключ. разум. II, 125—128.

²⁾ Ключ. разум. II, 125 на об.

построенія проповѣдей, можно понять характеръ и направленіе проповѣдей Голятовскаго и другихъ южно-русскихъ проповѣдниковъ. Съ формальной стороны они являются правильными и пожалуй стройными. Но если спросить, какія идеи въ нихъ проводились, какія убѣжденія сообщались слушателямъ, на это трудно будетъ отвѣчать. Духа не баше въ этихъ проповѣдяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую идею хотѣлъ провести проповѣдникъ, разбирая перья крыль Богоматери и вызывая на сцену разныхъ птицъ, даже и небывалыхъ? Можно сказать поэтому положительно, что если когда либо существовалъ отдѣлъ литературы, въ которомъ имѣло исключительное значеніе искусство для искусства, то это именно была схоластическая, и въ частности южно-русская проповѣдь. Въ этомъ отношеніи между свѣтскимъ и духовнымъ краснорѣчіемъ того времени существуетъ полная аналогія. Ораторская рѣчь приняла на себя тогда служебную и незавидную роль льстить сильнымъ міра сего и воскуривать оиміамы гербамъ и роду знаменитыхъ пановъ. Оттого, потерявъ жизненное свое значеніе и отклонившись отъ главнаго своего назначенія служить общественной пользѣ, она превратилась въ льстивыя панегирическія рѣчи, не приносящія никакой пользы. Такой же характеръ усвоило себѣ и духовное краснорѣчіе. Но лишившись жизненнаго интереса, оно начало принимать въ себя разные искусственные приемы, посредствомъ которыхъ южно-русскіе проповѣдники хотѣли придать своимъ проповѣдямъ хоть какой нибудь интересъ, чтобы дать своимъ слушателямъ возможность не скучать отъ ихъ краснорѣчивыхъ, но бесполезныхъ разглагольствій. Выше мы встрѣчались съ нѣкоторыми совѣтами Голятовскаго о средствахъ для заохочиванія слушателей. Но въ проповѣднической практикѣ встрѣчаются кромѣ того другіе приемы, служащіе для той же цѣли. Сюда относятся:

введеніе драматическаго элемента въ проповѣди, шути-ливый тонъ, народныя поговорки и пословицы и другіе *курьезы*, какъ называетъ Теофанъ Прокоповичъ подобныя приемы. При этомъ, особенно у польскихъ проповѣдниковъ, всѣ эти заботы о занимательности проповѣди доходили часто до такихъ размѣровъ, отъ которыхъ долженъ коробиться благоговѣйный слухъ самаго невзыскательнаго слушателя. Напримѣръ, Скарга, одинъ изъ могущественнѣйшихъ іезуитовъ, польскій придворный проповѣдникъ, въ одной проповѣди говоритъ: «кто Господа Бога любитъ, тотъ любитъ и ближняго, какъ Его образъ. Кто любитъ хозяина, говорите вы, тотъ и собакѣ его не противенъ. А ближній не собака, а образъ Божій не рукотворенный, но живой. И въ другомъ мѣстѣ: когда собака схватитъ какой нибудь кусокъ мяса, на нее кричатъ: кинь, кинь, и если не хочетъ, то палка выбьетъ это мясо изъ зубовъ ея. Такъ и смерть поступаетъ съ міролюбцами. Лучше не пристращаться къ тому, что должны будемъ оставить и чего не можемъ взять съ собой. Лучше, по голосу Евангелія и проповѣдниковъ, во-время бросить этотъ кусокъ мяса, чѣмъ ожидать палки и смерти». Подобное можно находить и въ южно-русской проповѣди. Напр., въ проповѣди на тему, что Богоматерь служитъ для насъ градомъ твердымъ, находимъ слѣдующее мѣсто: «говорятъ въ народѣ: смѣлѣе баба за стѣною, нежели рыцарь въ полѣ. Если мѣста, огражденные оплотомъ, придаютъ такую смѣлость, что одна баба можетъ ополчиться противъ десяти воиновъ, то сколь смѣлы должны быть тѣ, которые укрываются не за стѣнами деревянными, но за башнями и оплотами Пресвятыя Богородицы» ¹⁾. Подобныя приемы должны были приводить

¹⁾ Рукоп. для сел. наст. 1869 г. № 35, стр. 635.

въ негодованіе всякаго истиннаго любителя духовнаго просвѣщенія, обладающаго здоровымъ и неиспорченнымъ вкусомъ и пониманіемъ церковнаго краснорѣчія. Самымъ лучшимъ выразителемъ и представителемъ такого пониманія въ началѣ XVIII вѣка былъ Теофанъ Прокоповичъ. Онъ сильно возставалъ противъ указанныхъ проповѣдническихъ манеръ польскихъ «казнодѣишковыхъ», а вмѣстѣ съ ними слѣдовательно и южно-русскихъ проповѣдниковъ. Въ справедливыхъ его порицаніяхъ вмѣстѣ съ тѣмъ можно найти прекраснѣйшую характеристику всѣхъ недостатковъ современной ему проповѣди. «Самый обыкновенный недугъ нашего времени, говоритъ онъ, есть тотъ, который мы не безъ основанія назовемъ курьезнымъ слогомъ, потому что въ числѣ другихъ средствъ для пріобрѣтенія научной знаменитости ученые хвастуны особенно усвоили себѣ манеру говорить что нибудь удивительное, необыкновенное и неожиданное. Поэтому они выдумываютъ курьезныя, но совершенно вялыя и смѣшныя умствованія... Ибо что можетъ быть нелѣпѣе, наприимѣръ, такого оборота: одинъ проповѣдникъ, произнося похвалы Богородицѣ (если только онѣ достойны названія похвалъ), спросилъ слушателя: какъ ему кажется? почему во время всемірнаго потопа, когда всѣ бѣдныя животныя погибали, однѣ рыбы избѣжали этой гибели? Вотъ о чемъ онъ недоумѣваетъ и спрашиваетъ! И мужики (если бы нужно было) готовы были бы отвѣтить: неужели, любезный отче, тебѣ кажется удивительнымъ, что рыбы не погибаютъ въ водѣ? Но проповѣдникъ, какъ мужъ мудрый, не считаетъ для себя приличнымъ разсуждать такъ. Онъ отвѣчаетъ, что это случилось потому, что рыбы заключаются въ имени Богородицы; ибо Марія (Maria) по латыни созвучно съ словомъ море (mare) во множественномъ числѣ. О, остроуміе, не лучшее глупости

рыбъ!..». «Почти постояннымъ спутникомъ этой нелѣпости, продолжаетъ Прокоповичъ, бываетъ другая, не менѣе употребительная, состоящая въ дерзкихъ и непристойныхъ шуткахъ. Чтобы пересыпать солью свое сумазбродное пустословіе, проповѣдники постоянно и весьма дерзко шутятъ; шутками оскорбляютъ Бога, порочатъ Богородицу, беспокоятъ ангеловъ, извергаютъ хулу на святыхъ; откалываютъ также безчисленное множество другихъ самыхъ вялыхъ и жалкихъ остротъ... Въ проповѣди на Рождество Богородицы на слова Писанія: *Господь утверждаешя на лѣстницѣ* проповѣдникъ говоритъ: не крѣпко стоитъ эта лѣстница, не опирайся на нее, Господи Боже нашъ, потому что я такъ говорю: конецъ этой лѣстницы опирается на землю, и поддерживаетъ ее отъ паденія лежащій Іаковъ; а когда, Господи Боже нашъ, Іаковъ, разоспавшись, будетъ поворачиваться и качнетъ лѣстницу, то Ты, Господи, опираясь на эту лѣстницу, подвергнешься опасности. Въ проповѣди на Пасху объ юномъ ангелѣ, явившемся женамъ мѣроносицамъ, говоритъ: не лучше ли было провидѣнію Господа нашего послать ангела, посѣдѣвшаго въ лѣтахъ? Отъ дальнѣйшихъ объясненій, почему ангелъ украсился бѣлою одеждой, совершенно нужно краснѣть читателю; однако, чтобы показать гнусность безстыднаго велерѣчія, прошу позволенія оскорбить честный слухъ: «сказалъ Господь Богъ нашъ ангелу своему: пойдешь на землю и будешь говорить съ женщинами о возстаніи изъ мертвыхъ Сына моего; а ангелъ прибирается въ прекрасныя бѣлыя одежды: вѣроятно чрезъ это хотѣлъ умиливать женскія сердца и привлечь ихъ очи, потому что женщины съ удовольствіемъ смотрятъ, какой ангелъ какъ убранся; а если бы былъ и ангелъ въ сермягѣ, то не такъ уже понравился бы...». Что это, ради безсмертнаго

Бога, восклицаетъ Прокоповичъ, за новое и неслыханное краснорѣчіе! къ чему проповѣдникъ хочетъ быть такъ безтолково остроумнымъ? Такимъ ли способомъ ты убѣдишь слушателей въ истинѣ того, о чемъ говоришь? Подлинно, такую рѣчь нужно назвать, если не безуміемъ, то какъ нибудь иначе, а не краснорѣчіемъ» ¹⁾).

Подобные недостатки были естественнымъ слѣдствіемъ преобладанія формы надъ содержаніемъ проповѣди. Проповѣдникъ, приступая къ проповѣди, на первомъ планѣ имѣлъ въ виду не назиданіе слушателей, но систематичное распредѣленіе оемы, екзордіума, пропозиціи, нарраціи и конклюдіи, заботился, чтобы всѣ эти части «згожались съ оемою». Матеріалъ для пополненія этихъ формъ готовъ былъ въ разныхъ бестіаріяхъ, сказаніяхъ о птахахъ, травахъ, рыбахъ, въ разныхъ легендахъ и анекдотахъ. Въ случаѣ недостатка матеріала проповѣдникъ прибѣгалъ къ извѣстному «распространенію» посредствомъ «фигуръ, подобенствъ и прикладовъ, т. е. примѣровъ». Въ случаѣ нужды обращался и къ циркумстанціямъ: кто? что? на какомъ мѣстѣ? и пр. Такимъ образомъ хлопотъ было очень много. Не мудрено, что при этомъ ускользала главная цѣль проповѣди: назиданіе и наученіе слушателей истинамъ вѣры и благочестія. Кромѣ того, проповѣдникъ, какъ живой человѣкъ, могъ имѣть стремленіе оживить мертвый матеріалъ, почерпаемый имъ изъ разныхъ источниковъ; для этого разбавлялъ свои проповѣди разными курьезами, по выраженію Прокоповича.

¹⁾ Труд. Кіев. дух. акад. 1865 г., т. I, стр. 627—631.

APR 10 1911
7:00 PM
VA-1011

This book is due on the date indicated below, or at the expiration of a definite period after the date of borrowing, as provided by the rules of the Library or by special arrangement with the Librarian in charge.

C28(1140)M100

1010675841

An 88

MAR 20 1942

